

ШУБИН Владимир Геннадьевич – главный научный сотрудник Института Африки РАН, доктор исторических наук, профессор, почетный доктор Университета Западного Кейпа (ЮАР).

После окончания МГИМО был призван в Советскую армию, ветеран боевых действий. С конца 1960-х годов участвовал в оказании политической и практической помощи африканским национально-освободительным движениям, в частности в качестве секретаря Советского комитета солидарности стран Азии и Африки и руководителя группы (сектора) Международного отдела ЦК КПСС.

Награжден южноафриканским орденом Сподвижников О.Р. Тамбо (в серебре) «За выдающийся вклад в борьбу против апартеида и колониализма на Юге Африки».

ISBN 978-5-91298-269-9

9 785912 982699

В. Г. Шубин
ОТ КАИРА ДО КЕЙПТАУНА

В.Г. Шубин

ОТ КАИРА ДО КЕЙПТАУНА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АФРИКИ РАН

В.Г. Шубин

ОТ КАИРА ДО КЕЙПТАУНА
АФРИКА ГЛАЗАМИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

V.G. Shubin

FROM CAIRO TO CAPE TOWN
AS A RUSSIAN SAW IT

Москва

ИАФР РАН

2022

Ответственный редактор

доктор исторических наук А.Ю. Урнов

Рецензенты

доктор исторических наук С.В. Мазов

кандидат исторических наук Б.М. Горелик

В.Г. Шубин. От Каира до Кейптауна. Африка глазами русского человека. – М.: Институт Африки РАН, 2022. – 284 с. с илл.

Лозунг «From Cape to Cairo», появился на рубеже XX века как выражение стремления к расширению и укреплению колониального господства Великобритании в Африке. Но планы эти столкнулись с волной независимости, которая шла напротив, с севера континента на его юг.

Эта книга, написанная человеком, которому самому потребовалось 33 года, чтобы добраться от Каира до Кейптауна, представляет собой попытку рассказать, как Африка менялась в течение нескольких десятилетий, какую роль в этом играла наша страна.

На первой странице обложки: *фото Каира и Кейптауна взяты из открытых источников.*

ISBN 978-5-91298-269-9

© Институт Африки РАН, 2022

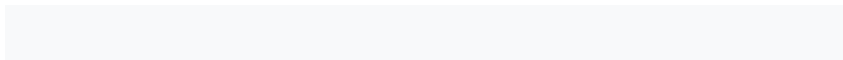
© Шубин В.Г., 2022

© Абишева Г.М., оформление, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Часть 1. «НЕСОКРУШИМАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ»	
Глава 1. «Попробуйте, товарищ полковник»	9
Глава 2. «И Красное море шумит...»	21
Глава 3. «Полевая академия»	44
Глава 4. «Десятка»	49
Глава 5. Два дня шестидневной войны	60
Глава 6. Операция «Ы»	69
Глава 7. Снова через Красное море	73
Часть 2. СОЛИДАРНОСТЬ	
Глава 8. Обратно на Кропоткинскую	83
Глава 9. Возвращение в Африку	92
Глава 10. Африканцы в Союзе	100
Глава 11. Римская конференция	105
Глава 12. Раскол в ЗАПУ	111
Глава 13. Ближний Восток и даже Южная Азия	114
Глава 14. Амилкар Кабрал	122
Глава 15. Социал-демократы	125
Глава 16. Нигерия и Гана	132
Глава 17. Апрельская революция	135
Глава 18. Мозамбик: накануне независимости	144
Глава 19. Достижение независимости Зимбабве	152
Глава 20. Эфиопия: к социализму и обратно	160
Глава 21. Солидарность на Западе	178
Глава 22. Вновь в Кабуле	181
Часть 3. СТАРАЯ ПЛОЩАДЬ	
Глава 23. Но сначала – Миусская	189
Глава 24. Старое и новое	192

Глава 25. Ангола и Намибия	202
Глава 26. Четыре съезда	211
Глава 27. «Перестройка». Начало	215
Глава 28. «Перестройка». Второй период	223
Глава 29. «Soviets selling out?»	238
Глава 30. Августовская трагедия	259
Глава 31. 365 дней	261
Послесловие	265
Summary	266
Указатель имен	267

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга – не мемуары, скорее, она представляет собой попытку рассказать, как Африка менялась в течение нескольких десятилетий, какую роль в этом играла наша страна, и при этом она написана человеком, у которого ушло 33 года на то, чтобы добраться от Каира до Кейптауна.

Но поскольку тем самым книга приобретает в определенной степени личностный характер, то в ней должны быть отражены и другие эпизоды из жизни автора в те годы, так что, может быть, было бы даже оправданным добавить к заголовку слова «с заездом в Кабул (и не только)».

Часть сюжетов этой книги уже находила отражение в других работах автора, в частности в изданных на русском и английском языках монографиях о горячей «холодной войне» на Юге Африки и об Африканском национальном конгрессе¹, а также статьях, посвященных различным проблемам «глобального Юга». Но в этой книге я, стараясь избежать повторов, больше опираюсь на свои личные наблюдения и на беседы с другими свидетелями и особенно участниками описываемых событий, учитывая, что много документов, относящихся к этой теме, все еще недоступны в архивах или даже потеряны навсегда во время трагических событий в нашей стране в начале 1990-х годов.

Мои ранее опубликованные работы, в частности упомянутые книги, вызвали полярную реакцию, возможно, именно из-за моего статуса участника многих из событий, которые я освещаю. Для меня было прият-

¹ *Шубин В.Г.* Горячая «холодная война»: Юг Африки (1960–1990 гг.), М.: ЯСК, 2013, *Vladimir Shubin.* The Hot “Cold War”; The USSR in Southern Africa. London: Pluto Press and Scottsville: UKZN Press, 2008; *Шубин В.Г.* Африканский национальный конгресс в года подполья и вооруженной борьбы. М.: Институт Африки РАН, 1999; ANC: A View from Moscow. Sunnyside: Jacana Media, 2008; *Шубин В.Г.* Судьбы Зимбабве, М.: Институт Африки РАН, 2015.

ной неожиданностью узнать о положительном отзыве, написанном томившемся тогда в американской тюрьме Фернандо Гонсалесом Ллортом, из «кубинской пятерки»², который сам служил в Анголе как офицер военной разведки². Вместе с тем, южноафриканский военный историк Деон Виссер, который тоже служил в Анголе, но по другую сторону фронта, утверждал, что моя работа «несет безошибочный отпечаток его [автора] политико-идеологического опыта, оставляя довольно мало места для действительно критического, «объективного» взгляда на роль Советского Союза в истории холодной войны на юге Африки»³.

Я отнюдь не отказываюсь от своего прошлого, но считаю, что при любом опыте исследователя объективная оценка все же возможна, а судить, кто прав, будут читатели.

² *Llort F.G.* 'Book Note – The Hot “Cold War”: The USSR in Southern Africa', <http://mltoday.com/article/1607-book-note-the-hot-qcold-warq-the-ussr-in-southern-africa/29>

³ *Visser D.* *Scientiae Militaria: South African Journal of Military Studies*, Sal-danha, 37, 2 (2009). P. 139.

Часть 1

«НЕСОКРУШИМАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ»

Глава 1. «Попробуйте, товарищ полковник»

23 июля 1952 г. Анвар Садат, член руководства тайной организации «Свободные офицеры», зачитал по каирскому радио манифест этой организации, объявляющей о переходе власти в Египте к Совету революционного командования. Военный переворот, осуществленный ею, был почти бескровным, в столице в ходе его погибло лишь два человека. Полная поддержка смене власти была оказана гарнизоном второй «столицы» страны – Александрии, где в своем дворце находился король Фарук I. Очевидно, он надеялся на какой-то компромисс с заговорщиками, так как вечером того же дня назначил 51-летнего генерал-майора Мохаммеда Нагиба, члена организации «Свободные офицеры», на пост главнокомандующего армией. Однако уже через три дня, отрекшись от престола в пользу своего шестимесячного сына, Фарук вынужден был на своей яхте покинуть страну, причем в церемонии проводов в Александрии участвовали «свободные офицеры» во главе с Нагибом.

Уже через несколько месяцев Египет был объявлен республикой, пост главы правительства, а в 1953 г. – и президента занял Нагиб, а заместителем премьер-министра стал подполковник Гамаль Абдель Насер. Однако сразу же проявились противоречия между Насером и Нагибом, и конфликт завершился 14 ноября 1954 г., когда Нагиб был отстранен от власти и помещен под домашний арест. Фактическим руководителем страны стал Гамаль Абдель Насер в должности премьер-министра, а с 1956 г. – и президента.

Первоначально в Москве события июля 1952 г. считались – и справедливо – военным переворотом. Более того, некоторые считали режим Насера близким к фашизму, особенно после арестов египетских коммунистов. Много лет спустя Н.С. Хрущев сказал, диктуя свои мемуары: «Сначала, после переворота и прихода к власти полковника Насера, мы не могли определить, какое направление во внешней и внутренней политике будет принято новым руководством. Мы были склонны думать, что это, вероятно, один из военных переворотов, к которым мы уже привыкли в Южной Америке, и не ожидали от него ничего особенного. Но у нас не было другого выбора, кроме как ожидать, какое направление примет это новое правительство»¹.

Однако шаг за шагом это направление стало более ясным, и (это не единственный случай в XX веке) постепенно переворот превратился в

¹ Цит. по: *Беляков В.* СССР – Египет: этапы сближения. Из воспоминаний Н.С. Хрущева. Азия и Африка сегодня, 2016, № 4, с. 58.

антиимпериалистическую, антифеодальную революцию. Новое руководство страны не только добилось вывода из Египта британских войск в июне 1956 г., после 74 лет оккупации, что не могло быть не встречено позитивно в Советском Союзе, но и начало проводить глубокие реформы, стремиться к достижению политической и экономической независимости Египта.

Эта революция имела огромное значение для развертывания антиколониальной борьбы как в арабском мире, так и в Африке. Как писал Д.Т. Шепилов, визит которого в Каир в июле 1955 г. был прорывом в двусторонних отношениях, и который позднее как министр иностранных дел СССР сыграл важную роль в прекращении тройственной – Англии, Франции и Израиля – агрессии против Египта во время «Суэцкого кризиса» в 1956 г., «События... в Египте породили цепную реакцию национально-освободительных движений на Арабском Востоке вообще и в целом»². Эта революция имела большое значение и для развития антиколониальной борьбы в «Черной» Африке, Каир превратился в центр сосредоточения представителей африканских националистических движений (их число превышало 20)³, наряду и, пожалуй, даже в большей степени, чем столица уже независимой тогда Ганы – Аккра.

В своей программной работе – книге «Философия революции»⁴ Насер говорил о трех кругах внешней политики Египта, при этом вторым из них после арабских стран и перед миром ислама он назвал африканские страны. «Мы не можем никак оставаться в стороне, даже если бы мы хотели этого, от кровавой и жестокой борьбы, которая ведется в сердце континента между пятью миллионами белых и двумястами миллионами африканцев, – писал он. Мы не можем делать этого по важнейшей и ясной причине – мы сами находимся в Африке»⁵.

² Шепилов Д. Непримкнувший/ С. 120. <http://www.e-reading.club/book.php?book=65192>. В то время он являлся главным редактором газеты «Правда», но в Египте был на праздновании третьей годовщине Июльской революции в качестве председателя Комиссии по международным делам Совета Союза Верховного Совета СССР.

³ Sharawy H. Political and Social Thought in Africa, p. 28. https://books.google.ru/books?id=of2xCAAQBAJ&pg=PA28&dq=African+League+Zamalek&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKewjtxYvjt8_NAhUFIPoKHc_dDmlQ6AEIJAA#v=onepage&q=African%20League%20Zamalek&f=false

⁴ Nasser Abdel Gamal. The Philosophy of the Revolution, Cairo, Mondial Press, 1958.

⁵ Цит. по: Ali A. Mazrui, Africa and the Egyptian's Four Circles. <https://academic.oup.com/afraf/article-abstract/63/251/129/63148/Africa-and-the-Egyptian-s-Four-Circles?redirectedFrom=PDF>

Еще в 1956 г. в Египте была создана Африканская ассоциация, через которую антиколониальным организациям в различных странах континента оказывалась «политическая, военная и материальная помощь»⁶. Многие будущие лидеры независимых африканских стран работали или хотя бы бывали в особняке, где она располагалась, в доме № 5 по улице Ахмед Хишмат в Замалеке – центральном районе Каира, острове на реке Нил. Основным руководителем африканского направления египетской политики до 1965 г. был капитан, а позднее майор Мухаммед Файек, который в годы правления президента Насера занимал несколько министерских постов, а при Садате десять лет провел в тюрьме⁷. Много лет спустя у меня оказалась возможность поговорить с ним о деятельности Африканской ассоциации и пришлось сказать ему, что в этот период я и оказался в Египте, но по делам, довольно далеким и от африканских организаций.

Как это произошло? В начале февраля 1960 г., после зимних каникул среди студентов 4-го курса МГИМО пошли разговоры, что в институте появился полковник Бобров⁸, который набирает кандидатов на работу переводчиками английского языка в течение года в Египте, точнее в Объединенной Арабской Республике (ОАР). Вызвано это было ростом численности «группы советских военных специалистов» в этой стране при явной нехватке переводчиков.

ОАР была создана в 1958 г. путем объединения Египта и Сирии, и рассматривалась египетским руководством, прежде всего президентом Насером, как первый шаг к созданию единого государства всех арабов. Акт об объединении стран был подписан их президентами 22 февраля в Дамаске, где Насера приветствовали толпы народа. К ОАР могло присоединиться любое из арабских государств, что многими и ожидалось. Однако объединение это было далеко неравноправным, что впоследствии сказалось на ее судьбе.

Каир попросил Москву поставлять современное оружие в апреле 1955 г., и в сентябре того же года после визита Шепилова было достигнуто соглашение, но по тактическим соображениям не с СССР, а с Чехословакией⁹. Поэтому, как позже говорили мне наши ветераны, изна-

⁶ The Egyptian African Association, State Information Service. <http://sis.gov.eg/En/Templates/Articles/tmpArticles.aspx?ArtID=197#.V3QkfxL74kI>

⁷ Sharawy H. Op. cit. P. 30.

⁸ О Федоре Федоровиче Боброве добрые слова сказал мой коллега А.Н. Иванов в книге: В Египте и на Занзибаре (1960–1966 гг.) Мемуары советских военных переводчиков, М.: Memories, 2011.

⁹ Беляков В., Op. cit. с. 59.

чально советские специалисты находились в Египте с чехословацкими паспортами, а военно-морские офицеры – с польскими. Кроме содействия в освоении техники, они стали играть важную роль в подготовке военных кадров, а затем и в оказании советнической помощи вооруженным силам Египта (хотя до 1967 г. официально роли советников у них не было).

Но парадокс был в том, что в 1956 г., именно тогда, когда начиналось масштабное военное сотрудничество Москвы с независимыми государствами Азии и Африки, «хватило ума» расформировать «в связи с сокращением Вооруженных сил» Военный институт иностранных языков (восстановлен он был лишь в мае 1963 г.)¹⁰. Практически угроза возникла для сколь-либо плодотворной работы наших специалистов, поскольку знание иностранных языков (причем у старшего поколения в основном немецкого) было минимальным. И тогда Министерству обороны было разрешено «вербовать» на работу в Египте (да и в других странах) студентов старших курсов вузов, прежде всего МГИМО и Московского педагогического института иностранных языков.

После одной ночи раздумий 10 февраля я дал согласие в деканате на командировку. Состоялась и мой разговор с Бобровым¹¹, а последним этапом нашего отбора была беседа, как тогда говорили, «В ЦК», на ул. Куйбышева (ныне снова Ильинка) д. 21, а точнее, наверное, в Отделе административных органов, поскольку принимал меня еще один полковник. В заключении разговора он сказал: «Такого молодого я еще не отправлял. Может, попробовать?». «Попробуйте, товарищ полковник», – ответил я, и свой 21-й день рождения довелось встречать уже в Африке.

Впрочем, у меня был реальный шанс оказаться совсем в других местах. В 10-м Главном управлении Генерального штаба Вооруженных сил СССР, занимавшемся вопросами военного сотрудничества с зарубежными странами, – знаменитой среди военных «Десятке», увидев в моих бумагах, что я изучал пушту и фарси, меня перенаправили к кадровику, занимавшемуся Афганистаном. В то время советско-афганское военное сотрудничество расширилось, военная делегация из Кабула посетила Москву еще когда министром обороны был маршал Жуков, и полевая почта 44708 Б, обеспечивавшая связь наших военных в Афганистане с родиной, работала в полную силу.

¹⁰ Энциклопедия ВИИЯ. История. <http://viiapedia.com/index.php/история>

¹¹ В моих записях у нашел строчку о том, что о времени встречи с Бобровым мне сказал однокурсник Виталий Нуйкин, который тогда тоже отправился в Каир. Совсем недавно его, уже покойного, «рассекретили» как успешного разведчика-нелегала.

Но, хотя и не без колебаний, я решил, что все же «для начала» лучше побывать в других краях, да и поработать с английским языком, а в Кабул я еще успею. «Вы ко мне еще придете», – сказал мне на прощание этот полковник, и мне пару лет спустя действительно пришлось с ним вновь встретиться, но вновь ненадолго.

Так что вместо «Б» в моем адресе после номера полевой почты стала буква «А». (Кстати, буквы «А» и «Б» показывают, с какими странами у нас военное сотрудничество развивалось в первую очередь.)

Перед вылетом в Каир нашей группе, включавшей несколько специалистов и переводчиков, была дана возможность в «Десятке» ознакомиться с документами, в том числе с отчетом о деятельности СВС в 1959 г., в котором ясно говорилось: «К ведению серьезных боевых действий Вооруженные силы ОАР не готовы». Забегая вперед, скажу, что в отчете за 1965 г. формулировка была совсем иная, утверждалось – они могут дать отпор армии любой соседней страны. Имелся ввиду, конечно, Израиль, но последующие события показали, что такая оценка, мягко говоря, была излишне оптимистичной.

Нашим военным, отправлявшимся за рубеж, организовывалась «экипировка», то есть выдавалась гражданская одежда. Получили и мы костюмы и плащи в каком-то подвале на Хорошевском шоссе. Тогда в СССР практически все мужские плащи были темно-синего цвета, а эти были светлые, разные и по цвету, и по покрою. Но когда я взглянул на своих попутчиков на летном поле аэродрома Тираны, невольно улыбнулся – «маскировка» была явно ненадежной: у всех были белые шарфики.

Вылетели мы в Каир через Тирану 25 мая 1960 г. Об аэродроме в столице Албании, где осуществлялась дозаправка самолетов Аэрофлота на этом маршруте, воспоминаний осталось немного: грузовик с номером всего из трех цифр, «мировой класс» – слова местного жителя о нашем Ту-104, и то, как наш летчик ругал албанского майора, скорее всего за то, что самолету разрешили заход и посадку, хотя была сильнейшая гроза. Помню, как бортпроводник с побелевшим лицом поспешил мимо меня в хвост салона, когда во время сильной болтанки молния ударила в самолет. После посадки стало очевидным, насколько опасной была ситуация: антенна, идущая от хвоста, была сорвана и «обернулась» вокруг крыла. Самолет так и остался в Тиране, а мы после нескольких часов ожидания продолжили путь на другом, присланном из Москвы.

Каир встретил нас жарой, хотя добрались бы туда только в 19.20, уже в темное время. При подлете запомнились плоские крыши домов, а после посадки – разговор назначенного старшим нашей группы на вре-

мя перелета полковника Савицкого (арабы потом называли его «полковник Советский») со встречающими. Явно «сверхбдительный», он спросил у них документы, подтверждающие личность, но вынужден был спириться, когда те сказали, что документы у них только на арабском (паспорта всех наших специалистов хранились в посольстве).

После ночи в «луканде», доме в Гелиополисе («Шари Сауди, арба'а) – дом № 4 на улице, названной в честь короля Саудовской Аравии)¹², мы прибыли в центр Каира, на остров Замалек, где возле советского посольства находился офис ГКЭС – Государственного комитета по внешним экономическим связям, один из этажей которого занимали отнюдь не экономисты, а советские военные. Обычно эту структуру называли «группа такого-то» по имени руководителя, и с июня 1960 г. она на пять лет превратилась в «группу Пожарского» по имени генерал-лейтенанта Александра Степановича Пожарского, прибывшего в Каир летом 1960 г. с должности начальника штаба Уральского военного округа.

Во время беседы с руководством группы на следующий день я получил неожиданное и приятное указание – выехать на работу в Александрию, в помощь специалистам, работавшим в Военно-морском флоте ОАР. Привлекало не только море и пляжи, но и сама возможность жить в столь историческом городе.

Прибыл я в «летнюю столицу» Египта 30 апреля, впервые почувствовав комфорт поезда с кондиционером. Александрия, а точнее, ее кварталы, растянувшиеся вдоль набережной от центра на восток, были красивы, в отличие от портового района со скученными бедными и перенаселенными постройками. Хотя «арабизация» Египта при Насере была уже очевидна, Алекс, как мы звали город вслед за многими иностранцами, сохранял свой европейский, можно сказать, космополитический характер. При этом «лингва франка» там для образованного меньшинства был французский язык, даже названия улиц писались не только на арабском, но и на нем. В центре города находилась знаменитая хлопковая биржа на площади Мухаммеда Али, существовавшая еще с 1865 г., причем в 1950 г. из 35 зарегистрированных брокеров только двое были египтянами¹³. Но именно с балкона здания этой биржи 26 июля 1956 г., в годовщину революции, Гамаль Абдель Насер объявил о национализации Суэцкого канала.

¹² Впрочем, после резкого ухудшения отношений между Египтом и Саудовской Аравией во время войны в Йемене, начавшейся в 1962 г., улицу переименовали.

¹³ *Samir Raafat*. The rise and fall of Alexandria's cotton exchange. Egyptian Mail, Cairo, November 1, 1997. <http://www.egy.com/landmarks/97-11-01.php>

Разного рода «левантийцам» принадлежали многие компании, магазины, рестораны. До сих пор вспоминаются и наши «походы» в находившийся рядом с нашей гостиницей «Таверну – ресторан – бар Диамандакис» с импозантным и доброжелательным хозяином. «Георгий», – кричал он официанту, греку – выходцу из России -, и тот подавал нам сухое вино в медных кружках, заведя патефон с пластинкой русских песен. Исторически в городе проживало и немало евреев, но почти все они выехали в Израиль в конце 1940-х годов.

Однако на флоте, точнее в учебном центре ВМФ, находившимся в районе Абукир восточнее Александрии (он вошел в историю как место, где англичане разгромили французский флот Наполеона в 1798 г.), я проработал недолго, менее полутора месяцев, а с 13 июня более года – в «Аль-Мадраса аль-мидфа'ия аль-Ма'мурра» – Маамурской (зенитной) артиллерийской школы в пригороде Александрии, когда туда прибыла группа из четырех советских специалистов – полковника Тимохина, подполковника Чернова и двух майоров, которых мы называли «дядя Вася» и «дядя Ваня».

Начальником школы был бригадир Мухаммед Негм эд-Дин, офицер в хорошем смысле слова старой закалки, с уважением относившийся к нашим специалистам, видя в них прежде всего профессионалов, и заботившийся, хотя и деликатно, о их репутации. На одной из первых бесед он рассказал, что увеселительные заведения (а их в Александрии было множество) делятся на два типа: те, которые стоят на сваях в море – вполне приличные, а те, которые на земле, на другой стороне набережной – совсем другие, «где собираются женщины из разных стран мира... Я запрещаю своим мальчикам (то есть офицерам школы) бывать там, и я не хотел бы, чтобы кто-то увидел моих советских друзей в таком месте».

Среди молодых офицеров-преподавателей и умом, и дружеским отношением к нам выделался капитан Мустафа Хайри, который даже начал изучать русский язык, приобретя книгу из знаменитой серии «Teach Yourself». Да и в целом отношения у нас в «медресе» сложились хорошие, несмотря на прокатывавшиеся по ОАР время от времени волны антикоммунизма.

Нравы и порядки в Египте в то время были для нас совсем непривычные. С удивлением смотрели мы из окон гостиницы, как полиция отгоняла толпу от Офицерского клуба, где вместе с суданским президентом генералом Ибрагимом Аббудом находился «раис», то есть президент Насер. Выражения приветствий криком оказалось недостаточно, и собравшиеся стали проявлять свои чувства по-другому – останавливать проезжающие машины, да и популярных у туристов извозчиков. Но двух полицейских с палками хватило, чтобы всех их разогнать.

Вместе с тем за годы господства англичан местная верхушка и их обслуга приучились к внешним признакам западной «цивилизации» – без галстука даже в жару в ночные клубы не пускали. Да и гостиница наша в Александрии называлась не иначе как «Гайд парк».

За этот год мноному пришлось научиться; не все осталось в памяти и не все сохранившиеся собственные записи я могу сейчас разобрать и понять, но на всю жизнь запомнилась и была принята как «руководство к действию» надпись красными буквами на черном ящике возле нашего кабинета (говорили, что это радиостанция с нашего танка «ИС», как-то попавшая к зенитчикам): «Помни, враг подслушивает»...

Так получилось, что мое первое длительное пребывание на так называемом «Черном континенте» во многом совпало с Годом Африки. Правда, Гана добилась независимости еще в марте 1957 г., Гвинея – в октябре 1958 г., несколько североафриканских государств – Египет, Судан, Тунис, Марокко – еще ранее, а две страны – Эфиопия и Либерия вообще не подвергались колонизации¹⁴, но именно в 1960 г. карта Африки изменилась радикально – появилось 17 новых независимых стран.

В процессе деколонизации Африки Москва играла важную роль, хотя и не всегда успешно. Все «перипетии» ее отношений с Гвинеей и Ганой детально и убедительно изложены в монографии Сергея Васильевича Мазова – «Политика СССР в Западной Африке, 1956–1964: неизвестные страницы истории холодной войны»¹⁵. Он, в частности, основываясь на документах, рассказывает и о самом неприятном эпизоде в наших отношениях с Гвинеей – отзыве в конце 1961 г. по требованию высшего руководства этой страны посла Д.С. Солода.

В западных источниках писали, что Солода обвинили в участии в так называемом «заговоре учителей» – радикалов из учительской ассоциации и потребовали его немедленного отъезда как «персоны нон-грата»¹⁶. Однако много лет спустя я из «надежных источников» узнал более «занимательную» версию. Рассказывали, что на встрече с послом президент Секу Туре в конце разговора нажал на кнопку магнитофона, на которой были записаны отнюдь не лестные для него высказывания

¹⁴ Если не считать пяти лет (1936–1941) оккупации Италии Эфиопией и «внутреннего колониализма» приезжих из Америки потомков рабов над остальными жителями в созданной Американским колониальным обществом Либерии.

¹⁵ Мазов С. Политика СССР в Западной Африке, 1956–1964: неизвестные страницы истории холодной войны. М.: Наука, 2008.

¹⁶ <https://alchetron.com/Daniel-Solod-1356373-W>

Солода. Сделано это было через стекло посольского помещения с помощью аппаратуры, переданной гвинейцам с Запада, кажется, из ФРГ.

Советское руководство немало сделало для того, чтобы уладить «скандал с Солодом». В Конакри официально для участия в открытии советской выставки, был направлен первый заместитель Хрущева по Совету министров СССР А.И. Микоян. Но Хрущев не был таким человеком, который бы забыл и простил. Вскоре он принял гвинейскую делегацию и в конце разговора также включил магнитофон с записью на этот раз разговора Секу Туре с американским послом, в котором тот неслестно отзывался о Советском Союзе. «Вы б...ете», – сказал Хрущев, не стеснявшийся в выражениях, собеседникам.

Находясь в Египте, было нетрудно следить за событиями в других африканских странах. Там тогда был огромный интерес к международным вопросам, вызванный активной внешней политикой правительства Насера и резко возросшей ролью страны на мировой арене, во многом в связи с провалом тройственной агрессии в 1956 г.

Важные события происходили в различных частях континента. 21 марта 1960 г. была расстреляна демонстрация африканцев в южноафриканском поселке Шарпвиле, затем режим Претории запретил Африканский национальный конгресс и отколовшийся от него в 1959 г. Пан-африканистский конгресс. Бывшие колонии Франции, в то время уже «республики» в составе Французского Сообщества, созданного в 1958 г. по конституции Пятой республики, одна за другой приобретали политическую независимость. Среди них было и «маленькое» Конго. Но основное внимание как нас, так и египтян привлекала ситуация в «большом Конго», тогда еще колонии Бельгии.

Именно 1960 год был для Советского Союза началом активного вовлечения в дела Африки южнее Сахары. Это стало ясно как друзьям, так и противникам борцов за свободу Африки, когда несколько транспортных самолетов Ил-14, окрашенных в серый боевой цвет с надписью «Republique du Congo» («Республика Конго») на фюзеляжах приземлились в афинском международном аэропорту, который в то время служил и в качестве военно-воздушной базы НАТО. Они следовали в Леопольдвиль (ныне – Киншаса) для оказания содействия правительству Патриса Лумумбы.

Как писали тогда вслед и западные, и египетские газеты, в конце июля 1960 г. Лумумба заявил, что «будет просить прислать русские советские войска». Сделал он это, скорее, чтобы «припугнуть» Запад, но на деле дал еще один повод для развертывания кампании против себя и против действий Москвы.

Но имеющиеся данные, хотя, к сожалению, многие архивы все еще недоступны, показывают, что Москва не исключала более активного

вмешательства в события в это стране. Вслед за Ил-14 в Конго вылетели несколько больших новых транспортных самолетов Ан-12, но дальше Каира они не добрались, поскольку правительство Судана не разрешило им пролет над территорией этой страны. Об этом подробнее рассказано в другой книге С.В. Мазова – «Холодная война в “сердце Африки”». СССР и конголезский кризис, 1960 –1964» – в которой он убедительно показывает, как ряд африканских стран, на словах поддерживая Патриса Лумумбу и его сторонников, на деле уклонялся от реальной помощи им¹⁷.

Что же касается экипажей этих Ан-12, то их товарищи из Военно-транспортной авиации пару лет спустя рассказывали мне трагикомичную историю. Ожидая в Египте вылета в Конго, они тратили деньги по предписанным для этой страны нормам, в то числе и на развлечения, но когда вернулись домой, их суточные посчитали по нормам ОАР, которые были намного ниже. И по существовавшим в то время жестким правилам им за каждый «лишний» истраченный доллар пришлось платить в рублях в десятикратном размере!

К великому сожалению, участников или свидетелей наших реальных или намечавшихся операций в Конго почти нет в живых, а те, кто ушли из жизни, не оставили воспоминаний, во всяком случае, доступных для исследователей. Много раз я пытался уговорить Кирилла Борисовича Карповича, ветерана-африканиста, прошедшего и Гану, и Нигерию, и Эфиопию, и ЮАР, который, будучи молодым выпускником МГУ летал в Конго в составе экипажей наших самолетов¹⁸, написать или надиктовать хотя бы эту часть своих воспоминаний... Не считал я возможным и делать заметки во время наших многочисленных бесед, но некоторые его рассказы трудно забыть, например, о реакции одного из министров Лумумбы на ситуацию, создавшуюся после блокирования его противниками взлетно-посадочных полос (обычно на ВПП ставили автомобили или бочки): «У вас же такие отличные самолеты. Они могут просто разбежаться и перепрыгнуть через препятствие...».

Не воспользовался я и тем, что шесть лет спустя, несколько недель в 1966 г. работал в одном кабинете с полковником (позднее – генерал-майором) Николаем Гавриловичем Сорочаном (я как младший офицер помогал ему в сугубо конфиденциальном деле – оформлении на бумаге

¹⁷ Мазов С. Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис, 1960–1964. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015.

¹⁸ К.Б. Карпович впоследствии был корреспондентом журнала «Азия и Африка сегодня» в Нигерии, советником посольства СССР в Эфиопии и сотрудником миссии СССР, а затем советником посольства РФ в ЮАР.

новой структуры расширившегося 10-го Главного управления Генштаба), который, как я тогда узнал, занимался ранее связями с Конго и нашим содействием Лумумбе и его преемнику Антуану Гизенге. Не планировал я столь долгой жизни и не думал, что когда-либо буду писать эту книгу.

Высоко оценивая монографию С.В. Мазова, работу поистине пионерскую, я все же не могу согласиться с его, пожалуй, главным выводом, о том, что свержение Лумумбы, а затем поражение его сторонников было и поражением Москвы в «холодной войне». Как теперь выражаются, в геополитическом плане, может быть, это было и так, но в моральном – победа осталась за нами и всеми, кто поддерживал его.

А в те дни как мы, так и египтяне внимательно следили за всеми событиями конголезской трагедии. Помнится, как все переживали, когда в середине сентября Лумумба исчез, и радовались, что он живой и находится в «ганском посольстве», и его «поддерживало 90% населения». Казалось тогда, как я писал в своем дневнике, что «в Конго дело идет к лучшему, а Мобуту долго не протянет...». Но в ноябре там появились другие записи: «Мобуту «рыпается», Касавубу – сволочь», а 3 декабря – «Лумумба арестован». И большими буквами – «Сволочи!!!» Реакция египтян выразилась в демонстрациях, а правительство пошло на секвестр бельгийской собственности – трамвайной компании. А итоги 1960 г. я подводил с юношеским задором словами: «Он идет, наш последний, решительный. И мы участвуем в нем...»

Первая половина 1961 г. была также богата событиями. Убийство Лумумбы было встречено в Египте с еще большим возмущением, чем его арест. Демонстранты сожгли бельгийское посольство в Каире, разгромили консульство в Александрии. А за полетом в космос Юрия Гагарина 12 апреля последовало позорное поражение Вашингтона, когда высадившийся 17 апреля на Плайя Хирон (в Заливе Свиной!) на Кубе подготовленный ЦРУ вооруженный десант был разгромлен за пару дней. Поражение потерпела и американская пропагандистская машина: в первый, но далеко не в последний раз, я понял, насколько они могут быть лживыми: сообщалось и о ссоре Рауля с Фиделем, и о попытке самоубийства Че Гевары. События показали, что хотя фраза в моем дневнике от 9 ноября предыдущего года, когда стало ясно, что Кеннеди победил Никсона на президентских выборах была слишком грубой по форме, но правильной по существу: «Никсон – сволочь известная, а этот – пока еще малоизвестная».

Больше интереса стали вызывать и события в Африке, вплоть до юга континента. Я почему-то даже купил путеводитель для туристов, совершавших морские путешествия от Суэца до Кейптауна.

Первая командировка в Африку закончилась для меня в конце июня 1961 г. еще до значительных перемен в Египте. Результаты работы нашей группы были неплохие, кроме заранее намеченных курсов, наш старший группы проводил занятия еще и на созданном курсе – для преподавателей. К сожалению, теория была довольно далека от практики, за год в зенитно-артиллерийской школе не было проведено ни одной стрельбы по воздушным целям и лишь одна – по наземным. Да и то, один из снарядов 100-миллиметрового зенитного орудия разорвался не у цели, а недалеко от нашего наблюдательного пункта¹⁹.

Но так или иначе уважение египтян (тогда мы обычно называли их просто арабами) нам завоевать удалось. Наш отъезд намечался на конец мая, а когда он был продлен на месяц, чтобы завершить один из курсов, придя в аудиторию, мы увидели на доске надпись: «Welcome, Mr. Chernov, welcome, Mr. Volodya».

Путешествие до Одессы на судне «Феликс Дзержинский», который мы любили посещать во время его регулярных заходов в александрийский порт, было приятным и познавательным; Пирей с Афинами, Стамбул, Варна, Констанца... Да и беседы с пассажирами были небезынтересными: несколько израильтян присоединились к нам в Стамбуле, при этом один старик мог поделиться с нами и воспоминаниями о событиях 1917 г. в Петрограде. Не сразу я понял и фразу американских бабушек «Сэнкс ту йор спатник»; а сказать они хотели, что были благодарны нам за то, что после запуска в Советском Союзе спутника в США резко выросло ассигнование на соответствующие отрасли науки.

Последний учебный год в МГИМО был для нас сложным: сдавали экзамены и за полностью пропущенный пятый курс, и за шестой, да к тому же, поскольку в том году не было выпуска специалистов на МЭО – факультете международных экономических отношений, нас заставили еще изучать несколько внешнеторговых дисциплин, хотя вскоре спохватились и большинство из них сняли. А мне добавилось еще одно дело – интересное, но отнимавшее немало времени. С конца 1961 г. параллельно с учебой я стал внештатным, а апреля 1962 и штатным референтом Комитета молодежных организаций СССР (по существу – Международного отдела ЦК комсомола).

При этом, хотя работал я в секторе международных организаций, от Африки далеко не ушел. Еще в 1961 г. в СССР на учебу стали прибывать первые студенты из Южной Родезии, как тогда называли Зимбабве. Я встретил одного из них в июле, когда занимался отправкой африкан-

¹⁹ Осколок снаряда у меня долго хранился, но куда-то исчез при многочисленных переездах.

цев, находившихся в СССР на VIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов, который состоялся в Хельсинки с 28 июля по 6 августа 1962 г. Настроение у этого юноши, окончившего подготовительный факультет в Тбилиси, существенно отличалось от настроений других. По его словам, африканских студентов в грузинской столице встретили столь неприветливо, что все они собирались после каникул переехать в другие советские города. «Ни одного африканца в следующем учебном году в Тбилиси не останется», – сказал он мне.

Так и получилось. Хотя неприкрытый расизм расцвел на «постсоветском пространстве» три десятилетия спустя, в Грузии он проявился уже тогда. В записке, направленной из Советского комитета солидарности стран Азии и Африки в ЦК, озаглавленной «О недостатках в работе с иностранными студентами, обучающимися в Тбилиси»²⁰ говорилось, что африканские студенты «ощущают неприязнь, недружелюбное отношение и антагонизм со стороны отдельных советских [грузинских – авт.] студентов»²¹. Руководство СКССАА предложило не посылать более африканцев на учебу в Тбилиси и перевести в другие города ранее направленных туда²². Так и было сделано.

Да и в моей дипломной работе о Международном союзе молодых социалистов (молодежной организации Социалистического интернационала) одна глава была посвящена отношению этой организации к национально-освободительным движениям.

Но в один, далеко не прекрасный для меня день, наш заведующий сектором Евгений Константинович Силин, попросив меня принести какое-то дело из находившейся на первом этаже «секретки», неожиданно добавил: «А вообще тебя в армию забрали. Тебя мог бы спасти разговор Павлова с Малиновским»²³, но он сегодня уезжает в Хельсинки, и этим заниматься не будет».

Глава 2. «И Красное море шумит...»

Я был далеко не единственным выпускником с нашего курса, кого коснулась «тотальная мобилизация». Сложность заключалась в том, что

²⁰ Их было около 80 человек, 60 – на подготовительном факультете Тбилисского политехнического института, а остальные – в Медицинском институте.

²¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ), ф. 9540 гс, оп. 2 с, д. 47, л. 3.

²² Ibid. Л. 5.

²³ То есть первого секретаря ЦК ВЛКСМ с министром обороны.

вплоть до конца 1968 г. срок службы офицеров, призываемых из запаса, не был определен. Как зло шутили, уйти из армии можно было только после какого-нибудь скандала, «по дискредитации». Все же большинство из нас от нее не «откосило» (да и такого слова тогда не употребляли), правда, у кого-то срочно обострилась хроническая болезнь, а кое-кто «с горя» даже подался в КГБ.

Хотя приказ о присвоении мне офицерского звания был от 6 июля, реально явиться для прохождения службы на «Курсы усовершенствования переводчиков» надо было в конце августа на Красноказарменную улицу, где ранее (и потом, после его восстановления) находился Военный институт иностранных языков, хотя формально адрес был Танковый проезд, д. 4, – рядом располагалась Бронетанковая академия.

Какой-то элемент романтики был – военная форма, в которой мы, еще без пришитых белых подворотничков прошлись по вечерним улицам Лефортова, но меня, в отличие от многих других, военная служба отнюдь не прельщала, о чем, кстати, было честно записано в моем личном деле. Сожалел я прежде всего о вынужденном уходе с работы, которая мне нравилась и которая для меня была тоже связана с романтикой, но другого типа, «коминтерновского» – поддержкой борьбы за освобождение и национальное, и социальное.

Да и переводческое ремесло было гораздо «уже» моей специальности международного, и мне не было причины радоваться перемене в моей судьбе в отличие от некоторых товарищей по нашей комнате на 20 коек, которые мечтали хотя бы остаться в провинциальном городе учителем после окончания педагогических институтов, а тут получили намного большую зарплату (точнее, денежное довольствие), две пары кожаных сапог и даже шанс поехать за границу.

Примерно половина курса, или немного больше, состояло из лейтенантов – выпускников вузов, в которых, как в МГИМО, были военные кафедры и изучался военный перевод, а остальные оканчивали вузы без военных кафедр и получили на погоны лишь по одной звездочке. Но нужда в переводчиках у Министерства обороны была столь велика, что целая группа слушателей вместо совершенствования языка была где-то через месяц откомандирована в Египет (тогда еще ОАР, хотя реально объединенное государство развалилось годом ранее, после переворота 28 сентября 1961 г. в Сирии), в только что созданный зенитно-ракетный учебный центр в пустыне – в районе Дашур в окрестностях древнего Мемфиса. Советскими военными командовал там генерал-майор Гусейн Джумшудович Расулбеков, прибывший в Египет с должности заместителя командующего зенитно-ракетными войсками

Бакинского округа ПВО²⁴. Но меня «чаша сия миновала», хотя и направили меня на курсы «совершенствовать» английский, в «Десятке» быстро разглядели мое «афганство», и я действительно «вновь пришел» к тому же кадровику, от предложения которого уклонился двумя с лишним года ранее.

В отличие от Египта, здесь большой спешки не было, и «оформление» в командировку проходило уже не в срочном порядке, как иногда разрешалось Министерству обороны, а в обычном бюрократическом, к тому же вместе с женой. А пока я продолжал занятия, в том числе и по физподготовке. Но однажды, в середине октября, когда я вместе с другими офицерами занимался бегом на километровую дистанцию в парке МВО (Лефортово), меня срочно вызвали к начальнику курса. Вопрос был простой: готов ли я вылететь в Египет на 2–3 дня в составе экипажа? Ответ был, конечно, «да», хотя не знал тогда, что эти «2–3 дня» превратятся почти в три года.

В те дни ситуация в мире была тревожная, начинался «карибский кризис». 15 октября после полета самолета-разведчика У-2 американцы установили, что на острове появились советские ракеты. Вспоминается, как один из пожилых москвичей пожурил нас, компанию молодых офицеров, сидевших в кафе: «Готовность повышенная, а вы пиво пьете»... Но для нас кризис начался совсем в другом регионе.

Позднее мне довелось более десяти лет работать в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки. Но заняться «афро-азиатской солидарностью» на практике мне пришлось еще раньше. Это было вызвано революцией в Йемене, и, хотя Йемен – не Африка, но тесно связан с ней с древних времен и до наших дней, когда некоторые африканские страны участвуют (в довольно длительной и неудачной) попытке Саудовской Аравии подавить там восстание хуситов, а те пытаются даже наносить по объектам на Африканском континенте ракетные удары. Так что расскажу об этом этапе моей жизни подробнее.

Через пару дней после разговора с начальником курса я вместе с несколькими сослуживцами и экипажами Ан-12 из витебского полка ВТА уже был на аэродроме «Чкаловская», с новым загранпаспортом и даже с медицинским сертификатом, хотя и «липовым», поскольку

²⁴ Родившийся в Дагестане, но азербайджанец по национальности, Расулбеков впоследствии был командующим зенитно-ракетными войсками Бакинского округа ПВО, а после отставки – министром связи Азербайджана. Он нем с теплотой вспоминает один из служивших в Дашуре переводчиков – Юрий Иванович Горбунов (Напиши мне, мама, в Египет. <https://topwar.ru/30223-napi-shi-mne-mama-v-egipet>.)

времени сделать прививку от холеры, тогда обязательную, просто не было.

Насколько серьезно советское военное руководство относилось к поддержке усилий насеровского Египта по защите революции в Йемене, было ясно из того, что на беседу с собравшимися на аэродроме экипажами Ан-12 прибыл сам Николай Павлович Дагаев, генерал-полковник авиации и начальник «Десятки». Он подробно информировал нас об обстановке, сказал, что противники Каира не имеют в том районе серьезной авиации и средств ПВО, однако в конце своего выступления все же добавил: «Но вы хвост свой не подставляйте». (Значение этой фразы мне объяснили более опытные офицеры-переводчики: Ил-14 из состава ВТА был сбит 17 февраля 1961 г. над территорией Лаоса).

18 сентября 1962 г. в Таизе (вторая, наряду с Саной, столица Йемена) умер имам Ахмед, и новым имамом был провозглашен его сын Мухаммед аль-Бадр. Воспользовавшись этим, в ночь на 27 сентября группа противников режима – «Свободные офицеры» (название это они явно скопировали с организации Насера) захватили дворец имама, хотя ему самому удалось бежать. На следующий день, по образцу других арабских стран были сформированы Совет революционного командования, а также Президентский совет и Совет министров. Возглавил новую власть полковник Абдалла ас-Салаяль, сразу же ставший генералом, а вскоре и маршалом. Страна стала называться Йеменской Арабской Республикой. Однако далеко не все в стране поддержали новый режим, началась многолетняя гражданская война, в которой на стороне республиканцев выступили египтяне, а на стороне монархистов – Саудовская Аравия.

Советский Союз традиционно поддерживал дружественные отношения с Йеменом, дважды Москву посетил наследный принц, но когда Насер сразу же поддержал революционеров, наша страна оказалась втянутой в войну в Йемене через Египет, а в ряде случаев – и напрямую. Уже несколько лет в Йемене работала группа советских военных специалистов, которая «автоматически» стала оказывать содействие новому командованию армии. За полтора года до рассматриваемых событий в рамках сотрудничества двух стран было завершено строительство современного порта в Ходейде, который, хотя и предназначался прежде всего для коммерческих целей, но превратился в основной пункт переброски египетских войск и снаряжения по морю (а асфальтированная дорога из Ходейды до Саны была построена, как мне помнится, при содействии Китая).

К тому времени в Египет, кажется, в сентябре, уже были направлены шесть новых Ан-12, покрашенных в цвет ВВС ОАР и с их опознавательными знаками – тремя кольцами под свет флага страны, но подготов-

ленных арабских экипажей не было. Поэтому и по просьбе руководства ОАР уже через два дня после смены власти в Йемене советские летчики установили между Каиром и Саной «воздушный мост», поначалу еще не крепкий, состоящий лишь из двух самолетов.

Об этих событиях подробно рассказал Анатолий Николаевич Иванов в своих мемуарах²⁵. Он был в качестве бортпереводчика на первом из двух Ан-12, вылетевших в Сану в ночь на 29 сентября; экипаж его, которым командовал капитан Виктор Иванович Суворов, прибыл из полка 12-й Мгинской Краснознаменной дивизии, базировавшегося на аэродроме в Сеце, в Брянской области²⁶.

Он описывает, как пилоты смогли посадить тяжелый самолет на совершенно неподготовленном для этого аэродроме (да и аэродромом это поле с пасущимися на нем козами назвать было трудно), как из него спешно высадились египетские десантники, а затем и делегация из Каира, как вслед за советскими военными специалистами, работавшими в Йемене, на аэродром с шумом и стрельбой охраны в воздух прибыли высшие руководители только что провозглашенной республики во главе с президентом ас-Салялем. При этом один самолет остался на аэродроме на ночь, а экипаж провел ее в Сане – эта демонстрация присутствия была проведена по просьбе йеменских руководителей.

²⁵ В Египте и на Занзибаре (1960–1966). Мемуары военных переводчиков. С. 61-87. К сожалению, для наших военных историков участие советских военных в поддержке революции в Йемене, по существу, не стало предметом серьезного исследования. Наиболее полно о нем сказано, как ни печально, в статье зарубежного исследователя – *Jessie Ferris*. *Soviet Support for Egypt's Intervention in Yemen, 1962–1963*. *Journal of Cold War Studies*, Volume 10, Issue 4, Fall 2008. P. 5-36. К счастью, хоть и с большим опозданием, воспоминаниями стали делиться и советские участники событий, кроме А.Н. Иванова, это другой бортпереводчик В.И. Баумов. <http://www.clubvi.ru/news/2014/05/27/ppl/57%20baumov/>

²⁶ Интересная деталь: судя по опубликованным на арабском языке воспоминаниям тогдашнего атташе нашего посольства в Йемене, а впоследствии посла в ряде арабских стран Олега Герасимовича Пересыпкина, информация из посольства с предложением о признании республики и оказании помощи была доложена Н.С. Хрущеву 30 сентября, то есть получается, что решение о направлении первых советских экипажей было принято или на месте, в Каире, или с ведома советского военного, но не политического руководства. Впрочем, по данным Ферриса, телеграмма из посольства в Москву была только 1 октября, а признание нового режима Москвой состоялось 28 или 29 сентября (*Jesse Ferris*, с. 13). К сожалению, в воспоминаниях Пересыпкина есть и другие ошибки, например, он пишет о полете в Сану пассажирского Ан-10 вместо Ан-12.

Установленный «воздушный мост» был сильно укреплен и расширен как всеми Ан-12, поставленными для ВВС ОАР (но пилотируемые советскими летчиками, направленными в Каир, поскольку египтяне не были еще обучены пилотированию этих тяжелых транспортных самолетов), так и срочно переброшенными из 339 втап – военно-транспортного авиационного полка (в/ч 22 689) – базировавшегося в Витебске.

Различные египетские источники, на которые ссылается Джесси Феррис²⁷, по-разному описывают эти события, хотя все они отмечают, что позитивный ответ на просьбу из Каира был получен быстро. Но полагаться нельзя даже на, казалось бы, «надежные» источники. Например, тогдашний глава «общей разведки» ОАЕ Салах Наср утверждал, из СССР было направлено 25 «Антоновых»!²⁸

Так или иначе, представляется, что кроме «геополитических» интересов Москвы, на срочное принятие решения о направлении самолетов и дополнительных экипажей повлияли и сугубо политические: между первой и второй моими командировками, после отделения Сирии, в ОАР произошли серьезные сдвиги влево: началась реализация широкой программы национализации, принимались меры по созданию всеобщей системы здравоохранения и бесплатного обучения, строительству доступного жилья, расширению прав женщин, были установлены минимальный размер заработной платы, начисление доли прибыли работникам, сокращение рабочего времени, а основной (и единственной) политической организацией в стране стал Арабский социалистический союз, состав Высшего исполнительного комитета которого был сформирован Насером как раз 28 сентября 1962 г. Все эти шаги сблизили Каир и Москву.

В отсутствии доступных документов советских военных архивов приходится рассчитывать на собственную память, а если она мне не изменит, в Каир мы вылетели из Чкаловской 20 октября 1962 г. через Будапешт, точнее с посадкой на советской авиабазе Тёкель южнее венгерской столицы, но вскоре полеты в Каир и обратно наши Ан-12 стали осуществлять над Турцией; пункты по маршруту – Инеболу – Силифке – Чубук – сохранились в памяти и через полвека с лишним.

Наши самолеты вместе с ранее направленными в Египет вошли в состав 14 эскадрильи 32 бригады ВВС ОАР²⁹, базировавшейся на авиабазе

²⁷ Этот израильский ученый защитил диссертацию (PhD) в Принстонском университете в США на тему «Египет, холодная война и гражданская война в Йемене. 1962–1966».

²⁸ *Jessie Ferris*. P. 17-18.

²⁹ Арабские слова в «упрощенном» произношении – «Серб арбаташр» – «Четырнадцатая эскадрилья» быстро выучили все наши летчики. Звучит

«Алмаза» (точнее, «аль-Маза») на окраине Каира, недалеко от международного аэропорта. На все эти самолеты были нанесены опознавательные знаки ВВС ОАР – трехцветные круги, и они перестали быть аэрофлотовскими³⁰. Командиром одного из них, United Arab Air Force 1209 был капитан Горский, и именно в составе этого экипажа мне довелось совершить первые 18 из 70 с лишним вылетов из Каира в Сану.

К сожалению, публикации, в которых говорится о «воздушном мосте» из Египта в Йемен, не только немногочисленны, но и нередко содержат неверные оценки, а то и грубые ошибки. Так, в монографии, подготовленной сотрудниками Института военной истории, повествование о «воздушном мосте» из Каира в Сану начинается с мая 1963 г.³¹, при этом авторы ссылаются на статью в «Красной звезде»³², автор которой напрочь «забыл» о первых месяцах нашего участия в йеменской войне, о витебских летчиках. А в другой статье в той же газете они упоминаются, но дату начала гражданской войны в Йемене журналист отнес на 1963 год. К тому же со ссылкой на одного из командиров отряда Ан-12 утверждается, что вместо присылки «еще нескольких экипажей... из Союза в Египет стали направлять всевозможных военных советников в больших чинах, которые в Йемен почему-то не спешили»³³. Зная хорошо летчика, с которым беседовал корреспондент, могу с уверенностью сказать, что эти слова – не летчика, а самого журналиста: все мы знали тогда, что наших военных советниками не называли, они появились пятью годами позже, да и «спешить» в Йемен из Египта никому не надо было, советские военные специалисты там были уже несколько лет.

Джесси Феррис пишет, что советское правительство попросило, чтобы летчикам выдали личные документы, удостоверяющие, что они – гражданские лица, находящиеся на службе у египетского правительства

забавно, но после «Шестидневной войны» 1967 г. эскадрилья и бригада были переименованы, соответственно, в 114-ю и 132-ю.

³⁰ За рубеж, да нередко и по своей стране самолеты ВТА летали под флагом Аэрофлота.

³¹ Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000.

³² Красная звезда, 19.11.1994.

³³ Красная звезда, 16.8.2003. Неверными были и приписанные тому же летчику утверждение в этой статье о том, что в воздушном пространстве над Йеменом «господствовали истребители Саудовской Аравии», и о том, что 7 ноября в Сане «советский военный персонал занял круговую оборону столичного аэродрома», и что там в «шести грузовиках с солдатами в касках» были «наши специалисты».

в воздушно-транспортных операциях, то есть далеко от военных действий, но в первые месяцы у нас вообще никаких документов не было.

Разместились наши экипажи первоначально в «Аль-куллия аль-харбия» – Военном колледже недалеко от Алмазы и Каирского аэродрома. Там бросалась в глаза «разноцветность» курсантов – среди них было немало черных африканцев – Египет вел тогда активную политику на континенте.

В один из первых дней, 26 октября, выглянув утром из окна, я увидел, что один из Ан-12 стоит на необычном месте, не на стоянке, а левее ВВП, и даже на расстоянии было видно, что этот борт пострадал. О том, что с этим бортом, 1204, случилось, мы узнали, прибыл на Алмазу, а более полная картина дана в упомянутых выше мемуарах А.Н. Иванова³⁴, который был в составе этого экипажа под командованием майора Николая Григорьевича Калтыгина³⁵.

А.Н. Иванов красочно описывает своего командира: «Он представлял собой весьма колоритный тип лётчика: почти двухметровый богатырь, красавец, добродушный балагур и юморист»³⁶. Вылетев из Каира за полночь, Ан-12 совершали для дозаправки посадку в Асуане в очень трудных условиях. После первых полетов освещение полосы было установлено, но неоднократно отключалось, провода оказывались разорванными, что, конечно, сильно беспокоило наших, хотя арабы утверждали, что это – дело не чьих-то рук, а зубов шакалов. Иванов вспоминает, что авария произошла при посадке на неосвещённую ВВП: самолет не вписался в глиссаду, и скала, торчащая у ее начала, срезала его переднее шасси.

Калтыгин удержал самолет в воздухе и набрал некоторую высоту, но положение было критическим, тем более что, кроме горячего в баках, на борту находились 43 бочки авиационного керосина – горячего в Сане не было. Без преувеличения можно сказать, что экипаж Калтыгина совершил подвиг: обвязавшись канатами, они вырубили топорами днище самолета, чтобы выбросить то, что позволило открыть аппарели, а затем выбросили через них бочки над безлюдной пустыней, а за ними и другое «лишнее» оборудование. Долетев до Каира, Ан-12 сделал несколько кругов, чтобы израсходовать горячее. Калтыгин все же сумел

³⁴ В Египте и на Занзибаре (1960–1966). С. 83-87.

³⁵ Майор Калтыгин вошел в историю ВТА на долгие годы. Лет 40 спустя я оказался в одной компании с генерал-полковником В.В. Ефановым, ее бывшим командующим, и хотя тот уже не застал этого майора на службе, хорошо помнил его фамилию.

³⁶ Ibid. С. 83.

посадить самолет со сломанным шасси, и все члены экипажа благополучно выбрались из него, хотя и выпрыгивали с приличной высоты.

А через несколько недель наша эскадрилья потеряла еще один борт, 1205, причем проблемы возникли вновь в Асуане. Вскоре после дозаправки и взлета в кабине обнаружилось задымление, экипаж успел вернуться и приземлиться в Асуане, но пожар усилился и самолет сгорел. К счастью, и в этом случае обошлось без жертв.

Постепенно мы познавали все особенности, как это официально называлось, осуществления «боевых вылетов», да и приучались не трусить. Помнится, как в первом полете я услышал треск как бы пулеметной очереди, и лишь потом узнал, что уже на достаточно дальнем расстоянии от аэродрома вылета стрелок, находившийся в отдельной кабине в хвосте самолета, производил пробную стрельбу из сдвоенной 23-миллиметровой установки.

Не сразу я понял, кто именно в экипаже говорит по СПУ (самолетное переговорное устройство – intercom), и что означает, например, сказанное «Командир, все путем будет. Вам – «Дружных ребят», нам – по «БЗ». А это был наш стрелок, ветеран большой войны, участник неудачного десанта на Днепре в 1943 г.³⁷, который хотел сказать, что командир получит орден «Знак почета» (на нем были изображены двое – рабочий и колхозница), а остальные – «БЗ» – медаль «За боевые заслуги». Как раз эту медаль он потом и получил.

Хотя у ВВС ОАР имелись и другие транспортные самолеты, в основном Ил-14, именно Ан-12 обеспечили надежное снабжение египетских войск, численность которых в Йемене быстро росла. Грузы были разные – от приводной радиостанции, которую мы перевезли в первом рейсе, что позволило намного улучшить условия посадки в Сане, до мышеловок. Бывало и так, что придя на вылет, экипаж (без большого воодушевления) обнаруживал, что грузовая кабина заполнена бомбами...

После дозаправки в Асуане начинался «режим молчания» вплоть до установления связи с Саной уже над йеменской территорией, при этом над Красным морем на наших картах была обозначена точка, которую по-английски называют «point of no return», но по-русски она звучит более оптимистично – «точка возврата» – после ее прохода вернуться на египетские аэродромы уже было невозможно из-за нехватки горючего.

Для увеличения дальности полетов на самолетах, прибывших из состава ВТА, были установлены в грузовой кабине крупные дополнительные баки. Сложнее дело обстояло с бортами, ранее поставленными в Египет; на них поместили собранные в группы подвесные баки от

³⁷ К своему стыду, я не могу вспомнить его имени.

МиГов. Сооружение это было не слишком надежным. Мы убедились в этом сами, когда при вылете на таком самолете, а не на нашем 1209, топливо стало растекаться по грузовой кабине. Переходя в нее через небольшую пассажирскую кабину, где я находился, борттехник успокоил меня: «Не бойсь, Володя, все в порядке будет». Не скажу, что я боялся, хотя мысль появилась: «Зачем это мне все...», но тут же ее сменила другая: «А как же они? Для меня это – эпизод, а для них – вся жизнь».

Были и другие случаи. Кроме итальянского 9-мм пистолета Беретты на вылет нам выдавали парашюты, за которые отвечал борттехник по десантному оборудованию. Прыгать мне, к счастью, не довелось, но парашют все же служил пользу: в режиме радиомолчания несколько часов можно было подремать на железном полу в кабине, положив его под голову, а под спину – надувной жилет. Но однажды перед самым вылетом я обнаружил, что «моего» парашюта нет. Надо было решать: «поднимать шум» и задерживать рейс или рискнуть. Я выбрал второе и получил искренние извинения товарища по экипажу, когда я сказал ему (а не командиру) об этом после возвращения в Каир.

Самым опасным был, однако, случай, когда после взлета с Алмазы шасси нашего самолета неправильно убралось. Сохранилась запись, сделанная тогда в маленькой записной книжке, которая была у меня с собой: «19.3.63. 1.20. Передняя нога не выпускается. Крутимся. Как ты там, маленькая?» (Эти слова уже к жене, которая ждала ребенка в Москве). Подробнее я этот эпизод записал почти две недели спустя: «19.3. мы прокрутились раз 11 вокруг аэродрома [вырабатывая горючее], а потом сели. Сели хорошо, но могло быть гораздо хуже... Что там случилось с управлением передней ногой – выше моего понимания в технике, но если бы ее не удалось выровнять при посадке, то еще одним самолетом в строю было бы меньше. Афанасьев (М.И.), который летел инструктором, вел себя (и самолет) хорошо, бодро. Никакой паники не было. Четкая мысль – ничего не случится, максимум ударит, но ничего серьезного».

Действительно вспоминается, как Михаил Иванович (майор был ветераном войны, со шрамами на лице) с правого сидения, которое он занимал как проверяющий, хотел пересест на левое, но молодой командир сказал, что это не положено делать, и тот воспринял отказ спокойно. И как радист пытался уступить мне более безопасное место. А если бы был приказ прыгать, я спокойно бы прыгнул, хотя и в первый раз.

Но это, конечно, исключалось, мы везли группу египетских военных, и за пять минут до посадки я передал им указание командира перейти из пассажирской кабины в грузовую. Генерал-майор выполнил его без возражений, но какой-то подполковник (в летной форме, хотя и с кривым

глазом) усиленно расспрашивал, что случилось. А уже после посадки другой офицер спросил: «Где находимся?» «На земле – ответил я». Как я позднее узнал от арабских «контролеров» на КПП, некоторые пассажиры думали, что мы сели в Асуане.

Однажды из-за небольшой неисправности нам пришлось остаться на ночь в Сане. Город (если не считать немногочисленных автомобилей) казался средневековым: старые дома, тяжелые серебряные талеры Марии-Терезы, которые начали чеканить в Австрии еще в 1741 г. в честь старшей дочери императора Священной Римской империи (даже однодневная скромная норма суточных оттягивала карман летного комбинезона). Мальчишки, завидев нас, кричали: «Синема фи?», то есть спрашивали, будет ли показ кино в нашем посольстве – при имаме кино в Йемене было запрещено.

Вскоре от тяжелых самолетов на грунтовой полосе (если вообще ее можно так назвать) аэродрома появились глубокие колеи, и только в 1963 г. нашим инженерно-авиационным батальоном из Белорусского военного округа был построен настоящий аэродром с твердым покрытием.

Батальон этот прибыл в Ходейду на большом теплоходе «Грузия», а затем большая часть личного состава была переправлена в Сану на автомобилях по довольно опасной дороге, а командование и группа военнослужащих – женщин были «переброшены» нашими Ан-12. (К тому времени египтяне построили аэродром в Ходейде, где стали базироваться их бомбардировщики Ил-28, а для Ан-12 он служил надежным запасным, а затем был построен еще один аэродром в Рас-Банасе, на юго-востоке Египта, на красноморском побережье). Тогда к «государственной и военной тайне» относились строго; строители рассказывали, как после прохода Босфора и Дарданелл они с удивлением обнаружили, что плывут не на запад, а юг: когда им предлагали поехать в командировку в не названную страну с жарким климатом, они были уверены, что речь идет о Кубе³⁸.

Батальон в сжатые сроки и качественно сделал свою работу, хотя не обошлось и без потерь. Два солдата срочной службы погибли, причем не от пуль монархистов, а от французского одеклона: не знали бедные, что в отличие от нашего, пить его нельзя. К счастью, они были единственными жертвами «сухого закона» в Йемене среди советских.

³⁸ Свою историю мы знаем плохо: 40 с лишним лет спустя в беседе с нашим послом в одной из африканских стран, узнав, что он раньше несколько лет проработал в Йемене, я спросил его: «Как там наш аэродром?». Выяснилось, что он и не подозревал, что аэродром в Сане построен советскими военными.

А боролось с его нарушениями командование серьезно. По просьбе наших же военных экипажи частенько завозили в Сану из Каира бутылки с самым дешевым алкоголем – ромом или бренди, а то и с чистым спиртом, и когда это было однажды обнаружено, «экзекуцию» этим бутылкам устроили перед строем эскадрильи, с грустью смотревшей, как алкоголь течет на египетский песок. (В Каире «сухого закона» не было, вспоминается, как один из «летунов» заказывал в соседнем с гостиницей баре ром удивленному официанту «Джорджу» (греку Георгию): «Дабл-дабл, дабл-дабл», то есть по-нынешнему сто граммов, а по тем временам – даже немного побольше («сингл дринк» тогда был не 25 миллилитров, а 28,4).

При всей тяжести работы летного состава были и «веселые» моменты. Так, накануне 7 ноября 1962 г. замполит (не самый умный их замполитов, которых я встречал за годы службы в армии), вспомнив о необходимости отпраздновать годовщину революции, сетовал: «С этими полетами всю самодеятельность забросили». Были и другие забавные случаи. Через несколько месяцев египетское командование пригласило наших летчиков на прием в клубе ВВС. Организован был он «на высшем уровне», но не все могли это оценить. Один из офицеров, оказавшийся за столом со мной, сокрушался: «Пожадничали арабы. Какую-то сивуху подают». Пришлось на следующий день привести его в магазин и показать, что это была за «сивуха» – виски, которые стоили раза в три дороже, чем ставшими привычными ром и бренди.

Своеобразные отношения сложились между нашими техниками и египтянами (именно техники с ними общались повседневно). Однажды арабский техник, работавший с нашим, обратился ко мне с просьбой: «Скажите мистеру Юрке, что я не колхозник...» Это слово среди летчиков и техников нередко употреблялось в отношении неквалифицированных и неумелых, а «мистер Юрка» экспортировал его и в Египет. Выяснилось, что этот араб понимал значение слова несколько упрощенно – просто как «феллах», а для горожанина, тем более для служившего в ВВС пусть и в нижних чинах, слышать такое было очень обидно. Ну а имя «Юрка» он заимствовал из разговоров между нашими.

А война в Йемене не утихала. Хотя Насер громко заявил о победе еще 1 марта, а с 1 апреля у нас прекратились «фронтовые» льготы (день за три на выслугу и день за два на звание)³⁹, но на деле боевые действия то

³⁹ Когда наконец-то был опубликован официальный «Перечень стран и периодов ведения в них боевых действий до 1 декабря 1979 г.», в нем были указаны ОАР (Египет) и Йемен с 18 октября 1962 г. по 1 апреля 1963 г., хотя,

несколько стихали, то вновь разгорались. Сказывалась не только активная поддержка роялистов Саудовской Аравией (и более скрытая Англией и США), но и, мягко говоря, «неидеальное» поведение египетских военных.

Египет и особенно лично Насер в тот период, несмотря на неудачу объединения с Сирией, все еще был своего рода магнитом для многих в арабских странах. В ангаре на Алмазе возле расположения нашей эскадрильи находились два истребителя английского производства, кажется, «Хокер-Хантеры», на которых пилоты перелетели в Египет из Иордании, а на аэродроме Асуана – двухмоторный транспортный самолет, прибывший из Саудовской Аравии.

Однако, военное присутствие египтян в Йемене вряд ли усилило притягательность Каира. При всем уважении к жителям страны, где я прожил больше четырех лет, приходится признаться, что, как правило, вежливые или, по крайней мере, мирные на родине⁴⁰, египтяне зачастую становились грубыми и заносчивыми по отношению к другим арабам, и это дорого им стоило в Сирии, а потом и в Йемене.

Алексей Иванович Дубенко⁴¹, тогда капитан 2 ранга, встречавший наши борты на аэродроме в Сане, рассказал мне в один из февральских дней 1963 г., что 130 грузовиков, направленных в Йемен из СССР, были «украдены», точнее, захвачены египтянами, а на запрос йеменского руководства те ответили, что у них грузовиков нет. Тогда Салаяль приказал ночью «увести» их у египтян, и эти покрашенные в желтый цвет ГАЗы с надписью на арабском «Аль-джейш аль-Йемений» («Йеменская армия») были хорошо заметны в его стране.

8 ноября 1962 г. между Египтом и ЙАР был подписан договор о взаимной обороне, который узаконил пребывание египетских войск в стране и их участие в войне. Однако, если отношение к советским («руси») в Йемене оставалось хорошим, (вспоминается, как йеменские крестьяне приносили нам в подарок на аэродроме виноград), но к египтянам оно быстро испортилось. Одним из охранявших аэродром в Сане был старый солдат с еще более старой винтовкой, немецкой, 1914 г. выпуска

как сказано выше, рейсы бортов ВТА в Сану начались тремя неделями ранее. К тому же по непонятной причине война в июне 1967 г. упомянута в сирийском разделе, но не в египетском. Впрочем, позднее эти списки были расширены.

⁴⁰ За все годы жизни в Египте я не видел ни одной драки, и жестокость, проявленная египтянами во время «арабской весны» была для меня полной неожиданностью.

⁴¹ О нем опубликована моя статья в сборнике «Воспоминания участников оказания помощи Народной Республике Ангола (1975–1976 годы)», М.: «Весь мир» под редакцией А.А. Токарева.

(попавшей в Йемен, очевидно, от турок, контролировавших эту страну в те времена), и через несколько месяцев он, хвастаясь своей меткой стрельбой, так выразил отношение к своим союзникам: «Пух – вахед [один] Насер, пух – вахед Насер».

27 февраля 1963 г. ведущая каирская газета «аль-Ахрам» вышла с большим заголовком красными буквами «Марерб взят», а Саяль заявил публично, о «закрытии» восточной границы Йемена. Затем сообщили о взятии и другого стратегического пункта – Хариба. «Хариб взят, а бомбы возим», – отметил я в своих записях. И действительно, при подлете к Сане мы не раз наблюдали «работу» египетских Ил-28, даже бомбежку позиций мятежников всего лишь в нескольких километрах от «нашего» аэродрома, откуда они ранее его обстреливали из 76 мм орудия, захваченного у йеменских республиканцев.

На одной из встреч на аэродроме генерал Кузоваткин, старший группы наших военных специалистов в Йемене, рассказал доверительно нам, что «Саяль лично не любит новых хозяев, но он слишком зависит от них и ничего не может сделать, так как боится получить пулю в спину».

Однажды мне пришлось содействовать проезду через Каир в Москву йеменского министра обороны – довольно колоритной фигуры в племенном облачении (поскольку ни в военном атташате, ни в группе СВС не оказалось в период отпусков ни одного переводчика с настоящим арабским, пригодился мой «ломаный»), наш гость несколько дней не мог получить разрешения следовать дальше из Каира; какая-либо самостоятельность йеменцев не поощрялась.

И это происходило на фоне вот таких сообщений насеровской пропаганды: «По имеющейся информации, крупное наращивание сил ОАР закончилось в середине декабря, но небольшой поток мужчин и женщин все еще стабильно прибывает в порт Эль-Ходейда... Вдоль границы (на севере) солдаты ОАР свободно бродят без оружия по изолированному городу. Члены племен тепло здороваются с ними»⁴².

Потери египтян росли. Первоначально в радиосвязи было два кодовых выражения, которые передавались на «вышку» (КДП) при подлете к Алмазе: «Case number one» и «Case number two», означавшие соответственно наличие на борту ВВП-персоны или раненых, но однажды я услышал, как Валера Палладин (тоже выпускник МГИМО, хотя успевший послужить до Каира в Средней Азии) передает: «Case number three», и только после приземления «его» Ан-12 мы поняли, что так он обозначил наличие на борту тела убитого арабского офицера.

⁴² Egyptian gazette, 12 February, 1963.

После налета определенного числа часов самолеты должны были возвращаться домой для прохождения технического обслуживания и для нашего 1209 (конечно, вновь покрашенного в «аэрофлотовский») такой день наступил 22 ноября. После дозаправки (и прохождения пограничного и таможенного контроля) в Симферополе мы вылетели в Витебск. Погода была неважная, плотная низкая облачность; помню, как при снижении я увидел верхушки деревьев совсем на малой высоте, но все обошлось. И только через несколько дней, вернувшись в Витебск из Москвы, узнал, что в тот (поздний уже) вечер произошла трагедия: следовавший за нами Ан-12, пилотируемый капитаном Галушко, «при минимуме погоды» после прохода дальнего привода слишком сильно снизился (командир, очевидно, стремился выйти из-под облаков, чтобы скорее увидеть землю) и задел эти верхушки⁴³.

Погиб штурман капитан Бутовалкин, застекленная кабина которого находилась в «носу» самолета. После расследования было признано, что ошибки совершили и руководитель полетов, не отправивший экипаж на запасной аэродром, и командир корабля, который, снизившись до высоты установленного минимума и не пробив облачность, должен был уйти на второй круг⁴⁴. (Можно предположить, что экипаж торопился домой). Остается добавить, что командир был наказан, но «в разумных пределах» – «пересадили» его на правое сидение, то есть понизили с должности командира отряда до ПКК – помощника командира корабля.

Жена меня тогда встречала (кажется, в первый и последний раз за годы моих полетов), при этом довольно символично – на Белорусском вокзале. Во время моего краткого пребывания в Москве было решено, что я не вернусь на курсы, а останусь служить в ОАР и что там ко мне присоединится жена. Но процесс ее «оформления» неожиданно затянулся, а когда я у прибывшего в Каир знакомого из «Десятки» попытался выяснить причины этого, ответ был неожиданный, но убедительный: «Не до этого, Пеньковский изменил»⁴⁵.

Так что жену мне пришлось в Каире встречать четыре раза. Первый – 26 апреля 1963 г. вместе с тремя другими переводчиками; жен то-

⁴³ <http://vtap339.ucoz.ru/index/0-4>. В информации об этой катастрофе говорится, что самолет «врезался в землю», но это представляется преувеличением – тогда жертв было бы гораздо больше.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Полковник О.В. Пеньковский, сотрудник ГРУ Генерального штаба Вооруженных Сил СССР был арестован 22 октября 1962, обвинён в шпионаже в пользу США и Великобритании и в измене Родине и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

гда не встретил никто из нас, поскольку, как вскоре выяснилось, в последний момент их места в Ил-18 отдали китайскому цирку – его артисты летели в Хартум, и Аэрофлоту такие пассажиры были выгоднее, чем летевшие в Каир. А вот следующим рейсом три жены прилетели, но моей среди них не было. При этом никто не удосужился мне передать почему, но я знал, что жена была уже на девятом месяце. И все же поехал в аэропорт в третий раз встречать рейс египетских «Юнайтед Араб Эйрлайнс», хотя шанс прибытия советских граждан этим рейсом был минимальный.

Лишь недели через три кто-то из знакомых, прибывших в Каир из Москвы, обрадовал меня: «У тебя кто-то родился, кажется, дочка», и еще дня через три, наконец-то, причем, как всегда диппочтой, пришло и письмо от жены. Да, «государственную и военную тайну» тогда хранить умели даже тогда, когда, по существу, такой тайны не было.

Дочка родилась той самой ночью, и если бы не отмена вылета жены, это случилось бы где-то над Анкарой. Так что у меня появилось выражение: «Спасибо китайскому цирку» ...

В конце концов, жена привезла дочку почти два месяца спустя, когда ей было уже 56 дней, а температура в Каире было под 40 градусов. Здесь не обошлось без везения: знакомые по полетам в Йемен офицеры организовали телефонный разговор жены с генералом из «Десятки», и на его вопрос «Чего Вы хотите?», она ответила, «Я хочу ехать к мужу». Против такого генералу возражать было трудно...

Когда мы ехали из аэропорта в Замалек, где была снята квартира, жена спросила; «А ты знаешь, что у тебя еще одна звездочка?». Я уже знал об этом: как и других наших офицеров указом (закрытым) меня наградили орденом Красной Звезды «За образцовое выполнение специального задания Правительства СССР и проявленные при этом...» (далее в указе шли очень «громкие» слова). Два человека – командир эскадрильи (стыдно, не могу вспомнить его фамилию) и майор Велигодский, у которого было самое большое число боевых вылетов, получили ордена Ленина, командиры кораблей – Ордена Красного Знамени, другие офицеры Ордена Красной Звезды, а остальные (в основном – сверхсрочники, но среди стрелков было и несколько призывников) – те самые «БЗ» – медали «За боевые заслуги».

А в арабском мире в тот период происходили важные перемены. Переворот 8 февраля 1963 г. в Ираке был воспринят в Египте как большой успех насеровской политики. «Касем халас» («Касему конец»)⁴⁶ радост-

⁴⁶ Абдель Керим Касем (1914–1963) – премьер-министр и министр обороны Ирака в 1958–1963 годах. Свергнут в результате переворота и казнен 9 февраля 1963 г.

но говорили нам египетские солдаты об убийстве тогдашнего лидера этой страны. По багдадскому радио после сообщений о создании новых органов власти звучали египетские военные марши и призывы «уничтожить коммунистических агентов врага Касема». А иракский временный поверенный в Каире на следующий день после переворота на пресс-конференции прямо заявил: «Будем вешать коммунистов»...

Месяц спустя военный переворот произошел и в Сирии, где также началась «охота на коммунистов» и одновременно раздавались призывы «Высоко поднимем знамя арабизма и единства». «Бальзамом на раны» египетского руководства, болезненно переживавшего откол Сирии от ОАР полутора годами ранее, были появившиеся планы объединения «военного и политического командования» нескольких арабских стран, как минимум Египта, Ирака и Сирии.

Пару недель газеты и радио шумели о новом объединении, о «единстве, свободе и социализме», но в то же время в Дамаске разгоняли пронасеровские демонстрации, а сирийцам, входившим в правительство ОАР, пришлось по прибытии в Дамаск вылететь назад в Каир. А затем в нескольких каирских газетах, включая «Аль-Ахрам», появилась статья ведущего египетского журналиста Мухаммеда Хесанейна Хейкала⁴⁷, означавшая практически прекращение переговоров о таком объединении. Однако вскоре они возобновились, и 17 апреля было напечатано коммюнике, предусматривавшее создание Объединенного арабского государства, но эти планы, как и многие другие подобные, остались на бумаге.

В середине мая 1963 г. Ан-12 и летчиков витебского 339 полка сменили их товарищи из Кривого Рога, из 336 втап (в/ч 22527)⁴⁸. В составе одного из его экипажей, командиром которого был майор Тимченко, наряду с несколькими полетами в Сану, мне пришлось участвовать в (наконец-то) начавшемся переучивании на Ан-12 арабских пилотов, летавших на Ил-14. Первым из них был экипаж командира 32-й бригады Ва-

⁴⁷ При Насере Хейкал играл важную роль в осуществлении внешней политики страны, например, сразу после смещения президента Бен Беллы в июне 1965 г. он был направлен Насером в Алжир, и опубликованная им статья о поездке и встречах с новым руководством страны имела двусмысленный заголовок – «Долгая ночь в Алжире». А при Анваре Садате Хейкал попал в тюрьму.

⁴⁸ Хотя формально боевые вылеты окончились, в 1964 г. и они вместе с переводчиками получили боевые награды. Представляли к повторным наградами и тех из нас, кто оставался «на летной работе», но, как говорится, «бумаги затерялись в штабах».

фика Рифаата, умного и порядочного человека, с которым и у наших летчиков, и у меня сложились добрые отношения.

Подготовка давалась египетским летчиком нелегко, особенно потому, что она проходила в летнее жаркое время, да еще в период Рамадана, когда до восхода до заката мусульманам не положено даже пить. Бывало так, что члены их экипажа во время полетов по кругу на небольшой высоте, когда воздух в кабине не успевал остыть, один за другим после посадки просились остаться на земле – настолько они были измотаны. «Что, мы сами себя что ли учим?» – возмущались наши.

Самыми сложными при обучении были, пожалуй, три момента. Во-первых, это посадка вслепую, когда стекло перед обучающимся пилотом закрывалось шторкой, и не раз, когда ее отодвигали, приходилось уходить на второй круг – взлетно-посадочная полоса оказывалась в стороне. Второй, правда, не столько сложный, сколько опасный – это экстренное снижение, если мне память не изменяет, до 40 метров в минуту. И третий, пожалуй, и сложный и опасный – выключение одного из двигателей в полете и срочное флюгирование винта, то есть поворот его лопастей в такое положение, при котором предотвращается авторотация, губельная для самолета из-за возникновения сильного разворачивающего момента.

Так или иначе, к середине октября обучение первого экипажа была завершено, в заключительном полете «саид амид» («господин бригадир») ⁴⁹ самостоятельно и умело осуществлял весь полет, включая взлеты и посадки. Но через несколько дней произошла трагедия: выбежавший из штаба эскадрильи наш командир почти крикнул мне «Вафик разбился!»

Тот день, 18 октября 1963 г., был, пожалуй, одним из самых тяжелых в моей жизни. В составе группы арабских и советских офицеров на Ил-14 мы вылетели в Асуан, где произошла катастрофа. Пилот-египтянин, возможно нервничая, «закладывал» такие виражи над местом катастрофы, что мой старший шепнул: «Если так будет продолжаться, то сегодня еще одно расследование понадобится».

Груз на этом самолете перевозился особый: несколько тонн монет – новых йеменских риалов, которые должны были заменить талеры Марии-Терезии, в обращение вводили их, а не бумажные деньги, поскольку по традиции йеменцы больше доверяли «металлу». Они были как бы полосой разбросаны на протяжении нескольких сот метров, и большая группа полицейских занималась их сбором.

⁴⁹ В ОАР по английскому образцу было звание «бригадира», а не «бригадного генерала», как в США.

Самолет разрушился и сгорел, и тела летчиков были сожжены до неузнаваемости. Правда, как это иногда бывало и при других катастрофах Ан-12, хвост вместе с кабиной стрелка при ударе об землю отвалился, и его можно было опознать, хотя привязанное тело было без рук и без ног, и, можно бы сказать, вниз головой, но голова его тоже была оторвана. Не дай бог никому такое увидеть, тем более, если ты летал с погибшими несколько дней назад.

Причины катастрофы, которая произошла вскоре после взлета ночью с асуанского аэродрома, выяснить так и не удалось – слишком сильно самолет разрушился. При осмотре на месте катастрофы, судя по расположению обломков, создавалось даже впечатление, что он коснулся земли в перевернутом состоянии.

Много лет спустя, пытаясь найти в интернете какие-либо документальные сведения о нашем «воздушном мосте» я обнаружил на сайте совета выпускников Балашовского авиационного училища информацию под заголовком «Боевая потеря Ан-12 близ Асуана в Египте». К сожалению, кроме слов о войне в Йемене, самого факта катастрофы, ее места и типа самолета вся информация в нем неверная.

Позволю себе привести здесь основную часть текста данной «информации» и главное из моего письма модератору сайта. Делаю это для того, чтобы показать, сколько, извините, чуши можно найти даже на официальных или полуофициальных сайтах:

«Боевая потеря Ан-12 близ Асуана в Египте

18.10.1963

Тип самолета Ан-12

Место происшествия близ Асуана (ОАР – Египет)

Командир экипажа [Имя не было указано]

...Ранее ночью 18 октября 1963 г. двумя самолетами Ан-12 363 втап (Кривой Рог) ВТА ВВС ВС СССР осуществлялась переброска военнослужащих египетской армии из Каира (Египет) в Сану (Северный Йемен) с промежуточной посадкой в Асуане для дозаправки. Предположительно, что первый вылетевший самолет получил боевое повреждение на маршруте полета над территорией Египта близ города Асуан (речной порт на правом берегу реки Нил, ниже 1-го порога), разбился и сгорел при попытке совершить вынужденную посадку вне аэродрома ночью в условиях песчаной бури. Экипаж 6 чел. и пассажиры 25 чел. офицеров египетской армии на борту все погибли. Экипаж, следующего, как правило, на 30-ти минутном интервале, второго борта Ан-12 со специалистами ИАС полка (Кривой Рог), на маршруте получил информацию о боевом воздействии ИА противника, и, для срыва атаки на него применил противоистребительное и противоракетное маневрирование на

больших курсовых углах, снизился на ПМВ и под прикрытием рельефа, вышел из под атаки истребителей, продолжил полет, и, в дальнейшем, благополучно завершил перелет и приземлился на базовом аэродроме Долгинцево (Кривой Рог). Этот случай ранее был описан в грифованном учебнике Тактики ВВС.

Не прибыл на базу в Кривой Рог экипаж первого Ан-12, а их тела в гробах привезли позднее. Экипаж в основном похоронен на кладбище 7-й км пос. Долгинцево в г. Кривой Рог, а 2-х или 3-х из них забрали родственники на родину...

Источник: *Авиационные происшествия, инциденты и авиакатастрофы военной авиации в СССР и России*.

Мое письмо было помещено на сайте под словами «Уточнение информации», хотя правильнее было бы написать «Опровержение информации». Я писал в нем, что не было ни Ан-12 из 363 (Криворожского) полка, ни потерь среди советских летчиков, ни попытки вынужденной посадки в условиях песчаной бури, ни поражения самолета от саудовских или английских истребителей, ни применившего «противоистребительное и противоракетное маневрирование» нашего второго самолета. Самое удивительное то, что этот случай (якобы) «был описан в учебнике Тактики ВВС». Как источник этой ложной информации названа работа «Авиационные происшествия, инциденты и авиакатастрофы военной авиации в СССР и России», но в ней изложен лишь факт катастрофы самолета, который ошибочно назван советским, но без других деталей⁵⁰. Остается добавить, что эту дезинформацию на сайте прочитали более тысячи человек!

Так или иначе, были продолжены и регулярные полеты, и подготовка египетских экипажей, хотя не все шло гладко. Специально с этой целью из криворожского полка к нам был направлен майор. Неясно, почему выбор пал именно на него, хотя он и был летчиком 1 класса и по прибытии гордо называл себя «pilot-instructor», сослуживцы о его квалификации отзывались довольно скептически. И вот 29 сентября 1963 г. в первом же, демонстрационном полете для арабского экипажа он, выражаясь официальным языком, допустил «предпосылку к летному происшествию». Этот термин потом на собрании возмущался генерал Пожарский: «Ничего себе предпосылочка, на 240 тысяч!»

В эту сумму были оценены расходы на направление в Каир из СССР специалистов-ремонтников и запасных частей. За несколько недель они смогли отремонтировать этот Ан-12, но летавшие на нем потом арабы все же относились к нему с опаской.

⁵⁰ <http://бвваул.рф/index.php?id=11460>

Расходы по этому ремонту были отнесены на счет наших ВВС, и вполне справедливо: полет проходил днем, при благоприятных погодных условиях, как шутят летчики, «миллион на миллион», и все же «pilot-instructor» умудрился, как пишут на сайтах катастроф и аварий, «преждевременно убрать РУД внутренних двигателей за проходную защелку», самолёт резко снизился и «в результате удара в торец ВПП были повреждены шасси и фюзеляж». Правда, мне показалось (а мы тогда находились рядом с ВВП), что самолет коснулся земли еще до торца, «подпрыгнул», потом коснулся уже полосы, но правое шасси стало наших глазах подгибаться...

Так что роль инструкторов пришлось выполнять другим летчикам, по мере подготовки арабских экипажей они постепенно заменяли советских, и в 1965 г. количество ежедневных рейсов снизилось с пяти и более до двух. В то время «наша» 14-я эскадрилья была перебазирована на основной (международный) каирский аэродром, поскольку полеты с двух соседних аэродромов было сложно контролировать.

К тому времени я уже побывал в отпуске в апреле-мае 1964 г., невольно пропустив важнейшее событие в отношениях между нашей страной и ОАР – визит Н.С. Хрущева, довольно продолжительный, с 9 по 25 мая того года, приуроченный к перекрытию Нила при строительстве Асуанской (или «Высотной», как ее называли в Египте) плотины. Визит этот, как считали многие, задержался на несколько лет, и стоит рассказать «байку», которую намного позже я услышал от арабского шофера в Асуане. Племянник его был коммунистом и при посещении в тюрьме всегда говорил дяде, что Хрущев не придет в Египет, пока тот не выйдет из заключения. Якобы он говорил египетским руководителям: «Я к вам приеду, а вы меня, как коммуниста, арестуете». И действительно, и племянник, и много его товарищей перед приездом Хрущева вышли на свободу.

После возвращения из Союза я был направлен на работу в штаб ВВС. Там более заметным, чем на аэродроме, был разрыв между арабскими офицерами и солдатами. Возле каждого кабинета, где размещались два-три, а то и один офицер, в коридоре находился «аскари аль-хыдма» – дежурный солдат, который их обслуживал, например, приносил бутылки с холодной кока-колой.

За время службы в штабе особенно запомнилась поездка для выбора мест под установку радиолокационных станций в Хургаду, тогда это был сонный городок, в котором находилась лишь одна двухэтажная гостиница. Запомнилось и то, что как раз во время этой поездки в египетских СМИ было объявлено об уничтожении израильских самолетов, пролетавших с моря над Александрией и Каиром. Но радость арабских

офицеров (среди них был и ответственный в штабе ВВС за РЛС) быстро улетучилась, когда мы вернулись в штаб ВВС: выяснилось, что сбитые самолеты были приняты сброшенные израильянами дополнительные баки для горючего, а самолеты обнаружили не радары, а отдыхавший на пляже в Александрии египетский летчик.

Но вскоре полеты для меня возобновились, даже в более сложных условиях – днем надо было работать в штабе ВВС (а не на аэродроме), а поздно вечером отправляться на вылет, сначала на ту же Алмазу, а позднее – на международный каирский аэродром, правда, эскадрилья Ан-12 размещались на стороне, противоположной пассажирскому терминалу. И летали теперь не только с посадкой в Асуане, но все чаще вдоль красноморского побережья на Сану с заправкой в Ходейде, на построенном египтянами аэродроме.

Именно со стоянки Ан-12 на Кайро-Интернейшенел ночью 7 июля порулил на взлетно-посадочную полосу экипаж майора Григория Козакова. У меня было немало шансов оказаться на этом борту, в то время я был старший в нашей группе из четырех человек группе и обычно ставил себя на первый рейс из двух. Но жена уже работала переводчицей на строительстве металлургического комбинате в Хелуане к югу от Каира, и когда мы возвращались с вылета днем, мне приходилось еще несколько часов ждать ее на «вила руси» в Замалике (с тех пор не люблю солеными орешками закусывать пиво), и я спланировать так, чтобы быть вместе с семьей.

Утром мы с женой и дочкой зашли в офис и сразу почувствовали «Что-то неладно». Кто-то шепнул мне: «Ан-12 ночью разбился». Сразу подумалось: «Кто был из переводчиков, Калябин или Шевченко?». Оказалось, Леша Калябин...

На этот раз обстоятельства катастрофы на сайте в Интернете, насколько я могу судить, изложены правильно⁵¹. Разбился экипаж, с которым (и на этот раз!) я делал свой предыдущий вылет. (Вспоминается, как борттехник, старший лейтенант Шевченко, показывал мне купленные в Йемене для детей игрушки). При взлете и в 1.30 ночи температура была не ниже + 30. Через минуту после взлета при уборке закрылков самолёт как бы «просел», или, как пишут специалисты, «плавно перешёл на снижение», сбил небольшой домик с сигнальным огнём, упал в овраг в нескольких десятках метров от шоссе Каир-Суэц и взорвался. (Во всяком случае арабы, а их уже несколько экипажей летало, сразу получили приказ убирать закрылки позднее.)

⁵¹ <http://xn--80abda0c7b.xn--p1ai/index.php?id=11146>

Самолет разрушился и еще долго горел. Погибли все члены экипажа, кроме стрелка, и, кажется, 22 арабских офицера (потом в «Десятке» видел текст послания из Москвы египетскому руководству с соболезнованиями). Стрелок срочной службы выжил и даже не пострадал, при ударе хвост отвалился, и он смог выбраться из кабины. Второй самолет, груженный бомбами, через некоторое время все же вылетел в Сану, но, когда 7 июля вечером я прибыл «на место сбора» в гостиницу «Виктория»⁵², оказалось, что на этот раз вылет отменили.

Старшим группы тогда был подполковник Михаил Павлович Заика (будущий 1-й заместитель командующего ВТА), но его не было в момент катастрофы на аэродроме, так как он следующим утром должен был провожать улетавших домой. В тот день на нем не было лица. А ребята из Кривого Рога стали поминать Гришу Козакова по-своему: на подлете к аэродрому вместо слов «ближний привод» штурманы говорили: «Козаков» (черное пятно от пожара там оставалось).

Большинство членов экипажа были похоронены в Кривом Роге, но помню, что Лешу Калябина вдова увезла в Донецк. Кто мог подумать тогда, что они будут покоиться по разные стороны фронта в Донбассе!

Через пару недель после этой трагедии мы, как и другие советские военные специалисты, были приглашены на парад в честь годовщины июльской революции, в нем принимали участие и самолеты 14-й эскадрильи. На это раз их пилотировали египтяне, но мне тогда вспомнилось, как двумя годами раньше тройку Ан-12 вели наши летчики. Тогда парад проходил еще на центральной каирской площади «Ат-Тахрир», и мы проводили тренировочные полеты поздно вечером над островом Замалек, так что зрители фильмов на «вилла руси» – нашем клубе – жаловались на рев самолетов.

На параде в 1965 г., кажется, впервые были показаны ракеты египетского производства. Не знаю, были ли они настоящими или грузовики тянули макеты, но, так или иначе, о их использовании в войне с Израилем два года спустя ничего слышно не было. Много шума было в Египте еще ранее и о создании своего самолета. Вспоминается, как после его демонстрации майор Али, летчик, но одновременно и офицер безопасности бригады, уверял других арабских пилотов, что этот истребитель «до каждого винтика египетский» – «мисмар биль мисмар мысри».

Полеты для меня кончились в начале сентября, кстати, недели за три до того, как командование АРЕ провело награждение всех наших, служивших в 14-й эскадрилье, медалями своих ВВС. Первоначально я при-

⁵² Помните песню «Иди любимый мой, или родной»? Не знаю, что жена в душе чувствовала, но вела она себя так, как героиня этой песни.

летел с семьей в отпуск, но по прибытию в «Десятку» мне было предложено завершить командировку. Я отнюдь не возражал против этого, правда, было жаль, что жена и дочка не смогли отправиться на Родину по морю все тем же «Феликсом Держинским», как это предусматривалось при окончательном отъезде. Но моя, сразу же высказанная просьба об увольнении со службы, удовлетворена не была, хотя «кадровик» пообещал, что задержка не должна быть долгой.

Глава 3. «Полевая академия»

Отпуск мы с женой провели на военной турбазе в Сухуми, а по возвращению в Москву узнал о новом (и неплохом) назначении – на Высшие офицерские курсы «Выстрел», которые в Советской Армии с уважением называли «полевой академией». В нем уже несколько лет действовало специальное отделение по переподготовке офицеров из дружественных СССР стран, в том числе из Африки. Там же, но позднее, уже после моего отъезда отсюда, стали учиться и представители национально-освободительных движений.

Курсы эти располагались в 55 км от Москвы, на берегу красивого озера Сенеж. Рассказывали о письме африканского слушателя, который так объяснял своим родным: «Я живу не в городе, я живу не в деревне, я живу в лесу».

Там мне вновь пришлось встретиться с ганцами, но в отличие от представителей молодежи, с которыми я имел дело ранее в КМО, офицеры из этой страны занимали отнюдь не радикальную позицию. Они довольно скептически относились к критике американской администрации со стороны преподавателя курса, посвященного официально нашей стране, а реально представлявшего собой тогдашнюю советскую версию того, что сейчас называют политологией.

Не знаю, какова была их судьба после коренных перемен в Гане – свержения 24 февраля 1966 г. президента Кваме Нкрумы, причем этот переворот совершили именно военные. Падение режима, который рассматривался тогда как один из наиболее прогрессивных в Африке, было, несмотря на сложности в двусторонних отношениях, болезненно встречено в Москве, и не только там. Лидер Гвинеи Секу Туре провозгласил Нкруму «со-президентом» своей страны, хотя осуществлено это было только на бумаге. Более серьезными были планы военной операции с целью восстановления правления лидера Ганы, уже провозглашенного ранее пожизненным президентом.

Позднее мне довелось ознакомиться с документами, свидетельствовавшими о намерении советского руководства, во всяком случае, перво-

начально, оказать Нкруме и его гвинейским союзникам довольно решительную поддержку. Предполагалось выделить для операции по восстановлению его власти военно-транспортный самолет Ан-26 и судно. Но реализм возобладал, и было решено направить в Конакри военного для разъяснения Нкруме и гвинейскому лидеру нецелесообразности такой, можно сказать, авантюры. Причем эта миссия была поручена В.Г. Куликову, тогда генерал-лейтенанту, который, будучи командующим 6-й общевойсковой армией со штабом в Петрозаводске, казалось бы, был далеко от африканских дел. Но, очевидно, принимая такое решение, советское руководство исходило из того, что Нкрума менее болезненно воспримет информацию об изменении позиции Москвы от генерала, который ему был знаком лично.

Сам я впервые встретился с будущим маршалом в начале июля 1961 г., когда после возвращения из Александрии оказался на Гоголевском бульваре в пристройке к большому серому зданию с башенкой, на всех сторонах которой изображены звезды. В нем тогда располагалось несколько управлений Генштаба, в том числе и 10-е Главное управление, а в пристройке – административные службы, в частности финансовая часть «Десятки».

Возле стойки, отделявшей нас от финансистов, рядом с собой я увидел молодого (по советским стандартам), коренастого генерал-майора. Это был не кто иной, как Виктор Георгиевич Куликов, который 15 лет спустя стал маршалом Советского Союза, еще раньше – начальником Генштаба, а затем – Главнокомандующим Объединенными Вооруженными Силами Организации Варшавского Договора. Внимание мое, однако, привлек не столько сам генерал, сколько авиабилет компании «Гана Эйруэйс» в его руках⁵³. Для меня это явилось еще одним подтверждением того, что «Десятка» кроме Конго, активно действовала не только в Северной Африке, но и в других странах южнее Сахары.

Можно добавить, хорошую службу Куликову сослужило знакомство в Гане с посетившим эту страну в феврале 1961 г. Л.И. Брежневым, тогда Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Маршал вспоминал: «Я был в Гане нашим представителем по военным вопросам. Моя задача состояла в том, чтобы выдавать рекомендации Кваме Нкруме, являющемуся председателем Организации африканского един-

⁵³ Спустя 44 года спустя в интервью, данном в связи с его 80-летием, В.Г. Куликов рассказывал, как он направился в Гану в январе 1961 г. через несколько европейских стран, будучи по документам «специалистом по мелиорации». Он добавил, что на Африканский континент ездил трижды. www.pobeda-60.ru/main.php?trid=6022

ства. У него была такая мысль – создать по всей Африке единые вооруженные силы, единый промышленный комплекс, единое сельское хозяйство, единую конституцию. Поэтому, по его просьбе, направляли к нему советников по разным отраслям.

И вот, в 1961 году, посещая Гану, Брежнев заслушал мой доклад о работе, которую я выполнял. Что произвело на меня впечатление – спокойный, ровный тон его разговора, знание дела и уважительное отношение ко всем работникам, и к посольским, в частности, к той колонии, которую я возглавлял. Прошло время. В 1964 году меня назначают командующим 20-й гвардейской армии – и Брежнев приезжает уже в Германию. Там опять состоялась наша встреча... Потом случилось так, что, прослужив немного, я был вызван в Москву – меня собирались назначить командующим на самый ответственный военный округ – Киевский. Много было кандидатов на эту должность... Но вот, выступает А.Н. Косыгин и говорит: «Давайте мы “африканца” назначим – и все будет в порядке!» Так, в 1967 году состоялось это назначение»⁵⁴.

О попытке оказать содействие в возвращении Нкрумы к власти в своих воспоминаниях подробно рассказал Алексей Леонидович Воронин, в то время посол СССР в Конакри: «Гвинея приютила Нкруму, провозгласив его даже “вторым президентом” своей республики. Ахмед Секу Туре публично резко осудил переворот. Затем он пригласил меня и передал просьбу к советскому руководству о срочной военной помощи, чтобы обеспечить возвращение ганского лидера в Аккру.

Я выразил президенту серьезные сомнения по этому поводу, однако о его просьбе, естественно, сообщил в МИД.

Вдруг получаю депешу из Москвы, что вопрос о помощи рассмотрен и вскоре в Конакри прибудет военный корабль с оружием и боеприпасами...

Однако реальность была такова, что даже если наш корабль прибудет в Конакри, то он не сможет без конфликта дойти до Аккры. В этом случае ему пришлось бы ввязаться в столкновение с вооруженными силами хунты, захватившей власть в Гане. Пройти же по суше из Гвинеи в Гану, минуя другие страны, невозможно, тем более что часть из них уже признала новый режим. Да и наличных военных сил для такого похода не было. К тому же в Англии внимательно следили за событиями в прежней колонии – Гане и не скупилась на предупреждения о недопустимости какого-либо иностранного вмешательства...

⁵⁴ <https://biography.wikireading.ru/289425>. Впрочем, как это нередко бывает по прошествии лет, в своем рассказе маршал допустил некоторые неточности, например, в 1961 г. Нкрума не был «председателем Организации Африканского Единства», да и самой организации тогда еще не существовало.

И я сообщил в Москву, что, по моему глубокому убеждению, от направления в Конакри нашего военного корабля следует воздержаться. Привел соответствующие доводы. Москва немедленно ответила согласием.

А для разъяснения нашей позиции из Москвы прибыл генерал В.Г.Куликов... Он с военной точки зрения, а я с политической объяснили обоим президентам нереальность выступления против заговорщиков с помощью советских вооруженных сил. В итоге Нкрума, а затем и Секу Туре согласились с нами».

По словам посла, он позднее узнал, что «по поводу вмешательства в ганские события «наверху» были серьезные споры и что Алексей Николаевич (Косыгин) был решительно против возможной военной авантюры. И возражал он прежде всего лично Брежневу. Сославшись на телеграмму советского посла в Конакри, Косыгин настоял на возвращении корабля, который уже находился в пути»⁵⁵.

Что касается Ганы, то новый режим и без нашей поддержки планов Нкрумы занял враждебную Москве позиции, дело дошло до длительного задержания советских рыболовных судов и их экипажей, которые были отпущены уже после направления в Гвинейский залив кораблей нашего ВМФ⁵⁶.

Иногда ганские власти предъявляли Москве совершенно необоснованные требования. В связи с 50-й годовщиной Советской Армии было решено направить на самолете Ан-12 подарки советским военным специалистам, работавшим в ряде африканских стран. И когда этот борт, следовавший над Атлантическим океаном из Конакри в Лагос, связался, как положено, с авиадиспетчером в Аккре, тот потребовал совершенно незаконно изменить маршрут и совершить посадку в аэропорту Аккры. Естественно, это требование было проигнорировано.

Большая группа курсантов прибыла в конце 1965 г. в Солнечногорск из островной части Танзании. И после объединения Занзибара с Танганьикой его власти сохраняли большую самостоятельность даже в во-

⁵⁵ Воронин А.Л. На ниве внешней политики // Премьер известный и неизвестный. Воспоминания о А.Н. Косыгине / Под ред. Т.И. Фетисова. М.: Республика, 1997. С. 67-69. Попытки оказать содействие Нкруме, и, пожалуй, более решительные, предпринимала тогда и Чехословакия. О них рассказано в статье Н. Телепневой, сотрудницы Университета Стартклайд в Глазго. *Telepneva Natalia. Saving Ghana's revolution: the demise of Kwame Nkrumah and the evolution of Soviet policy in Africa, 1966–1972*. Journal of Cold War Studies. Vol. 20. P. 4-25 (2019).

⁵⁶ <http://alerozin.narod.ru/Gana/gana5.htm>

енных вопросах⁵⁷. Занятия с ними проходили успешно, но серьезной проблемой было слабое знание английского большинством слушателей, включая руководителей на уровне Революционного совета – высшего органа власти на Занзибаре. Так что волей-неволей пришлось выучить несколько слов и фраз на суахили. До сих пор помню, например, как звучит на этом языке, точнее, на его занзибарском диалекте название темы занятия «Действия батальона в наступательном бою».

Кроме того, у части занзибарцев просматривалось определенное недоверие к политике СССР, во многом связанное с обострением отношений между Москвой и Пекином, пропаганда которого в то время изображала нашу страну в качестве «пособника империалистов». Впрочем, во время занятий, например, при изучении армий «вероятных противников» они начинали понимать, на чьей стороне Советский Союз.

В Солнечногорске у нас впервые появилось своей жиле – 15,7-метровая комната в панельной пятиэтажке в двухкомнатной квартире, которую мы делили со сверхсрочником-старшиной из оркестра «Выстрела». Выделили нам ее на троих, но 4 сентября 1966 г. у нас родился сын. Располагалась квартира за пределами военного городка, поближе к железнодорожной станции, на улице Красной, которая была ничем иным, как частью дороги Москва-Ленинград. Для нас это было преимуществом, так как я, конечно, надеялся на увольнение из армии, а работа по специальности могла найтись только в столице.

И мне действительно вскоре пришлось шесть дней в неделю, а то и чаще ездить в Москву на электричке в 6.56 (на следующей, в 7.03 уже можно было опоздать), но все еще в военной форме, хотя и не всегда – неожиданно в мае 1966 г. мне передали указание позвонить в 10-е Главное управление. Майор Анатолий Барановский, которого я хорошо знал по йеменской «попее», сообщил мне, что требуется «офицер-переводчик» (именно так первоначально называлась эта должность) в Восточный отдел «Десятки»⁵⁸, занимавшийся связями со странами

⁵⁷ Подробно о советском военном сотрудничестве с Занзибаром рассказано в книгах Олега Ивановича Тетерина, который, будучи студентом Института восточных языков при МГУ, работал там военным переводчиком в 1965–1966 г. – «На Занзибаре, немного о себе и о других» // В Египте и на Занзибаре (1960–1966 гг.). Мемуары советских военных переводчиков», М.: Издательство «Memories», 2011 и «Вспоминая Африку (важное... и не очень)», М., 2020.

⁵⁸ В конце того же 1966 г. 10-е Главное управление было расширено, а его структура изменена, и этот отдел стал одним из его управлений, разделенным, в свою очередь, на несколько отделов по географическому принципу.

Азии, из которых наиболее активными в то время были отношения с Афганистаном.

Глава 4. «Десятка»

В те годы в 10-м Главном управлении служила группа офицеров, владеющих иностранными языками, которые были распределены по отделам (Азия, Ближний Восток, Африка), выполняя роль помощников офицеров-«направленцев». Но была у них и еще одна обязанность – бортпереводчиков в состав экипажей ВВС, прежде всего ОКАБОН (Отдельной Краснознаменной авиационной бригады особого назначения), базировавшаяся в подмосковной Чкаловской, а нередко – и экипажей Военно-транспортной авиации.

Отдел, в котором я служил, занимался военными связями со странами Азии от Северной Кореи и Вьетнама до Афганистана, а затем и Ирана. Непосредственно к Вьетнаму, где расширялась американская агрессия, я отношения не имел, но случилось так, что несколько недель мое рабочее место было в кабинете, в котором «направленцы» беседовали с офицерами, выезжающими во Вьетнам в качестве военных специалистов. Всего через эту комнату на моих глазах прошло человек 50, и только один из них уклонился от командировки (нужно подчеркнуть, что у всех военнослужащих, отобранных для направления за рубеж в этом качестве, предварительно спрашивали согласие).

Число командированных во Вьетнам, прежде всего ракетчиков, росло, и перевозка их, как правило, осуществлялась самолетами Ил-18 ОКАБОН с дозаправкой в Пекине. И, кажется, в начале 1967 г. там произошел казус: при рулении на вылет в Ханой выхлопными газами Ил-18 были опрокинуты банки с краской, которой (наверное, злополучно известные хунвейбины) расписывали щиты. И краска при этом попала то ли на портреты китайских вождей, то ли на лозунги. Самолет, к счастью, успел взлететь и перехватывать его в воздухе не стали, но дальнейшие полеты через Пекин пришлось прекратить.

А отправлять специалистов во Вьетнам было нужно, причем срочно. И тогда был разработан маршрут с Дальнего Востока на юг вдоль китайского побережья, причем на Ту-114, данность полета у которого была намного больше, чем у Ил-18. Но и в этом случае при вылете из района Владивостока до Ханоя топлива бы не хватило, поэтому предполагалось использовать аэродром Синьиджу на крайнем западе Северной Кореи. Я сделал все, чтобы участвовать в предполагавшемся (довольно опасном) рейсе, но вскоре китайцы разрешили нам снова пользоваться пекинским аэродромом, им, скорее всего, было все же политически слож-

но препятствовать направлению наших военных в сражающийся Вьетнам.

Первой серьезной миссией, которую мне пришлось выполнить в «Десятке» было сопровождение министра национальной обороны Афганистана «стыр дженерала», то есть генерала армии Хана Мухаммада⁵⁹, прибывшего в СССР на лечение в конце августа. После нескольких недель в Центральном военном госпитале им. Мандрыка, который тогда находился на Арбате, он в сопровождении афганского военного атташе продолжил лечение в санатории в Ессентуках.

Министр – высокий и крепко сложенный пуштун – производил на всех нас хорошее впечатление. Он благожелательно относился к Советскому Союзу, к «шурави» (советским, «шура» – это совет), к нашим военным специалистам⁶⁰. «Я не коммунист и коммунистом не буду, но я за дружбу с Советским Союзом» – как-то сказал он мне. Весьма интересным человеком был «ВАТ» полковник Рокай Сулейман, хоть был он и бонвиван, но вел он себя довольно скромно для двоюродного брата короля и к тому же женатого на сестре королевы!

А в следующем году Хан Мухаммад снова прибыл в Москву, на этот раз во главе официальной делегации. Наши военные специалисты появились в Афганистане вскоре после поездки туда в декабре 1955 г. председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина и члена Президиума Верховного Совета СССР Н.С. Хрущева (так официально именовался тогдашний «тандем»), и к тому времени между двумя странами установились прочные отношения.

Делегацию во Внуково встречал министр обороны маршал Р.Я. Малиновский, и мне пришлось переводить его краткую беседу с Ханом Мухаммадом, но буквально сразу же он заболел и все основные мероприятия – переговоры, официальный обед проводил его первый заместитель (и будущий преемник) маршал А.А. Гречко.

Программа делегации предусматривала посещение Киева и Одессы – городов, в которых находилось командование двух военных округов. В первом делегацию принимал только что назначенный на пост командующего тот самый В.Г. Куликов, уже генерал-полковник, а во втором –

⁵⁹ Много лет спустя я был рад узнать от афганского посла в Москве, что Хан Мухаммад пережил бурные события в Афганистане, найдя убежище в Индии.

⁶⁰ Кстати, кажется, Афганистан – единственная страна, где наших называли не «руси», «руссо» или «рашин», а именно «советские»; «шура» – это «совет» на обоих основных языках этой страны – пушту (именно его именовали афганским) и дари, который в то время еще называли не так, а фарси-кабули, то есть кабульский вариант персидского языка.

не менее колоритная фигура – генерал-полковник А.Х. Бабаджанян, Герой Советского Союза, который через несколько лет стал маршалом, а затем и Главным маршалом бронетанковых войск и начальником этого рода вооруженных сил.

Пребывание дважды в Советском Союзе афганского министра обороны было для меня ценным и потому, что в связи с этим мне довелось несколько раз, хотя и лишь по два-три дня побывать в Афганистане, стране, изучением которой я стал заниматься десятью годами ранее! Горный воздух, шумные восточные улицы, вкуснейшая еда (далеко не для всех) и непривычные для нас порядки, когда подчиненные – офицеры и даже генералы целовали руку министру.

Но особо внимательно советское военное руководство в конце октября 1968 г. принимало индийскую делегацию, которую возглавил министр обороны Сваран Сингх⁶¹. Визит к А.Н. Косыгину, председателю Совета Министров был запланирован заранее, но во время официального обеда посол Индии Кеваль Сингх обратился к Гречко с пожеланием о встрече Сварана Сингха с Л.И. Брежневым, довольно «изобретательно» мотивировав свою просьбу стремлением «показать» важность поста Генерального секретаря ЦК.

Сваран Сингх, которого, конечно, сопровождал Гречко, был принят в один день и Косыгиным, и Брежневым, и мне, переводя беседы, довелось почувствовать огромную разницу между ними. Алексей Николаевич провел серьезный разговор как о международной ситуации, так и о двусторонних отношениях. Несомненно, с учетом сложных в то время отношений Советского Союза и Индии с Китаем он рассказывал, как казахи из Синьцзяна бежали через границу на советскую территорию и, чтобы их не оправдали обратно, сотнями ложились на землю. А у Леонида Ильича главной темой стало строительство крупных объектов в Индии при нашем содействии, за которое «именно он отвечал», будучи секретарем ЦК на рубеже 1960-х гг. Запомнилось почему-то и то, как он крутился во время беседы на вращающемся кресле.

Интересен нюанс – если Косыгин принимал гостя как председатель Совета Министров в Кремле, то Брежнев – еще не в Кремле, а в своем кабинете во «втором подъезде» комплекса ЦК на Старой площади.

Связи нашей страны, в том числе и военные, с Индией в те годы развивались весьма активно, например, в конце февраля – начале марта

⁶¹ Сваран Сингх занимал ряд министерские постов и почти 20 лет спустя в качестве министра иностранных дел Индии вошел в состав «Группы видных лиц» Содружества, пытавшейся содействовать политическому урегулированию в Южной Африке.

1967 г. туда совершил визит начальник Генштаба маршал Матвей Васильевич Захаров, а почти год спустя – главком ВМФ адмирал флота Сергей Георгиевич Горшков, и в обоих случаях мне пришлось участвовать в них в составе экипажей Ил-18 ОКАБОН. При этом в марте 1968 г. нам довелось осуществить полет и внутри Индии. В те дни в г. Патне, столице штата Бихар, на съезде индийской компартии (точнее, одной из них) находилась советская делегация во главе с председателем Комитета партийного контроля Арвидом Яновичем Пельше. Планировалось, что они вернутся в Дели поездом, но где-то по их маршруту начались волнения (что и сейчас регулярно происходит в различных районах Индии, казалось бы, в стране «ненасилия»). Тогда советский посол Н.М. Пегов договорился с командующим ВВС Индии о посадке нашего Ил-18 на военном аэродроме а Битхе, недалеко от Патны. Полет (в кабине находился и индийский летчик) прошел успешно, а мне навсегда запомнился вид индийской деревни, расположенной рядом с полосой – ни раньше, ни позже я такой нищеты нигде не видел.

Был и еще один полет в Индию, довольно необычный. В ВВС этой страны обнаружилась нехватка шин для самолетов МиГ-21, и было решено их срочно переправить по воздуху. Сложность, однако, заключалась в том, что Пакистан требовал, чтобы нерегулярные полеты в Индии совершались с обязательной посадкой на его территории. И поэтому после заправки и трудного взлета из-за высоты афганского аэродрома Баграм, ставшего потом знаменитым как советская авиабаза, а затем и как американская, наш Ан-12 взял курс на Лахор.

В Лахоре, несмотря на наши опасения (все же груз предназначался для авиации соседней отнюдь не дружественной Пакистану страны), все прошло гладко. Поднявшийся на борт самолета майор не стал задавать «лишних» вопросов, удовлетворившись нашим разъяснением, что мы возем «запасные части» (груз были покрыт в грузовой кабине брезентом), а при посадке на обратном пути он был просто счастлив, увидев, что кабина пустая и щедро угощал нас чаем.

Но полет этот запомнился и по другим причинам. Когда мы приземлились в Дели, нас встретили представители и Аэрофлота и военного атташата: «Откуда вы? Аэрофлот или ВТА»? Услышав от командира, что экипаж военный, наш атташе стал сокрушаться: «Что же вы заранее не сообщили. Сейчас сразу бы поехали в офицерскую клуб-столовую (officers mess) и почувствовали гостеприимство индийских летчиков».

Гостеприимство я все же почувствовал, но наше, когда меня с командиром пригласил старший группы (тогда совсем еще небольшой) советских военных специалистов. И здесь были свои сложности, но их успешно преодолели. Именно в эти дни в Дели проходила забастовка мяс-

ников, но один из офицеров группы добыл на охоте горного козла, и тушенная козлятина хорошо пошла с виски, даже с местным индийским.

Но, пожалуй, самой интересной была работа несколькими месяцами ранее, в конце июня – начале июля 1968 г. с военной делегацией из Пакистана во главе с командующим армией (то есть сухопутными войсками) генералом Агой Мухаммедом Яхья-ханом. Тогда генерал рассматривался как возможный, если не сказать, реальный, преемник президента Пакистана Мухаммеда Айюб-хана, тоже военного, пришедшего к власти в результате переворота в 1958 г., но к тому времени уже перенесшему, как говорили, тяжелый инсульт.

Во вторых, Пакистан, состоявший тогда из двух частей – Западного и Восточного, с середины 1950-х годов входил одновременно в два «прозападных» военно-политических блока, созданных в 1955 г. – Организацию центрального договора (СЕНТО) и в 1956 г. – Организацию договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО). Хотя официально Пакистан оставался в СЕНТО до 1979 г., а в СЕАТО – до 1972 г.⁶², но в 1960-х г. он постепенно склонялся к более нейтральной позиции. Важную роль в сближении его с Москвой сыграла искусно проведенная А.Н. Косыгиным в январе 1966 г. мирная конференция в Ташкенте, где было достигнуто соглашение между Индией и Пакистаном, обеспечившее мир между двумя странами, хотя и лишь на несколько лет.

Для нашей страны немаловажное значение имело закрытие «по просьбе» пакистанских властей базы радиоразведки США в Пешаваре. Это можно даже назвать символическим актом, поскольку именно с аэродрома Пешавара 1 мая 1960 г. вылетел американский «У-2», сбитый над Уралом.

С советской стороны заинтересованность в успехе визита этой делегации была явно повышенной. И дело, конечно, не только и не столько в особняке на Ленинских горах, где разместили главу делегации, «Чайке» и семи «Волгах». Делегацию встречал в Шереметьево и на всех важных мероприятиях сопровождал генерал армии Иван Григорьевич Павловский, заместитель министра и главнокомандующий сухопутными войсками. Без внимания не остался и тот факт, что при встрече в аэропорту играл военный оркестр, правда, когда военный атташе Индии попросил разъяснения, ему ответили, что звучала музыка не гимна, а приветственного марша.

Яхья-хан был принят А.Н. Косыгиным, и из этой беседы, в ходе которой тот, в частности, интересовался состоянием здоровья Айюб-хана

⁶² После отделения Восточного Пакистана, ставшего Республикой Бангладеш, членство в СЕАТО для Пакистана потеряло смысл.

(«Он работает?») мне больше всего запомнились его слова: «Легко начать войну, трудно ее закончить. Американцы застряли во Вьетнаме, а теперь просят нас помочь им оттуда выбраться...». В заключение беседы гость преподнес советскому руководителю подарок – сервис из серебра, причем, как он неслучайно заметил, кашмирский. Остается добавить, что Яхья-хан этого совета не послушал, проиграл войну с Индией и лишился поста президента.

Программа пребывания Яхья-хана и его подчиненных была хорошо разработана. Самым впечатляющим пунктом в ней было посещение Таманской дивизии и присутствие там на батальонных учениях. Свое удивление и даже восхищение пакистанцы скрыть не могли, особенно наблюдая наступление мотострелков после имитации ядерного взрыва. Когда участвовавшие в «бою» были построены после его окончания, Яхья-хан выступил перед ними с «пламенной» речью, из которой запомнились его слова: «Когда Вы пойдете вперед под командованием генерала Павловского, вас ничто не остановит».

В связи с посещением дивизии хочется отметить два момента. С одной из площадок для наблюдения за учениями было видно необычное сооружение, скорее всего, антенна ПРО, и пакистанцев попросили не фотографировать ее. Но военный атташе все же «не выдержал» и сделал фотографии. Остался вопрос: для кого? А второй случай был почти «трагикомический». В казарме одной из частей дивизии на стене была размещена информация о Пакистане, в том числе его карта. Только на ней нарисован был лишь Западный Пакистан, то есть местные политработники «предвосхитили» на три с лишним года развал этого государства! К счастью, и уже тогда я был достаточно «крупногабаритным» и смог своей фигурой заслонить карту от глаз гостей.

Программа пребывания делегации предусматривала также посещение Сталинграда и Баку. Рассказ о Сталинградской битве с показом карт прямо возле берега Волги явно произвел на гостей сильное впечатление. А полет в Баку имел вполне конкретную цель – ознакомиться с советским ракетным катером 83Р «Комар». Два катера такого типа 21 октября 1967 г. недалеко от Порт-Саида потопили крылатыми ракетами П-15 «Термит» израильский эсминец «Эйлат». Как считают специалисты, это «ознаменовало подлинную революцию в развитии вооружений военно-морского флота»⁶³, когда основным видом морского оружия стала ракета, а основным видом кораблей – ракетный корабль.

⁶³ <https://www.gazeta.ru/army/2017/10/22/10953380.shtml>. В память об этом событии в Египте ежегодно 21 октября отмечается День ВМС страны. «Ирония судьбы» в том, что противник Пакистана – Индия успешно применила эти

Забавно было и видеть, как удивлялись пакистанские офицеры советской действительности. Их, например, поразила обстановка в Парке им. Горького – веселые люди, жизнерадостные лица... И уж совсем удивительным было посещение (по из просьбе и за их счет) ресторана на Новом Арбате. Совершенно случайно за соседним столом была компания молодых выпускниц техникума, а в те времена поход в ресторан без танцев не обходился... Входивший в состав делегации начальник военной разведки удивлялся, как мы смогли так быстро организовать такую встречу, в случайность ее он просто не мог поверить.

Пакистанцы кажется, сделали все, чтобы расположить нас к себе, и некоторые их слова были вполне убедительные. «Вы – коммунисты, мы – мусульмане, но у нас есть общее: и мы, и вы верим в равенство между людьми. А индийцы? Вы хотите, чтобы мы дружили с ними, но они и между собой договориться не могут, все разделены на касты».

Но их сугубо негативное отношение к Индии все же скрыть не удалось. Как ни странно это может звучать, некоторые члены этой делегации, и особенно ее глава, были самыми пьющими гостями, которые я когда-либо встречал. На одном из ужинов в особняке у будущего президента Исламской Республики (как официально именуется эта страна) совсем развязался язык: «I want a Hindu for breakfast, I want a Hindu for lunch, I want a Hindu for dinner». Но тут уж начальник разведки взял его под руку с одной стороны, адъютант с другой и увели в номер...

А на приеме в пакистанском посольстве на Садово-Кудринской Яхья-хан пошел довольно далеко уже в политическом плане. «Если начнется заваруха («turmoil»), – сказал он маршалу Гречко, мы будем на вашей стороне»⁶⁴.

Не знаю, правда, насколько такие заверения повлияли на советское политическое и военное руководство, скорее всего, принципиальное решение о поставках вооружений было принято еще раньше. Направленность предстоящего визита в сторону сотрудничества можно было понять по тому, что приемом делегации занималось именно 10-е управление. Когда для обсуждения программы в министерство обороны прибыл пакистанский военный атташе, он был удивлен, что беседовавшие с ним офицеры были не из УВС (это сокращение он нам сказал по-русски), то

катера во время набеговых операций на военно-морскую базу Пакистана Карачи в 1971 г.

⁶⁴ Одна деталь, показывающая, насколько спокойно тогда было в Москве. Министр обороны вышел из посольства, простился с главой делегации и послом, адъютант, ожидавший в машине, открыл дверцу... Ни особой охраны, ни эскорта (правда, тогда еще членом Политбюро Гречко не был).

есть не из Управления внешних сношений, отвечавшего за протокол военного ведомства, а из совсем незнакомой ему структуры.

Так или иначе, на заключительной беседе министр поручил маршалу Захарову информировать гостей о результатах рассмотрения их заявки. Мы перешли в соседний кабинет начальника Генштаба, и маршал, как он выразился, «по памяти», стал называть цифры по танкам, артиллерийским орудиям и другой технике, как правило, совпадавшие с заявкой или не сильно отличавшиеся от нее.

Поставки советского вооружения серьезно беспокоили Дели. Но даже после упомянутого выше визита в СССР Сварана Сингха они первоначально не прекратились. Лишь в ноябре 1970 г. этот министр заявил в парламенте, что СССР не будет направлять Пакистану оружия, кроме уже поставленного.

Но хотя в одном своем качестве мне пришлось заниматься связями со странами Азии (иногда необычными, например, мне довелось провожать на Курском вокзале первую группу советских военных специалистов, выезжавших на поезде через пограничную станцию Астару в Иран), но в другом – бортпереводчика – я побывал, кроме Египта, еще в пяти странах Африки.

Незадолго до моего появления в «Десятке» завершилась операция наших самолетов Ан-12 ВТА, проводившаяся под алжирским флагом. Несколько моих новых сослуживцев (а некоторых – и не столь новых, поскольку я их встречал еще в Египте) в качестве бортпереводчиков обеспечивали полеты с аэродрома Буфарик близ г. Блиды в Судан и другие африканские страны с грузом оружия для конголезских повстанцев. Операция эта была прекращена, когда ситуация изменилась. Впервые, в результате «полупереворота» 19 июня 1965 г. в Алжире президента Ахмеда Бен Беллу сменил его ближайший «соратник» Хуари Бумедьен, который уже не столь активно поддерживал тех, кто выступал против колониальных и реакционных режимов⁶⁵. А именно с Бен Беллой у Москвы были установлены близкие отношения, вплоть до решения ЦК «строить отношения с Алжиром как со страной социалистической». А во-вторых, после отставки Моизе Чомбе с поста премьер-министра соседние с Конго африканские страны одна за другой перестали поддерживать повстанцев.

О советской помощи конголезским повстанцам на основе архивных документов детально рассказано в статье С.В. Мазова⁶⁶, но данных о по-

⁶⁵ Характерно, что журнал, издаваемый правящим Фронтом национального освобождения Алжира, назывался «*Revolution Africaine*».

⁶⁶ Азия и Африка сегодня, 2019, № 11. С. 70-76, № 12. С. 84-90.

летах Ан-12 из Алжира в ней, не было, документы по этому вопросу еще были не доступны. Позднее у него все же появилась возможность ознакомиться с некоторыми из них в Архиве внешней политики РФ, и, несомненно, он напишет об этой операции подробнее.

Но на сайте «нашего» витебского полка я нашел рассказ подполковника Анатолия Михайловича Гололобова (я летал в составе его экипажа, когда он был еще майором) о полете по маршруту, довольно необычному даже для наших Ан-12.

На седьмом месяце службы в Алжире они вылетели в Республику Конго со столицей в Браззавиле, власти которой поддерживали повстанцев в соседнем «большом» Конго. Дозаправившись в Тиндуфе, почти на границе с тогдашней Испанской Сахарой (при этом за обслуживание и топливо расплачивались находившие на борту «представители повстанцев»), они через грозовой фронт над Атлантикой прошли до Конакри, а оттуда – в Пуэнт-Нуар в «маленьком» Конго). Там на борт на дальней стоянке загрузили «тщательно замаскированный груз – девять тонн боеприпасов, упакованных в зеленые ящики». Связавшись со своим штабом, «пассажиры» уточнили координаты площадки, на которую предстояло доставить груз, и попросили срочно вылететь туда, поскольку «база» повстанцев была под угрозой захвата их противниками.

Полетев на север вдоль реки Конго, Ан-12 повернул на восток и вошел в воздушное пространство «большого» Конго. Посадка была предусмотрена в районе «населенного пункта Дума»⁶⁷, где экипаж и заметил «большое зеленое поле, на котором белым крестом была обозначена точка приземления». Но со слов подъехавшего на джипе «чернокожего офицера» выяснилось, что отряды повстанцев отступили на юг Судана и груз надо переправить на небольшой аэропорт там, где теперь находился их штаб. Связь с этим аэродромом была, и даже при подходе Ан-12 к нему были включены огни, обозначающие начало полосы. Но после быстрой разгрузки боеприпасов и отсюда пришлось срочно вылететь, поскольку «представитель аэропорта в вежливой форме предложил покинуть аэропорт, пояснив, что в случае обнаружения самолета «у руководства могут возникнуть серьезные проблемы». Остается предположить, что поддержка конголезским повстанцам там оказывалась без ведома центрального правительства в Хартуме, или же власти хотели скрыть эту поддержку от внешних сил⁶⁸.

⁶⁷ Известен г. Дума на востоке Конго, но в статье говорится о полете над северными районами страны и об отступлении повстанцев на юг Судана.

⁶⁸ https://vtap339.ucoz.ru/index/o_v_sivukhin_stati_ocherki_o_339_vtap/0-75

Такие непрерывные (если не считать «кратковременного отдыха на чехлах под крылом самолета» в Конакри при 30-градусной жаре и 95-процентной влажности) перелеты могли даже стоить экипажу жизни. На обратном пути в Алжир, когда пошли уже вторые сутки после начала выполнения задания, самолет летел на автопилоте, и под монотонный гул двигателей экипаж просто заснул на своих рабочих местах. А проснувшись, летчики увидели, что на приборной доске горит красная лампочка – остаток топлива был уже минимальным, и выяснилось, что они уже прошли привод Алжира и летели над Средиземным морем. Полет все же окончился благополучно, хотя один из двигателей из-за полной выработки горючего успел выключиться, но не в полете, а уже на земле⁶⁹.

Но из тогдашних рассказов сослуживцев – участников этих полетов мне особо запомнился один. В группе, дислоцировавшейся на Буфарике, присутствовал (как нередко, но отнюдь не всегда, бывало) и особист, который «прославился» фразой: «Вы тут пьете (сухого вина, хорошего и недорогого там хватало), а англичанин, он не дремлет...».

А у меня первый полет в Черную (или почти) Африку вскоре после начала моей службы в «Десятке» был в Могадишо. Столица Сомали – чистая, да еще с ресторанчиками с итальянским вином и местными оливками мне тогда очень понравилась. Стоит напомнить, что вопреки распространенному мнению, Москва стала осуществлять военное сотрудничество с Сомали еще задолго до прихода к власти Сиада Барре в 1969 г. и провозглашения им курса на социализм. Этот полет, как и многие другие, был связан с отправкой на родину курсантов, завершивших учебу в СССР, и приемом новых групп, и, кроме меня, в нем участвовал другой, более старший офицер из отдела «Десятки», отвечавшего за обучение в нашей стране зарубежных военных. Поскольку мы почти всегда использовали флаг «Аэрофлота», он где-то раздобыл аэрофлотовскую форму и именно в ней гулял со мной по Могадишо. И вдруг с противоположной стороны улицы раздался крик: «Товарищ полковник, товарищ полковник!...» Так сомалиец, встречавший этого офицера в Союзе, выражал радость от новой встречи.

Ну а первый мой полет в «настоящую» Черную Африку состоялся в январе 1967 г. Мы должны были привезти на учебу в Перевальное группу бойцов Фронта национального Мозамбика (ФРЕЛИМО), причем на этот раз задание выполнял экипаж Ан-10, пассажирской версии Ан-12 (в ОКАБОН, наряду с несколькими Ил-18, был один такой борт). В связи с этим при подписании счетов за стоянку на аэродроме Дар-эс-Сала-

⁶⁹ Ibid.

ма мне удалось «для Родины» сэкономить семь фунтов стерлингов, когда я напомнил местным сотрудникам, что лестницы нам не потребовались – у этого «низко сидящего» самолета она была своя.

На долгим пути из Африки некоторые мозамбикцы читали буквари на португальском языке, напечатанные крупными буквами, как для первокурсников. Многие из пассажиров были одеты только в футболки, а в январе бывает холодно и в Крыму. Поэтому, когда после приземления наш Ан зарулил на стоянку, к трапу был подогнан автобус, подогретый внутри, и африканцы по команде бегом отправились туда. (Вскоре, правда, было принято решение выделять средства «на экипировку» бойцов освободительных движений на месте, перед вылетом в СССР).

Много лет спустя, военный атташе Мозамбика на одном из приемов в Москве, услышав от меня об этом полете, сказал, что на нашем борту был и будущий президент Мозамбика Жоаким Чиссано, о чем я и написал в одной из своих книг. Но мне пришлось потом, при встрече с этим многолетним президентом Мозамбика на конференции в 2011 г. в Луанде, извиняться за ошибку, когда он сказал мне, что информация ВАТ была неверной: он проходил подготовку в нашей стране, но не в Перевальном, а в Москве, и не у военных, а по другой линии как руководитель службы безопасности ФРЕЛИМО, причем несколькими годами ранее.

С приемом бойцов национально-освободительных движений Африки были связаны и два подряд мои полета годом позднее в Конакри. В тот же Симферополь на военную учебу направилась большая группа активистов ПАИГК – Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса. Возглавляемая Амилкаром Кабралом, харизматичным человеком и умницей, эта партия в те годы была, пожалуй, наилучшей по организации и по активности.

В Гвинее в тот период сложилась тяжелая ситуация – почти через два десятилетия после достижения ее независимости. Секу Туре добился несомненных успехов, но не в развитии экономики страны, а в установлении своей диктатуры, хотя самые жестокие репрессии начались позднее. Отношения СССР с Гвинеей были далеко не «розовые», мы помнили, как в критические дни осени 1962 г. Секу Туре отказал разрешить посадку наших самолетов по пути на Кубу на аэродроме, построенном при нашем содействии. Но, что касалось нашей поддержки ПАИГК, то гвинейское руководство, как правило, благожелательно относилось к ней, создавая условия как для поставки в Конакри для партии Кабрала советского оружия и снаряжения, так и для отправки бойцов его партии к нам на учебу.

По своему собственному опыту в Египте и в других странах было привычно видеть скромные условия размещения советских военных

специалистов, но Конакри было особым и на этом фоне – наши жили на двухъярусных койках. Рассказывали, что незадолго до этого был построен новый дом, но его отдали для размещения специалистов из ГДР.

Запомнился и еще один эпизод. По дороге на аэродром мы увидели сценку, которая мне показалась довольно «забавной», особенно если учесть, что Гвинея почти на 90% мусульманская страна. Женщины, которых, по нашим меркам, можно было назвать «полураздетыми», стирали белье, и одной из них делать это мешала большая грудь. Тогда она просто взяла и закинула ее за плечо...

В Конакри (с ночевками в Алжире) мы летали по довольно узкому коридору над Адриатическим морем между Италией – членом НАТО с запада – и откровенно враждебной Москве Албанией – с востока. И в один из полетов на обратном пути ночью я по радио услышал: «Вы направляетесь в сторону итальянских территориальных вод. Смените курс...», что, конечно и было срочно сделано.

Подобные случаи бывали и на других направлениях. Однажды, пролетая из Каира в Симферополь над Средиземным морем, мы услышали от диспетчера, что находимся в 50-и километрах восточнее определенного нашим штурманом курса, слишком близко от израильского побережья.

Особо интересным из моих полетов во время службы в «Десятке» был полет в конце октября 1967 г. в Судан, но ему предшествовали и сделали его возможным драматические события в июне того же года.

Глава 5. Два дня шестидневной войны

Я заступил на очередное дежурство в качестве помощника дежурного по «Десятке» в ночь на пятницу, 2 июня 1967 г. Выбор даты был мой: со следующего понедельника я уходил в отпуск, и поскольку после ночного дежурства был свободный день, то я с семьей мог пораньше уехать к родителям в Ярославль.

Дежурство было спокойное, лишь где-то после полуночи прибыл фельдъегерь с пакетом из МИДа. Так бывало и раньше, и в этот раз срочность донесения была оправданной: когда вскрыли пакет, увидели, что там была срочная депеша из советского посольства в Лагосе, тогдашней столицы Нигерии: Якубу Говон просил МиГи и другое тяжелое вооружение.

Подполковник Говон был в то время, после второго военного переворота в 1966 г., главой Военного правительства Нигерии. Накануне он встречался с советским послом Александром Иосифовичем Романовым, опытным дипломатом, чья деятельность в крупнейшей по населению

африканской стране принесла ему известность и среди друзей, и среди недругов нашей страны. Встреча эта последовала после провозглашения 30 мая 1967 г. военным губернатором Восточной области Чуквуэмекой Одумегву Оджукву независимой Республики Биафра.

Поддержка Советским Союзом федерального правительства Нигерии, в том числе поставками современного вооружения, была неоднозначно воспринята в нашей стране, особенно среди ученых. Некоторые из них полагали, что население Восточной провинции Нигерии, в которой проживали преимущественно игбо (тогда их, как правило, называли, ибо) имеет право на самоопределение. Сказывалось и то, что многие «прогрессивные» деятели в Нигерии были именно игбо, однако «про-Лагосская» позиция возобладала.

Утром шифровка была доложена начальнику, а я «с чистой совестью» уехал из Москвы, но ненадолго. Официально мой отпуск начался в 9.00 утра 5 июня, но за несколько минут до этого израильские «Миражи» появились на небольшой высоте над аэродромом Каиро-Уэст недалеко от столицы Египта.

Ситуация к июню 1967 г. на Ближнем Востоке была довольно напряженной, войной «пахло», но все же в эти конкретные сроки в Москве она не ожидалась, хотя именно так полагают многие западные авторы. Доказательство простое – в отпуск с 5 июня собирался не только я, тогда старший лейтенант, но и генерал-полковник авиации Николай Павлович Дагаев, начальник 10-го Главного управления, и полковник, начальник отдела этого управления, который отвечал за военное сотрудничество со странами Ближнего Востока. Дагаев собирался в круиз по Волге и, конечно, сразу же отменил поездку, и представить, чтобы руководитель военного сотрудничества СССР с Египтом и другими арабскими странами ушел в отпуск, если бы в Москве именно в то время прогнозировали начало войны в том регионе, просто невозможно⁷⁰.

Услышал я о начале очередной арабо-израильской войны по радио часов в 6 вечера. Чтобы не беспокоить родителей, я отправился на ярославский почтамт позвонить в Москву нашему старшему, Анатолию Барановскому, но его номер молчал. Вернувшись домой, я слушал разные радиостанции, сообщавшие цифры сбитых израильских самолетов, и значительно большие цифры арабских самолетов, уничтоженных на земле. Хотя в это не хотелось верить. К тому же по каирскому радио шли победные релиции: «Войска ОАР заняли часть оккупированной Па-

⁷⁰ В отличие от своего начальника полковник отпуск не прервал, и генералом он так и не стал, хотя должность была «генеральская».

лестины», «иракские войска наступают на иорданском фронте»... И звучала песня «Аввадуна!» («Мы вернемся!»)

На следующее утро раздался звонок из Москвы: я должен был явиться в «Десятку» 7 июня. А сообщения о боях стали более тревожными – израильяне заняли Газу (откуда в мае по требованию Насера были выведены войска ООН) и восточную часть Иерусалима, – старый город – находившуюся под контролем Иордании. Утешал я себя тем, что у Иордании армия была слабая, а прижатую к средиземноморскому побережью Газу было нетрудно отрезать.⁷¹

Поздно вечером снова позвонил Барановский – «отбой», но ненадолго; утром 7 июня он же передал противоположный приказ. К тому времени мое настроение стало совсем другим – было ясно, что наши «арабские братья» отступают. Арабское радио сообщило (и к тому времени, проведя четыре года в Египте, я уже мог понять основную политическую лексику на арабском), что войска ОАР были «эвакуированы» из района Шарм-эль-Шейха, присоединившись к «главным силам» («аль-куват ар-раисия»).

Я выехал в Москву скорым поездом. В газетах – «Бои на второй линии обороны», но прибыв в «Десятку», я услышал от сослуживцев: «Проспали всю авиацию», хотя до конца в это еще не верилось.

Перед самым вылетом в ОАР, как обычно с аэродрома Чкаловский, узнали, что посадка для дозаправки предстоит в югославском Титограде (ныне Подгорице, столице Черногории) вместо Будапешта (точнее советской авиабазы в Тёкеле, южнее венгерской столицы⁷²). Скорее всего, это было сделано, чтобы иметь больше горючего для опасного перелета в Каир. Приземлились на рассвете. Нас встретил майор, хорошо говоривший по-русски – он учился в Союзе до разрыва Москвы с Белградом в 1948 г. Для нас было неожиданным его сообщение, что Насер согласился на перемирие, поскольку перед вылетом советский пограничник сказал нам, что на северо-западном участке фронта войска ОАР перешли в контрнаступление, да затем уже в полете мы услышали об этом по радио.

В Каир направлялось несколько самолетов, два из них обогнали наш и мы оказались где-то «в середине». Связи с Каиром долго не было, сначала отозвался аэродром в Мерса-Матрух на побережье Средиземного

⁷¹ Я посетил Сектор Газы двумя годами ранее с экскурсией, организованной для нас арабским командованием, и мне запомнился тихий спокойный город.

⁷² На месте бывшего гарнизона сейчас находится частный аэродром. Небольшая огороженная территория предоставлена его собственником цыганской семье, которая разводит лошадей и косит траву на аэродроме.

моря, потом показалась зеленая дельта Нила. Сели на «Кайро-Интернешнл», на старую полосу 16/34 (то есть 160 и 340°), а возле основной, где велись какие-то ремонтные работы, увидели полусгоревший МиГ-17 с алжирскими опознавательными знаками – некоторые арабские страны направили свои самолеты в Египет. Стекла зданий аэропорта были закрашены синим цветом.

Встретил нас знакомый по штабу ВВС ОАР полковник Старостин: «Израиль не прекратил огонь, разгружайтесь скорее». Второй встречавший, из представительства ГИУ ГКЭС⁷³ добавил: «В нескольких местах они вышли к Суэцкому каналу».

Ан-12, которые сели до нас и сразу после нас, стали перелетать на военный аэродром Кайро-Уэст, но наш борт остался, а экипажу разрешили поехать в офис, а потом в гостиницу. Ехали мы в Каир по старой дороге, мимо лагеря по подготовке солдат (возможно, молодых добровольцев), каменная стена которого была разрушена, но в самом городе никаких разрушений не наблюдалось, видели мы только стекла, закрашенные синим, да стенки из мешков с песком у дверей подъездов. На многих машинах появились желтые и черные полосы и новые номерные знаки с буквами «каф» и «айн» – очевидно сокращение от «Аль-кувват аль-арабия» – объединенные «Арабские (вооруженные) силы», командующим которыми был назначен бывший начальник египетского Генштаба генерал Али Амер, которого мы однажды везли из Саны в Каир, хотя практически они так и не начали действовать.

Как и ранее, на улицах было много полицейских и автоматчиков, но также много и праздно гуляющей молодежи (занятия в учебных заведениях были отменены, но в армию студентов не призвали). Все стены и заборы были обклеены плакатами: «Победу – нам, смерть – Израилю», «Насер – герой войны», а то и огромный сапог с надписью «Арабские вооруженные силы» давит маленького человечка – «Израиль».

По дороге в офис на мосту через Нил на острове Замалек я увидел автобус с нашими специалистами, возвращавшимися, как и до войны, около 14:00 с работы, что показалось мне злой шуткой. В офисе встретил знакомого, Сашу Борисова, который сказал, что арабы злятся на нас: «Где русские солдаты?» Для меня это стало первым сигналом о неладном в их отношении к нам. А часа в четыре он подъехал к нам в гостиницу, все ту же «Викторию», недалеко от главной улицы Каира «26 июля» или, как ее чаще называли по-старому - «Шари Фуад» по

⁷³ Главное инженерное управление Государственного комитета СССР по внешним экономическим связям (1953–1988) занималось военно-техническим сотрудничеством с зарубежными странами.

имени покойного короля, где я жил в 1962–1963 гг. В «Виктории», ставшей довольно обшарпанной, в последние месяцы размещались ООНовцы, и на дверях сохранились объявления на сербско-хорватском, английском, португальском и, кажется, датском языках.

Саша рассказал, как развивались события: об уверенности наших в готовности армии ОАР до начала войны («Пойдут – не остановишь»), о полетах Су-7 над Израилем. И об ударе утром 5 июня, неожиданном, по крайней мере для тех, кто был на «Кайро-Уэст»: рвались склады с боеприпасами, самолеты на стоянках, разрушалась взлетно-посадочная полоса. Позднее, в августе, в очередную командировку в ОАР на аэродроме в Бени-Суэйф мне попался журнал со статей «The bomb that won the war» («Бомба, которая выиграла войну») – о бомбах, которые разрушали взлетно-посадочную полосу.

Как раз в это время по радио передали, что «на фронте установилось спокойствие», огонь прекращен в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН. Ожидалось выступление Насера, но он молчал.

Я купил «Иджишиен газетт» с заголовком на первой странице «Israeli suffer more reverses on all fronts» («Израильтяне терпят больше неудач на всех фронтах»), с сообщениями о «Сухих», сбивающих израильские самолеты, о действиях египетских «коммандос» за 100 с лишним километров за линией фронта, об успешных боях в районе перевала Милта на Синае – 32-километровом проходе между горными хребтами.

После беседы с Сашей, примерно в полседьмого мы с ребятами из экипажа пошли на улицу, магазины еще работали, но один за другим стали закрываться. Когда мы возвращались в гостиницу, заревели сирены, но на сигнал о воздушной тревоге почти никто не реагировал.

В 19.30 по телевизору и по радио выступил Насер, процентов на 50, а то и 70 его речь я понял. Когда он сказал о своей отставке и о передаче власти одному из вице-президентов – Закарии Мохи-эд-Дину, сидевшие в холле работники гостиницы заволновались. Насер выглядел усталым, в глазах его чуть ли не блестели слезы. Но после его речи послышалась победная музыка, бодрые песни...

Как бывало всегда, когда выступал Насер, город опустел, все слушали его, но сразу же после этого на улицах стали появляться люди, в основном молодежь. Шли они сначала маленькими группами, потом все более многочисленными, мимо «Виктории» по улице Гумхурия к зданию парламента. Они скандировали «Насер! Насер!», точнее, как это обычно происходило и ранее, один человек кричал лозунги, а остальные подхватывали, повторяли.

В холле гостиницы появился человек в гражданском с повязкой, очевидно, чтобы охранять нас. Я вышел на порог гостиницы, потом дошел

до угла соседнего здания. В воздухе было что-то тревожное, на лицах демонстрантов – злая решимость. Остановилась белая полицейская машина, полицейские что-то стали говорить демонстрантам, но те их не слушали.

Стемнело, сразу же люди на улице стали кричать «Акфаль нур!» («Выключи свет!»), в том числе и в адрес наших ребят в гостинице (я жил на втором этаже, в угловой комнате, окно которой выходило как раз на улицу Гумхурия). Но затем, как только кричавшие достигли своей цели, кто-то устроил фейерверк, что вызвало бурную радость у демонстрантов. Вот и вся маскировка!

А тем временем в гостиницу стали прибывать наши из других экипажей. Один старый знакомый портье сказал: «Хочу, чтобы сто русских были здесь».

Каир не спал всю ночь с 9 на 10 июня. Крики доносились и до нас. В гостинице также было неспокойно. Какой-то экипаж, только что прибывший и разместившийся там, срочно подняли и отправили на аэродром на вылет.

С утра на улицах было еще больше демонстрантов, они точнее, многократно скандировали (не ручаюсь за точность произношения): «Абд ан-Насер, раих фень?» («Абдель Насер, куда идешь?»), «Абд ан-Насер мия биль мия, хува раис аль-гумхурия!» («Абдель Насер сто процентов, он – президент республики») и, наконец, лозунг антисоветский, точнее, антирусский: «Абд ан-Насер, ихсаб руси!» («Абдель Насер, выгони русских!»). Не знаю, кто «подсказал» толпе этот лозунг, но он, к сожалению, отражал настроение многих.

В газете сообщалось, что Насер призвал всех к спокойствию и что он выступит в Национальном собрании. Вышли снова из гостиницы, «на Фуаде» магазины были закрыты. Как сказал один из лавочников, было запрещено торговать, пока Насер не откажется от своей отставки. Правда, бутылку кока-колы мне в «Пассаже» все же продали («Продай ему, он по-арабски говорит», – сказал один продавец другому.) Но в другой лавочке нам не продали даже какой-то мелочи. («Вы откуда? Из России? Ну и уезжайте в свою страну, там таких хороших вещей нет»...) На одной из улиц, возле старого базара, мальчишка спросил «Are you Russian?». «Айва, руси», – ответил я по-арабски, точнее, «по-египетски», диалект в этой стране отличался от литературного арабского языка. «Go hell», – среагировал тот. Правда, другой парень толкнул его в бок, выражая удивление и несогласие.

На душе было тяжело. Горько слышать такие слова, когда ты приходишь, чтобы помочь своим друзьям, практически как доброволец, оставив жену и детей (младшему из них, нашему сыну было всего девять

месяцев). Тем не менее надо признать, что были причины для таких настроений среди арабов. Они прежде всего были спровоцированы действиями египетского руководства. Насер в своей речи об отставке подержнул, что советский посол предупредил его против превентивных военных действий, и это было правдой. Однако Насер неверно утверждал, что Египет бомбили не только израильские, но и американские самолеты с авианосцев и британские с баз на Кипре. Он не хотел признавать, может быть, даже самому себе, что его страна и ее союзники были побеждены Израилем. Однако из-за таких утверждений «люди с улицы» в Египте считали, что в то время, как ведущие империалистические державы атаковали арабов, их советские друзья бездействовали.

В отличие от многих в арабских странах, в Москве утверждениям об участии в бомбардировках американских и британских самолетов не верили. Позднее я видел в «Десятке» слово «Неправильно», написанное маршалом Захаровым, начальником Генерального штаба на полях дапешки из Каира, которая содержала такую информацию.

По телевизору вновь марши, повторение передачи парада 23 июля в День революции. Потом с опозданием начали транслировать заседание Национальной Ассамблеи. Выступил Анвар Садат, ее председатель, сообщил, что Насер согласился остаться на своем посту, «выполняя волю народа», но приехать на заседание Ассамблеи не сможет, так как улицы были заполнены народом.

Позднее писали, что Закария Мохи эд-Дин не стал отказываться от поста президента и был готов принять дела у Насера. Он прибыл в здание радио и телевидения, чтобы обратиться к стране с подготовленной речью, но охрана не пустила его. Поняв, что ситуация меняется, вице-президент сел в машину и отправился в Маншият аль-Бакри (резиденция Насера). Он, якобы, положил перед Насером пистолет и заявил: «Гамаль, если ты сейчас же не возьмешь своё требование об отставке обратно, я застрелюсь». Насер с улыбкой взял оружие⁷⁴.

Позвонил Синцов из аппарата старшего: «Видишь, что делается? Мы сейчас к вам подъехать не сможем, находитесь в гостинице». Потом все же приехал микроавтобус, мы заехали в офис в Замалеке и оттуда отправились на аэродром мимо толп демонстрантов с плакатами и фотографиями Насера. Ребята из экипажа комментировали: «Как в Пекине. Там впереди несут портрет Мао, один выкрикивает лозунги, а толпа их повторяет». Мы ехали мимо автобусов, переполненных людьми, не только сидящими внутри, но и стоящими на крыше. Уже в Гелиополисе по радио услышал сначала «Тукаддам аль-кувват аль-исраилия или Ди-

⁷⁴ Агарышев А. Гамаль Абдель Насер. М.: Молодая гвардия, 1975. С. 163.

машк» («Израильские силы продвигаются к Дамаску»), а затем и сообщение о разрыве Советским Союзом дипломатических отношений с Израилем.

Доехали к старому зданию аэропорта, где базировалась «наша» 14-я эскадрилья, хотя от нее остался в основном лишь личный состав. Как я узнал позднее, несколько египетских Ан-12 были уничтожены на аэродроме в Луксоре. Арабские офицеры, мои старые знакомые, осыпали нас вопросами «Где ваши МиГи? Когда их привезут?» Позже, в Москве, я узнал, что отсрочка была вызвана отставкой Насера, и как только ситуация прояснилась, воздушный мост был восстановлен. Мы взлетели, и, действительно, по пути на Чкаловский мы регулярно встречали наши Ан-12, следовавшие в Каир.

Я отправился из Чкаловского в Москву на электричке утром 11 июня. Картина событий в Египте, нарисованная в советских газетах, была довольно далека от увиденной мною. «Похоже, я недооценил роль империалистов», – горько сказал я сам себе. А когда я описал ситуацию в Каире своим руководителям в «Десятке», генерал поразился: «Но почему никто об этом не докладывает?» «Потому, что в центре города нет никого из наших, кто понимает по-арабски», – ответил я.

Проведя несколько дней «на дежурстве», готовясь к другим командировкам, я неожиданно получил разрешение продолжить отпуск. Однако вскоре после его окончания, как только я вернулся в Москву, возобновились полеты в Египет (а однажды и в Сирию, когда аэропорт Дамаска все еще был закрыт, и мы должны были приземлиться в Халебе (Алеппо)). Зачастую вылеты были срочные, и как бы невероятным это ни показалось, один раз мне, офицеру Генштаба, пришлось отправиться за рубеж даже без оформленного письменного приказа!

Обычно я был в составе экипажей Ан-12, но однажды пришлось удивиться авиадиспетчеру в Афинах (Греция – член НАТО!). На его запрос о типе самолета пришлось ответить «India Lima Two Eight», то есть Ил-28. В тот раз в Египет перегоняли эти бомбардировщики в разведывательном варианте. За гражданские самолеты, в отличие от Ан-12, они уже никак не могли сойти, и пришлось нанести на них опознавательные знаки ВВС ОАР и номера настоящими арабскими цифрами, совсем не теми, которые мы называем арабскими. Самолеты были выделены из двух полков: одного, базировавшегося близ Ленинграда, и в этом случае избранные на борту цифры выглядели вполне понятно – там нетрудно было найти арабиста, но во втором случае «закорючки» на самолетах не смог бы прочитать ни один египтянин.

Экипажи из первой группы привыкли летать над морем, но для другой группы спокойно пересечь Средиземное море было нелегко. К тому

же после полета с советской авиабазы в венгерском Дебрецене над дружественной и Москве, и Каиру Югославией нужно было идти в том самом узком «коридоре» между Албанией и Италией, и экипажу пришлось понервничать, особенно стрелку, сидевшему в кабине сзади. Он закричал по внутренней связи: «Командир, атакуют!», увидев пристроившийся к нам греческий истребитель Ф-104.

Волновались летчики и потому, что они были из «сухопутной» эскадрильи, но как только Средиземное море осталось позади, после дозаправки в Мерса-Матрухе настроение стало совсем другим. «Высота 50... Высота 20», – докладывал штурман, а где-то над знаменитой древними монастырями долиной Вади-Натрун возле дороги Александрия – Каир даже сказал: «Высота 12. Командир, убьешь!»

Но добрались мы до Кайро-Уэст удачно. К тому времени отношение арабов к «руси» изменилось, местные, к моему удивлению, принесли к нашим самолетам бутылки воды и почему-то сухие финики. Помнится, как в одной из своих речей Насер сказал в те дни, что, видя каждые 20 минут советский самолет над головой, каирцы поняли, кто их друзья. Действительно, поставки из СССР по воздуху и по морю позволили в кратчайшие сроки заменить оружие и другую технику, уничтоженные израильтянами или просто бесславно брошенные в пустыне Синая. Такую замену было непросто организовать. Например, нам требовалось три Ан-12 для перевозки двух МиГ-21: два для перевозки фюзеляжей и один – для четырех крыльев. Наблюдая за шикарными автомобилями на улицах Каира, наши летчики горько шутили: «Хоть бы загрузить по такому автомобилю на каждый самолет, а не уходить домой пустыми».

40 лет спустя на 33-м конгрессе Международной комиссии военной истории в Кейптауне меня спросили, какие уроки Москва извлекла из катастрофы 1967 г. Я считаю, что их было несколько. На оперативном уровне стало ясно, что нельзя долго держать свои силы в боевой готовности, как это делал Насер, а при посадках в Тёкеле мы видели, что там возводят капониры, которых практически не было на египетских аэродромах.

Кроме того, на стратегическом уровне советские военные руководители, в частности главнокомандующий ВМФ Сергей Георгиевич Горшков стали настаивать на том, что Москва не должна предоставлять помощь другим странам, не получая что-то ценное взамен, например, право на заходы судов в порты соответствующих стран. И это положение было реализовано, когда Москва не только сумела восполнить материальные потери египетских (да и сирийских) вооруженных сил, но и помочь в восстановлении и укреплении их боевого потенциала, в частно-

сти, прикомандировав советников к большинству штабов и воинских частей ОАР. Последовали дальнейшие события: «война на истощение», развертывание в Египте 18-й отдельной зенитно-ракетной дивизии и эскадрилий советских ВВС в начале 1970 г., вывод наших военных из Египта по требованию Садата в 1972 г., действия Москвы во время войны 1973 г... Но, как говорится, это – другая история.

Глава 6. Операция «Ы»

Этот раздел книги я хочу так назвать, надеясь, что читатели поймут аллюзию. К тому же, насколько я знаю, никто не писал об этой операции, и, хоть и прошло более полувека, я не считаю себя вправе раскрывать ее цель. Так что буква «Ы», как чрезвычайно редко встречающаяся в заголовках, вполне подходит.

Шестидневная война, при всей трагичности поражения тогдашних наших друзей, как ни парадоксально, в некотором отношении способствовала укреплению позиций Москвы на Ближнем Востоке. Дело в том, что у ряда арабских стран ухудшились отношения с Западом, который активно поддержал агрессивные действия Израиля, хотя и не в такой мере, в какой это представляла египетская пропаганда. Среди этих стран был и Судан, в столице которого состоялся саммит Лиги арабских государств. Одним из пунктов принятой на нем 1 сентября 1967 г. резолюции, призывавшей к продолжению состояния войны с Израилем, был принцип «трех нет»: «нет миру с Израилем, нет признанию Израиля, нет переговоров с ним»⁷⁵.

В этот период поворот в сторону активизации отношений с СССР был заметен и в Судане. Хотя у власти там после свержения в 1964 г. военного режима генерала Ибрахима Аббуда⁷⁶ было гражданское правительство, Хартум обратился к Москве с просьбой о поставках вооружения, и для изучения его реальных потребностей на месте в Судане была направлена наша делегация во главе с Н.П. Дагаевым. Поэтому неудивительно, что принимали нас в Судане «по первому разряду».

Отношение к нашей «экспедиции» в Москве было весьма серьезным, даже ее состав был поименно утвержден решением ЦК⁷⁷. Географической

⁷⁵ <http://www.mideastweb.org/khartoum.htm>

⁷⁶ Не уверен, что термин «свержение» правильный, Аббуд перед лицом протестных выступлений сам отказался от власти, не применив силу для ее удержания.

⁷⁷ Настолько срочно все делалось, что один из участников полетел с паспортом, где его фамилия была напечатана неверно, поскольку так было в

целью ее был крайний запад Судана, Дарфур, ставший, к великому сожалению, известным в последние десятилетия как район бесконечных боевых действий. По плану мы должны были перелететь на Ан-12 в Каир, взять там «взаймы» у египтян вертолет Ми-6 и на нем отправиться в Судан.

Цель нашего полета египтянам не раскрывалась, но согласование с ними, очевидно проходило на высоком уровне. На аэродром, в Алмазу, где и базировались вертолеты, нам было подано несколько мерседесов. Мне пришлось просить сменить их на автобус у встречавшего нас подполковника Бардиси⁷⁸, старого знакомого, который все эти годы был ответственным за связи с СВС.

В штабе «нашей» эскадрильи Ан 12-х встретили М.И. Афанасьева, который был направлен туда советником. Несомненно, работа наших советников в годы после июньского поражения, помогла возродить египетскую армию, которая совсем по-другому показала себя в войне 1973 г. Но не уверен, что они нужны были везде и что всегда они вели себя аккуратно, не затрагивая гордости египтян.

По-другому выглядела и «штаб-квартира» советских военных, она располагалась уже не в Замалеке, а в отдельном здании в Гелиополисе, и носили наши уже не гражданскую одежду, а египетскую форму⁷⁹, хотя и без знаков различия, а старшим был уже генерал армии – Петр Иванович Лащенко, ранее командовавший Прикарпатским округом.

Полетели мы в Хартум вдоль побережья Красного моря с посадками и дозаправками сначала в Рас-Банасе, а затем после пересечения границы – в Порт-Судане. Наша посадка в Рас-Банасе проходила довольно своеобразно. Диспетчер на «вышке» (а по-нашему – на КДП – командно-диспетчерском пункте) неожиданно перешел на арабский язык: «Иртифа' кэм?» («Какая высота?»). Мне не осталось ничего, как пытаться отвечать тоже по-арабски – «Алифейн митр» («Две тысячи метров»). И снова «Иртифа' кэм?» – «Тультумия митр» («Триста метров»), а затем слышались слова, на которые я уже не ответил: «Исм тайар араби?»

решении ЦК, и исправлять ее никто не стал. А в решении ошибка была вызвана тем, что фамилия передавалась по телефону в Москву из другого города и очень напоминала фамилию офицера в штабе ВВС, ответственного за полеты за рубеж.

⁷⁸ В одной из книг о наших военных в Египте я прочел, что позднее, при правлении Анвара Садата, Бардиси был расстрелян, так как «стал слишком русским». Не хотелось бы в это верить, тем более что никаких доказательств этого не было приведено.

⁷⁹ Поэтому и смогла появиться чудесная песня «Кантара» (это – городок возле Суэцкого канала, где проходила линия фронта) со словами «Из-под арабской желтой каски синеют русские глаза».

(«Имя арабского летчика?»). Что ж, удивление египтян после нашего приземления можно было понять...

В Порт-Судане о нас заботился никто иной, как командующий суданским флотом, а в Хартуме обед 24 октября в Офицерском клубе суданской армии в нашу часть устроил даже министр обороны. Фигура это была необычной: сын вождя крупного племени, он после «Шестидневной войны» был вынужден прервать учебу в США и вернуться на родину. Ему не было еще и 30, и суданские офицеры, явно ревновавшие к возвышению такого гражданского, шутили: «Если он сейчас министр, то к 40 годам станет богом».

В Хартуме мы должны были прибыть на военный аэродром с красивым названием – «Вади Сеидна» – «Долина Господа нашего». Попали мы туда, пролетев от Порт-Судана на юго-Запад до Атбары⁸⁰ (это название белыми камнями было выложено на песке) а затем провернули южнее. Связь с международным аэродромом установилась легко, но от диспетчера услышали «Negative contact with Wadi Seidna», то есть: «Нет связи с Вади Сеидна». Это не могло нас не встревожить, так как приземляться без связи на военном аэродроме, тем более в напряженной обстановке, царившей тогда на Ближнем Востоке, было небезопасно, но вскоре «Вади Сеидна» отозвалась.

Через пару дней в Хартуме, о которых, кроме сильной жары даже в конце октября, запомнился прием у министра и беседа с начальником Генштаба, мы вылетели в Дарфур с посадкой в Эль-Фашере. Встретивший нас там губернатор провинции явно не рассчитывал на такое число гостей, прибывших на невиданно большом вертолете (Ми-6 тогда действительно был крупнейшим в мире)⁸¹. Так что подготовил он какую-то минимальную закуску, а наши летчики привыкли дома к полноценному (и бесплатному) питанию в летных столовых. Впрочем, проблема в этом отношении появилась еще раньше, по прибытии в Хартум оказалось, что все рестораны закрыты в жаркое время после обеда, и им пришлось потерпеть до вечера.

Зато когда мы добрались до Дарфура⁸², до столицы этой провинции г. Гейеймы, в провизии недостатка не было. Мы смотрели из окон: если

⁸⁰ Атбара, крупный железнодорожный центр занимает особое место в истории Судана. Там всегда были сильные рабочие организации, и там не раз, в том числе и в недавнем прошлом, в декабре 2017 г. начинались волнения против репрессивных режимов.

⁸¹ На Ми-6 было установлено 18 мировых рекордов – по грузоподъемности и скорости.

⁸² Дарфур, ныне разделенный на несколько провинций, стал печально известным с начала нынешнего века, когда там фактически началась гражданская

привозили на грузовике кур, то будем весь день есть курятину, а если козу – то козлятину. Да и губернатор в Эль-Фашере на обратном пути «закатил» нам обильный обед.

Сам полет над саванной был не слишком примечательным, но пилоты разнообразили его тем, что, пролетая над поселком, снизились и тем самым произвели ужасающий эффект на всех, кто находился на земле – хорошо было видно, как от шума и вида огромного «чудовища» разбежались не только козы, но и дети и женщины, причем топless (и это в мусульманской стране!).

Стояла ужасная жара. Именно в дарфурской саванне я в первый (и, надеюсь, в последний) раз испытал тепловой удар. Жарко было и в кабине – как бортмеханик объяснил, в вертолете вместо вентилятора было устройство для тушения пожаров, наши явно торопились при отправке этого Ми-6 в Египет для компенсации бездарно потерянной в «Шестидневной войне» техники, включая десять таких вертолетов.

«Экспедиция» наша не лишена была и забавных моментов. Ее пребывание в Дарфуре совпало с третьей годовщиной падения военного режима – 26 октября 1964 г. и довольно неожиданно нас на празднование пригласил не кто-нибудь, а султан масалитов⁸³ – одного из крупных племен. В кузове грузовика к нему отправилась молодая часть нашей группы, и я твердо возразил против попытки взять с собой оставшуюся у нас бутылку водки: «Султан – мусульманин, обидится». Каково же было наше удивление (и как надо мной потом смеялись друзья!), когда султан выставил на стол две бутылки виски «Джонни Уокер. Блэк Лейбл».

Не меньше мы удивились, увидев, что кроме нас, у султана в гостях оказалась делегация из соседнего Чада. Нам это было совсем ни к чему, хотя создалось впечатление, что они еще более были озабочены такой встречей, чем мы. Но напряженность быстро разрядилась, когда я, вспомнив свой арабский, а точнее, зачатки его, поднял тост: ««Ашат асадака ас-суфьетия ас-судания ас-тшадия!», то бишь: «Да здравствует советско-суданско-чадская дружба!»

Кроме «чаепития» у султана, праздник отмечался еще в местной школе, куда мы тоже были приглашены. Пришлось посмотреть представление, рассказывавшее об истории Судана с явным перекосом в сто-

война. Случайно или нет, но произошло это вскоре после открытия в этом районе месторождений нефти.

⁸³ Эта этническая группа насчитывает ныне свыше 400 тыс. человек, большинство их живет в Судане, а часть – в Чаде. Более трех десятилетий спустя я разговорился, как ни странно, в индийском Мумбае с обучавшимися там суданцами. И один из них, из Дарфура, сказал, что султан этот еще жив.

рону «арабской работоторговли». Вряд ли это было случайно, поскольку постановщицами были две молодых особы, то ли американки, то ли англичанки, помню, что, разглядывая с неподдельным интересом входившего в состав нашей группы симпатичного молодого инженера, они шепотом спросили у меня: «А это – не Евтушенко?». Поэт, тогда еще не старый, был на Западе весьма популярен.

Экипаж наш был отличный, командир рассказал, что он был из первого выпуска именно вертолетчиков, потому что ранее на эту роль пересчитывали пилотов самолетов. «Патриот» своей авиатехники, он объяснял: «Пока самолет будет искать, где аэродром, мы успеем приземлиться». А возвращаясь в Каир по кромке берега Красного моря, мы шли над водой очень низко и любовались тем, как не только рыбы, но и черепахи быстро уплывали, услышав шум вертолета.

Не входя в детали, скажу только, что результат нашей «экспедиции» вряд ли понравился ее организаторам. А обошлась она недешево. Хотя за аренду вертолета египтянам мы не платили (наши летчики, правда, оставили им запасную шину, привезенную из Союза), но счетов за заправку топливом я в Судане подписал немало.

Глава 7. Снова через Красное море

Во время саммита Лиги арабских государств 31 августа 1967 г. Президент Насер и король Саудовской Аравии Фейсал ибн Абдель Азиз подписали Хартумское соглашение о прекращении войны в Йемене⁸⁴, которое предусматривало вывод египетских войск из Йемена и прекращения снабжения роялистов со стороны эр-Рида.

Однако руководство Йемена во главе с ас-Салялем отвергло его, впервые открыто не согласившись с позицией Каира. В ответ египтяне способствовали новому перевороту 5 ноября 1967 г., в результате которого ас-Саляль, который в то время в поисках поддержки находился в Ираке, был свергнут. На смену ему пришло руководство во главе с президентом Абдель Рахман аль-Яхья Арьяни, который ранее «удерживался» египетскими властями с 1966 г. в Каире вместе с двумя другими «умеренными» деятелями.

Оно провозгласило курс на примирение с «роялистами», но при сохранении республиканского строя. Однако уже через несколько недель в условиях наступления сторонников имама на Сану и одновременного

⁸⁴ Напомним, что по результатам саммита Саудовская Аравия вместе с Кувейтом и Ливией должны были оказать Каиру существенную финансовую помощь.

вывода египетских войск президент уехал (а фактически бежал) из страны обратно в Египет «на медицинское обследование».

Реальным руководителем страны стал Хасан аль-Амри, которого йеменцы в разговорах с нами называли «наш Сталин», очевидно, за его твердость и решительность, качества, которые как никогда были необходимы в тех условиях. Ситуация осложнялась тем, что уход египтян фактически означал утрату прикрытия республиканских войск с воздуха, а своей военной авиации власти ЙАР за шесть лет так и не создали, вернее, их «покровители» не дали им этого сделать. Не опасаясь угрозы с воздуха, сторонники имама перебросили свои силы к столице страны и смогли окружить ее. Началась осада Саны, длившаяся с 27 ноября по 8 февраля и вошедшая в историю Йемена как «харб ас-саб'ин» – «Семи-десятидневная война».

Как не раз бывало и ранее, и позднее в трудные времена поддержка пришла из Москвы. В ответ на обращение аль-Амри с просьбой поставить в Йемен самолёты «для защиты достижений революции»⁸⁵, советское руководство прило срочные меры. И эта срочность, как пятью годами ранее, неожиданно повлияла на мои планы.

Первоначально наш экипаж (вновь Ан-12) вылетел из Чкаловской в Каир, но по пути совершил посадку в Туле, чтобы забрать там, если мне память не изменяет, четырех летчиков МиГ-17, которых направляли в Йемен. Я успел немного рассказать им об этой стране, но из Каира они добирались до места назначения уже другим бортом, поскольку мы получили приказ перебраться в Асуан, где наш командир стал фактически руководителем полетов, обеспечивая надежность вновь созданного «воздушного моста» в Сану, но уже не из Египта, а из Союза.

Еще до нашего прибытия, 17 ноября через Асуан (где проходила дозаправка самолетов) в Йемен прошли несколько десятков Анов, перевозивших, в частности, разобранные МиГи (в Йемене их собирали наши специалисты), а также необходимое вспомогательное оборудование и боеприпасы⁸⁶. А позднее основным грузом стали бочки с топливом для обеспечения действий авиации.

В тот период название Асуан было, как говорится, «на слуху», и мне было интересно находиться в поселке строителей знаменитой Высотной плотины. Но главное, мы действительно могли оказать нашим летчикам содействие, и не только обеспечивая посадку с использованием русского языка (а немало бортпереводчиков были новичками), но и по возможности их отдых в приличных условиях.

⁸⁵ <http://www.skywar.ru/Yemen.html>

⁸⁶ Ibid.

Экипажи привыкли к «спартанским» условиям, в теплом климате они нередко ночевали просто на борту, и для них приятной неожиданностью была возможность размещения в комфортабельной гостинице. Но не случайно я написал «по возможности»: средства на оплату размещения тогда выделялись более чем скромные, кажется, 40% от небольших суточных. И по прибытии очередного борта мне приходилось спрашивать, кто стрелок – сверхсрочник или проходящий срочную службу? (Остальные члены экипажа всегда были офицеры.) Разница между их суточными и, соответственно, «квартирными» была небольшая, но в случае «срочника» на размещение всего экипажа средств не хватало, хотя к счастью, такое случалось нечасто.

Пожалуй, самым незабываемым моментом нашего пребывания в Асуане была встреча звена, то есть трех самолетов-бомбардировщиков Ил-28, которые следовали из Союза через Каир в Йемен. Я писал, что несколькими месяцами ранее и мне самому довелось пересечь Средиземное море на таком самолете, но тогда были «Юнайтед Араб Эйр Форс», а в этом случае я в первый и, наверное, в последний раз увидел на бортах наших самолетов в Африке красные звезды. Очевидно, вылет их из Союза был настолько срочным, что и переокрасить знаки было некогда. Чувство, которое было у меня тогда в Асуане, я испытал еще раз в США, когда увидел звезды на кителях наших пограничников (правда, носили они форму МВД), охранявших советское посольство.

Но были связаны с нашим пребыванием в Асуане и несколько трагических историй. В один из дней борт Ан-12, шедший из Каира, который был уже на связи (на «вышке», наряду с арабским и диспетчерами при прилете советских самолетов находился наш командир, которого я сопровождал) неожиданно отказался следовать до Асуана и совершил посадку в Луксоре.

Только на утро, когда он все же прибыл в Асуан, выяснилось, что по пути им стало известно о гибели днем 2 декабря⁸⁷ после взлета с Тёкеля другого Ан-12 из того же витебского полка, и они, приняв это, конечно, близко к сердцу, решили поскорее приземлиться.

Узнал я от них, что командиром погибшего экипажа был Шатковский, уже капитан и летчик первого класса, с которым довелось мне летать пятью годами раньше, когда он был помощником командира корабля, а попросту – правым летчиком. Много лет спустя в интернете об

⁸⁷ Дата 2 декабря указывается на нескольких сайтах о авиакатастрофах, но А. Исаенко, тогда курсант ВИИЯ, пишет на сайте Союза ветеранов института, что этот Ан-12, на борту которого был его однокурсник В. Детеньшев, потерпел катастрофу 8 декабря. Сам я точную дату, к сожалению, не помню.

этой трагедии появилась такая информация: «Записей средств объективного контроля не имеется. Причина катастрофы не установлена. Предположительно перегруз и небольшое обледенение»⁸⁸.

А через несколько дней мы узнали о еще одной трагедии. После прибытия самолетов из Йемена египтяне проводили дезинфекцию кабин. Но однажды экипаж одного из наших бортов, к удивлению арабов, воспротивился этой процедуре, и мне пришлось выяснять причину. Летчики шепнули мне, что в грузовой в кабине в ящиках, покрытых брезентом, находятся тела двух дипломатов из советского посольства, убитых 11 декабря на дороге Сана-Таиз, и они боятся огласки. Пришлось сказать им, что, напротив, такие их действия вызовут подозрения и препятствовать дезинфекции никак нельзя.

Назвали летчики и фамилии погибших. Фамилия одного погибшего была мне незнакома, а вторым был первый секретарь посольства Владимир Аркадьевич Яковлев, у которого четырем годами ранее проходила практику моя жена, студентка журфака МГУ, когда он руководил представительством Агентства печати «Новости» в Каире.

Только гораздо позднее я узнал, что погиб вместе с ним второй секретарь нашего посольства в Йемене Самат Слямбекович Сундетбаев. В СМИ Казахстана можно найти немало сведений о его жизни, и о том, как хранят память о нем. В его родном селе Караул есть улица его имени и экспозиция в музее, на здании техникума в Семее (Семипалатинске), где он учился, – мемориальная доска с барельефом, а в библиотеке этого города – более шестидесяти публикаций, связанных с его именем⁸⁹.

В отличие от Казахстана в России память о погибшем дипломате сохранилась только на мраморной стене в здании МИДа. Слышал я и о том, что на закрытый гроб на похоронах Яковлева была положена офицерская морская фуражка. Но так ли это было – не знаю.

В одной из публикаций о Сундетбаеве сказано, что он погиб «при исполнении служебного долга от рук группы поддержки американцев»⁹⁰. Не слишком четкая формулировка. Автор ее, очевидно, имел в виду, что он погиб от рук тех, кого американцы поддерживали, и это совершенно справедливо. Хотя Вашингтон признал новое правительство, и США и их союзники оказывали помощь врагам республики. Как раз в

⁸⁸ https://aviacrash.ucoz.ru/load/voennaja_aviacija/katastrofy_i_aviarii_an_8_an_12_chast1/2-1-0-127

⁸⁹ https://www.inform.kz/ru/pamyat-geroicheski-pogibshhego-diplomata-samata-sundetbaeva-pochtili-v-kazahstane_a3095769

⁹⁰ Сундетбаев С.С. <https://www.imena.pushkinlibrary.kz/ru/gos-dei/1986-.html>

те дни силы республиканцев захватили оружие, карты и документы, доказывающие участие в войне на стороне монархистов ряда иностранных государств, в том числе США, Саудовской Аравии и шахского Ирана⁹¹.

Имаму, а, по существу, саудовским властям, не жалевших средств для ликвидации республики, удалось задействовать в наступлении на Сану 6 тыс. регулярных войск и 50 тыс. вооруженного ополчения племен, окружить столицу и прервать снабжение ее защитников по шоссе из порта Ходейда.

Среди наступавших на Сану были наемники из стран Запада, а частности английские, и только через несколько десятилетий был обнаружен тот факт, что оружие перевозилось рейсами британской компании с базы ВВС Израиля! Впрочем, «родство душ» израильского руководства и арабских реакционеров отчетливо заметно и сейчас на примере их вмешательства в Сирии.

Не так давно мой южноафриканский коллега напомнил мне, что одним из первых декретов Революционного совета в Йемене было отменено рабство. Так что «авторитарный», «тоталитарный» Советский Союз поддерживал тех, кто дал тысячам людей личную свободу, а «демократический» Запад вместе с Израилем помогал тем, кто столетиями держал их в рабстве.

А еще об одной трагедии мы узнали, когда, подменяя другой борт, на котором обнаружили неполадки, вылетели из Асуана в Йемен. Мы должны были приземлиться в Сане, где на КДП находился прибывший туда ранее упомянутый выше майор Калтыгин. И вот на подлете к аэродрому в эфире раздалась его слова: «Внимание, аэродром обстреливается». Зная, что Калтыгин был знаменит своими розыгрышами, я, каюсь, сказал, нажав тангенту: «Калтыгин в своем репертуаре», но тут же заметил разрывы снарядов на рулежной дорожке.

Мы ушли на Ходейду, и первое, что услышали от встречавших: «Жаринова сбили!». Капитан Жаринов Александр Григорьевич, 1930-го года рождения, один из тех пилотов МиГ-17, которых мы подобрали в Туле, погиб при выполнении боевого задания 30 ноября 1967 г.⁹² Он атаковал конвой монархистов в десяти километрах севернее Саны, успел сказать: «Одну (автомашину) поджег», стал делать второй заход и пропал со связи.

Самолет упал в районе, контролировавшемся монархистами, и позднее я прочитал в одном из американских журналов (не помню точно, кажется, в «Тайме»), как они были удивлены, увидев, что погибший лет-

⁹¹ Al-Hayat, L., 1 November, 1967.

⁹² <http://old.hubara-rus.ru/>

чик – не араб и этот случай дал повод для всякого рода вымыслов. Так, польский авантюрист и наемник Гай-Ганович утверждал, что его отрядом был сбит советский МиГ-21, пилотируемый неким полковником Козловым...⁹³

В нескольких наших источниках говорится, что после гибели Жаринова на участие советских летчиков был получен запрет. Если так и было, то не сразу. Как раз, когда наш Ан-12 приземлился в Ходейде, Ил-28 подвергали бомбардировкам объекты монархистов, и один из наших летчиков, возможно, из-за нервного напряжения, совершил ошибку при посадке. Самолет его выкатился с полосы на песок, но лишь частично, закрыв ее своей хвостовой частью для посадки других бортов. А в это время в воздухе находился наш Ил-18, ранее подаренный Салялю, сумевший взлететь с подвергавшемуся обстрелу аэродрома Саны. На нем эвакуировались советские дипломаты с семьями, включая посла Мирзо Рахматовича Рахматова⁹⁴.

Ситуация сложилась драматическая, но сообразительность проявил капитан Олег Баранников, мой сослуживец по «Десятке»⁹⁵. Он «организовал» танк Т-34, самолет быстро вытянули на ВПП, и затем он съехал с нее на рулежку. Ил-18 успешно приземлился, хотя и с отверстием в фюзеляже от пули.

Нам пришлось переночевать в Ходейде. Там даже вечером было душно, песок, гонимый жарким ветром, прилипал к потному телу, и вода в море совсем не освежала. Неслучайно египтяне называли этот город «Аль-авхаш макэн филь алем» – «Самое скверное место на земле».

Утром мы вылетели обратно в Асуан, а в Ходейде уже ходили слухи, что аэропорт в Сане якобы захвачен монархистами, и на нем приземлились два саудовских транспортных самолета, что не соответствовало действительности.

Осада Саны была снята лишь 8 февраля 1968 г., но об этом я узнал уже в Москве. Где-то на третьей неделе моего пребывания в Асуане с прибывшим из Союза бортом мне пришло указание срочно вернуться в Москву в связи с предстоящей командировкой в Индию. Правда, пока я

⁹³ https://vk.com/wall336857576_314

⁹⁴ То была довольно колоритная фигура. В течение семи лет он возглавлял Президиум Верховного Совета Таджикистана, и не забывал упомянуть, что он был заместителем Брежнева.

⁹⁵ Олег был своеобразным человеком, изобретательным, иногда даже чересчур. Он дослужился до полковника, но последний раз я встретил его в коридоре здания ЦК, где размещались кабинеты сотрудников Комитета партийного контроля. Впрочем, он заверил меня, что у него все в порядке.

летел в Москву, эта информация как-то «испарилась» (просто товарищи по службе хотели поскорее вернуть меня), и в Индию я отправился лишь в феврале 1968 г.

Последней моей командировкой во время службы в «Десятке» был Алжир, причем в отличие от ночевок по пути в Конакри и обратно, на этот раз я пробыл там несколько недель. Наша задача была простая – перегнать Ан-12 после ремонта в Союзе на аэродром Буфарик, тот самый, с которого тремя годами ранее мои товарищи возили грузы для повстанцев в Конго.

Алжир, будучи арабской страной, хотя и с многочисленным берберским населением⁹⁶, тем не менее, во многом отличался от Египта. Удивился я, например, тому, что крестьянин пахал поле на тракторе (в Египте этого я не встречал ни разу). Первое мая мы смогли отметить на зеленом лужке на берегу речки и даже половить там приходящую со Средиземного моря сельдь. Понравились мне небольшие городки недалеко от аэродрома и по дороге в г. Алжир, когда нам пришлось съездить за командировочными, тогда они мне показались очень французскими, хотя до Франции я добрался много лет позднее.

Вскоре после возвращения мне пришлось проходить ежегодную обязательную для офицеров диспансеризацию в поликлинике ВВС на Пироговской, поскольку мы считались летным составом, правда, довольно своеобразно – с обязанностями, но без льгот. Врачам не понравилось ни мое высокое давление, ни боли в области сердца. И в том же году, правда, не сразу, я оказался в НИАГ – Научно-исследовательском авиационном госпитале в Сокольниках⁹⁷.

Пришлось мне пробыть там месяц, потом месяц дома в отпуске по болезни и еще почти три недели снова в госпитале. В итоге в медицинских документах появилась фраза: «Коронарный генезис болей не подтверждается», но обнаружили другие грехи, прежде всего холецистит, причем какой-то лямблиозный. Когда я сказал своему лечащему врачу, что из санитарно неблагополучных стран у меня в последние месяцы

⁹⁶ Абсолютное большинство алжирцев имеет берберские корни, но язык понимает теперь только треть населения. Процесс арабизации продолжается, хотя в 1968 г. один летчик-майор отказался говорить со мной по-арабски, подчеркнув, что он – бербер, и заставил меня перейти с ломаного арабского на ломаный (тогда еще) французский.

⁹⁷ Госпиталь был по-настоящему ведущим медицинским учреждением, например, десять лет спустя там (уже в новом корпусе) мы с женой навещали ее брата – заслуженного летчика-испытателя СССР Арсения Леонидовича Колозова.

были полеты в Йемен и в Гвинею, он «успокоил» меня: «Лямблии и в Союзе подцепить можно». В заключении этот доктор, подполковник Михайлов спросил у меня участливо: «Вам очень служить нужно, товарищ капитан?» «Совсем не нужно», – к его удивлению, ответил я. Проблем в моем организме действительно оказалось немало, и все, что он тогда определил, потом постепенно находили и другие врачи.

Немного позднее, кажется в ноябре 1968 г., подоспело и официальное положение о том, что выпускников вузов можно призывать как офицеров на действительную службу только на два-три года. Так что аргументов, и достаточно убедительных, для моего увольнения в запас было достаточно.

Уходил я по-хорошему, с грамотой, подписанной генерал-полковником Дагаевым, с «отходной» для сослуживцев, совпавшей с новосельем в кооперативной квартире⁹⁸. Непокойно на душе было только по одной причине – уходил я из армии тогда, когда произошли бои с китайцами на острове Даманский, и, казалось, появилась угроза «большой» войны с КНР. Но я был готов вернуться, если, как мы тогда говорили, «Родина требует». Да и генерал – начальник отдела кадров «Десятки» – напутствовал меня: «Володя, если не устроишься на гражданке, приходи к нам снова, лямблии твои к этому времени исчезнут».

Беспокоился он и моей будущей работе: «Я могу в МИД позвонить не кому-нибудь, а начальнику управления кадров». Но к тому времени этот вопрос практически был решен: я связался заранее с Евгением Константиновичем Силиным, а он переадресовал меня Александру Сергеевичу Дзасохову, который, как и ранее, занимал должность ответственного секретаря, только уже не КМО, а Советского комитета солидарности стран Азии и Африки.

От Генштаба до здания СКССАА было идти минут 20 по Гоголевскому бульвару и Кропоткинской улице. Встретил меня «шеф» (так его всегда, правда, за глаза звали сотрудники комитета) по-доброму, хоть недолго, но успели мы вместе поработать до моего призыва в армию, да и вид офицера с наградными нашивками ему, человеку кавказскому, явно imponировал.

⁹⁸ Мы с женой подсчитали, что до этого, за шесть с половиной лет мы сменили больше 20 «мест жительства».

Часть 2

СОЛИДАРНОСТЬ

Глава 8. Обратю на Кропоткинскую

12 марта 1969 г. начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР маршал Советского Союза Матвей Васильевич Захаров подписал приказ № 77. В числе прочих пунктов он включал увольнение капитана В.Г. Шубина с действительной военной службы и его зачисление в запас. Через несколько дней я появился в том же двухэтажном здании по адресу Кропоткинская улица, 10¹, из которого пришлось уйти почти семью годами ранее. Даже номер кабинета на втором этаже в пристройке был таким же, хотя реально это была соседняя комната, поскольку нумерация изменилась. Да и должность называлась одинаково – референт, то есть самая низшая, с наименьшей среди «аппарата» зарплатой.

Таким образом, пришлось (и не в первый, и не в последний раз) «начинать жизнь заново». Но сожаления о «потерянных» годах у меня почти не было, служба научила крепко стоять на ногах, да и опыт как общения на разных уровнях в Союзе, так и за рубежом, в десятке стран не мог не пригодиться. Более того, может быть, неожиданно, но пригодились мне и основы военного дела, и знание о распределении обязанностей между различными структурами Министерства обороны и Генштаба, поскольку с самого начала мне было поручено отвечать за связи комитета с национально-освободительными движениями (часто употреблялось их сокращенное название – НОД), у которых важной формой борьбы была вооруженная².

К тому времени в СССР сложилась четкая система отношений с национально-освободительными движениями, оказании им разносторонней помощи. Все принципиальные вопросы решались Секретариатом ЦК КПСС, а наиболее важные из них еще и докладывались в Политбюро, на практике координирующая роль осуществлялась Международ-

¹ В 1994 г. улице вернули старое название – Пречистенка. Даже князь Кропоткин как революционер стал персоной нон-грата для «демократических» правителей города Москвы. Впрочем, к тому времени они избавились уже и от Пушкинской улицы, и от улицы Чехова.

² Поддержка НОД для меня была привлекательной по целому ряду причин: и политической важности этого дела, и моральной его стороны – помощи угнетенным, но было, наверное, и что-то совсем личное. Из должностей разного уровня, на которые назначался мой отец Геннадий Николаевич Шубин, была одна, к исполнению которой он, к счастью, не приступил – начальник штаба партизанских отрядов Ивановской области. Тогда эта область включала и часть нынешней Костромской, и практически всю Владимирскую, и немцы были остановлены километром в семидесяти от ее тогдашней границы.

ным отделом ЦК. Однако непосредственные повседневные связи он поддерживал в тот период лишь с Африканским национальным конгрессом Южной Африки (и, конечно, с Южно-Африканской коммунистической партией), а с другими организациями – Народным движением за освобождение Анголы (МПЛА), Фронтом освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО), Африканской партией независимости Гвинеи Бисау и островов Зеленого Мыса (ПАИГК), Союзом африканского народа Зимбабве (ЗАПУ) и Народной организацией Юго-Западной Африки (СВАПО) такие связи поддерживал СКССАА.

Этот же комитет, а также Комитет советских женщин и Комитет молодежных организаций предоставляли стипендии для обучения активистов этих движений в наших вузах и (в значительно меньшем количестве) техникумах. Кроме того, Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы выделял места для их учебы самостоятельно. Большинству из поступающих было около 20 лет, но некоторые были и намного старше. Предполагалось, что все они достигли уровня «А», средней школы по тогдашней британской системе, но иногда их принимали и с уровнем «О». В рамках подготовительного курса в течение первого года африканцы главным образом изучали русский язык, но их «подтягивали» и по другим основным предметам.

Политическое обучение активистов НОД проводилось прежде всего в филиале Института общественных наук при ЦК КПСС в Нагорном, недалеко от г. Пушкино, а те члены АНК, которые одновременно являлись членами ЮАКП, учились непосредственно в ИОН (Ленинградский проспект, д. 39). Кроме того, по линии КМО активисты НОД приглашались в Центральную (с 1969 г. она стала называться Высшей) комсомольскую школу, а по линии ВЦСПС – в Высшую школу профсоюзного движения.

Военная подготовка кадров НОД в тот период проходила в основном в двух учебных центрах. Наиболее специализированным было заведение, которое борцы за свободу обычно называли «Северным учебным центром», в отличие от учебного центра на юге, в Крыму. В нем было более десятка «объектов» – небольших зданий в Москве или (чаще) в Подмоскowie или «спецквартир» в городе, оборудованных для учебы. В течение многих лет его начальником был полковник, позже генерал-майор, Федор Иванович Федоренко, ветеран Великой отечественной войны, командовавший партизанской бригадой в Крыму, сражавшейся против немецких и румынских захватчиков. Центр действовал при особом подразделении Генерального штаба, занимавшемся национально-освободительными движениями. Сначала его возглавлял генерал-майор Иван Иванович Скрипка, руководивший советской военной миссией

при партизанах в Словакии в 1944–1945 г., а затем генерал-майор Иван Федотович Плахин, который сам посетил освобожденные районы Мозамбика и Гвинеи-Бисау в начале 1970-х гг.

Вторым был 165-й учебный центр в Перевальном, в 21 км от Симферополя в сторону Ялты. Созданный в 1965 году, он административно подчинялся командованию Одесского военного округа, а во всех других важных делах – 10-му Главному управлению. Позднее некоторые военные командиры НОД учились также на курсах «Выстрел».

Буквально сразу же после прихода в СКССАА мне с моим предшественником по работе на этом направлении Валерием Жихаревым пришлось заниматься организацией совместного заседания, посвященного Дню Зимбабве – 17 марта – и Международному дню борьбы против расизма и расовой дискриминации, который стал отмечаться 21 марта, в годовщину трагедии – резни в Шарпевиле. 17 марта отмечалось по инициативе Союза африканского народа Зимбабве (ЗАПУ), ведущей в тот период освободительной организации в этой стране. Кроме студентов, в заседании участвовали два активиста, которые работали на Московском радио в качестве дикторов на чишона и исиндебеле, языках крупнейших там народов. А со стороны АНК ключевой фигурой был Джозеф Нланхла, тогда студент последнего курса Московского института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, будущий заместитель министра юстиции ЮАР, отвечавший в этом ранге за вопросы разведки и безопасности в 1995–1999 г., а затем руководитель вновь созданного министерства разведывательных служб в 1999–2000 г.³

Советский комитет солидарности стран Азии и Африки был одной из организаций в нашей стране, которые тогда назывались общественными (на Западе, а сейчас и в России используется термин «неправительственные»), хотя и действовали под довольно твердым контролем Международного отдела ЦК. Но этот комитет от других отличали, по меньшей мере, две особенности. Во-первых, он как бы играл и роль интеллектуального клуба представителей «восточных» союзных республик, да и автономных республик России. Во-вторых, он был членом Организации солидарности стран Азии и Африки (ОСНАА), «на равных» с целым рядом политических партий, как правило, правящих, и национально-освободительных движений⁴. Именно ССКСАА уста-

³ В 2000 г. у него случился сильный инсульт, от которого он уже не смог оправиться, и в 2008 г. скончался.

⁴ Об истории движения солидарности стран Азии и Африки несколько книг опубликовано А.С. Дзасоховым, который в качестве ответственного секретаря, а затем первого заместителя председателя фактически был руководителем

новил связи с Организацией освобождения Палестины, а через находившийся практически в его структуре Советский комитет поддержки Вьетнама – и с Национальным фронтом освобождения Южного Вьетнама. Представительства обеих этих организаций в Москве, а с 1987 г. также представительства АНК и СВАПО были аккредитованы именно при СКССАА.

Пожалуй, наиболее активные связи комитет поддерживал с африканскими организациями, боровшимися против колониально-расистских режимов в Африке. Начал я работу в комитете буквально через несколько недель после проведения в Хартуме Международной конференции в поддержку народов португальских колоний и Юга Африки. Этой конференции в Москве придавали важное значение, советскую делегацию (официально – делегацию СКССАА) возглавлял первый секретарь компартии Армении Антон Ервандович Кочинян, но, что не менее важно, в ее состав входил Ростислав Александрович Ульяновский, заместитель заведующего Международным отделом ЦК.

В Хартуме собрались десятки делегаций, в том числе из ряда стран Запада, но в ней почти не участвовали представители африканских стран южнее Сахары, хотя группа советских участников движения солидарности во главе с А.С. Дзасоховым специально посетила накануне ряд таких стран, прежде всего, Танзанию.

Хартумская конференция позволила трезво оценить как состояние национально-освободительных движений, так и отношение к ним, особенно стран Африки. Из этих движений в конференции принимали участие по одному из каждой страны (так же, как только по одной организации от каждой страны могли быть членами ОСНАА). Это были АНК, СВАПО, ЗАПУ, МПЛА, ФРЕЛИМО и ПАИГК, которые после конференции стали называть «подлинными» («genuine») освободительными движениями. Нередко (только не в Москве) их называли «просоветскими», но эта группа отнюдь не формировалась в СССР, она возникла, насколько я могу судить, в результате взаимных контактов между самими этими организациями, особенно в рамках движения афро-азиатской солидарности.

Забегая вперед, можно сказать, что все эти движения, кроме ЗАПУ, стали правящими партиями в своих странах, когда с колониально-расистскими режимами было покончено. Да и ЗАПУ вошла первоначально в правительство независимого Зимбабве, хотя и в качестве младшего

СКССАА более 20 лет, а о практической деятельности этого комитета рассказано в книге В.Н. Тетекина «Африканист».

партнера⁵. Но поскольку ОАЕ и соответственно ее Комитет освобождения признавал и другие движения, ряд африканских стран игнорировал конференции, где те не были представлены.

Однако Хартумская конференция, как мне рассказывали мои товарищи по работе в Комитете солидарности, показала и определенные сложности в отношениях между национально-освободительными движениями. В начале 1960-х г. Южная Африка во многом была своего рода «Альма матер» для борцов против колониальных режимов. Например, Джошуа Нкомо и ряд других руководителей ЗАПУ учились там в университетах (да и их партия первоначально назвалась АНК Южной Родезии), Андимба Тойво йа-Тойво – один из основателей предшественника СВАПО – Конгресса народа овамбо – первые уроки «политграмоты» получил, будучи мигрантом в Кейптауне от Рей Саймонс и других южноафриканских коммунистов, а Самора Машел смог добраться из Мозамбика через Ботсвану в Дар-эс-Салам, благодаря тому, что южноафриканцы уступили ему место на чартерном рейсе из Франсистауна в столицу тогдашней Танганьики, так же, как и будущему секретарю СВАПО по вопросам обороны Питеру Наньембе.⁶

Однако к концу десятилетия ситуация изменилась. В то время как в португальских колониях развертывалась вооруженная борьба и начинали появляться районы, которые, хотя иногда и с оговоркой, можно было назвать освобожденными, в Южной Африке, как считали многие, особенно в СМИ, «ничего не происходило». Кадер Асмал, будущий министр в южноафриканском правительстве и его супруга Луиза, принимавшие активное участие в движении против апартеида в Ирландии, в статье о международном движении так объясняли сложности в мобилизации общественности в тот период: «Структура власти белых выглядела настолько чрезвычайно мощной, что казалось, было мало надежды на скорые перемены. В скандинавских (и не только – *авт.*) странах стало трудно набирать добровольцев для кампаний против апартеида»⁷. И в такой ситуации движения, успешно действовавшие в португальских колониях, отнюдь не готовы были играть роль «младших партнеров».

⁵ Можно напомнить, что была и другая, «прокитайская» группа, из которой к власти пришла только ЗАНУ, а о других – ПАК, СВАНУ, ФНЛА, КОРЕМО мало кто и вспоминает.

⁶ African Communist. 1983, № 95. С.81.

⁷ Kader and Louise Asmal. Anti-Apartheid Movements in Western Europe. Notes and documents/ United Nations Unit on Apartheid / Department of Political and Security Council Affairs, № 4, New York, 1974. P. 5.

Как упоминалось, еще до начала работы в СКССАА я посетил шесть стран Африки, однако мои поездки носили, по существу, технический характер, и знания об этих странах (если не считать Египта) были поверхностными, и теперь знания потребовались гораздо более глубокие. Источники их были разные: в Комитете имелись богатые архивы по связям с Африкой, он, хотя и был общественной организацией, регулярно получал информацию от советских посольств в Африке, нередко в виде шифртелеграм и от своего представителя в Каире в Организации солидарности народов Азии и Африки. Важной была, конечно, и информация от моих новых коллег.

Но самыми ценными были беседы с руководителями и активистами национально-освободительных движений. В первый раз с большой их группой я встретился в июне 1969 г., когда они были в Москве по пути из Берлина, где участвовали во Всемирной ассамблее мира, конференции, организованной Всемирным советом мира. Среди них были Джейсон Мойо из ЗАПУ, Мариано Матсинья из ФРЕЛИМО, будущий министр, и другие, как тогда выражались, «freedom fighters – борцы за свободу» (или просто «fighters – борцы»). Но из всех я невольно выделил Мзвандиле Пилисо из АНК.

Были среди делегатов и первые члены руководства СВАПО, с которыми я встретился – Питер Наньемба и его коллеги, Джозеф Итана, тогда редактор журнала «Намибия тудей», и Питер Катжавиви, представитель в Лондоне. Беседы с ними были, пожалуй, наиболее важными, так как даже после того, как СВАПО была принята в ОСНАА, сменив в ней в качестве члена СВАНУ – Национальный союз Юго-Западной Африки, ее отношения с Москвой развивались довольно медленно. Материальная помощь СВАПО предоставлялась, ее члены принимались на учебу как в вузы, так и (хотя и нерегулярно) по военной линии, но в то же время политические связи долгие годы были довольно ограниченными.

Такое отношение к СВАПО было вызвано несколькими причинами. Первое вооруженное столкновение ее бойцов с полицией произошло на севере страны, в Овамболенде 26 августа 1966 г., но в последующие годы уровень боевых действий был невысоким, хотя пройти бойцам из Замбии через Анголу на основную территорию Намибии, кроме полосы Каприви, граничащей с Замбией, было действительно очень нелегко.

Кроме того, руководство СВАПО в те годы считалось в Москве «незрелым». Слышал я, например, историю о том, что в один из предыдущих приездов в Москву у ее президента Сэма Нуйомы состоялась беседа с Ульяновским, на которой он предложил направить советские рыболовецкие суда в территориальные воды Намибии, чтобы вызвать негативную реакцию Претории и, соответственно, международный кризис.

Это было воспринято как провокация со стороны «друзей» СВАПО на Западе, «подказавших» такой ход. Так что после этого еще лет десять, если не больше, политические беседы в Москве у лидера СВАПО в Москве ограничивались бы Комитетом солидарности.

Да и они были непростыми. Николай Иванович Базанов, тогда секретарь СКССАА по Африке, подтвердив в беседе с представителями СВАПО ее поддержку как «единственной организации, борющейся за свободу Намибии» и продолжение поставок как гражданских, так и военных грузов, выразил недоумение в связи с тем, что представитель СВАПО в Каире Андреас Шипанга жаловался его советскому представителю в ОСНАА на снижении внимания Москвы к СВАПО. Напротив, без ответа оставалось предложение Москвы направить еще одну группу членов СВАПО на военную подготовку, а приезд Нуйомы в СССР откладывался уже третий год.

Представители СВАПО объяснили задержку с приездом Нуйомы тем, что он находился в юго-западном районе Замбии, где «встречался с народом», то есть с беженцами из Намибии. Южноафриканские власти усиливали репрессии против гражданского населения, уничтожая посевы и сжигая деревни, и до 3 тыс. намибийцев пересекли границу с Замбией и частично с Ботсваной (хотя там отношение властей к СВАПО было «не слишком хорошим»).

Шел набор молодых намибийцев, бежавших в Замбию, в боевые отряды, и часть их планировалось послать на учебу в СССР, потому что «они знают, как враг действует против СВАПО и могут рассказать об этом советским представителям». При этом собеседники высоко оценивали подготовку бойцов в Советском Союзе, особенно по военной разведке и планированию операций.

Питер Наньемба информировал нас, что правительства Танзании и Замбии дали согласие на получение СВАПО оружия из СССР не через Комитет освобождения ОАЕ, а напрямую. «Я не хочу осуждать комитет, – сказал он, но на такие поставки уходит много времени. К тому же, он сотрудничает не только с прогрессивными организациями, но и с другими». Наньемба сообщил, что от СВАПО поступит новая просьба о поставках и что СВАПО срочно нуждается в 10 тыс. фунтов для ведения боевых операций на территории своей страны и на административные расходы.

Не менее критически руководство СВАПО относилось к деятельности Верховного комиссара ООН по беженцам, который тратил «только по несколько пенсов» на каждого из них. Было и принципиальное различие в подходе к этой проблеме: «СВАПО считает покинувших Намибию не беженцами, а борцами. Мы хотим, чтобы они меньше верили в

ООН и больше – в СВАПО, в себя, в наших подлинных друзей. Мы уже стали жертвами некоторых международных организаций», – добавил Наньемба, правда, не назвав их.

Неудовлетворительное состояние дел в самой СВАПО нам стало ясно, когда собеседники посетовали, что не смогли найти в штаб-квартире в Лусаке адреса своих студентов, обучавшихся в СССР, чтобы передать им послание от руководства.

Примечательно, что двое из этой группы намибийцев планировали вылететь из Москвы в Монголию. В тот период видные деятели освободительных движений (включая тогдашнего молодежного лидера и будущего президента ЮАР Табо Мбеки) нередко посещали эту страну, которая оказывала им практическую помощь, предоставляя, например, обувь, а в случае СВАПО – и существенную финансовую поддержку.

В первые месяцы моей работы в Комитете солидарности произошли два важных события. С 25 апреля по 1 мая 1969 г. в г. Морогоро в Танзании состоялась первая после запрета конференция АНК, а немного ранее, с 14 по 16 апреля в г. Лусаке состоялась конференция глав государств Восточной и Центральной Африки, на которой был принят «Манифест по Югу Африки». Хотя в этом документе, ставшим известным как «Лусакский манифест», было заявлено, что освобождение Юга Африки является неизменной целью этих государств, в нем чувствовалось стремление, по меньшей мере, некоторых из них к достижению компромисса с властями Лиссабона и Претории за счет национально-освободительных движений и особенно АНК. В документе подчеркивалось, что участники конференции всегда предпочитали и по-прежнему предпочитают «достигать своих целей без физического насилия», вести переговоры, а не разрушать, говорить, а не убивать. «Если мирный прогресс к эмансипации был бы возможен, или если бы изменившиеся обстоятельства сделали это возможным, мы бы убеждали наших братьев в освободительных движениях использовать мирные методы даже ценой некоторого компромисса по времени осуществления перемен»⁸.

Сам по себе этот подход можно считать разумным, но в то время колониальные и расистские режимы совершенно не готовы были к серьезным переговорам, они, пользуясь поддержкой ведущих членов НАТО, чувствовали себя еще достаточно уверенно. Но такой подход позволил наиболее реакционным режимам в Африке, в частности президенту Малави Камузу Банде, начать так называемый «диалог» с Преторией.

А что касается ЮАР, то «Лусакский манифест» создавал серьезные проблемы для борьбы против режима апартеида. В нем говорилось:

⁸ <https://digitallibrary.un.org/record/843646>

«Южная Африка сама является независимым, суверенным государством и членом Организации Объединенных Наций... На любой юридической основе ее внутренние дела являются вопросом исключительно народа Южной Африки». И хотя далее говорилось, что действия южноафриканского правительства таковы, что «остальной мир несет ответственность за то, чтобы предпринять действия в защиту человечности»⁹, подчеркивание в «манифесте» особого положения ЮАР, ее независимости и суверенитета, создавало сложности для АНК. Да и в целом национально-освободительные движения были обеспокоены тем, что столь важный документ, непосредственно касающийся их, был подготовлен без консультаций с ними.

Сознавая важность сохранения отношений с независимыми африканскими странами, ни АНК, ни другие организации не критиковали публично «Лусакский манифест», но «Африкэн комьюнист», орган ЮАКП, которая в то время в независимых африканских странах официально не присутствовала, назвал позицию, занятую участниками конференции в Лусаке «нестерпимо патронирующей и даже вызывающей», особенно поскольку она была выражена лидерами государств, которые сами «достигли формальной независимости в основном даже без капли тех усилий, которые должны делать их братья на Юге»¹⁰.

Трудно сказать, насколько участники конференции АНК были информированы о «Лусакском манифесте», но в любом случае, он не ослабил их решимости активизировать борьбу против режима апартеида¹¹. Хотя официально конференция имела консультативный характер, на ней был принят важнейший документ, определивший действия АНК на полтора десятилетия – «Стратегия и тактика», и выбрано руководство АНК: Оливер Тамбо был подтвержден как и.о. президента¹², а Альфред Нзо стал генеральным секретарем. Принципиальным было решение о возможности членства в АНК неафриканцев, но оно допускалось только за пределами Южной Африки. Кроме того, они не могли быть выбраны в Национальный исполком организации, но индеец Юсуф Даду стал вице-председателем, а белый Джо Слово и цветной Реджинальд Септембер – членами нового органа – Революционного совета АНК.

⁹ African Communist, № 40. С. 8-9.

¹⁰ Ibid. С. 8.

¹¹ Работу и итоги конференции автор рассматривал в книге «Африканский национальный конгресс а годы подполья и вооруженной борьбы». М.: Институт Африки РАН, 1999. С. 103-109.

¹² Президент АНК Альберт Лутули погиб 21 июля 1967 г. под колесами поезда.

Результаты конференции были одной из основных тем, обсуждавшихся в Москве во время визита в июле 1969 г. делегации во главе с Оливером Тамбо. Принимал ее Международный отдел ЦК, но беседа состоялась и в Комитете солидарности, и это была моя первая встреча с «товарищем О.Р.», как его часто называли.

А немного ранее, в июне в Москве побывали и руководители ЮАКП, ее председатель Джон Маркс, Юсуф Даду, Майкл Хармел и молодой активист «Дж. Джабулани»¹³, которые приняли участие в Международном совещании коммунистических и рабочих партий¹⁴. Их встреча с членом Политбюро ЦК КПСС, председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным подтвердила твердое намерение Москвы оказывать поддержку борьбе против апартеида. В отчете делегации, который я нашел в фонде лондонского представительства АНК в архиве Центра Майибуйе в Университете Западного Кейпа, говорилось: «Он (А.Н. Косыгин) сообщил нашей делегации, что советские люди очень интересуются Южной Африкой. Он также сказал, что они признают, что южноафриканская борьба, возможно, самая трудная в мире. Он заверил нас в их полной поддержке нашей борьбы и предложил нам запросить любую помощь, которая может нам понадобиться, когда мы будем нуждаться в ней»¹⁵.

Глава 9. Возвращение в Африку

Хотя, как уже говорилось, в Тропической Африке я успел побывать и во время воинской службы, мое настоящее и отнюдь не книжное знакомство с ней произошло в июле - августе 1969 г., когда в составе делегации Комитета солидарности снова побывал в Танзании и впервые – в Замбии. Именно эта поездка и особенно встречи с представителями национально-освободительных движений помогли мне представить реальную ситуацию на Юге Африки, как их достижения (которых тогда было еще немного), так и проблемы.

При этом при ее подготовке мы столкнулись с неожиданной трудностью. Хотя нашей пребывание в Танзании официально было транзит-

¹³ Такое имя использовал на совещании Табо Мбеки.

¹⁴ Кроме того, член ЦК ЮАКП Джо Мэтьюз представлял на совещании Компартию Лесото, одним из основателей которой он был. Этот визит позволил мне познакомиться с руководителями ЮАКП.

¹⁵ Mayibuye Centre Historical Papers, ANC London Collection, Report of the work of the delegation of the SACP to the International Conference of Communist and Workers Parties. Moscow, 1969. P. 2.

ным, а делегацию возглавлял Владимир Леонтьевич Кудрявцев, заместитель председателя СКССАА, политический обозреватель правительственной газеты «Известия», и что более важно, депутат Верховного Совета и секретарь парламентской группы СССР, танзанийские визы нам получить не удалось. Чем это было вызвано, понять было трудно, хотя тогда в наших отношениях с танзанийцами основным «камнем преткновения» были их признание Биафры и наша поддержка центрального правительства в гражданской войне в Нигерии.

К счастью, на аэродроме в Дар-эс-Саламе визы мы трое (в делегацию входил также Рихстулла Каримович Шанигматов из Узбекистана¹⁶) получили без проблем и продолжили наш путь в Замбию. Летели мы туда на самолете «Ист Африкен Эйруэйс», и запомнилось, как своеобразно был оформлен салон – рисунками жирафов и других животных Тропической Африки¹⁷.

В Лусаке мы были гостями правящей Объединенной партии национальной независимости (ЮНИП), с которой у СКССАА были двусторонние отношения, поскольку обе организации были членами ОСНАА. Можно вспомнить и о том, что ЮНИП до достижения независимости получала от Москвы финансовую поддержку. Сопровождал нас повсюду, в том числе в поездке в Медный пояс, на границу с Конго и в Ливингстон, на границу с тогдашней Родезией, Тимоти Канкаса, государственный министр и один из руководителей этой правящей партии. Встретились мы и с несколькими другими министрами.

Особо запомнилось два момента. Когда мы обедали в ресторане в гостинице в г. Ндоле, единственными африканцами, находившимися в зале, были сопровождавшие нас местные руководители да официанты, даже оркестр состоял из цветных. «И это после пяти лет независимости!», – подумал я. Не мог я тогда представить, что подобную же картину я встречу в Зимбабве через четверть века после устранения расистского режима в той стране.

Второй момент – когда один из руководителей ЮНИП с некоторой растерянностью, если не сказать с горечью, говорил том, насколько сложнее стало понимать, кто друг, а кто недруг после независимости.

¹⁶ Тогда он возглавлял Международный отдел ЦК компартии республики, а позднее был советником по партийным связям в посольстве в Танзании, где и погиб в автомобильной катастрофе.

¹⁷ Можно добавить, что, несмотря на все планы региональной интеграции, когда лет 40 спустя я рассматривал возможность полета из Дар-эс-Салама в Лусаку, но выяснилось, что прямых рейсов вообще уже нет. А эта авикомпания была ликвидирована еще в 1977 г.

«Раньше мы знали, что колонизаторы – это эксплуататоры. А теперь эксплуататоры появились и среди африканцев. Как теперь к ним относиться?»).

Из бесед с замбийскими руководителями, наиболее интересной были, пожалуй, две: с национальным секретарем ЮНИП Майнзой Чоной¹⁸ и с министром по делам Южной провинции Алексом Шапи¹⁹. Наряду с рассказом о внутренней ситуации, об успехе его партии на выборах Чона много внимания уделил отношениям Замбии с национально-освободительными движениям, особенно в Зимбабве. Он предположил, что в этой стране три четверти населения поддерживают ЗАПУ²⁰, и одна четверть – ЗАНУ²¹, однако присутствовавший на беседе Тимоти Канкаса добавил, что, хотя ЗАНУ пользуется меньше поддержкой, но «в нее входят решительные националисты, интеллектуалы».

По Южной Африке, Намибии и Анголе позиция Замбии была тогда ясной, она поддерживала только АНК, СВАПО и МПЛА. Сложнее было отношение к антиколониальной борьбе в Мозамбике. «В Мозамбике мы больше верим ФРЕЛИМО. КОРЕМО²² мы помогали раньше, в 1963 г.», – сказал Чона, но офис этой организации в Лусаке сохранился.

Южная провинция занимала особое место в стране, соседствуя с Родезией, граница с которой была закрыта после так называемого «одностороннего провозглашения независимости» (UDI) расистским режимом 11 ноября 1965 г., и с полосой Каприви в Намибии, где находился аэродром, использовавшийся ВВС ЮАР. Шапи назвал ее «очень важной для борьбы за свободу» (добавим, что именно с территории этой провинции проводились боевые операции ЗАПУ и АНК в 1967 г.)

Центр провинции г. Ливингстон находится рядом с популярным среди туристов водопадом Виктория, который я увидел тогда в первый, но отнюдь не в последний раз. Африканцы называют его «Моси-оа-Тунья» («Гремящий дым»), и улыбаются, когда слышат, что его «открыл» английский миссионер-путешественник, их предки знали об этом чуде природы столетиями. На территории провинции находится и Национальный парк Кафуэ.

¹⁸ Беседа с Майнзой Чоной. Лусака, 28.07.1969.

¹⁹ Именно министрами, а не губернаторами назывались в Замбии руководители провинций.

²⁰ Беседа с Майнзой Чоной. Лусака, 28.07.1969.

²¹ Ibid.

²² КОРЕМО – Революционный комитет Мозамбика – был создан противниками Э. Мондлане во ФРЕЛИМО при активной поддержке властей Замбии, где был открыт офис этой организации.

Однако закрытие границы создало немало трудностей, прекратилась обычная перевозка через нее товаров, и под угрозой высылки находились 3-4 тысячи семей работавших в Родезии замбийцев. Обстановка еще более осложнялась тем, что именно эта провинция была традиционной «вотчиной» Гарри Накумбулы, политического противника президента Кеннета Каунды. Он когда-то был первым лидером антиколониального движения в Северной Родезии, но сблизившись с белыми либералами, уступил эту роль Каунде. Затем он довольно опрометчиво принял финансовую помощь от катангского сепаратиста Мойзе Чомбе, но в Южной провинции позиции его и его партии – Африканского национального конгресса оставались довольно сильными. Как сокрушался министр Шапи: «Люди хорошие, но не верят в учение партии»²³, под которым он подразумевал, конечно, каундовский «гуманизм», который «теоретики» рассматривали как вариант «африканского демократического социализма», а сам Каунда определял довольно своеобразно – как «сочетание капитализма XIX в. с коммунизмом»²⁴.

Но еще важнее для нас были встречи с руководителями национально-освободительных движений. В Лусаке 4 августа мы встретились с Оливером Тамбо, кроме него, в беседе с нашей делегацией участвовал Томас Нкоби, официальный представитель АНК в Лусаке, впоследствии его многолетний Национальный казначей и Мильтон Мия, сотрудник представительства,

По словам Тамбо, отношения между ЮНИП и АНК были хорошими, вполне ими было довольно и руководство Замбии, хотя оно и было вынуждено «играть с ЮАР». Положение же в Южной Африке Тамбо охарактеризовал как «тупик». На конференции в Морогоро было принято решение об активизации борьбы, но «дела обстоят по-прежнему». Он подчеркнул, что «империалисты ведут кампании против стран, на территории которых АНК действует», ЮАР угрожает этим странам, старается использовать высокопоставленных лиц в них, ведет подрывную работу.

Внутри страны власти сочетают репрессии с использованием «ренегатов и предателей», идут на подкуп «вождей» в бантустанах, разделяя африканцев. Они стремятся создать «средний класс среди африканцев», и уже появился, особенно в бантустанах, «тонкий слой» африканской интеллигенции и бизнесменов, но «массы народа это не затронуло».

²³ Беседа с А.Шапи, Ливингстон, 2.08.1969.

²⁴ Решетняк Н. «Счастье я мыслю в борьбе!» Кеннет Каунда (Замбия) // О них говорят: (20 политических портретов) / А.Красиков, С.Воловец, Б.Шестаков и др. М.: Политиздат, 1989. С. 98.

Тамбо откровенно говорил, что вооруженной борьбы в то время в Южной Африке не велось, но была «политическая база» для партизанских действий. Он полагал, что «массы готовы выступить» и лишь ждут, когда в страну придут бойцы «Умконто ве сизве»²⁵. По его словам, это подтверждали люди, посланные в ЮАР. Но в то же время руководство АНК стремилось избежать преждевременного выступления. (Забегая вперед, скажем, что, как показала жизнь, дела обстояли намного сложнее. Когда лет семь-восемь спустя бойцы «Умконто» стали регулярно проникать в ЮАР из соседних стран, это не послужило «запалом» для революционного взрыва, сколь-либо активной реакции со стороны большинства африканцев не было, и прошло еще столько же времени, пока выступления не стали массовыми).

ЮАР вмешивалась в ситуацию в Родезии, направляя туда и полицейских, и военных, оказывала давление на Ботсвану. Применяя по отношению к Замбии и Танзании два метода: предложения дружбы и шантаж с угрозами, она стремилась изолировать освободительные движения, избавиться от бойцов «Умконто ве сизве» в этих странах, заставить их перебраться «далеко на север». Такие слова были отнюдь не случайны, поскольку к этому времени АНК танзанийские власти уже потребовали от АНК закрыть свой лагерь в Конгве а, точнее, ту его часть, где базировались южноафриканцы, хотя Тамбо прямо не сказал нам об этом.

Лет 30 спустя, во время одной из поездок в Танзанию я услышал историю со ссылкой на советского дипломата. По его словам, закрытию лагеря в Конгве для АНК предшествовал приезд в Дар-эс-Салам Гарри Оппенгеймера и его беседа с президентом Джулиусом Ньерере. Не уверен, что это было именно так, но общее настроение попытаться найти компромисс с Лиссабоном, Солсбери и Преторией, как говорилось выше, в «Лусакском манифесте», просматривалось.

Тамбо поделился с нами и мнением о состоянии отношений АНК с другими освободительными движениями на Юге Африки. Положительно оценив связи АНК с ЗАПУ, он говорил о необходимости таких отношений и с другими организациями – согласовывать планы действий. Позитивно развивались отношения с ФРЕЛИМО (как он выразился, в Мозамбике была «военная миссия» АНК) и с МПЛА.

Сложнее дело обстояло со СВАПО. АНК хотел бы иметь с этой организацией более тесные связи, но, как сказал Тамбо, «мы не понимаем

²⁵ «Умконто ве сизве» («Копье нации») – созданная в 1961 г. вооруженная организация, которая первоначально официально не входила в структуры АНК, но позднее превратилась в его «Народную армию». Сокращенно она обычно называлась «Умконто» или МК.

позиции ее руководства». Он сетовал, что оно не делится своими планами. По его мнению, на СВАПО оказывало влияние США, «поэтому руководство этой организации не хочет связываться с нами». Упомянул он и о том, что, по данным МПЛА, СВАПО сотрудничает с УНИТА²⁶. «Но мы ее не списываем со счетов, пытаемся влиять на нее, это – единственная организация в Намибии, которая ведет борьбу».

Тамбо довольно критически, причем по собственной инициативе, отозвался о политике Китая, упрекнув его в связях с ЮАР: «Там, где их влияние, у нас возникают трудности в отношениях с местными. Пекин обвиняет нас, что мы – агенты Советского Союза. Но мы не отвечаем на эти нападки, в частности, агентства Синьхуа, наша задача – не ссориться, иначе нас могут изгнать»²⁷. Тамбо напомнил, что Китай обещал АНК оказать помощь, но не сделал этого, а просить о ней не будут. Затрагивались в беседе и практические вопросы, например, об организации приема на учебу в советские вузы очередной группы южноафриканцев, рекомендованных АНК²⁸.

Встретились мы и с Джеймсом Чикеремой, вице-президентом ЗАПУ²⁹, который вместе с Оливером Тамбо двумя годами ранее подписал сообщение о начале совместных операций ЗАПУ и АНК в Зимбабве. Сотрудничество двух организаций позитивно рассматривалось в Москве, однако неудача этих операций имела негативные последствия, сподобившись росту напряженности внутри как ЗАПУ, так и АНК³⁰.

В тот день, 4 августа 1969 г. я познакомился не только с ним, но и с другим членом руководства ЗАПУ – Тарсиусом Джорджем Силундикой («товарищем Ти Джи», как его обычно звали), с которым у нас вскоре установились добрые отношения, длившиеся больше десятилетия. Именно Силундика был первым из руководителей национально-освободительного движения Зимбабве, тогда предшественника ЗАПУ – Нацио-

²⁶ Национальный союз за полную независимость Анголы (УНИТА) был создан в 1966 г. Жонасом Савимби. После провозглашения независимости Анголы долгие годы вел вооруженную борьбу против правительства МПЛА при поддержке внешних сил, прежде всего ЮАР и США.

²⁷ В то время начиналось строительство Китаем железной дороги ТАЗАРА, соединившей Танзанию и Замбию.

²⁸ Беседа с О. Тамбо. Лусака, 4.08.1969.

²⁹ Президент ЗАПУ Джошуа Нкомо тогда находился в заключении.

³⁰ Declaration by Oliver Tambo, Deputy President of the African National Congress of South Africa and J.R.D. Chikerema, Vice-President of the Zimbabwe African People's Union, August 1967. www.anc.org.za/ancdocs/history/or/or67-6.html. Подробнее см.: Шубин В. Г. Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. С. 90-95.

нально-демократической партии – посетившим Москву еще в январе 1961 г.

Основным мотивом в этой беседе (как нередко и в других) было выражение недовольства руководства ЗАПУ низким уровнем практической помощи со стороны Комитета освобождения ОАЕ.

Касаясь роли ЗАПУ и отколовшегося от этой партии в 1963 г. Африканского национального союза Зимбабве (ЗАНУ), Чикерема заявил, что «замбийцы знают, кто ведет борьбу», Каунда занимает правильную позицию, но есть и другие, которые не ценят ЗАПУ. ОАЕ тогда признавала обе организации, и он справедливо заметил: «Все зависит от нашей деятельности».

МПЛА в Лусаке на встрече с нашей делегацией представляли Даниэль Чипенда, член руководства МПЛА (о нем больше будет сказано позднее) и Афонсу ван Дунем, будущий секретарь ЦК и одно время министр иностранных дел независимой Анголы. Более активным в беседе был ван Дунем, который довольно откровенно рассказал о проблемах, стоявших перед этой организацией, в частности по поддержанию связей из Замбии с Северным фронтом, действовавшим в Кабинде с территории Конго-Браззавиль. При этом особое внимание он уделил сложным отношениям между МПЛА и СВАПО, которую он даже обвинил в «работе на американцев». Утверждал он также, что под видом сваповцев члены УНИТА направлялись на подготовку в другие страны, а потом проникали в Анголу, а также, что оружие, направляемое СВАПО, попадает к УНИТА и КОРЕМО³¹. Ван Дунем подчеркивал, что лидер УНИТА Жонас Савимби (якобы?) не находится в Анголе, и что фото, показывающее его там, появилось еще двумя годами ранее.

Обсуждали мы в предварительном порядке и направление группы советских журналистов и кинооператора в освобожденные районы Анголы. Поездка эта состоялась год спустя, и по возвращению они провели пресс-конференцию, первым на которой выступил лидер МПЛА Агостиньо Нето. «Советские журналисты, - сказал он, - посетили одну из освобожденных зон в Анголе... Мы будем рады, если они расскажут миру правду о нашей борьбе и наших трудностях. Пусть советские люди, чью симпатию и поддержку мы чувствовали все эти годы, дни и часы, узнают об этом, пусть узнают люди в тех странах, чьи правительства не признают нашего движения – и, более того, помогают португальским колонизаторам оружием, я имею ввиду прежде всего

³¹ Беседа с Д.Чипендой и А.ван Дунемом. Лусака, 4.8.1969.

государства блока НАТО, и особенно Англию, которая решила продать оружие ЮАР»³².

Олег Константинович Игнатьев из «Правды», Анатолий Владимирович Никаноров из «Известий» и другие члены этой группы в труднейших условиях, рискуя и здоровьем, и жизнью смогли снять материалы для фильма «Партизанскими тропами Анголы», в котором были и кадры об атаке бойцов МПЛА на португальский форт Каянда.

В беседе с нами ангольцы поставили также вопрос о лечении в СССР раненых бойцов МПЛА, а на обратном пути мы тот же вопрос обсудили с представителями ФРЕЛИМО в Дар-эс-Саламе – Жоржи Ребелу, тогда секретарем ФРЕЛИМО по вопросам информации и членом ЦК Арманду Пангуене³³. В результате по предложению СКССАА, согласованному с руководством Министерства обороны, было принято специальное решение ЦК о приеме раненых бойцов МПЛА и других освободительных движений на лечение в советские военные госпитали в дополнение к «квоте на отдых и лечение», предоставлявшейся НОД по линии КПСС.

Из высшего руководства СВАПО в Лусаке в то время находился секретарь по образованию этой организации Мишек Муйонго, который вскоре был утвержден и.о. ее вице-президента³⁴. На этот пост он попал поскольку как тремя годами ранее КАНУ – Африканский национальный союз Каприви³⁵, организация, где он также был вице-президентом, вошла в состав СВАПО. Идя на такой шаг, руководство СВАПО рассчитывало на благоприятные условия для проведения боевых операций в этой провинции. В Лусаке беседовали мы и Соломоном Мифимой, в то время – активным членом руководства СВАПО, а затем в Танзании, на обратном пути в Москву – со знакомым мне уже Питерем Наньембой, представителем этой организации в Дар-эс-Саламе.

Не было ни одной организации, представители которой были бы довольны деятельностью руководства Комитета освобождения. Его испол-

³² Yevsyukov P., Ignatyev O., Mikhalev P., Nikanorov A. Password “Anguimo”. Reports from Angola, Guinea-Bissau and Mozambique. Moscow: Novosti Press Agency, 1974. P. 88-89.

³³ Я был рад увидеть Арманду, уже отставного заместителя министра иностранных дел и посла в добром здравии спустя более полувека в ноябре 2019 г. Мапуту.

³⁴ Официально пост вице-президента СВАПО занимал бывший президент КАНУ Брендан Симбвайе, который был арестован южноафриканскими властями в 1964 г., а в 1972 г. исчез. Подозревали, что он был убит спецслужбами ЮАР. В 1980 г. Муйонго был из СВАПО исключен.

³⁵ В независимой Намибии этот район, названный ранее по имени германского канцлера Лео фон Каприви, был переименован в Замбези.

нительным секретарем был танзанийский дипломат Джордж Магомбе, который подвергался критике с разных сторон за «неэффективность» и даже за финансовые нарушения³⁶, что, однако не помешало ему позднее стать послом своей страны, причем неоднократно. Дело дошло до того, что представитель ОАР доктор Садек Сами, отвечавший в этом комитете за вопросы обороны, был вынужден покинуть свой пост из-за конфликта с Магомбе. Работая потом в Секретариате ОСНАА, он рассказывал мне, что написал книгу под многом говорящем названием – «Африка против Африки», в которой главным «героем» был именно Магомбе, но она не была издана, поскольку египетские власти не захотели скандала.

С Магомбе мы встретились в Дар-эс-Саламе, беседа с ним прошла в дружественном духе, но многого нового мы от него не узнали. Примечательно, что на шкафу в его кабинете стоял небольшой бюст Ленина, и мы не сомневались, что он не находится там постоянно.

А выйдя из его офиса, мы столкнулись с Потлако Лебалло, председателем ПАК, его высшим руководителем в эмиграции. Была ли эта встреча случайной, или Магомбе сказал ему заранее о нашем визите, не знаю, но мы ограничились взаимными приветствиями, когда сопровождавший нас сотрудник посольства познакомил нас.

Глава 10. Африканцы в Союзе

Пока мы были в Замбии и Танзании, в Москве находилась делегация ФРЕЛИМО, первая после гибели 2 февраля 1969 г. Эдуарду Мондлане. Возглавлял ее преподобный Уриа Симанго, который при жизни Мондлане был вице-президентом этой организации, но после его гибели не смог занять высший пост. Во ФРЕЛИМО был создан Президентский совет, «триумvirат» в составе Симанго, Саморы Машела, командовавшего вооруженной структурой организации и ветерана антиколониального движения Марселино дос Сантоса³⁷.

Хотя Симанго был председателем этого совета, то есть официально являлся первым лидером ФРЕЛИМО, в Москве уже понимали, что наиболее влиятельной фигурой после гибели Мондлане стал Самора Машел. Его бы и предпочли увидеть в Москве, но к нам отправился Симанго вместе с руководителем структур безопасности ФРЕЛИМО (и буду-

³⁶ <https://wikileaks.org/plusd/cab>

³⁷ Правильней было бы сказать «Марселину Душ Сантуша», но за ним к тому времени (в отличие от ангольского президента) закрепился не португальский, а испанский, или, скорее, французский вариант его имени; первоначально он жил в эмиграции в Париже.

щим президентом независимого Мозамбика) Жоакимом Чиссано и еще одним членом руководства Кандидо Мондлане, а Машел впервые посетил Москву двумя годами позже.

По завершению визита в СССР двое членов делегации вылетели в Монголию³⁸ (третий остался у нас на лечении), и я встретился с ними в Шереметьево по их возвращению в Москву. Вспоминается обстоятельный разговор, который состоялся у меня с Симанго и Чиссано в гостинице «Ленинградская». Их интересовали итоги нашей поездки в Замбию и Танзанию, а меня – ситуация в Мозамбике и непосредственно во ФРЕЛИМО. Беседа была дружественной, возможно и потому, что была распита бутылка водки, которую я за неимением в тот день портфеля, вынул из кармана брюк... («Как молоды мы были...»).

И никак я не мог тогда представить, что пути моих собеседников полностью разойдутся. Через пять лет после нашей встречи, в сентябре 1974 г. один мой собеседник возглавил Переходное правительство, а второй завязал контакты с правыми португальскими колонистами в Мозамбике, был арестован, а затем просто исчез³⁹.

Кризис в руководстве ФРЕЛИМО разразился уже вскоре после пребывания этой делегации в Москве. Симанго, выступивший против других членов высшего руководства, распространил документ под названием «Мрачная ситуация в ФРЕЛИМО». Но он и его сторонники потерпели поражение, и в октябре 1969 г. он был исключен из организации. Когда дос Сантос посетил Москву в марте 1970 г., он информировал нас о том, что кризис в ФРЕЛИМО преодолен⁴⁰.

О существовании серьезных проблем во ФРЕЛИМО мы знали и ранее. В июле 1968 г. на одной из баз ФРЕЛИМО на территории Мозамбика (как тогда говорили, в одном из «освобожденных районов») состоялся II съезд ФРЕЛИМО. В истории этой организации он известен прежде всего тем, что в качестве цели борьбы были названы не только независимость, но и социализм⁴¹. Но на нем проявились и определенные меж-

³⁸ Как указывалось выше, в те годы Монголия была активна в установлении контактов с национально-освободительными движениями, она предоставляла им материальную помощь, а иногда и финансовые средства, причем в долларах. Москва поощряла такую активность, которая в определенной степени противодействовала антисоветским действиям Пекина.

³⁹ Стоит отметить, что его сын Давиж Симанго до своей кончины в феврале 2021 г. возглавлял вторую по влиянию оппозиционную партию в Мозамбике и долгое время был мэром г. Бейры.

⁴⁰ Беседа с М. дос Сантосом и М. Кханом, 4.03.1970.

⁴¹ <https://www.wikiwand.com/en/FRELIMO>

региональные противоречия⁴², неслучайно одним из лозунгов ФРЕЛИМО был «*Abaje regionalismo!*» – «Долой регионализм!» На съезде в составе делегации ОСНАА присутствовал представитель СКССАА в ее Постоянном секретариате Бахадыр Аббасович Абдуразаков. Как и его предшественник Латып Максудович Максудов, Абдуразаков был выдающейся личностью, хорошо образованным, он не только окончил МГИМО, но и защитил там диссертацию. В его отчете говорилось об отсутствии на съезде «политической делегации» из провинции Кабу-Делгаду на северо-востоке страны, где местный лидер Лазару Нкавандаме вступил в конфронтацию с руководством движения, а вскоре и перешел на сторону португальцев.

Немногие из видных членов ФРЕЛИМО примкнули к Симанго, но один из них, с «подходящим» именем Жудас (то есть Иуда) был мне знаком, он принимал участие в конференции в Алма-Ате, в начале октября 1969 г., посвященной 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, которая довольно громко называлась Международным симпозиумом на тему: «Ленинское учение о национально-освободительных революциях и современный этап социального прогресса развивающихся стран».

Благодаря конференции в Алма-Ате я познакомился с Р.А. Ульяновским, на беседу с которым я сопровождал Пилисо⁴³. Согласившись принять членов АНК на «переподготовку», Москва была обеспокоена будущим «Умконто ве сизве», и я почувствовал это, когда Ульяновский поднял вопрос о возможности использования территории Судана в качестве базы, с которой отряды «Умконто» могли бы двигаться на юг, даже при отсутствии поддержки от других правительств⁴⁴.

Такие соображения Ульяновского были не случайными. Судан и ранее позитивно относился к борьбе против колониализма и апартеида, что показало проведение упомянутой выше Хартумской конференции, а после переворота 25 мая 1969 г. это направление в его политике усилилось. Оно сохранялось до трагических событий в июле 1971 г., когда левые военные, связанные с Суданской компартией, потерпели поражение в их попытке свергнуть тогдашнего лидера Джафара Нимейри, которому двумя годами ранее сами помогли прийти к власти.

⁴² Однако нередко подоплекой таких противоречий, как и межэтнических бывают противоречия политические или социально-экономические.

⁴³ Mayibuye Centre Historical Papers, ANC Lusaka Collection, African National Congress National Consultative Conference, President's Statement. P. 19.

⁴⁴ Записи автора на беседе Р. Ульяновского с М. Пилисо. Алма-Ата, 2.10.1969.

Эта была моя первая встреча с Ростиславом Александровичем, человеком, мнение и советы которого я стал глубоко уважать. Петр Никитович Евсюков писал об Ульяновском как о человеке, который прожил сложную жизнь, но он «не договаривал». «Сложная жизнь» включала арест в начале 1935 г. (с согласия секретаря Московского горкома ВКП(б) Н.С. Хрущева), пять лет в Воркуто-Печерских лагерях и около 15 лет ссылки, когда ему было запрещено жить в столице и крупных городах и пришлось работать экономистом в Татарстане, Владимире и Белгороде⁴⁵. Но после реабилитации Ульяновский, хотя ему уже было за пятьдесят, возобновил научную, а затем и политическую деятельность. Поработав в журнале «Современный Восток» (нынешний «Азия и Африка сегодня») он вскоре стал заместителем директора Института востоковедения, а в 1961 г., очевидно, по инициативе Б.Н. Пономарева, был назначен на должность консультанта, а через два года – заместителя заведующего Международного отдела, то есть самого Пономарева (за спиной того обычно звали «Бэ Эн», а Ульяновского – «профессором», хотя он не сразу получил звание профессора, к которому представлялся еще до ареста). Среди других обязанностей в течение двух десятилетий Ростислав Александрович, как тогда выражались, «курировал» Сектор Африки этого отдела.

В время конференции в Алма-Ате произошел интересный эпизод. Зарубежные участники на двух автобусах направились на церемонию возложения венков. Неожиданно в автобусе Пилисо прошептал мне: «Видишь, впереди сидит молодой африканец. Скажи ему, что во время остановки он должен пересест в другой автобус. В этом едет корреспондент Би-Би-Си, и ему того не надо видеть». А потом, уже на улице Пилисо сказал мне: «Этот молодой человек – сын автора книги о крестьянском восстании в Пондоленде», а я знал, что этим автором был один из руководителей АНК и ЮАКП Гован Мбеки⁴⁶.

А о другом инциденте мне рассказал уже сам Табо Мбеки, но десятилетия спустя. Вечером со своим другом, тоже слушателем Института общественных наук, он вышел из гостиницы погулять по ночной Алма-Ате. Навстречу им шел, шатаясь, какой-то пьяный. Но приблизившись, он вдруг совсем трезвым голосом спросил: «Are you all right, comrades?». Так, наверное, состоялось «знакомство» будущего президента ЮАР с советскими спецслужбами.

⁴⁵ Ульяновский Р.А. Из пережитых лет. «Восток», 1993, № 4. С. 137-139.

⁴⁶ Табо Мбеки провел несколько месяцев в Советском Союзе в 1969–1970 гг. на военной и политической подготовке

Из видных руководителей НОД в алма-атинской конференции участвовали Нуйома и Силундика, обстоятельные беседы с которыми состоялись после их возвращения в Москву.

Несколько лет назад в Претории я обратил внимание на название останков на новой и довольно хорошо организованной автобусной линии – «General Pitso». Сопровождавшему меня сотруднику посольства это имя ни о чем не говорило, и пришлось разъяснять ему, что покойный генерал – не кто иной, как выпускник УДН им. Патриса Лумумбы, много лет проживший в Советском Союзе. Тогда его звали Барней Маккей, и он был одним из трех неординарных студентов из АНК. Эта «троица» – Гойтсимолимо Леонард Питсо, Дэвидсон Темба Масуку (в Москве – Хаггар Макбери) и Думи Матабане (Думи Мартц), все бойцы «Умконто», были приняты в УДН им. Патриса Лумумбы, их образовательный уровень позволил сделать это. К великому сожалению, все они ныне покойные.

Питсо учился на сельскохозяйственном факультете, Масуку – на медицинском, а Матабане, кажется, на одном из гуманитарных. Они успешно завершили учебу, хотя на это ушло немало времени. Конечно, будучи далеко от дома, они переживали за свою страну. Помню, как Барней позвонил мне, когда чуть ли не ежедневно после трагических событий в Соуэто 16 июня 1976 г. росло число жертв полицейского произвола.

В дальнейшем двое первых работали в структурах АНК, а после смены власти Масуку стал руководителем Медицинской службы Южноафриканских национальных сил обороны в звании генерал-лейтенанта, генерал-майор Питсо – заместителем начальника военной разведки, а после отставки – послом во Вьетнаме. У Матабане судьба сложилась по-другому: он женился на афроамериканке, что позволило ему перебраться в США и стать там представителем АНК, хотя неофициальным. Газета «Вашингтон пост» писала в июне 1990 г., накануне прибытия в США Нельсона Манделы: «Когда представитель Африканского национального конгресса Думи Матабане прибыл в Вашингтон в 1979 г., он в течение 10 лет работал дома. Симпатизировавшие предоставили ему оборудование и другое, необходимое для офиса»⁴⁷. Но позднее Матабане также был послом ЮАР в трех африканских странах – в Эритрее, на Маврикии и (по совместительству) на Сейшелах.

У меня сохранилось письмо, направленное мне 5 декабря 1978 г. из Лусаки, куда он приехал из США. «...Я вернулся, и я рад, что был там,

⁴⁷ <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1990/06/24/heartfelt-outpouring-for-mandela/f65bf8b2-9bc5-4686-87f7-b83e5e14ff22/>

потому что видел империализм в действии. Нет ничего, о чем приятно говорить, только страдания рабочего класса, безработица и эксплуатация, превращающая молодежь в животных, которых кормят наркотиками, чтобы разрушить их». Однако он не терял оптимизма: «Но народ ПОБЕДИТ, потому что наша борьба справедливая и благородная. Никто не может повернуть вспять колесо истории». При этом он сообщил, что ранее послал мне несколько писем из Вашингтона, «но, судя по всему всемогущее ЦРУ остановило их»⁴⁸.

Среди других южноафриканцев, учившихся в те годы в Москве, отмечу Номаву Шангасе, муж которой Вуси Шангасе был диктором Московского радио на языке зулу. Она окончила сначала медицинское училище в ЮАР, а потом и институт в Москве, и возглавила медицинскую службу «Умконто». Умную, трудолюбивую и доброжелательную по характеру, ее ждало большое будущее в демократической Южной Африке, если бы не трагическая автокатастрофа в 1981 году на севере Анголы. Посмертно она была награждена Орденом Менди (в золоте) – высшей наградой для военных в ЮАР. Еще одним студентом-медиком был Пренавер Наикер, сын видного деятеля ЮАКП и АНК М.П. Наикера, дослужившийся затем до бригадного генерала медицинской службы (теперь уже в отставке).

Глава 11. Римская конференция

В то время перед национально-освободительными движениями Юга Африки и их союзниками стояли две важных задачи: сохранить и усилить поддержку со стороны независимых африканских стран и привлечь на свою сторону как можно больше сил на Западе. С этой целью по решению Хартумской конференции в Каире при ОСНАА был создан Мобилизационный комитет, в котором особо активную роль играл представитель ФРЕЛИМО Сержио Виейра, будущий глава нескольких министерств в независимом Мозамбике, в том числе министерства безопасности. Человек довольно активный, он без особого успеха требовал такой же активности и от аппарата ОСНАА, который привык к египетской неторопливости⁴⁹.

Еще в Хартуме вынашивалась идея проведения конференции солидарности с борьбой против португальского колониализма в одной из стран Западной Европы. Интерес к этому проявили левые политические

⁴⁸ Письмо Д. Матабане автору, 2.12.1978.

⁴⁹ Как-то «дядя Ваня», майор, о котором я писал ранее, спросил меня: «А что по-арабски значит «тумора»? Что я ни скажу, они все «тумора, тумора»...

силы Италии. Наиболее мощной из них в то время была Итальянская компартия, за которую на выборах голосовало около трети итальянцев, но, пожалуй, не менее активными были в этом отношении и левые социалисты из Итальянской социалистической партии пролетарского единства (ПСИУП), и особенно вице-председатель парламента от этой партии Луцио Луцатто.

К перспективам проведения конференции в Риме большой интерес проявлялся и в Международном отделе ЦК, возможно и потому, что Р.А. Ульяновский сам участвовал в Хартумской конференции. С начала 1970 г. в Москве состоялось несколько рабочих совещаний по подготовке конференции, на которых я присутствовал как непосредственно ответственный в СКСААА за эту работу. На конференции, пожалуй, впервые должны были собраться вместе и руководители освободительных движений, и представители социалистических стран, и довольно разнообразный и в политическом, и в организационном плане состав активистов организаций из стран Западной Европы.

На одном из совещаний в кабинете Ульяновского в ЦК он напомнил, что именно советская делегация в Хартуме поставила особо вопрос о португальских колониях. Но после фактического отказа в выдаче виз Юлию Федоровичу Харламову⁵⁰, сотруднику Международного отдела, «куруивавшему» общественные организации, и мне для участия в состоявшемся в Риме в марте заседании подготовительного комитета ситуация стала неопределенной, даже тревожной. Мы несколько раз переносили дату вылета и искали подходящие рейсы, вплоть до Женева «Аэрофлотом», а затем до Рима, как ни странно, на «Эйр Индия», и визы были нам все же выданы, но только в день заседания. Впрочем, такое «иезуитство» проявлялось в отношении советских представителей не только в католической Италии, но и в протестантской Англии (об этом будет рассказано позже).

Нужно было определиться и с составом участников конференции, обеспечивая при этом «равноправное участие» различных сил. В Москве понимали, что, как тогда говорили, «борцы» за национальное освобождение хотят привлечь Западную Европу, но предварительный список, подготовленный итальянцами, был отнюдь не идеальным, например, в нем не было даже Португальской компартии, занимавшей четкую антиколониальную позицию. Правда, ее лидер, Альваро Куньял был уверен, что ее представители смогут принять участие в конференции, хотя бы в составе существовавшего тогда Патриотического фронта национального

⁵⁰ Позднее он был заместителем заведующего Международного отдела, а затем и помощником вице-президента СССР Г.И. Янаева.

освобождения. При этом было решено запросить «борцов», как они представляют состав участников. Как выразился Ульяновский, не надо позволять «затопить нас молодежью» (в предварительном итальянской списке было 40 молодежных организаций из семи стран Западной Европы).

Обсуждалась, конечно, и роль западноевропейских социалистов и социал-демократов, особенно тех, которые руководили правительствами. По мнению «профессора», от них на конференции нужно было потребовать взять на себя конкретные обязательства, прежде всего по практическим шагам по прекращению помощи Португалии со стороны НАТО. Такое требование он назвал «стержнем конференции».

Москва была готова оказать практическую помощь, предоставив несколько десятков авиабилетов и внести свой вклад в бюджет, но «не оплачивать конференцию солидарности социал-демократов с борцами», на которую советская делегация не была бы допущена.

Было и еще одно соображение. В то время вынашивалась идея созыва широкого Всемирного антиимпериалистического конгресса, и конференция, как выразился Ульяновский, была бы «первым экспериментом широкого фронта». (Впрочем, эта идея так никогда и не была реализована).

Еще ранее Ульяновский обсуждал планы проведения конференции с А. Нето и генеральным секретарем Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса (ПАИГК) А. Кабралом. Они также не были уверены, что она состоится в срок в Риме. Шла речь и о возможном переносе ее на ноябрь, или изменения места ее проведения. При этом Нето говорил об одной из социалистических стран, а Ульяновский упомянул Англию. Лидер МПЛА также опасался, как бы на конференции не оказались «раскольники» (то есть представители ФНЛА и УНИТА).

Отмечалось за этих совещаниях, что конференция была призвана усилить поддержку борьбы за независимость португальских колоний со стороны сопредельных с ними африканских стран. Но проблема была в том, что в руководящие посты в Постоянном секретариате ОСНАА занимали тогда египтяне, а африканцы из стран южнее Сахары нередко выражали недоверие к арабам, а поэтому и к этому органу. «Мухи дохнут», – так выразился представитель АНК Мзвандиле Пилисо о состоянии секретариата, а Амилкар Кабрал говорил о неприемлемости методов египтян.

А с другой стороны, в этих странах движением солидарности зачастую занимались чиновники, госаппарат. По словам Ульяновского, ОАЕ реально тогда сдерживала и африканское единство, и антиимпериализм.

«Добиравшись до власти, они больше не хотят никакой революции. Выразилось это и в содержании Лусакского манифеста»⁵¹.

В ходе обсуждения было высказано, а потом и реализовано предложение о поездке нашего представителя в Каир, а оттуда, возможно, в Рим, чтобы реально оценить обстановку. Это было поручено Петру Никитовичу Евсюкову, который смог в Риме заручиться твердым обещанием Луцатто, что визы советской делегации в Москве будут выданы. Сам Евсюков получил итальянскую визу в Каире, хотя, спохватившись, итальянские власти и на этот раз пытались помешать подготовке конференции, предупредив наш МИД через свое посольство в Москве, что он не должен «заниматься политикой во время его пребывания в Риме»⁵².

В конце совещания Ульяновский спросил меня: «Вы со мной в Рим поедете?» Я, конечно, мог только выразить свое согласие, но получилось так, что в отличие от меня «профессор» поехать не смог, возможно, его уровень сочли слишком высоким для конференции, в характере и возможных результатах которой сохранялись сомнения.

Однако она была весьма успешной. В работе конференции приняли участие делегаты от 150 национальных организаций из 55 стран и от более 20 международных организаций⁵³. Тон конференции задал выступивший на первом заседании помощник (а по существу – заместитель) генерального секретаря ОАЕ алжирский дипломат Мохамед Сахнун, высказавший мнение, что участники конференции уже могут поздравить себя – она проводилась в западной стране, являвшейся членом НАТО⁵⁴.

В выступлении следующего оратора – Марселино дос Сантоса, являвшегося тогда председателем Конференции националистических организаций португальских колоний (КНОПК) для нас особо важным (и даже неожиданным) было определение социалистических стран как «естественных союзников» борцов за независимость. Если в Москве и опасались противопоставления солидарности с борцами, которая стала выражаться и на Западе, с отношением к ним социалистических стран, то их рассеял Амилкар Кабрал. Он четко заявил в своем выступлении: «Мы готовы получать помощь от всех. Мы – не антикоммунисты, кто

⁵¹ Записи, сделанные автором на совещании у Р.А. Ульяновского, 5 июня 1970 г.

⁵² Подробнее см.: *Шубин В.Г.* Горячая «холодная война». Юг Африки (1960–1990 гг.). М.: Издательский дом ЯСК, 2013. С. 25-26.

⁵³ Записи автора на заседании Международного подготовительного комитета, г. Рим. 26 июня 1970 г.

⁵⁴ Записи автора на Римской конференции.

хочет помогать нам, может это делать, но не ставьте никаких условий. Не думайте, что мы оставим старых друзей ради новых»⁵⁵.

Лидеры освободительных движений – Нето от МПЛА, Кабрал от ПАИГК и дос Сантос от ФРЕЛИМО были довольны не только привлечением внимания к их борьбе в Западной Европе, но и особенно приемом их троих Папой Римским Павлом VI. Само проведение конференции в столице страны-союзника Португалии по НАТО было ударом, а прием его святейшеством тех, которого изображали террористами, не могло не потрясти верующих в католической Португалии.

Делегация наша была небольшая: Василий Григорьевич Солодовников, директор Института Африки Академии Наук СССР и заместитель председателя СКССАА, Петр Никитович Евсюков, профессор МГИМО Игорь Петрович Блищенко и я. Днем позже к нам присоединился Юрий Алексеевич (тогда еще Юра) Горячев из КМО. А в составе делегаций международных организаций были Николай Михайлович Воцинин от Всемирного совета мира и Самандар Искандерович Каландаров, незадолго до этого сменивший Абдурразакова в качестве нашего представителя в ОСНАА.

Для меня это была первая поездка на Запад. Рим произвел странное впечатление: знаменитые памятники древности, помпезная архитектура времен Муссолини и повсюду мусор. Итальянские «друзья» (так тогда на «партийном жаргоне» называли коммунистов из других стран) предоставили нам небольшой автомобиль, и я впервые столкнулся с пробками. Пока мы находились на встрече, водителю (кстати, голосовал он на выборах за христианских демократов) пришлось сделать более 20 кругов, чтобы потом забрать нас, так как припарковаться было негде.

Жили мы в скромной гостинице, питались «вкладчину», в основном в трактории. Двое из нас брали вино, один пиво, и еще один – кока-колу, но неожиданно (для меня, по крайней мере) выяснилось, что вино – дешевле остальных напитков, а кока-кола – дороже всех. Появилась шутка: «Кончайте транжирить общие деньги, переходите на вино». Говоря более серьезно, это поездка послужила началом моих дружественных отношений с тремя другими членами делегации, со всеми из них пришлось позднее участвовать и в других международных конференциях в поддержку борьбы против колониализма и апартеида.

Запомнился и еще один эпизод. Прогуливались мы компанией недалеко от вокзала, а на тротуаре скучали «девочки». Вдруг Юра обратился к одной из них: «Are you a member of trade union?». Я, «подальше от греха» тут же ускорил шаг, но он вскоре догнал меня и спросил: «А что по-

⁵⁵ Ibid.

итальянски значит тентаудан? «Десять тысяч, только по-английски – ten thousands», – ответил я, сообразив, что «девочка» просто назвала цену в итальянских лирах.

Были и более серьезные дела. Именно на этой конференции в выступлении главы нашей делегации впервые было публично заявлено, что кроме моральной и политической поддержки и гуманитарной помощи, Советский Союз «поставляет патриотам Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау в значительных количествах военное имущество, различное вооружение и боеприпасы, средства транспорта и связи, обмундирование и снаряжение, необходимые для успешных военных действий против колонизаторов»⁵⁶. Важно, что это заявление было повторено Василием Григорьевичем в «Правде» в интервью Олегу Константиновичу Игнатьеву⁵⁷.

Поскольку на мне лежала ответственность за отправку домой, как правило, через Москву тех участников конференции, которым мы помогали, пришлось пожертвовать посещением Ватикана. Пока остальные осматривали собор Святого Петра, я ждал открытия офиса «Балкан Эйр»; мест на прямом рейсе в Москву не хватало, и Аэрофлот договорился о перевозке части делегатов в Москву с болгарами. Были и другие сложности, так, сотрудники банка пришли в замешательство, когда я предъявил чек на несколько тысяч долларов – наш взнос в бюджет конференции, и прошло немало времени, пока мне вручили конверт с несколькими миллионами лир.

В Риме я впервые встретился с Теннисоном Макиване, являвшимся там руководителем делегации АНК, который, судя по архивным данным, был одним из первых членов АНК, посетивших Советский Союз по дороге из Китая еще в 1961 году, когда он был представителем конгресса в Аккре. У него не было нашей визы, и, хотя мы сказали ему, что советское посольство в Риме готово ее выдать, он не стал себя утруждать. Говорил ему о необходимости ее получить и входивший в состав делегации АНК Джосайя Джеле, но тот ответил, что в Москве его знают, а потом был неприятно удивлен, что в Шереметьево ему пришлось отправиться в «безвизовую» гостиницу⁵⁸. Неприятно были удивлены и

⁵⁶ Выступление главы советской делегации на Международной конференции в поддержку народов португальских колоний. С. 5.

⁵⁷ Правда, 7 июля 1970.

⁵⁸ Судьба Теннисона Макиване была незавидной, даже трагичной. Сначала он вошел в оппозиционную руководству АНК группу, ставшую известную в АНК как «банда восьмерых» по аналогии с «бандой четверех» в Китае, потом переметнулся в бантустан Транскей, став там послом, но вскоре был ликвидирован как предатель.

мы, но по другой причине: встречавшие нас товарищи из Комитета солидарности сообщили о повышении цен: «Московская» водка вместо 2 рублей 87 копеек стала стоить 3,62. (Впрочем, это было уже не первое и далеко не последнее повышение цен у нас на алкоголь).

Глава 12. Раскол в ЗАПУ

На одном из указанных выше совещаний Ульяновский, как о тревожном сигнале упомянул о расколе в ЗАПУ в начале 1970 г. К этому времени я успел познакомиться со всеми высшими руководителями этой организации, находившимися в эмиграции, в том числе с ее вице-президентом Джеймсом Чикеремой и генсеком Джорджем Ньяндоро (он приезжал в Москву на лечение). Несмотря на неудачу совместных операций ЗАПУ и АНК на территории Зимбабве в 1967–1968 г., беседы с ними создавали впечатление, что они сохраняют уверенность в развертывании борьбы. Несомненно, этому способствовало то обстоятельство, что режим Яна Смита как правительство Родезии не был признан ни одной страной в мире, и даже ЮАР воздержалась от этого шага, хотя оказывала ему разностороннюю, в том числе военную помощь.

И вдруг, совершенно неожиданно, из нашего посольства в Лусаке поступила информация о расколе в руководстве ЗАПУ, при этом на одной стороне оказались лишь два человека, но занимавшие наиболее высокое положение – Чикерема и Ньяндоро, а на другой – трое: Мойо, Силундика и Ндлову. Обе стороны, к сожалению, сделали свои разногласия публичными, а в контактах с советскими представителями обвиняли в расколе друг друга⁵⁹. Для нас, тех, кто непосредственно занимался связями с ЗАПУ в Москве, эти события были сильным ударом. «Руки опускаются», сказал мне Андрей Юрьевич Урнов, тогда референт Международного отдела. «Жить не хочется», – ответил я.

Коснулся это раскол и меня лично, так как в апреле 1970 г. я должен был сопровождать делегацию ЗАПУ на праздновании 100-летия В.И. Ленина, но приглашение пришлось отменить. Время от времени появлялись надежды на примирение, и почти год спустя предполагалось, что я буду работать с делегацией этой организации на XXIV съезде КПСС, но незадолго до его открытия положение в ЗАПУ вновь обострилось.

11 марта 1971 г. против руководства выступила большая группа бойцов, часть из которых участвовала в боевых операциях в Родезии.

⁵⁹ Об этом подробнее см.: *Шубин В.Г.* Горячая «холодная война»: Юг Африки (1960–1990 гг.) и Судьбы Зимбабве.

Их действия, которые включали арест политических руководителей ЗАПУ, по этой дате стали называть «Движением 11 марта». Власти Замбии первоначально попытались примирить все три группы, но безуспешно. Затем, после тюремного заключения руководители «движения» были отправлены в Англию, где смогли продолжить образование, но 61 его рядовой участник был передан на границе родезийским властям, на родине все они были осуждены, а некоторые из них даже казнены⁶⁰. Шаг этот замбийских властей трудно понять и тем более оправдать, но возможно он вписывался в проявлявшееся время от времени их стремление урегулировать «родезийский кризис» политическими средствами.

Нам было неясно, какие политические и личные разногласия существовали между руководителями ЗАПУ, но, на первый взгляд, раскол носил этнический характер: Чикерема и Ньяндоро были шона, а трое остальных обычно считались ндебеле, хотя Мойо и Силундика принадлежали (кстати, как и Джошуа Нкомо) к каланга, этнической группе, являвшейся исторически частью шона, но перешедших на язык синдебеле. По мнению зимбабвийского историка и писателя Патисы Ньяти, автора биографии Т.Дж. Силундики, «Западные агенты принялись за работу, чтобы сеять семена раздора в ЗАПУ... Культивировалось племенное сознание, подстрекаемое агентами, выступавшими против освобождения. Был вбит клин между шона и ндебеле в ЗАПУ... Результаты были катастрофическими для ЗАПУ, но хорошими для Запада поскольку вооруженная борьба была буквально убита и не велась в течение трех лет»⁶¹. Ряды военного крыла ЗАПУ Народно-революционной армии Зимбабве (ЗИПРА) сократились, а некоторые бойцы и командиры перешли в ЗАНУ, в том числе начальник штаба этой армии Робсон Маньяка и будущий командующий Национальной армией Зимбабве Соломон Муджуру (тогда он был известен под псевдонимом Рекс Нонго), которые оба прошли военную подготовку в СССР.

Первоначально Москва не поддерживала ни одну из сторон, вопреки некоторым утверждениям⁶². В конце концов, попытки Чикеремы и Ньяндоро установить контроль над ЗАПУ провалились, и 1 октября 1971 г. они объявили о создании «единого» Фронта освобождения Зим-

⁶⁰ *Pathisa Nyathi. Lest We Forget. George Silundika, 2013 (s. l.). P. 35.*

⁶¹ *Ibid. P. 27-28.*

⁶² Элиаким Сибанда в книге по истории ЗАПУ утверждает, что Москва с самого начала поддерживала Джейсона Мойо, но это неверно (*Sibanda E. The Zimbabwe African People's Union 1961–1987: A Political History of Insurgency in Southern Rhodesia, Asmara: Africa World Press, 2005. P. 145*).

бабве⁶³ (ФРОЛИЗИ), объединившись с некоторыми членами ЗАНУ, самым известным из которых был Натан Шамуярира. Однако ФРОЛИЗИ был мертворожденным и не смог привлечь сколь-либо значительное количество зимбавийцев. Более того, появление ФРОЛИЗИ побудило ЗАПУ и ЗАНУ сблизиться, и в 1972 г. они заявили о создании Объединенного военного командования (ОВК)⁶⁴.

Много лет спустя Жоаким Чиссано, тогда уже бывший президент Мозамбика, рассказал мне во время нашей встречи на конференции по истории МПЛА в Луанде, как Амилкар Кабрал решительно выступил против попытки ФРОЛИЗИ получить признание Комитета освобождения Организации африканского единства на его сессии в Бенгази (Ливия) в январе 1972 г.⁶⁵

Создание ФРОЛИЗИ было критически оценено и в Москве, и, насколько мне известно, никаких официальных контактов с ним не было установлено. Однако много позднее Шамуярира (тогда министр информации независимого Зимбабве) сказал мне, что в те дни он посетил Москву с делегацией «освободительного движения» (он не упомянул ФРОЛИЗИ) в качестве гостя Комитета солидарности⁶⁶. Я не решился задать ему «уточняющий» вопрос, но если бы действительно СКССАА принимал его, то я не мог бы об этом не знать. Наиболее правдоподобное объяснение может заключаться в том, что какое-то советское ведомство решило установить контакты с этой новой организацией и использовало название комитета, даже не проинформировав его руководство.

Уход Чикеремы и Ньяндоро открыл нам путь к возобновлению всестороннего сотрудничества с ЗАПУ. На нашей новой встрече с Силундикой в январе 1972 г. в Каире, во время конференции ОСНАА, он выразил сожаление по поводу прекращения поддержки Советским Союзом его организации в течение почти двух лет, но был рад ее возобновлению⁶⁷.

Новость о создании ОВК была положительно воспринята в Москве, хотя некоторые представители ЗАПУ, в частности Эдвард Ндлову, довольно ревниво относились к нашим потенциальным контактам с

⁶³ Название это, конечно, неслучайно походило на ФРЕЛИМО.

⁶⁴ Беседа с Э. Ндлову, М., 4.08.1972.

⁶⁵ Беседа с Ж. Чиссано, Луанда, 7.12.2011.

⁶⁶ Беседа с Н. Шамуярирой, М., 28.12.1982.

⁶⁷ Беседа с Т.Г. Силундикой, Каир, 11.1.1972. Нагрузка на нас во время этой конференции была тяжелой, с бессонными ночами. Вспоминается, что во время беседы с Силундикой мне пару раз пришлось отойти в ванную и сунуть голову под кран, чтобы не заснуть.

ЗАНУ. Однако после «сближения», по крайней мере объявленного, двух организаций время для них настало, и во время международной конференции по Югу Африки в Осло в апреле 1973 года (о ней будет рассказано дальше) у меня состоялась вполне дружеская беседа с тогдашним лидером ЗАНУ в эмиграции, ее председателем Гербертом Читепо в холле возле зала заседаний за парой пива. Чувствовалось, тем не менее, что он отнесился к созданию ОВК скептически.

Раскол в ЗАПУ явился своеобразным водоразделом в истории антиколониальной борьбы в Зимбабве: ЗАПУ стал терять ведущую роль в освободительной борьбе и уступать место ЗАНУ. Жоакич Чиссано рассказывал мне, что хотя ФЕЛИМО вместе с ЗАПУ входил в (упомянутую выше) группу «подлинных» освободительных движений, когда ее отряды начали свои операции в районе, граничащим с Зимбабве, он был вынужден сотрудничать с ЗАНУ, потому что бойцов ЗАПУ там не было⁶⁸.

Глава 13. Ближний Восток и даже Южная Азия

В начале 1970-х годов, хотя, я, конечно, по-прежнему был связан и с Югом Африки, пару лет занимался преимущественно делами движения афро-азиатской солидарности, сначала как референт, а потом и как заведующий отделом СКССАА. А непосредственно «моим» регионом стал заниматься Алексей Андреевич Макаров, которого я «мобилизовал» из УДН им. Патриса Лумумбы⁶⁹.

Ситуация в движении солидарности была сложная. После того, как принятое на IV конференции ОСНАА в Гане в 1965 г. решение провести очередную конференцию в Пекине было отменено, китайцы прекратили в ней участвовать, а Постоянный секретариат, находившийся в организационном плане под полным контролем египтян, как уже упоминалось, работал слабо. Ударом по организации явилась и смерть 28 сентября 1970 г. Гамаля Абделя Насера. Хотя Анвар Садат ранее сам активно участвовал в работе ОСНАА, руководя египетским национальным комитетом, став президентом (все еще) ОАР, он мало заботился об этом движении. Например, когда в 1972 г. после длительного перерыва V конференция состоялась в Каире, он на ней не выступил.

На этой конференции было принято решение об изменении структуры Постоянного секретариата. Если раньше буквально все руководящие

⁶⁸ Беседа с Дж. Чиссано, Луанда, 7.12.2011.

⁶⁹ Я познакомился с ним еще в 1961 г. в Египте, где он был переводчиком, а затем встретился на курсах «Выстрел» в 1965 г., когда я прибыл туда, а он демобилизовывался из армии.

посты в нем – генерального секретаря, его заместителя и помощника занимали египтяне, то теперь Юсуф ас-Сибай оставался генеральным секретарем, а замами его стали представители других стран⁷⁰. Впрочем, намного активнее египетский аппарат секретариата работать не стал.

Несколько поездок, совершенных в эти годы, заполнились особо. Три из них были в составе делегаций СКССАА на уставные мероприятия Организации солидарности народов Азии и Африки: в январе 1972 г. в Каир на V конференцию, а еще ранее на предшествовавшую ей сессию Совета ОСНАА в ноябре 1970 г. в Триполи и заседание ее исполкома в июне 1971 г. в Дамаске.

Ливия после военного переворота 1 сентября 1969 г. и прихода к власти Муаммара Каддафи, тогда еще капитана, но через неделю ставшего уже полковником, на какой-то сблизилась с Каиром. Каддафи видел в Насере своего учителя, лидера арабского мира и, как многие другие, переживал из-за его безвременной кончины.

Это была моя первая и единственная поездка в Ливию. Запомнилась она не только мимолетными встречами с Каддафи и прибывшим в Триполи Ясиром Арафатом, но и женщинами–охранницами с автоматами, и довольно резким характером ливийцев, которые были жестче, чем египтяне, не говоря уже о сирийцах.

Поездки в страны Ближнего Востока, в основном были связаны с движением солидарности, но не только. Особый характер имела первая поездка в марте 1970 г. в Ирак, где у власти с 1968 г. были баасисты⁷¹ – члены Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ). В отличие от Сирии, где у власти находилось другое крыло этой партии, отношения Москвы с иракскими баасистами были натянутые, там хорошо помнили, что они приняли участие в расправах над коммунистами после военного переворота в феврале 1963 г.

Поездка эта носила своеобразный, для меня непривычный характер. По приглашению иракцев туда направились Владимир Леонтьевич Кудрявцев, редактор одного из отделов «Правды» Игорь Петрович Беляев, который тоже сотрудничал с Комитетом солидарности, и, как написала багдадская газета, «another press-man», хотя профессиональным журналистом я, конечно, не был.

Из многочисленных встреч с иракцами мне запомнилась больше всего беседа с Тариком Азизом, тогда главным редактором ведущей газеты «Ас-Саура» («Революция»), а позднее многолетним министром ино-

⁷⁰ Позднее, в 1978 г. ас-Сибай стал президентом, а пост генерального секретаря занял ираец Нури Абдель Раззак.

⁷¹ Баас – возрождение по-арабски.

странных дел, а затем вице-премьером в правительстве Саддама Хусейна⁷². В заметке об этой встрече, опубликованной в его газете, говорится: «Вчера в 6 часов вечера Тарик Азиз принял советских журналистов. Беседа продолжалась шесть часов».

Состоялись и встречи с несколькими руководителями страны, включая Саддама Хусейна Тикрити⁷³ (тогда его чаще называли именно Тикрити, по его родному городу Тикриту), который был заместителем как главы Национального (то есть общеарабского) руководства ПАСВ, так и председателя Совета революционного командования – высшего государственного органа Ирака.

При этом ПАСВ, будучи правящей партией, фактически находилась на нелегальном положении: не известны были ни места, где располагались местные комитеты этой партии, ни их руководители явно из-за опасений очередного переворота. Запомнились и патрули на всех дорогах, которые многократно останавливали нашу машину и спрашивали имя водителя, когда мы ехали из Багдада в Эль-Кувейт и обратно.

Впрочем, в гораздо более сложном положении была Иракская компартия, хотя отношения ее с баасистами на какое-то время тогда улучшились, еженедельно проходили встречи членов ее Политбюро и регионального (то есть иракского) руководства ПАСВ. С генеральным секретарем ИКП Азизом Мухаммедом мы встретились при соблюдении только небольших предосторожностей, но он сетовал, что он уже несколько лет не может появиться на улицах Багдада. Слышал я и о других мерах защиты, предпринимавшихся партией, например, несколько публично известных членов ее ЦК на самом деле таковыми не являлись и были лишь своего рода прикрытием для других лиц.

Наше пребывание в Ираке совпало с мирным соглашением между властями и лидерами курдов, которое включало создание Курдского автономного района. Важную роль в его достижении сыграл Евгений Максимович Примаков, который, работая в «Правде», а затем заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений и директором Института востоковедения РАН, неоднократно посещал курдские районы по поручению советского руководства и подерживал добрые отношения с лидером курдов Мустафой Барзани.

Примаков и Беляев были друзьями, несколько лет спустя они совместно издали хорошую книгу «Египет. Время президента Насера», а сам

⁷² Настоящее имя Тарика Азиза – Михаил Юханна, родился он в ассирийской христианской семье. После свержения баасистского режима был арестован и умер в тюрьме, уже будучи приговоренным к смертной казни.

⁷³ К сожалению, на этой беседе записи я не делал.

Евгений Максимович был тогда секретарем СКССАА «на общественных началах». Поэтому неслучайно мы все провели один из вечеров в долгих дискуссиях с ним, когда он только что вернулся из Курдистана после встреч с Барзани.

Во второй поездке в Ирак, летом 1972 г. главой нашей небольшой делегации был Саттар Нурмашевич Имашев – один из секретарей ЦК компартии Казахстана, а затем и Председатель Президиума Верховного Совета этой республики. Выходец из западного жуза, одного из трех в Казахстане, он рассказывал, как отец сажал его с собой на верблюда и отвозил в школу. Заботу отца не пропала даром – после службы в армии, причем в воздушно-десантных войсках, участия в войне (был ранен и награжден орденом Красной Звезды), он окончил университет, защитил диссертацию. Саттар Нурмашевич был умницей и добрым человеком. Скончался он в 1984 г., не дожив до 60-летия, иначе, как знать, может быть, и события в Казахстане пошли бы по другому руслу.

При всей политической важности нашей миссии – участии в международной конференции в поддержку национализации нефтедобычи в Ираке, проведенной 1 июня 1972 г., поездка, кроме знакомства с Имашевым и поездки в Киркук, «нефтяную столицу» страны, заполнилась необычной даже для меня жарой: дойти от двери гостиницы до машины было просто больно, так жег асфальт. Газеты писали, что температура, «вопреки слухам», не поднималась выше +49⁰, но все были уверены, что она превысила +50⁰.

А третья поездка в Ирак была в марте 1974 г. на очередную сессию Совета ОСНАА. Из дискуссии на ней мне особо запомнилось выступление Арманду Пангуене, который подчеркнул принципиальное различие между всесторонней помощью борцам, оказываемой социалистическими странами, и сугубо «гуманитарной» от скандинавских стран.

Несколькими годами позднее, в январе 1976 г. я побывал в еще одной арабской стране – Йемене, в южной его части, называвшейся тогда Народной Демократической Республикой Йемен. Правил в этой стране своего рода триумvirат – председатель Президентского совета Салем Рубейя Али, премьер-министр Али Насер Мухаммед и генсек правившей партии – Национального фронта – Абдель Фаттах Исмаил. Все они приняли участие в заседании Президиума ОСНАА, но сохранился этот триумvirат недолго, в июне 1978 г. первый из них был снят со своего поста и расстрелян, затем в апреле 1980 г. второй сосредоточил в своих руках всю реальную власть после отставки третьего с поста генсека правившей Йеменской социалистической партии «по состоянию здоровья». Исмаил, которому предоставили церемониальный пост председателя партии, выехал в СССР «на лечение», продолжавшееся почти пять лет.

А в январе 1986 г. Али Насер Мухаммед, опасаясь растущего авторитета вернувшегося Исмаила, предпринял попытку физического устранения его и ряда его сторонников, но после их гибели и нескольких дней боев ему самому пришлось бежать из страны⁷⁴.

Пришлось мне в тот период заниматься и обеспечением пребывания в Москве и Ленинграде первой делегации Организации освобождения Палестины во главе с Ясиром Арафатом, являвшемся одновременно руководителем «Фатха» – крупнейшей из организаций, входивший в ООП. Говорили, что он уже побывал в СССР на конференции Международного союза студентов еще в 1957 г., и было точно известно, что в 1968 г. Насер взял его с собой в Москву, и когда он сказал об этом Л.И. Брежневу, тот поручил Б.Н. Пономареву встретиться с ним⁷⁵.

К.Н. Брутенц, который как заместитель заведующего Международным отделом ЦК занимался связями со странами Ближнего Востока, писал в своей книге о тридцатилетней работе в отделе: «Первый официальный визит Арафата состоялся в феврале 1970 г., вскоре его стали принимать на высшем уровне»⁷⁶. Это, по меньшей мере, неточно, возможно, потому что заниматься этими вопросами Брутенц начал позднее, после неожиданной и безвременной кончины другого «замзава» – Вадима Петровича Румянцева. Хотя на этот раз делегация палестинцев была уже «самостоятельная», ее визит трудно назвать официальным и не только потому, что принимающей стороной была общественная организация – СКССАА, но и поскольку он, хотя и не был секретным, не «афишировался». Например, мне для организации поездки делегации в Ленинград пришлось поехать туда заранее и договориться на месте, что делегация будет называться египетской.

К такой, то ли «полуоткрытой», то ли «полузакрытой» поездке палестинцев в Москву интерес проявили западные журналисты, хотя довольно своеобразно. Так, агентство Франс-Пресс сообщало, что Арафата разместили «в маленькой гостинице на окраине Москвы», хотя жили палестинцы в «Советской» на Ленинградском проспекте, а она, пожалуй, в то время занимала второе место в гостиничной «иерархии» после особняков на Ленинских горах при размещении высоких гостей, приезжавшие по государственной линии.

Бесед с палестинцами, и довольно дружественных, проведено было много с участием руководителей нескольких общественных организа-

⁷⁴ Я случайно встретил его потом в Дамаске в 2002 г.

⁷⁵ Брутенц К.Н. Тридать лет на Старой площади. М.: Международные отношения, 1998. С. 120.

⁷⁶ Ibid.

ции⁷⁷. Расчувствовавшись на проводах, Арафат даже подарил Дзасохову свои черные очки. А по возвращению (не скажешь «домой», поскольку его родной город был под властью Израиля), он нашел удачные слова для характеристики поездки: «В Москве снег был теплым».

Да и принимать Арафата на высшем уровне стали отнюдь не «вскоре». История развития отношений Москвы с ООП и лично с Арафатом довольно долгая и выходит за рамки этой книги. Для интересующихся можно порекомендовать книгу Мир Паши Зейналова⁷⁸, который, будучи сотрудником СКССАА, не только много раз переводил беседы с Арафатом, но и непосредственно отвечал за наши связи с палестинцами. Скажу только, что установление связей шло постепенно, например, в первый раз Брежнев встретился с Арафатом «на ходу», за Кремлевской стеной во время одного из наших праздников, а фотография их встречи была опубликована только позднее как знак нашей поддержки ООП, когда ее положение в очередной раз ухудшилось.

Довелось мне встречаться с Арафатом и на упомянутой конференции в Триполи, и во время его последующих приездов в Москву. Сохранилась у меня и фотография с палестинской делегацией, когда Дзасохов попросил меня сопровождать Арафата во время возложения венка на Красной площади. В тот же день на обеде с палестинцами у меня была возможность рассказать ему о, как ни странно, арабском происхождении моей фамилии (сам не подозревал об этом тогда, когда четыре с лишним года прожил в арабской стране)⁷⁹.

Второй по влиянию после «Фатха» палестинской организацией в то время был Народный фронт освобождения Палестины, который возглавлял «доктор Жорж» – Жорж Хабаш, действительно врач по образованию, человек довольно популярный среди соотечественников, считавший себя марксистом. Он должен был прибыть в Москву на несколько дней транзитом из Пекина, но как раз в это время боевики его организа-

⁷⁷ Участники первой встречи дружно засмеялись, когда оказалось, что почти все эти представители были заместителями руководителей соответствующих организаций.

⁷⁸ Зейналов М.М. Незабываемые встречи с Председателем Арафатом. М.: Реалии, 2002. Позднее Зейналов (обычно его звали тогда Мирпаша Миралиевич) работал в МИДе, был советником-посланником в Йемене, а затем генеральным консулом в Джидде (Саудовская Аравия).

⁷⁹ Шўба. Общеслав. заим. из ср.-в.-нем. яз., где schūbe – «длинная и широкая верхняя одежда» восходит (через посредство итал. яз.) к арабск. jubba – «верхняя одежда с длинными рукавами». *Этимологический онлайн-словарь Шанского Н.М.* <https://lexicography.online/etymology/shansky/%D1%88/%D1%88%D1%83%D0%B1%D0%B0>

ции произвели один из захватов гражданских самолетов. Тогда (кстати, в Москве он останавливался в гостинице «Пекин») было принято решение не проводить с ним в Москве никаких переговоров, а нам с Андреем Михайловичем Захаровым⁸⁰, который, как и Зейналов, занимался в СКССАА связями с арабскими странами, было поручено выехать на аэродром и сообщить ему об этом.

В этом случае Брутенц прав, когда пишет, что Москва выступила с публичным осуждением действий фронта, «в частности, через Советский комитет солидарности стран Азии и Африки. И эти действия были свернуты, несомненно, не без нашего влияния»⁸¹.

Состоялась у меня и поездка за пределы Ближнего Востока, в Бангладеш в марте 1972 г. Произошло это после драматических событий, последовавших вслед за победой на парламентских выборах в декабре 1970 г. в Пакистане партии Авами Лиг («Лига свободы») во главе с шейхом Муджибуром Рахманом. Опираясь преимущественно на население восточной части страны, по численности превышавшее население западной части, она выступила с программой предоставления востоку страны значительной автономии. Однако лидер победившей на западе страны Пакистанской народной партии Зульфикар Али Бхутто препятствовал назначению Рахмана на пост премьер-министра. Яхья-хан, сменивший Айюб-хана на посту президента в 1969 г., организовал переговоры между ними, но они были безуспешными.

Лишившись возможности возглавить правительство всего Пакистана, Муджибур Рахман открыто выступил за независимость Восточного Пакистана, в котором абсолютное большинство населения составляли бенгальцы, после чего центральные власти прибегли к репрессиям, арестовав его и запретив его партию, а армия установила контроль над основными городами страны. Однако сторонники независимого государства, провозгласив его под названием Бангладеш, начали партизанскую борьбу. Им на помощь пришла Индия, и чтобы спасти ситуацию на востоке, Яхья-хан открыл второй фронт на западе.

3 декабря 1971 г. пакистанские ВВС подвергли бомбардировке несколько индийских авиабаз, пытаясь, как предполагают, повторить успех, достигнутый израильтянами в первый день Шестидневной войны, но этого сделать им не удалось. Началась уже открытая индо-пакистанская война, третья по счету и наиболее неудачная для Пакистана. По-

⁸⁰ Много лет мы работали с А.М. Захаровым вместе в СКССАА, а затем в Международном отделе. В начале 1990-х годов он стал сотрудником МИД и скончался в 2008 г. на посту посла России в Объединенных Арабских Эмиратах.

⁸¹ *Брутенц К.Н.* Тридять лет на Старой площади. С. 121.

пытки наступления на западе были отбиты индийскими войсками, а на востоке оказавшиеся в безнадежном положении пакистанские войска были вынуждены 16 декабря капитулировать, и спустя четыре дня Яхья-хан ушел в отставку⁸².

Раскол Пакистана и образования независимого Бангладеш было неоднозначно воспринято участниками движениями афро-азиатской солидарности и стал предметом дискуссии на состоявшейся вскоре в Каире V конференции ОСНАА. Решение было компромиссное: воздержаться от признания как члена организации созданного в Бангладеш комитета солидарности, но направить туда миссию ОСНАА для изучения положения на месте. Возглавил ее упомянутый выше доктор Сами, а членами были Синдисо Мфеньяна⁸³, представитель АНК в Каире и я. Все мы заранее полагали, что бангладешский комитет заслуживает принятия в члены ОСНАА, и официально высказали свое мнение в отчете, представленном после возвращения.

Пожалуй, наиболее примечательным событием во время нашего пребывания в столице страны было присутствие на многотысячном митинге 17 марта в связи с приездом в Дакку премьер-министра Индии Индиры Ганди. Ее слова о дружбе, которая будет построена «на основе полного равенства и взаимной выгоды двух свободных и суверенных наций», были встречены, как писали индийские газеты, «ликующей толпой». Прием ее действительно был теплым, и подписанный во время ее пребывания Договор о дружбе, сотрудничестве и мире, несомненно, отражал тогдашнее настроение большинства населения обеих стран.

На встречах, в основном с интеллигенцией, мы слышали убедительные рассказы о репрессиях, арестах и расстрелах, творимых пакистанской армией в месяцы, предшествовавшие ее капитуляции. Показали нам и любительскую съемку из окна, запечатлившую, как пакистанские солдаты выводят во двор и убивают жителя Дакки.

Запомнилось мне, пусть и очень краткое, транзитное пребывание в аэропорту Тегерана: портрет шаха на фоне земного шара, на котором этот небольшой по комплекции человек выглядел почти как великан, и (сейчас это трудно представить) местная водка по цене меньше доллара

⁸² Рассказывали, что якобы он выступал по радио после сдачи столицы Восточного Пакистана Дакки, будучи «в подпитии».

⁸³ С. Мфеньяна, выпускник киевского вуза, позднее был членом Исполкома АНК, после смены власти в ЮАР возглавлял аппарат парламента, а затем был верховным комиссаром своей страны в Танзании. Он написал интересные мемуары: *Walking with Giants. Life and Times of an ANC Veteran*. Johannesburg: South Africa History online, 2017.

за бутылку... К сожалению, это была для меня первая и последняя возможность (почти символически) побывать в Иране, хотя я три гола учил персидский и когда-то мог хотя бы объясниться на этом языке.

Глава 14. Амилкар Кабрал

А в конце 1972 г. я перешел на работу⁸⁴ в качестве секретаря СКССАА по Африке. Должность эта была вакантной уже два года, после ухода на пенсию Н.И. Базанова, как шутили, ждали, пока я «подрасту». Как раз тогда, в декабре 1972 г. отмечалось 50-летие образования СССР, и среди гостей был Амилкар Кабрал. Его пребыванием в Москве воспользовался Институт Африки Академии наук СССР, чтобы вручить ему диплом о присуждении степени почетного доктора.

Степень эта была присуждена Амилкару Кабралу не только как политическому деятелю, но и как выдающемуся ученому. Его работы уже тогда были достаточны широко известны тем, кого интересовала борьба за освобождение португальских колоний, да и проблемы национально-освободительного движения в целом⁸⁵. Он неоднократно бывал в Институте Африки, и беседы с ним помогали советским исследователям лучше понять проблемы не только Гвинеи-Бисау, но и всей Африки. Так, в одной беседе с В.Г. Солодовниковым и другими сотрудниками института он отметил, что хотя Португалия была слаборазвитой страной, она действовала в союзе с империалистическими странами. «В этом сложность борьбы против ее колониального господства. Без помощи и поддержки социалистического лагеря надежды на победу не было бы»⁸⁶.

Одновременно он трезво оценивал характер национально-освободительного движения, которому «присущи внутренние противоречия. В нем участвуют представители различных социальных слоев, по-разному рассматривающие свою роль в освободительной борьбе. Это создает основу для соглашательства, а также для удовлетворения личных амбиций». (Забегая вперед, можно сказать, что это в полной мере проявилось потом и в ПАИГК). На конкретных примерах он показывал отсталость

⁸⁴ Не могу сказать «избрали», поскольку забыли тогда официально утвердить меня на заседании президиума СКССАА.

⁸⁵ Совсем недавно, в марте 2020 г. Амилкар Кабрал занял второе место среди лидеров мировой истории по результатам опроса, проведенного BBC World Histories magazine (<https://www.indiatoday.in/india/story/maharaja-ranjit-singh-voted-greatest-leader-of-all-times-1652824-2020-03-05>)

⁸⁶ Запись беседы с Генеральным секретарем ПАИГК тов. Амилкаром Кабралом. (Дата беседы не указана, но на документе есть – 1 ноября 1971 г.)

Гвинеи-Бисау, где в 1960 г. было лишь 14 человек с высшим образованием, а сам Кабрал был единственным агрономом. А когда начиналась вооруженная антиколониальная борьба, участники ее «сомневались, например, в том, следует ли вести бои в священном лесу или использовать амулеты, считая, что тогда пуля их не тронет».

К тому времени борьба в Гвинеи-Бисау достигла немалых успехов. Кабрал даже говорил, что в процессе вооруженной борьбы на освобожденной от колонизаторов территории «создано новое государство». Интересны были его рассуждения о характере добивающихся независимости государств. Он скептически отзывался о концепции «государства национальной демократии», которая была выдвинута в документе Международного совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшемся в Москве в 1960 г., полагая, что «государство нужно определять по базе его экономической структуры»⁸⁷. «Капитализм – это не наш путь, и не потому, что мы его не хотим, а потому что история уже доказала его обреченность». И в то же время он назвал «мечтательством» разговоры о строительстве социализма после победы национально-освободительной революции в условиях Гвинеи-Бисау, где ставилась задача – «вывести людей из леса». «Настоящий марксист в наших условиях должен создать национально-освободительное движение, а не компартию, быть внутри этого движения, работать там и возглавлять его». А на нашей последней встрече, на ужине с руководством СКССАА в «Арагви» на улице Горького, он те же мысли изложил так: «Когда едешь в Африку, следует снять марксистский пиджак и надеть рубашку цвета хаки».

Р.А. Ульяновский, назвав Кабрала «очень крупным лидером», так писал о нем: «Хотел бы подчеркнуть, что это был один из самых близких к нам деятелей национально-освободительных движения и человек большого ума и больших способностей»⁸⁸. Петр Никитович Евсюков в своих записях, не предназначавшихся для публикации, называет его коммунистом. Но он явно имел в виду при этом не членство в какой-то партии, а политические взгляды Кабрала.

Власти Португалии, да и их покровители, сознавали, насколько опасен для них Кабрал и его партия, добившаяся к тому времени реальных успехов, позволивших разработать планы провозглашения независимости. П.Н. Евсюков в своих воспоминаниях пишет о планах убийства Кабрала во время поездки в Марокко с участием любовника его бывшей жены. Спецслужбы Лиссабона организовали в ноябре 1970 г. высадку

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ Ульяновский Р.А. *Op. cit.* С. 145.

десанта в Конакри, состоявшего из гвинейских «диссидентов», целью которого было не только (а может быть, и не столько) свержение правительства Секу Туре, но уничтожение руководства ПАИГК и лишение этой организации важнейшей тыловой базы⁸⁹. В то время Кабрала в Конакри не было, но его соратники, особенно, как рассказывали, его однофамилец Вашку Кабрал смогли организовать успешное сопротивление, бойцы ПАИГК сыграли не меньшую роль в разгроме десанта, чем сами гвинейцы.

Излюбленным методом уничтожения опасных для колониальных и расистских режимов деятелей освободительных движений были взрывы бомб, замаскированных под почтовые отправления. Так было с Эдуарду Мондлане в Дар-эс-Саламе, позднее с Джейсоном Мойо в Лусаке и Рут Ферст в Мапуту, но Амилкар Кабрал погиб 20 января 1972 г. от рук людей, которым сам когда-то доверял.

Почти десять лет спустя, просматривая документы в СКССАА для использования в кандидатской диссертации, я обнаружил запись беседы с делегацией ПАИГК, на которой сам присутствовал. Входили в нее Амилкар Кабрал, член военного руководства партии Освальдо Виейра⁹⁰ и Иносенсио Кани, обучавшийся морскому делу в СССР, насколько помню, в грузинском портовом городе Потти, которого генсек ПАИГК представил нам как будущего командующего ВМФ Гвинеи-Бисау. Конечно, ни у кого из нас и в мыслях не было, что рядом с будущей жертвой тогда сидел будущий убийца...

Именно Кани вместе с другими заговорщиками остановил автомашину Кабрала, когда он возвращался с вместе с женой с приема в польском посольстве, и жестоко расправился с ним. Затем они захватили его заместителя Аристидеса (правильнее – Аристидиша) Перейру и попытались на небольших судах, переданных нами ПАИГК, добраться до порта Бисау, который был под контролем португальцев. Однако они были перехвачены советским кораблем, находившемся тогда в порту Конакри.

У Перейры были так сильно связаны руки, что он почти потерял способность действовать ими. К счастью, советские врачи в ЦКБ смогли восстановить ее, он уже чувствовал себя неплохо, когда мы посетили его там. Вскоре Перейра был избран генсеком ПАИГК, а после достижения независимости Кабо-Верде в 1975 г. стал президентом этой страны.

Несмотря на гибель Кабрала, вооруженная борьба в Гвинеи-Бисау успешно продолжалась. Новым элементом в ней стало применение со-

⁸⁹ <https://w.histrf.ru/articles/article/show/gvinicia>

⁹⁰ Именем О. Виейры, скончавшегося еще в период вооруженной борьбы, назван международный аэропорт в Бисау.

ветских переносных зенитно-ракетных установок «Стрела», сбивавших самолеты португальских ВВС, преимущественно винтовые. В освобожденных районах страны были проведены выборы в Национальную народную ассамблею, которая 23 сентября 1973 г. провозгласила независимую Республику Гвинею-Бисау. Она была признана СССР и другими социалистическими странами, многими африканскими и азиатскими, но к разочарованию ее руководства на такой шаг не пошли, казалось бы, дружественные ПАИГК правительства скандинавских стран. Тогдашний посол СССР в Гвинею Леонид Николаевич Мусатов был назначен по совместительству послом в Гвинею-Бисау. Он опубликовал интересные воспоминания о том, как вместе с группой послов нескольких других стран вручал верительные грамоты президенту Луишу Кабралу, сводному брату Амилкара 10 мая 1974 г. в одном из освобожденных районов.

Глава 15. Социал-демократы

Убийство Кабрала как бы подчеркнуло важность проведения намеченной еще ранее конференции по Югу Африки, созванной ООН в г. Осло с 9 по 14 апреля 1973 г. Это была одна из редких в тот период конференций по Югу Африки, созванных при участии ООН. Кажется, первое такого рода мероприятие – Семинар ООН по апартеиду, расовой дискриминации и колониализму на Юге Африке – состоялось 25 июля – 4 августа 1966 г. в замбийском городе Китве. В его работе от Советского Союза наряду с сотрудниками МИД принимал участие Аполлон Борисович Давидсон, ныне академик, а тогда еще молодой сотрудник Института Африки. Он подготовил подробный отчет о поездке, в котором отмечал, что советская делегация содействовала «осуждению империалистических монополий и политики правительств США, Великобритании, ФРГ в Южной Африке» и вносила «предложения, усилившие антиимпериалистический характер документов, принимавшихся участниками семинара»⁹¹.

На этот раз в Осло была проведена конференция, но само название ее – Международная конференция экспертов в поддержку жертв колониализма и апартеида на Юге Африки – показывало, мягко говоря, осторожное отношение аппарата ООН к борьбе за освобождение Юга Африки. Однако представители национально-освободительных движений считали себя прежде всего не жертвами, а борцами, а большинство дру-

⁹¹ Отчет о командировке в Замбию для участия в работе советской делегации на семинаре ООН по апартеиду, расовой дискриминации и колониализму на Юге Африки (г. Китве, 25 июля – 4 августа 1967 г.). С. 8-9.

гих участников – не просто экспертами, а активными сторонниками их борьбы.

Это отразилось и при публикации затем ее материалов Скандинавским институтом Африки, официальное название конференции в ней было просто опущено⁹². Напротив, подчеркивалась роль представителей освободительных движений: «Их активное и позитивное участие на равных правах с другими участниками ясно показало важность их присутствия, когда бы ни обсуждались вопросы, касающиеся будущего и благосостояния их народов»⁹³.

Положение мое на конференции оказалось несколько необычным. На нее были приглашены представители двух членов ООН – СССР и Украины, входившей в состав Специального комитета ООН против апартеида. Соответственно, от СССР эти места заняли В.Г. Солодовников и Петр Иванович Манчха, первый и многолетний заведующий сектором Африки в Международном отделе, а от Украины – Дмитрий Николаевич Филиппенко из академического Института истории в Киеве и я. Пришлось мне в этой связи объясняться с присутствовавшей на конференции эмигранткой, что мне было предложено участвовать как эксперту, в то время как Манчха, родившийся на Украине и владевший украинским языком, представлял Союз «в целом»⁹⁴.

Конференция в Осло состоялась во многом благодаря активной поддержке социал-демократов скандинавских стран, прежде всего Норвегии, хотя в дни, когда она проходила, они у власти не были. В установлении связей и оказании практической помощи национально-освободительным

⁹² The UN-OAU Conference on Southern Africa: Oslo, 9-14 April 1973. Olav Stokke & Carl Gösta Widstrand; United Nations; Organization of African Unity. Uppsala: Scandinavian Institute of African Studies. 1973. Позднее, поскольку Финляндия, а затем и Исландия стали принимать участие в финансировании и деятельности этого института он был преобразован в Институт Африки северных стран (Nordiska AfrikaInstitutet).

⁹³ Ibid. С. 8. Это был, конечно, шаг вперед по сравнению с подготовкой Лусакского манифеста в их отсутствии четырьмя годами ранее.

⁹⁴ Жаль, что П.И. Манчха не оставил воспоминаний. До Африки он занимался в Международном отделе, в частности связями с Грецией и Албанией. Запомнились мне его рассказы о переходе верхом на лошади из Албании в Грецию, вместе с Маркосом Вафиадисом, руководителем созданного коммунистами правительства, о предстоящем снятии которого он понял, когда увидел, что тому дали плохую лошадь, о том, как собравшиеся в горной пещере участники заседания ЦК Компартии приветствовали «представителя ЦК ВКП(б) товарища Петрова», об обеде Энвера Ходжи на Хрущева, сказавшего, что у нас мыши поедают столько зерна, сколько требуется албанцам.

движением особо активно было социал-демократическое правительство Швеции, которое тогда возглавлял Улоф Пальме (позднее ряд лет был он и председателем Комитета по Югу Африки Социалистического Интернационала). Именно в 1973 г. шведское правительство впервые предоставило помощь напрямую АНК, и, хотя размер ее был небольшой, открылась перспектива получения ее в более крупных размерах в будущем⁹⁵.

Для СДПШ в меньшей степени, чем для других членов Социнтерна была характерна двойственность, о которой ранее говорил в вышеупомянутой беседе Амилкар Кабрал. Он отметил, что Швеция предоставляла ПАИГК и политическую, и материальную помощь. Теплую встречу ему оказали и английские лейбористы, выразив солидарность и поддержку, «но, когда они находились у власти, картина была иной... Вилли Брандт получил Нобелевскую премию мира, однако ФРГ, во главе правительства которой он стоит, поставляет Португалии самое большое количество оружия»⁹⁶.

Эта двойственность проявилась и в деятельности международных организаций, в которых ведущую роль играли социал-демократы. Проблемами Юга Африки особенно активно занимался Международный фонд университетского обмена, название которого отнюдь не отражало всю палитру его отношений с национально-освободительными движениями, да и с независимыми африканскими странами. Его директором был шведский социал-демократ Ларс-Гуннар Эрикссон, с которым я познакомился во время его приезда в Москву на одной из встреч по подготовке Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве.

Ларс-Гуннар был личностью неординарной, отличался он не только коммуникабельностью, но и, пожалуй, искренней симпатией к борьбе против колониализма и апартеида. В Осло он пригласил меня на поздний ланч с ним и с норвежским президентом фонда Ойстеном Опдалем, тоже социал-демократом и предшественником Эрикссона на посту директора этого фонда. Рассказали они мне любопытную историю: в холле здания «Фолкетсхус» («Народного дома») – штаб-квартиры норвежских профсоюзов, где проходила конференция, сидел молодой человек, казался бы, читавший местную газету. Но когда к нему обратились, выяснилось, что это американец, не знающий норвежского, якобы приехавший в Осло, чтобы «изучать индустриальную демократию». «Ваш коллега (counterpart)», – сказали мне собеседники. Не сразу я понял, что

⁹⁵ [Enugu] Reddy. International University Exchange Fund, its Rise and Demise. <http://www.anc.org.za/show.php?id=6867&t=United>

⁹⁶ Запись беседы с Генеральным секретарем ПАИГК тов. Амилкаром Кабралом.

они имели ввиду агента ЦРУ, а меня, соответственно, принимали за сотрудника советской спецслужбы. Впрочем, подобные истории случались не только со мной, люди с «промытыми мозгами» на Западе не могли поверить, что в СССР можно было достичь успеха, не будучи связанным с органами госбезопасности.

Во время обеда Ларс-Гуннар поглядывал на часы, ожидая, когда наступит время – 3 часа дня – для возможности заказать спиртное, но выяснилось, что в отличие от его родной Швеции в Норвегии и в ресторане в это время можно было выпить только вина⁹⁷. Кстати, ни в одной зарубежной командировке я не видел такой пьяни, как в Норвегии, в стране, в которой был почти что «сухой закон». Трудно забыть такое зрелище: у входа в «Народный дом» стоит, говоря нашим нынешним языком, «алконавт» и хлещет «из горла» что-то крепкое, скорее всего местный (и не плохой) вариант водки – «аквавиту», то есть «живую воду»...

История МФУО довольно своеобразна – и начало его, и конец были связаны с деятельностью и провалами спецслужб. Создан первоначально он был в 1961 г. по инициативе правительства Норвегии, поддержанного Швецией, при штаб-квартире Международной студенческой конференции (МСК) в г. Лейден (Нидерланды). А сама эта организация была основана в 1950 г. как противовес Международному союзу студентов, но в 1967 г. разразился громкий скандал, когда выяснилось, что за созданием этой организации стояло ЦРУ, которое ее и финансировало «под крышей» Национальной студенческой организации США.

МСК были вынуждены распустить, но МФУО перебрался в Женеву и стал самостоятельной организацией, которой руководило правление, состоявшее из представителей неправительственных организаций стран Северной Европы. Средства фонда росли за счет правительств не только скандинавских стран, но и Нидерландов и Канады, а для помощи студентам из тогдашней Родезии – даже Великобритании, и он был в состоянии предоставлять около 2 тысяч стипендий студентам из стран Юга Африки⁹⁸.

⁹⁷ А выпить он любил, хотя и не очень умел. В Москве он предложил мне однажды поужинать где-нибудь еще, а не в гостинице «Москва», где он жил. Отправились мы в «Россию», но на обратном пути прямо на Красной площади он упал... Остается добавить, что нет теперь уже ни «Москвы», которую после ремонта совершенно недопустимо и бездарно переименовали в «Four seasons» по названию купившей ее компании, ни «России», территория которой после демонтажа чуть ли не десять лет пустовала, пока не превратилась в парк.

⁹⁸ Reddy. Op. cit.

Более того, МФУО начал осуществлять программы непосредственно в Южной Африке, в частности предоставляя средства для заочного обучения, особенно политзаключенным. Руководство фонда в 1970-х г. установило связи с видными деятелями движения «черного самосознания»⁹⁹ в ЮАР, и фонд стал основным финансовым спонсором организаций – сторонников этого движения¹⁰⁰.

Энгу Редди, который многие годы занимался проблемами апартеида в ООН в разном качестве, в том числе (позднее) и помощника ее Генерального секретаря, полагает, что Эриксон предпочитал ПАК Африканскому национальному конгрессу, считая, что он находится под влиянием коммунистов: «Он давал людям из АНК совсем немного денег, например, на исследовательский проект или на несколько поездок на конференции и назначил г-жу Зениле Мбеки (жену Табо Мбеки. – *авт.*) представителем МФУО в Лусаке, чтобы успокоить АНК. Больше помощи он оказывал ПАК, а потом еще больше – движению «черного самосознания», например, для общественных проектов... В конце концов, он основал тайный банковский счет в Лихтенштейне. Я считаю, что господин Эриксон позволил себе выходить за рамки условий, на которых были получены гранты, и включался в политическую деятельность»¹⁰¹.

Однако на сессии Ассамблеи фонда в июне 1978 г. АНК был признан основным освободительным движением в Южной Африке. По мнению Редди, это произошло из-за «давления стран-доноров», но представляется, что первопричиной такого решения была активизация деятельности АНК, в том числе и боевых операций на территории ЮАР.

Ларс-Гуннар всегда и тяготел к «конфиденциальности», нередко напускной. Так, однажды он прислал мне в СКССАА отчет (довольно интересный) о поездке по странам Юга Африки как «эмиссара» МФУО британского африканиста Лайонела Клифа «простой» почтой, но с пометкой «Confidential». Однако, когда характер связей фонда с НОД действительно требовал конфиденциальности, то, как отмечал Редди, «безопасность этих операций была низкой»¹⁰².

⁹⁹ По мнению Редди, американцы также поддерживали эти организации как возможную «третью силу» в Южной Африке. Об этом движении см.: *Макаров А.А.*: Борьба африканского населения ЮАР (70-е годы XX века), М.: Наука, 1981.

¹⁰⁰ *Reddy*. Op. cit.

¹⁰¹ *Ibid.*

¹⁰² *Ibid.*

И действительно, карьера Эриксона рухнула, когда его заместитель Крейг Уильямсон был разоблачен как майор южноафриканской полиции безопасности. Ранее в ЮАР он был вице-президентом Национального союза студентов, а в эмиграции в начале 1977 г. стал сотрудником штаб-квартиры МФУО, и вскоре Эрикссон назначил его своим заместителем. На этом по посту он имел доступ к сведениям о контактах фонда с противниками режима апартеида в ЮАР. Установил он связи и с некоторыми членами АНК.

Майк Терри, в то время секретарь британского Движения против апартеида, рассказывал мне, как однажды ему позвонил из офиса МФУО видный деятель АНК и попросил не привлекать одного из белых южноафриканцев, живших в Лондоне, к акциям движения, потому что его предполагали направить на родину. А рядом с этим руководителем во время разговора был Уильямсон. Но далеко не все соглашались с таким подходом, например Джосайя Дзеле не раз говорил мне: «Я не доверяю этому полицейскому». (Уильямсон до поступления в университет недолго «открыто» служил в полиции).

Разоблачение Уильямсона началось с публикации в лондонской газете «Обсервер» в декабре 1979 г. серии статей Артура МакГивена, бывшего офицера южноафриканской разведки. Опасаясь, что и его роль будет раскрыта, Уильямсон договорился о встрече с Эриксоном в баре на аэродроме в Цюрихе, на которую пришел вместе с бригадным генералом Дж. Кутзее, руководителем Специального отдела южноафриканской полиции.

Эрикссон опасался за свою жизнь, зная как южноафриканские спецслужбы расправляются с неудобными, и из Женевы он вернулся в сопровождении шведских сотрудников безопасности в Стокгольм, где рассказал о роли Уильямсона на пресс-конференции.

Правление МФУО создало комиссию по расследованию «дела Уильямсона», в ходе работы которой вскрылись неприятные для его уже бывшего директора факты. Попытки сохранить фонд были безуспешными, и в 1981 г. было принято решение о его роспуске. Примечательно, что на должность «ликвидатора» МФУО был назначен швед Пер Тегмо, ранее подавший в отставку с поста казначея фонда из-за разногласий с Уильямсоном¹⁰³.

Пропаганда Претории попыталась обратить поражение в победу, распространив, как теперь выражаются, фейковую информацию об успехах Уильямсона. На передней обложке журнала южноафриканской полиции «Сервамус» была опубликована его фотография на Красной пло-

¹⁰³ Ibid.

щади с надписью: «ЮАП (Южноафриканская полиция) проникает в Москву»¹⁰⁴. А «респектабельная» газета «Санди Таймс» утверждала, что у Уильямсона хватило «храбрости даже шпионить за могущественным русским КГБ», когда он посетил Москву как «официальный гость»¹⁰⁵.

Ничьим официальным гостем он не был, хотя и сослался на Советский комитет защиты мира, когда запрашивал советскую туристическую визу в Женеве, имея швейцарское удостоверение беженца. Позднее он хвастался, что он в Москве не только «следил» за КПСС, но и «проник в несколько других антиюжноафриканских организаций, таких как Советский комитет афро-азиатской дружбы»¹⁰⁶, то есть он даже не мог точно назвать организацию, в которую якобы проник.

В пропагандистском плане Уильямсона продолжали использовать и позднее, сделав его членом Президентского совета, фактически заменившего сенат ЮАР, и даже в 1989 г., когда уже велись «переговоры о переговорах» между правительством и АНК, Уильямсон, уже повышенный в звании до подполковника, утверждал, что «Мандела был назначен по рекомендации Москвы, и Андрей Громыко по сей день гордится таким решением»¹⁰⁷.

Но деятельность Уильямсона отнюдь не ограничивалась, если можно так сказать, «интеллектуальным оболваниваем» читателей. Уже после бегства из Женевы он непосредственно участвовал в убийстве Рут Ферст 17 августа 1982 г. в Мапуту, а затем Жаннетты Шоон и Катрины Шоон – жены и дочери активиста АНК Мариуса Шоона 28 июня 1984 г. в ангольском городе Лубанго, организовав в обоих случаях направление посылок со взрывчаткой¹⁰⁸.

Следует добавить, что на слушаниях в Комиссии истины и примирения, действовавшей в ЮАР, упоминалось, что Шоон и его жена, жившие ранее в эмиграции в Ботсване, раскрыли истинную роль Уильямсона за несколько месяцев до его разоблачения в Швейцарии, но не сообщили об этом публично, дав тем самым возможность руководству АНК «манипулировать» им в своих целях¹⁰⁹. Так что, организуя убийство, Уильямсон, скорее всего, мстил им за свой провал.

¹⁰⁴ Servamus. Pretoria, September 1981.

¹⁰⁵ Sunday Times. Johannesburg, 27 January, 1980.

¹⁰⁶ Ibid.

¹⁰⁷ Venter A. (ed.) Challenge. Southern Africa within the African Revolutionary Context. An Overview. Gibraltar Publishing. Gibraltar, 1989. P.278.

¹⁰⁸ TRC Final Report, VOLUME 6, SECTION 1, CHAPTER 4, SUBSECTION 12, p. 80, [sabc.trc.saha.org.za](http://www.sabc.trc.saha.org.za)

¹⁰⁹ http://www.justice.gov.za/trc/amntrans/1998/98110206_pre_98115pta.htm

Тем не менее, комиссия предоставила Уильямсону амнистию, а доводом в пользу такого решения, как ни странно, было то, что эти убийства «достигли их цели – шокировать, дестабилизировать и деморализовать АНК/ЮАКП. Действия, соответственно, не были непропорциональны их целям»¹¹⁰.

И Уильямсон спокойно продолжает жить в Южной Африке, в то время как Эриксон от связанного с ним скандала так и не оправился. Вернувшись на родину, он начал работать в Шведском миграционном совете на какой-то малозначительной должности, а в 1990 г. умер, не дожив и до 50 лет.

Глава 16. Нигерия и Гана

1973 год для нас был во многом годом подготовки ко Всемирному конгрессу миролюбивых сил, состоявшемуся в Москве в октябре, и, конечно, мы были заинтересованы в участии в нем максимального числа делегаций из африканских стран. С этой целью мне предстояло выехать в составе делегации Комитета солидарности в Западную Африку – Нигерию, Гану, Либерию и Сьерра-Леоне. Визы были получены во все эти страны, но в последний момент А.С. Дзасохов решил, что я должен вернуться домой после посещения двух первых стран – слишком много дел было и в Москве. Так что ни до Либерии, детища Американского колониального общества для освобожденных рабов, ни до Сьерра Леоне, колонии, организованной по британским стандартам, мне добраться так и не удалось¹¹¹.

Поездка в Нигерию и Гану в сентябре 1973 г. поразила меня больше всего различиями между этими странами, хотя они расположены недалеко друг от друга и имеют сходную историю захвата их Великобританией после многолетнего сопротивления, особенно в районах, удаленных от побережья Атлантики.

В Нигерии тогда быстро развивалась нефтедобыча, но настоящий бум еще не начался, это произошло несколько месяцев спустя, после третьей арабо-израильской войны в октябре 1973 г. и объявленного арабскими странами нефтяного бойкота тем государствам, которые поддерживали Израиль, что вызвало многократный рост цен на нефть.

¹¹⁰ Ibid.

¹¹¹ Именно в этих двух странах, в которых демократическое, казалось бы, устройство было «списано», соответственно, со США и Великобритании, в 1990-х годах разразились кровопролитные гражданские войны, разрушившие их государственные структуры.

В стране тогда сохранялся установленный еще в 1966 г. военный режим, и созданная в 1963 г. левая политическая партия под «громким» названием – Социалистическая рабоче-крестьянская (на выборах в 1964 г. она даже получила одно место в парламенте) находилась в подполье.

Ее руководители были известными в Нигерии фигурами: Вахаб Гудлак, Тунжи Отегбей и Дапо Фатогун. Гудлак был лидером Нигерийского конгресса профсоюзов, а при объединении его с другими профсоюзными федерациями в 1975 г. стал президентом Нигерийского конгресса труда. Но на следующий год военное правительство Олусегуна Обасанджо запретило ему заниматься профсоюзной деятельностью. Отегбей, врач по профессии, возглавлял Нигерийский конгресс молодежи. Третий из них – Фатогун, был видным журналистом, редактором газеты «Нью Хорайзон» левого толка. Все они подвергались преследованиям со стороны властей, в частности Отегбей был арестован после возвращения из Москвы, где в июне 1969 г. участвовал в Международном совещании коммунистических и рабочих партий.

Но кроме ограничений со стороны властей серьезный ущерб этой партии был нанесен расколом между Гудлаком и Фатогун, с одной стороны, и Отегбеем, занимавшим пост ее генерального секретаря – с другой. Он привел к исключению из партии Отегбея, вместе с которым она лишилась и многих его сторонников из числа молодежи¹¹².

Фатогун участвовал в работе Римской конференции, где я с ним и познакомился¹¹³. Наше пребывание в Нигерии и, в частности, встречи с активистами общества дружбы с Советским Союзом, способствовало тому, что из этой страны на конгресс в Москву прибыла солидная делегация, а Лагос, тогдашняя столица, мне запомнился как уже переполненный людьми и автомобилями город.

В Гану мы прибыли в тот период, когда у власти в стране также были военные, но отличительной чертой их правления был отход от односторонней ориентации на Запад, проявившейся после свержения Кваме Нкрумы, и стремление нормализовать отношения с Москвой. Это способствовало тому, что нашу делегацию, хотя она была на скромном уровне (возглавлял ее Энвер Джебраилов, депутат Верховного Совета

¹¹² Партия эта формально продолжала существовать до самороспуска на рубеже 1990-х годов.

¹¹³ Одна деталь: хотя все участники конференции, кроме представителей освободительных движений, должны были сами нести расходы по размещению, в последний момент Фатогун попросил срочной помощи, и мне пришлось поделиться с ним остатками нашего взноса в бюджет конференции.

Азербайджанской ССР и заведующим международным отделом республиканской компартии) в «Замке» (Castle), как называют в столице Ганы Аккре резиденцию главы государства, принял генерал Игнатиус Ачампонг, пришедший к власти в результате военного переворота в 1972 г. Тогда в первые годы своего правления он был довольно популярен, но в 1978 г. был смещен в результате нового переворота, а год спустя, после еще одного переворота расстрелян за коррупцию вместе с несколькими другими бывшими военными руководителями Ганы.

Война в октябре 1973 г. и последовавшие за ней события повлияли на многие страны Африки. В Израиле и на Западе, да и в России ее называют «войной Судного дня (Йом-кипур на иврите)», а в арабском мире – «войной Рамадана», так как она велась в этом месяце по мусульманскому календарю. Совпала она по времени с состоявшимся в Москве упомянутым Конгрессом миролюбивых сил. Ситуация на полях сражений менялась ежедневно, и даже выступление Л.И. Брежнева на конгрессе пришлось отложить на день, очевидно, до ее прояснения¹¹⁴.

Вспоминается, как один из египетских руководителей Постоянного секретариата ООН успокаивал меня (а, скорее всего, себя), что израильские войска на западном берегу Суэцкого канала – это лишь «rockets» – изолированные группы, но через день-два они смогли практически окружить Вторую египетскую армию, перерезав дорогу, связывающую Суэц с Каиром. Но сам факт того, что иностранные войска вторглись на Африканский континент государства-члены ОАЕ не могли игнорировать. Хотя египетский Синайский полуостров оставался оккупированным Израилем с 1967 г., все же это была часть Азии, а теперь вторжение произошло в Африку. В такой ситуации 25 африканских государств, которые еще поддерживали дипломатические связи с Израилем, были вынуждены разорвать их по призыву ОАЕ¹¹⁵.

Когда в первые, успешные для Египта дни войны Садат позвонил советскому послу и поблагодарил за поставки нашего оружия, не знаю, насколько искренним он был. Но после окончания войны, несмотря на то что от нового поражения его во многом спасла твердая позиция Москвы, он стал довольно последовательно и все более открыто проводить курс на

¹¹⁴ Все переветии этой войны нашли в литературе подробное отражение и выходят, конечно, за рамки этой книги. Подробно см.: *Васильев А.М.* От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке, М.: Центрполиграф, 2018.

¹¹⁵ Levey Z. Israel's Exit from Africa, 1973: The Road to Diplomatic Isolation // *British Journal of Middle Eastern Studies*. Vol. 35, 2008. Issue 2. P. 205-226. Впрочем, некоторые из них ненадолго.

сотрудничество со США и примирение с Израилем с учетом интересов Египта, но не других арабских стран и особенно не палестинцев.

Отношения Египта с Советском Союзом были свернуты до минимума, и, хотя в Африку несколько рейсов Аэрофлота по-прежнему совершались через Каир, пассажиров из самолета не выпускали, и однажды ночью я, кажется, серьезно напугал местного охранника, дежурившего у двери самолета, заговорив с ним на египетском диалекте. Пришлось, чтобы успокоить его сказать: «Матахавш. Ана руси» – «Не бойся. Я русский».

Глава 17. Апрельская революция в Португалии

В апреле 1974 года мне впервые довелось побывать в Англии, когда вместе с П.Н. Евсюковым мы приняли участие в состоявшейся в Оксфорде по инициативе британского Комитета за свободу Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау (CFMAG) встрече организаций, поддерживавших борьбу за независимость этих стран. Сопредседателей этого комитета было двое – знаменитый африканист Бэзил Дэвидсон и лорд Гиффорд, унаследовавший этот титул совсем молодым, в 21 год. Оба эти человека заслуживают особого рассказа. Дэвидсон, несомненно, испытывал симпатию к борцам за свободу не только из-за своих политических взглядов, но и как человек, непосредственно участвовавший в партизанской войне. Талантливый журналист и писатель, с начала Второй мировой войны он стал военным разведчиком и был британским офицером связи с партизанами в Югославии, а затем в оккупированной немцами Северной Италии.

А симпатия к «страждущим» лорда Гиффорда (или тогда просто Тони), ставшего затем видным юристом с титулом «королевского адвоката», привела позднее к тому, что он, открыв юридическую фирму в г. Кингстаун на Ямайке, стал активно выступать за репарации жертвам работорговли. Тогда же его шутя звали «comrade lord» или «lord comrade».

Состав участников был довольно пестрым, поскольку тема антиколониальной, особенно вооружённой борьбы привлекала в Западной Европе многих, в том числе и «леваков». Например, группа молодежи из ФРГ после заседаний дружно пела «Интернационал». Были, конечно, люди и более серьезные, пытавшиеся анализировать развитие событий и в колониях, и в Португалии. Упоминалась при этом только что изданная книга генерала Антонио Спинолы «Португалия и будущее», двумя месяцами ранее ушедшего в отставку, в которой он призывал к прекращению колониальных войн, но, конечно, при фактическом сохранении контроля Лиссабона над африканскими территориями.

И никто из нас не предсказывал, что произойдет буквально через пару недель. 27 апреля 1974 года я работал в своем маленьком кабинете в Комитете солидарности, когда мой коллега Эдуард Аркадьевич Самойлов, распахнув дверь, крикнул: «Революция в Португалии!», – он только что услышал эту новость по московскому радио.

Но при всей важности событий на Юге Африки после апреля 1974 г. нужно отметить, что первые признаки перемен появились еще ранее. Довольно неожиданно это произошло сначала в Намибии, в стране, отдаленной на большое расстояние от независимых африканских государств, которые могли бы послужить базами для освободительной борьбы.

На рубеже 1970-х годов СВАПО находилось в трудном положении, не в последнюю очередь вызванное предательством так называемого «Кастро», Леонардо Нанголо Филлемона, который после прохождения военной подготовки в Советском Союзе руководил военными операциями. А еще ранее в Намибии были арестованы и стали давать показания два бывших высоких руководителя СВАПО – Луис Неленгани и Ишмаил Форчун.

Оба они к середине 1960-х годов успели по несколько месяцев поучиться в Центральной комсомольской школе¹¹⁶, но их деятельность в качестве вице-президента и генсека, то есть второго и третьего человека в иерархии СВАПО была недолгой: Форчун вернулся в Намибию и был обвинен руководством СВАПО в предательстве¹¹⁷, а Неленгани был выведен из руководства этой партии после того, как в Дар-эс-Саламе тяжело ранил ножом преемника Форчуна, Джекоба Кахангуа. Затем он также вернулся на родину и стал свидетелем обвинения на процессах членов СВАПО.

Участники состоявшегося в танзанийском городе Танге в канун 1970 г. заседания ЦК этой организации рассказывали, что оно проходило довольно бурно¹¹⁸, но завершилось подтверждением Сэма Нуйомы на

¹¹⁶ ГА РФ, ф. 9540 гс, оп. 2 с, д. 47, л. 61.

¹¹⁷ Неленгани стал популярным среди «первого поколения» сотрудников СКССАА, может быть, особенно потому, что его фамилию нередко произносили как «нелегальный». Что же касается Форчуна, то четверть века спустя он посетил советское посольство в одной из стран Юга Африки и попытался убедить собеседников в своей невиновности. Однако когда я поднял этот вопрос в беседе с Нуйомой, его ответ был категоричным: «Он предатель».

¹¹⁸ СКССАА оказал помощь в проезде на конференцию четырех студентов, обучавшихся в СССР. В независимой Намибии первый из них, Гарикутуке Чирианге стал генком СВАПО (это – третья по важности должность в партии), второй, Хельмут Ангула – министром, третий, Филип Индонго – личным

посту президента и распределением постов в руководства почти среди всех участников заседания. (Правда, многие из их должностей были с приставкой и.о., поскольку лица, ранее избранные на них, находились на территории Намибии).

Несмотря на трудности, группы бойцов СВАПО все же проводили операции на территории своей страны, хотя они были ограничены в основном полосой Каприви, вдоль границы с Замбией. Более того, в этот сложный период новым явлением в ситуации на Юге Африки была забастовка рабочих-мигрантов как раз в Намибии в 1971–1972 гг., а за ней уже последовали стачки в южноафриканском городе Дурбане.

Однако именно события в Португалии – свержение, по существу, фашистского режима в апреле 1974 г. – стали поворотным моментом в антиколониальной революции на Юге Африки. Однако вначале мы следили за развитием событий и с энтузиазмом, и с озабоченностью. Спинола, заняв пост президента Португалии, 15 сентября 1974 г. встретился на о. Сал в Кабо-Верде с президентом Заира Мобуту Сесе Секо, министром иностранных дел ЮАР Хилгардом Мюлдером и главнокомандующим САДФ – Южноафриканскими силами обороны – генералом Хуго Бирманом. К тому времени было ясно, что португальское правление в колониях заканчивается. 10 сентября Лиссабон признал независимость Гвинеи-Бисау. А 7 сентября в Лусаке под давлением молодых военных-революционеров из реально правившего в Португалии Совета национального спасения министр иностранных дел, лидер Социалистической партии Мариу Соареш был вынужден подписать с ФРЕЛИМО соглашение о создании переходного правительства в Мозамбике во главе с Жоакимом Чисано на период до провозглашения 25 июня 1975 г. независимости¹¹⁹.

Но в Анголе ситуация была более сложная¹²⁰. По данным Энугу Редди, который был хорошо информированным человеком, на указанной выше встрече разрабатывался план передачи власти в этой стране лидеру ФНЛА Холдену Роберто, лидеру УНИТА Жонасу Савимби и Даниэлю Чипенде, руководителю фракции в МПЛА, известной под названием «Восточное восстание», который на так называемом «съезде» МПЛА в августе 1974 г. был объявлен президентом МПЛА. При этом Чипенда поддерживал автономию для Кабинды, богатого нефтью анклава, отде-

врачом президента, и лишь четвертый, отошедший от борьбы, «затерялся» где-то на Западе.

¹¹⁹ Дата была выбрана в 13-ю годовщину создания ФРЕЛИМО.

¹²⁰ Развитие событий в Анголе подробно рассматривается в моей книге «Горячая “холодная война”».

ленного от остальной Анголы заирской территорией, а Мобуту рассчитывать ей воспользоваться «для экономического выживания»¹²¹.

Серьезные сложности в отношениях Москвы с МПЛА создались в связи с расколом в этой организации. Хотя слухи о разногласиях в МПЛА доходили до нас и ранее, впервые я почувствовал всю драматичность ситуации, когда Петр Никитович Евсюков на конференции в Оксфорде, поздоровавшись с молодым активистом МПЛА, потом так охарактеризовал его: «Хороший парень, наш выпускник, но понимаете, нетовец...»¹²². А подробности о положении в МПЛА я услышал от него, как ни странно, в лондонском пабе (кажется, он назывался «Бавария»), когда мы встретились там с представителем СВАПО Питером Катжавиви¹²³. Евсюков довольно (если не слишком) откровенно рассказывал о кризисе МПЛА, критически оценивая при этом роль Агостиньо Нето.

Во многом негативное отношение к Нето проявляется и в записях Евсюкова, и при чтении их создается впечатление, что для некоторых его советских собеседников он был слишком «сложной» личностью. Но дело было не только в этом. Интересно суждение о нем Р.А. Ульяновского: «Нето был очень серьезным, широко образованным деятелем, глубоко разбиравшимся в международной политике, и прежде всего в политике различных держав в Африке... К сожалению, у него был один недостаток, который, в сущности, и свел его в могилу. Он пил. Правда, я никогда не видел его пьяным, но знал, что, даже находясь в Москве, он употреблял алкоголь. Конечно, жаль этого выдающегося африканского лидера, погибшего столь рано»¹²⁴.

Хотя постепенно в Москве перешли к активной поддержке именно Нето и его сторонников, это произошло далеко не сразу. Вспоминаю, как на одной из международных встреч в Москве полковник из Генштаба (по документам уже отставной) говорил ангольцу из МПЛА: «Нам что Нето, что Чипенда»...

Информация о ситуации в Анголе и непосредственно в МПЛА поступала в Москву по разным каналам, зачастую противоречивая. Наиболее реальная оценка исходила непосредственно из Луанды, от наших

¹²¹ Reddy. Op. cit.

¹²² Это был Педру Ван Дунем, выпускник Московского энергетического института, будущий министр и заместитель премьер-министра независимой Анголы.

¹²³ После достижения независимости Катжавиви стал основателем и ректором Университета Намибии, затем послом, а с 2015 г. – спикером Национальной Ассамблеи.

¹²⁴ Ульяновский Р.А. Op. cit. С. 145.

журналистов, и тех, для которого это была основная работа, и тех, кто был журналистом, так сказать, «по совместительству». Самым выдающимся из первых был Олег Константинович Игнатьев, корреспондент «Правды», а из вторых – корреспондент ТАСС и одновременно офицер Генштаба, тогда еще, кажется майор (а потом и полковник) Игорь Иванович Уваров.

Игнатьев, который был тесно связан с борьбой за независимость португальских колоний, прилетел первый раз в Луанду 16 сентября 1974 г. и пробыл там более недели¹²⁵. В то время МПЛА официально еще не имела представительства в Анголе, но он встречался с ее сторонниками.¹²⁶ Затем в начале января в Анголу прибыл Уваров¹²⁷ и пробыл там около двух месяцев¹²⁸. Тогда штаб-квартира МПЛА в Луанде уже действовала.

Не имея (пока?) возможности ознакомиться с депешами, которые шли из Лусаки по линии посольства, и особенно по линии Генштаба, трудно судить, как в них оценивался упомянутый «съезд» МПЛА. По замыслу его организаторов – лидеров соседних с Анголой государств, – он должен был объединить возникшие в этой организации фракции, но соотношение между числом делегатов от них было не в пользу сторонников Нето. В любом случае советских представителей ни на самом «съезде», ни близ места его проведения не было, а для меня и моих товарищей по Комитету солидарности довольно полная картина этих событий появилась, как ни странно, из Женевы, где в составе делегации, которую, как и в Риме, возглавил В.Г. Солодовников, а одним из членов вновь был И.П. Блищенко, я принял участие в Международной конференции неправительственных организаций против колониализма и апартеида, организованной ООН и ОАЕ.

В один из вечеров Ларс-Гуннар Эрикссон пригласил меня домой на ужин. Неожиданно, кроме Эрикссона и его жены, я увидел там еще одного человека, мне совершенно незнакомого. Хозяин представил его как Пага-

¹²⁵ *Ignatyev O. Secret Weapon in Africa. Moscow: Progress. 1977. P. 93.*

¹²⁶ *Ibid. P. 97-98.*

¹²⁷ Воистину «неисповедимы пути господни». Впервые я встретился с Игорем Ивановичем Уваровым в МГИМО, где мы специализировались по Афганистану, изучая пушту и фарси, хотя он был на три курса старше меня. Мы не могли представить себе, что оба потом окажемся, хотя и в разное время, в Северном Йемене, охваченном гражданской войной, а затем встретимся вновь уже как африканисты. Прощание с полковником Генерального штаба Уваровым состоялось со всеми воинскими почестями 8 декабря 2006 г.

¹²⁸ Беседа с И. И. Уваровым. М., 23.10.2003.

но ди Мелито, при этом информация Ларса-Гуннара об этом человеке мне показалась странной, например, то, что он итальянец, но долго работал на Кубе как специалист по рыболовству. Много позднее, из статей, точнее некрологов о нем я узнал, что у него действительно необычная судьба, жизненные повороты которой трудно поддаются объяснению.

Гаэтано Пагано ди Мелито – сын дипломатов, родившийся в Китае и выросший там, после убийства своего отца японскими агентами присоединился к китайским повстанцам, сражавшимся против японских оккупантов, и стал «единственным итальянцем, участвовавшим в китайской революции»¹²⁹. При этом по приказу Линь Бяо он учил его подчиненных плавать. Перебравшись из Китая в Италию, он изучал там военноморское дело, но затем отправился в Мексику, где встретил находившегося там в эмиграции Фиделя Кастро и стал его другом. После прихода к власти Фидель пригласил его на Кубу в качестве специального консультанта при рыболовной и торговой флотилии, дав ему прозвище «El resuelvetodo» – «Решает все». Позднее, когда Пагано переехал в Стокгольм, женившись на шведке и начав работать на шведское телевидение, Фидель дал ему интервью, которое было переведено на 72 языка.

В Швеции он стал другом еще одного выдающегося человека – премьер-министра Улофа Пальме, которому якобы даже давал советы по внешней политике. Шедевром журналистской документалистики называют его репортаж о «варварской резне, совершенной южноафриканскими войсками в лагере СВАПО в Кассинге в Анголе в 1978 г.»¹³⁰.

Остается добавить, какое место Ди Мелито занимал в «операциях» МФУО неясно, но примечательно, что Уильямсон в недавнем интервью своеобразно охарактеризовал Эриксона: «Он был секретной службой Социалистического интернационала»¹³¹.

Эриксон и его «эмиссар», вернувшийся из Замбии, где он занимался, как теперь говорят, «мониторингом» «съезда» МПЛА, настаивали на том, что Нето является «самым прогрессивным африканским лидером после Лумумбы», и подчеркивали, что «ваш товарищ Владимир в Лусаке ошибается», имея в виду, очевидно, советника совпосольства В.Н. Безукладникова¹³², поддерживавшего связи с МПЛА.

¹²⁹ Эухенио Лоренцано. GAETANO PAGANO DI MELITO: СКОЛЬКО ИСТОРИЙ! <https://eugeniolorenzано.wordpress.com/2020/06/20/gaetano-pagano-dime-lito-quante-storie/>

¹³⁰ Ibid.

¹³¹ <https://www.360storybank.com/apartheid-spy-breaks-his-silence/>

¹³² Беседа с Л.-Г. Эриксоном. Женева, 30.8.1974. В. Н. Безукладников был ветераном войны, Героем Советского Союза. На нескольких вебсайтах имеется

Запись моей беседы с ними, естественно, была направлена в Международный отдел, но, конечно, она была далеко не единственным полученным там свидетельством в пользу Нето. В его поддержку как лидера МПЛА выступили в Португалии Движение вооруженных сил и Коммунистическая партия, отказавшись признать Чипенду новым руководителем МПЛА, хотя его формально и избрали на «съезде»¹³³.

Да и сами мы получили информацию «из первых рук», когда в Москву вернулись ангольские студенты, участвовавшие в «съезде»¹³⁴. По поручению Нето они подробно рассказали нам о том, как он проходил. Уже из их рассказа можно было понять, что Нето и его сторонники пользуются поддержкой внутри Анголы: рабочие из порта Лобиту послали телеграмму Каунде, угрожая начать бойкот грузов, предназначенных для Замбии, если Замбия будет поддерживать Чипенду¹³⁵.

Именно тот факт, что Нето рассматривался сторонниками МПЛА, особенно в столице страны, как лидер этой организации, «подтолкнул» Москву занять твердую позицию в его поддержку. В конце декабря 1974 г. в Москве была принята делегация МПЛА во главе с Энрике Каррейрой, с которым я впервые встретился на мероприятии ОСНАА в Триполи и который вскоре стал министром обороны независимой Анголы. Входил в нее и тот самый «нетовец» Педру ван Дунем. В основном во время ее пребывания обсуждались вопросы военного сотрудничества, но состоялась и беседа в СКССАА, которую довелось проводить мне.

Каррейра назвал ситуацию противоречивой, он говорил о политической гегемонии МПЛА в Анголе, но и о ее слабости с военной точки зрения. Он был рад тому, что «советские товарищи поняли ситуацию. С их помощью мы нанесем последний удар по силам реакции»¹³⁶.

От имени СКССАА я пригласил направить в СССР делегацию МПЛА, в которую желательно было включить и активистов, работавших ранее в подполье и незнакомых с нашей страной, а Каррейра в свою очередь пригласил делегацию Комитета солидарности в Анголу¹³⁷.

информация, что он служил в Главном разведывательном управлении Генштаба в звании полковника. См., напр.: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1361.

¹³³ Беседа с Г. Бирешем. М., 21.10.1974.

¹³⁴ Их проезд обеспечивался советскими общественными организациями «с благословения» МО ЦК.

¹³⁵ Беседа с ангольскими студентами. М., 9.09.1974.

¹³⁶ Беседа с делегацией МПЛА во главе с Э. Каррейрой, М., 30.12.1974.

¹³⁷ Ibid.

Из-за драматического развития событий в Анголе такого рода делегация МПЛА приехать в Советский Союз не смогла, но наша делегация в Луанду прилетела в конце апреля 1975 г. и оценила ситуацию на месте, тем более что ее приезд совпал с ожесточенными боевыми столкновениями в ангольской столице. Во главе ее был Геннадий Иванович Янаев, тогда председатель Комитета молодежных организаций СССР, но, что важнее, в состав ее входили П.Н. Евсюков и Э.А. Капский, ставший затем ответственным в Секторе Африки за связи с бывшими португальскими колониями после отъезда Петра Никитовича в Мозамбик в качестве посла.

Когда 11 ноября 1975 г. Агостиньо Нето провозгласил в Луанде независимость Народной Республики Анголы, собрания по этому поводу состоялись и в СКССАА, и, конечно, более массовое в УДН им. Патриса Лумумбы. Выступая перед сотнями студентов, я говорил о том, что интервенция южноафриканских и заирских войск¹³⁸ разобьется о стену международной солидарности с народной Анголой, хотя и не знал, что кубинские боевые части уже стали прибывать туда, да и не ожидал, что интервенты потерпят поражение так скоро.

Три десятилетия спустя, мне и как историку, и как ветерану движения солидарности посчастливилось быть на месте одного из решающих боев в ноябре 1975 г. в местечке Кифандонго к северу от Луанды вместе с генералом Роберту Леалом Рамушем Монтейру – «Нгонго», который командовал батареей «Град-П»¹³⁹. К сожалению, вклад этих переносных ракетных установок в разгром противников МПЛА иногда замалчивается.

Успех МПЛА и его кубинских союзников (а «опосредственно» и наш) повлиял на позицию стран Африки и ОАЕ в целом. Если верить словам тогдашнего министра иностранных дел ЮАР Рулофа «Пика» Боты, которые я слышал в его выступлении на научной конференции в Йоханнесбурге много лет спустя, даже такая ведущая африканская страна, как Нигерия, якобы первоначально поддерживала вмешательство Претории в Анголе. Однако именно позиция главы военного режима в этой стране Мурталы Мухаммеда на конференции ОАЕ в январе 1976 г. обеспечила тогда хотя бы равенство голосов «за» и «против» признания правительства МПЛА. Его выступление, несомненно, достойно цитирования, даже обширного: «В дни, предшествовавшие открытию этой сес-

¹³⁸ Мобуту переименовал Конго в Заир.

¹³⁹ «Нгонго» занимал важные государственные посты, был послом в России, а сейчас является председателем Комитета парламента по обороне и безопасности.

сии, мы были свидетелями потока дипломатической деятельности со стороны Соединенных Штатов. Не удовлетворяясь тайной поддержкой [УНИТА и ФНЛА] и потоком оружия в Анголу с целью вызвать хаос и кровопролитие, президент США решил путем циркулярного письма дать указания африканским главам государств и правительства настаивать на выводе советских и кубинских советников из Анголы, как на предварительном условии вывода южноафриканских и других военных авантюристов. Это является самым нетерпимым предположением и явным оскорблением для ума африканских правителей... Мы все знаем о той героической роли, которую Советский Союз и другие социалистические страны играли в борьбе африканского народа за освобождение. Советский Союз и другие социалистические страны были нашими традиционными поставщиками оружия, нужного для борьбы за национальное освобождение и человеческое достоинство. С другой стороны, Соединенные Штаты, льющие крокодиловы слезы об Анголе, не только полностью игнорировали борцов за свободу, которых администрации США, одна за другой клеймили как террористов, но даже открыто морально и материально поддерживали фашистское правительство Португалии. И у нас нет причин сомневаться, что те же самые американские администрации одна за другой поддерживают режим апартеида в Южной Африке, который они рассматривают как защитника интересов Запада на Африканском континенте»¹⁴⁰.

Отметим, однако, что некоторые страны Африки стали поддерживать МПЛА еще ранее: Алжир, Гвинея и Конго (Браззавиль) предоставили возможность самолетам советской ВТА совершать посадки и дозаправляться горячим на аэродромах в их странах.

Твердая позиция в поддержку МПЛА как движения, а затем и созданного им правительства не могла не создать сложности в наших отношениях со странами Запада, особенно с США, а это болезненно воспринимали те в нашей стране, кто занимался отношениями с этой частью мира. При глубоком уважении к А.Ф. Добрынину, в то время послу СССР в США, нельзя согласиться со словами в его мемуарах о том, что в действиях Москвы в Анголе «решающую роль сыграли идеологические соображения. Москва практически пошла на поводу у кубинцев и руководителей МПЛА, поддержав “национально-освободительную борьбу” в Анголе»¹⁴¹.

¹⁴⁰ Цит. по: Wilmont R. Ideology and National Consciousness. Ibadan: Lantern Books, 1980. P. 183-184.

¹⁴¹ http://rulibs.com/ru_zar/nonf_biography/dobryinin/0/j390.html. С. 390.

Сама постановка этого термина в кавычки, по меньшей мере, странная (как если бы борьба за национальное освобождение не велась!), а помимо идеологических, не меньшее значение имели соображения стратегические, да и моральные. Я разделяю мнение А.Л. Адамишина, занимавшегося африканскими проблемами на посту заместителя министра иностранных дел СССР, который писал: «Не приди ты на помощь [в 1975 г.] МПЛА в Анголе, за семь тысяч километров от своих границ, кто бы оказался в выигрыше? Мало сомнений, что ЮАР... Какой оборот приняли бы последующие события в этом регионе, если бы расистская ЮАР прихватила в придачу к Намибии еще и Анголу? Сколько бы еще лет продолжалось ее насильственное доминирование в регионе? Сколько еще лет длился бы апартеид?»¹⁴².

Разделяю я и мнение, высказанное в беседе со мной В.М. Васевым, который несколько лет был заместителем Добрынина в Вашингтоне, что, если бы не Ангола, США нашли бы другой повод для ужесточения политики по отношению к Москве.

Глава 18. Мозамбик: накануне независимости

Буквально через неделю после Женевской конференции произошло событие, повлиявшее на всю ситуацию на Юге Африки – вышеупомянутое подписание соглашения о создании переходного правительства в Мозамбике.

Это событие непосредственно сказалось и на политической обстановке в Южной Африке, где начались студенческие митинги в поддержку ФРЕЛИМО. Власти ответили на них репрессиями, но эти действия режима содействовали радикализации участников движения «черного самосознания», сближению многих из них с АНК. Стоит отметить, что среди тех студентов, которые были тогда арестованы, оказался и будущий президент ЮАР Сирил Рамапоса.

Руководство ФРЕЛИМО заняло в те дни четкую позицию в поддержку А. Нето и возглавляемого им движения, и мы почувствовали это во время поездки туда ещё до независимости этой страны. Собирался я в составе делегации Комитета солидарности в Мозамбик, точнее, в его освобожденные ФРЕЛИМО районы еще ранее, до португальской революции¹⁴³. Но события развивались так быстро, что поездку мы осуществи-

¹⁴² Адамишин А. Белое солнце Анголы. М.: Вагриус, 2001. С. 196-197.

¹⁴³ Первоначально я надеялся поехать в освобожденные районы Гвинеи-Бисау, но А.С. Дзасохов сказал мне, что там «все ясно», и лучше отправиться в Мозамбик.

ли только год спустя, когда у власти в стране было уже переходное правительство, возглавляемое Чиссано.

В Мозамбике ко времени революции в Португалии ситуация была весьма отличной от Анголы: национально-освободительное движение не было расколото, провалились попытка «возродить» УДЕНАМО¹⁴⁴, предпринятые теми, кто лишился высоких постов во ФРЕЛИМО, как и попытка превратить в реального соперника Фронта упомянутый выше КОРЕМО.

Португальское командование рекламировало итоги проведенной на рубеже 1970-х г. операции «Гордиев узел», но разрубить узел, то есть нанести решительно поражение ФРЕЛИМО ему не удалось. Напротив, хотя португальцы смогли захватить несколько партизанских баз в северных провинциях Мозамбика, отряды ФРЕЛИМО с территории Замбии проникли далеко в глубину страны и стали действовать не только в провинции Тете, но и южнее – в провинции Маника-и-Софала¹⁴⁵. Как отмечали руководители ФРЕЛИМО, его успеху способствовало получение крупной партии оружия из Китая после визита туда в 1971 г. С. Машела и его встречи с премьером Чжоу Эньлаем. Важную роль сыграли поставки современного вооружения из СССР, особенно когда вслед за ПАИГК бойцы ФРЕЛИМО стали использовать «Стрелы», что заставило Родезию прекратить воздушные налеты на объекты в Мозамбике, а португальская авиация была «прикована к земле». Успешно применяли фрелимовцы и ракетные установки ГРАД-П¹⁴⁶.

Однако первоначально после португальской революции между Москвой и ФРЕЛИМО возникли разногласия в оценке останки в Мозамбике. Советское руководство полагало, что желательно достигнуть там перемирия с революционным правительством в Лиссабоне, но мозамбикцы предпочитали продолжение боевых действий как средство оказания давления на португальские власти.

Положение ФРЕЛИМО на переговорах с Мариу Соарешом, министром иностранных дел и лидером Социалистической партии, укрепила поддержка со стороны молодых офицеров – представителей Революционного совета, и он вынужден был пойти на уступки, тем более что новое правительство во главе с Вашку Гонсалвишем признало право на самоопределение португальских колоний.

¹⁴⁴ Партия УДЕНАМО (Демократический неациональный союз Мозамбика) была распущена в 1962 г. при создании ФРЕЛИМО.

¹⁴⁵ Позднее она была разделена на две провинции – Манику и Софалу.

¹⁴⁶ Письмо С. Виейры автору. 1.12.2007.

Так или иначе, стремление Москвы добиться прекращения огня в Мозамбике отнюдь не означало прекращение поддержки ФРЕЛИМО. Более того, именно в это время, в августе 1974 г. группа в составе трех советских офицеров из «Северного учебного центра» совершила поход по территории Мозамбика. Ее возглавлял начальник центра Ф.И. Федоренко, а в состав входил и Станислав Константинович Кокин, тогда еще капитан-лейтенант.

Добраться из Москвы до районов Мозамбика, контролировавшихся ФРЕЛИМО, им было нелегко – самолетом до Дар-эс-Салама, а затем тоже самолетом уже в Мтвару на юге Танзании, где находился основной лагерь этого движения Нанчингвея. Дальше путь вел их к границе с Мозамбиком, проходившей по реке Рувуме. Переправились через нее на каноэ вместе с фрелимовцами – группу Федоренко сопровождал отряд численностью в 115 человек во главе с Себастьяну Маботе, будущим начальником мозамбикского Генштаба¹⁴⁷. Несомненно, в таком отношении к советским военным проявилось не только желание показать представителем Москвы успехи ФРЕЛИМО, но и уважение к руководителю «Северного центра», в котором училось немало мозамбикцев.

Посещая один за другим освобожденные районы на севере Мозамбика, наши офицеры добирались до них партизанскими тропами в обход португальских опорных пунктов. На них очень благоприятное впечатление произвели порядок на базах ФРЕЛИМО, хорошая организация тыла и медицинского обеспечения, несмотря на ограниченные возможности. Кроме партизан, они встречались с местными жителями, которые иногда тратили по несколько часов на дорогу, чтобы встретиться с советскими людьми. Конечно, для руководства ФРЕЛИМО их приезд (скорее, приход) давал возможность показать населению, что движение пользуется поддержкой со стороны мощной державы.

Ознакомились они и с результатами боевых действий фрелимовцев, побывав на недавно захваченном после минометного обстрела опорном пункте португальцев. Он был серьезно укреплен и включал блиндаж в шесть накатов.

С меньшим трудом преодолевала группа обратный путь, в последний день группе ей пришлось пройти по территории Танзании около 80 км, а затем вновь на пирогах она переправилась через протоки пограничной реки Рувумо. Итоги своего похода наши офицеры подробно об-

¹⁴⁷ Беседа со С. К. Кокиным, 15.01.2007. Маботе трагически погиб в 2001 г., утонув.

судили в Дар-эс-Саламе с Жоакимом Чиссано, состоялась их встреча и с Саморой Машелом¹⁴⁸.

Как и предусматривалось в соглашении, подписанном в Лусаке, Переходное правительство возглавил представитель ФРЕЛИМО – Жоаким Чиссано. Но еще до начала его работы часть белых поселенцев попыталась сорвать достигнутые договоренности, надеясь на поддержку родезийского режима. По словам ветерана антиколониальной борьбы Сержио Виейры, Урия Симанго, который поддержал этот мятеж, со своими сторонниками «поехал к Яну Смиуту, чтобы просить его вторгнуться в Мозамбик. Тот хотел этого, но ему нужен был зеленый свет от Форстера¹⁴⁹. Но Форстер отказался принять делегацию»¹⁵⁰. Премьер-министр ЮАР выступил с публичным заявлением, что хочет иметь хорошие отношения с Мозамбиком, не будет вмешиваться в его дела и хочет мира и стабильности в регионе. Мятеж белых расистов был быстро подавлен португальскими военными, верными революционному командованию в Лиссабоне, и бойцами ФРЕЛИМО.

В то время Форстер принимал участие в так называемой «разрядке» вместе с Каундой и открытое вмешательство ЮАР в Мозамбике «означало бы конец этой «разрядке». Более того, военные операции в Мозамбике привели бы к «конфронтации с Португалией, а португальское правительство тогда было очень популярно на Западе... Спинола все еще был главой государства»¹⁵¹.

Со своей стороны 18 сентября 1974 г., после создания Переходного правительства Чиссано заявил, что ФРЕЛИМО не хочет начинать новую войну и что не претендует на роль реформатора политики ЮАР. «Это дело народа Южной Африки»¹⁵².

Наша встреча с Чиссано и другими друзьями из ФРЕЛИМО в их новом качестве состоялась в Лоуренсу-Маркише, когда в последний день апреля 1975 г. туда прибыла делегация Комитета солидарности во главе с министром иностранных дел Казахстана Маликом Сабировичем Фазыловым¹⁵³. В ее состав входили А. Ю. Урнов (непосредственно занимав-

¹⁴⁸ Ibid.

¹⁴⁹ Балтазар Йоханнес Форстер был в 1966–1978 гг. премьер-министром, а в 1978–1979 гг. – президентом Южной Африки.

¹⁵⁰ Письмо С. Виейры автору. 29.7.2007.

¹⁵¹ Ibid.

¹⁵² Цит. по: *Janke P. Southern Africa: End of Empire. Conflict Studies. London. № 52, December 1974. P. 116.*

¹⁵³ М.С. Фазылов впоследствии долгое время был послом СССР в Мали, а затем в Марокко.

шийся в то время в Международном отделе связями с Мозамбиком П.Н. Евсюков в те дни был в Луанде), Эльмара Теодоровна Гаевая из Комитета советских женщин, Александр Петрович Смирнов¹⁵⁴ из Института общественных наук и я.

Добирались мы до мозамбикской столицы через Аден и Дар-эс-Салам сначала самолетом Аэрофлота, затем «Эйр-Индии» и, наконец, «Ист Африкен Эйруэйс». И если при первой пересадке в Адене проблема была только в длительной задержке самолета из Индии, то затем мы столкнулись неожиданно с трудностью. Все, казалось бы, было предусмотрено, от представителей ФРЕЛИМО в Дар-эс-Саламе мы получили подтверждение, что Переходное правительство Мозамбика готово принять нашу делегацию. Состоялась и полезная беседа с исполнительным секретарем Комитета освобождения ОАЕ Хашимом Мбитой, который в 1972 г. сменил на этом посту Магомбе. Он, в частности, отметил, что в Мозамбике «народ ожидает чудес после 25 июня, после провозглашения независимости», в то время как страна сталкивается с серьезными экономическими трудностями¹⁵⁵.

30 апреля делегация вылетела в Лоренсу-Маркиш (или «Эл Эм», как тогда неофициально называли столицу Мозамбика) самолетом, который совершал посадку в Блантайре, в Малави. Транзитным пассажирам предложили пройти в здание аэропорта, но в зале ожидания лейтенант-малавиец в форме то ли полиции, то ли иммиграционной службы заявил членам нашей делегации, что дальнейший полет нам запрещен, поскольку мы прибыли в его страну без визы. Учитывая, что он прекратил проверку паспортов пассажиров, когда увидел наши, вполне можно предположить, что власти Малави заранее знали о нашем прилете, и он должен был нас «выявить».

Рейс был задержан на несколько часов, малавийцы заявляли, что мы будем депортированы в Танзанию ближайшим рейсом в Дар-эс-Салам, и наш багаж был уже снят с самолета. Фактически помог им при этом белый представитель авиакомпании, который обвинил нас в нарушении Варшавской конвенции по воздушным перевозкам, принятой еще в 1929 г.

Советского посольства в Малави не было, но к счастью, помощь нам оказал капитан самолета, кажется, норвежец, который отказался продолжать рейс без нас и даже, как нам сказали, позвонил министру иностранных дел Малави. После возвращения пассажиров на борт самолета

¹⁵⁴ Вскоре А.П. Смирнов вошел в состав нашего посольства в Мозамбике, а позднее стал послом России в Португалии.

¹⁵⁵ Беседа с Х. Мбитой. Дар-эс-Салам, 29.04.1975.

он извинился перед ними за задержку «из-за иммиграционных проблем». Вернули в самолет и наш багаж, который включал несколько ящиков имущества для ФРЕЛИМО, но по прибытии на место назначения выяснилось, что одна из кинокамер отсутствует.

После неприятного сюрприза в Блантайре совсем другой прием ждал нас в Лоренсо-Маркише. На аэродроме, украшенным лозунгами, нас встречал Арманду Пангуене, член ЦК ФРЕЛИМО. Хотя тогда он был назначен губернатором провинции Нампула, такой выбор объяснялся, очевидно, тем, что ранее он представлял это движение в Каире. Сразу же состоялся митинг с участием прибывших для встречи делегации активистов ФРЕЛИМО.

Когда 1 мая, на утро после прибытия, я включил в номере местное радио (а разместили нас «по высшему разряду» в гостинице «Полана», знаменитой особенно среди туристов из ЮАР), то услышал Интернационал, причем исполнявшийся на русском языке. Не знаю, как именно эта запись попала на радиостанцию в Мозамбике, но она ясно показывала тогдашнее политическое лицо партии, становившейся правящей в этой стране.

Несомненно, события в Мозамбике были ударом по позиции ЮАР, и в Претории, очевидно, особенно опасались развитие отношений независимой страны с Москвой. Примечательно, что одной из главных новостей южноафриканского радио 1 мая, наряду с «захватом коммунистами Сайгона», было прибытие в Лоуренсу-Маркиш «высокой советской делегации».

В тот день я присутствовал на первомайском митинге на одном из заводов вместе с Луишем Бернардо Хонваной, выдающимся мозамбикским писателем и интеллектуалом, который в то время был секретарем премьер-министра Переходного правительства. Он сам сел за руль «Фольксвагена», положив «Калашников» рядом с собой. Замечу, что мозамбикские друзья, предложив нам порознь поехать на несколько митингов, одновременно попросили нас ограничиться провозглашением лозунгов, а с речами выступить позднее – в ранее освобожденных ФРЕЛИМО районах.

Руководство ФРЕЛИМО, особенно два будущих президента Мозамбика Жоахим Чиссано и Арманду Гебуза, тогда министр внутренних дел и Национальный политический комиссар фронта, тепло приняло нашу делегацию. Наша встреча с Чиссано состоялась на следующий день после приезда в мозамбикскую столицу. Он подробно рассказал о положении в стране в переходный период и выразил удовлетворение первыми практическими шагами по двустороннему сотрудничеству, в частности приезду в Мозамбик незадолго до нас группы экономистов из ГКЭС.

Чиссано подчеркнул, что хотя «высшей формой отношений между СССР и Мозамбиком становятся межпартийные связи», контакты по другим направлениям, в том числе между общественными организациями, не теряют своего значения¹⁵⁶.

А с Гебузой беседа произошла двумя днями позднее, когда мы в одном самолете летели из столицы в г. Нампулу, а затем – в его офисе по возвращению из поездки. Он обратился с просьбой к СКССАА, «который столько лет помогал ФРЕЛИМО», «найти новые формы оказания помощи». В частности, руководство ФРЕЛИМО высказало пожелание, чтобы и в СССР, и в Мозамбике была организована подготовка кадров, и при этом особое внимание было уделено решению социальных вопросов, прежде всего, здравоохранению¹⁵⁷. Мы со своей стороны имели возможность информировать руководство ФРЕЛИМО о предоставлении по линии СКССАА в 1975 г. 20 стипендий для обучения в советских вузах.

Нам была организована поездка по пяти провинциям с посещением 11 городов и более 30 выступлений на различных митингах и встречах. К сожалению, нам не удалось побывать на одной из баз ФРЕЛИМО в освобожденном районе в провинции Ньяса – пилот-португалец небольшого самолета, зафрахтованного ФРЕЛИМО, сделал несколько заходов, но все же не решился на посадку. Хотя он сделал заходы на посадку на три поляны возле этой базы, потом он шепнул Саше Смирнову, что приземляться не будет – «взлетно-посадочные полосы», если их можно было назвать таковыми, были слишком короткими и неровными.

В различных районах страны мы встречали мозамбикцев, который обучались в СССР. Большинство из них проходили «спецподготовку»: от Флориану Умберту, комиссара ФРЕЛИМО в дистрикте Муруппа¹⁵⁸ до Чиссано и Гебузы, которые просили передать приветы не только советскому руководству, но и особенно «товарищу Педру», то есть Евсюкову. А один из командиров, участвовавший в митинге, спросил, знаем ли мы «капитана Александра», который обучал его в Танзании¹⁵⁹.

Вернуться в Дар-эс-Салам мы должны были по тому же маршруту, и мозамбикцы приняли соответствующие меры. «Не беспокойтесь о Блантайре», – сказал Гебуза нам на прощание. И действительно, на этот раз

¹⁵⁶ Беседа с Ж.Чиссано, Лоуренсу-Маркиш, 1.05.1975.

¹⁵⁷ Беседа с А. Гебузой, Лоуренсу-Маркеш – Нампула, 3.05.1975 и Лоуренсу-Маркеш, 7.05.1975.

¹⁵⁸ Беседа с Ф. Умберту. Муруппа, 4.05.1975.

¹⁵⁹ То, что ФРЕЛИМО добились от танзанийцев согласия на обучение там у советских военных специалистов, рассматривалось его руководством как достижение дипломатии этого движения, другим НОД это не позволялось.

транзитным пассажирам было предложено оставаться на борту, а тот самый лейтенант, который патался задержать нас, теперь, проходя между рядами кресел в самолете, сделал вид, что мы ему не знакомы.

История эта неожиданно получила продолжение более 40 лет спустя. Однажды, возвращаясь из Йоханнесбурга бизнес-классом (так бывало иногда, когда я приглашался государственными организациями африканских стран), я разговорился с соседним пассажиром, который оказался не кем иным, как министром внутренних дел Малави. Хотя власть в этой стране уже давно переменялась, министр был все же смущен, когда я рассказал ему об этом инциденте, и пообещал мне, что в следующий раз виза мне будет выдана немедленно в аэропорту. Правда, до сих пор необходимости в этом не возникло, да и правительство в Малави уже снова сменилось.

Мы вернулись из Мозамбика в приподнятом настроении. Основная часть страны не пострадала от войны, поскольку боевые действия велись преимущественно в отдаленных северных провинциях. Те, кого мы встречали, были нацелены на созидательный труд в спокойной мирной обстановке. Например, если раньше хижины строились под деревьями, чтобы укрыться от португальской авиации, то теперь мы с борта самолета видели, что они переносятся на открытые места, воронки от бомб засыпаются, а заросли вырубаются для создания новых площадей для различных культур, в том числе ранее не известных местному населению (на грядках на столбиках были пакетики из-под семян с их названиями). А в порту Метангула, на побережье озера Ньяса, противоположного малавийского берега которого не было видно, красили судно, оставшееся от португальцев.

Победа национально-освободительного движения в Мозамбике открыла и новые перспективы для НОД в соседних странах. «Еще три года борьбы в Зимбабве и десять в Южной Африке», – сказал я тогда своим товарищам. Я ошибся в сроках, но не так уж сильно: Зимбабве стало независимым через пять лет, а в ЮАР потребовалось пятнадцать лет для снятия запрета АНК, начала переговоров с правительством об устранении режима апартеида и еще почти четыре года для создания демократического правительства. Но никто не мог предположить, что через несколько лет Мозамбик чуть ли не погрузится в хаос из-за действий так называемого Мозамбикского национального сопротивления (РЕНАМО), созданного в 1976 г. родезийскими спецслужбами, а затем «усыновленного» Преторией.

Довольно оптимистичной была оценка ситуации и в письменном отчете делегации, и в устном на встрече в Международном отделе ЦК с участием Р.А. Ульяновского и П.И. Манчхи. Наши предложения были

поддержаны, включая оказание практической помощи за счет средств Советского фонда мира – от пишущих машинок до железных кроватей для школ-интернатов.

Через несколько недель в столице Мозамбика было установлено постоянное советское присутствие – в конце мая 1975 г. в Лоренсу-Маркише там была создана наша миссия связи. Ее руководитель Аркадий Петрович Глухов с 1968 г. по 1973 г. был советником в посольстве СССР в Танзании, ответственным за межпартийные связи. В этом качестве он поддерживал постоянные контакты с руководством ФРЕЛИМО¹⁶⁰. А через несколько месяцев, после провозглашения 25 июня 1975 г. независимости Мозамбика эта миссия была преобразована в посольство во главе с Петром Никитовичем Евсюковым.

Глава 19. Достижение независимости Зимбабве

Когда достижение независимости португальских колоний в Африке становилось реальностью, здравомыслящим людям, в том числе на Западе стало ясно, что рано или поздно (многим там хотелось, чтобы как можно позднее) уйдут и другие колониальные и расистские режимы на Юге Африки. Возник, однако вопрос: кто первым и когда? Долгое время у меня на полке книжного шкафа находилась обложка журнала «Тайм» с портретом Сэма Нуйомы и надписью: «Namibia next?» Но следующей освободившейся все же оказалась не эта страна, а Зимбабве.

В этот период правительство ЮАР начало использовать термин «разрядка» в своих усилиях по улучшению отношений с независимыми африканскими странами в ущерб освободительным движениям. Этот термин широко применялся для характеристики снижения напряженности между «Востоком» и «Западом», а Силундика, говоря об использовании его Преторией, дал удачное определение – «misapplication of the term» – неправильное употребление термина. Тем не менее, новая тактика Претории имела определенные последствия. Кеннет Каунда, надеясь на помощь Форстера в достижении политического урегулирования в Зимбабве, заявил о «голосе разума, которого ждали Африка и весь мир»¹⁶¹.

Представитель Каунды Марк Чона (брат упомянутого выше Майнзы Чоны занимался «челночной дипломатией» и получил прозвище «афри-

¹⁶⁰ Глухов А. М. Наши первые шаги в Мозамбике. Африка в воспоминаниях ветеранов дипломатической службы. 2 (5), М.: Институт Африки РАН, 2001. С. 114–115.

¹⁶¹ Chan S. Kaunda and Southern Африка. L.: British Academic Press, 1992. P. 72

канский Киссинджер») использовал интересный аргумент на встрече в Претории 4 ноября 1974 г., чтобы попытаться убедить представителей ЮАР и Родезии в необходимости скорейшего начала переговоров с освободительными движениями. Ссылаясь на подготовку к международной конференции ОСНАА по Зимбабве, планировавшейся в Могадишо, он выразил обеспокоенность тем, что «... русские могут убедить представителей ЗАПУ, в частности Силундику (который должен был председательствовать на конференции – *авт.*), продолжить насилие»¹⁶². То есть жупел «красной угрозы» в данном случае был использован не расистами ЮАР, а официальным лицом независимой африканской страны!

Претории удалось привести Яна Смита к столу переговоров, руководители ЗАПУ и ЗАНУ в декабре 1974 г. были освобождены из заключения, хотя первоначально на временной основе. Вспоминается, как ярко Силундика в очередной свой приезд в Москву описал удивление и радость его и своих товарищей, когда замбийцы привезли их в Лусаке в дом, где они встретились с Джошуа Нкомо после десятилетней разлуки.

Лидеры четырех организации: ЗАПУ, ЗАНУ, ФРОЛИЗИ и Африканского национального совета, который действовал внутри Зимбабве как легальная организация, подписали в Лусаке 7 декабря 1974 г. соглашение о единстве в форме АНС во главе с епископом Абелем Музоревой. Но такое единство было достигнуто лишь на бумаге. В действительности разногласия остались, и в сентябре 1975 г. на съезде АНС Музорева заменил Джошуа Нкомо, и мы начали шутить о «ANC-ANC Alliance» по аналогии с «союзом АНК-ЗАПУ» почти десятью годами ранее.

Неудача действий ЮАР в Анголе сказалась практически на всех аспектах ситуации в регионе Юга Африки. Было бы преувеличением полагать, что южноафриканская армия потерпела там военное поражение, но целей своих она не добились. Впрочем, оставные генералы Претории позднее, на конференциях, в которых мне приходилось участвовать, не раз сетовали, что (якобы) и четкой задачи перед ними не ставилось, просто приказывали наступать вглубь Анголы. Но факт остается фактом, что миф о непобедимости Южноафриканских сил обороны, как официально назывались вооруженные силы ЮАР, был опровергнут.

Эти события, в частности, повысили авторитет Советского Союза в регионе. Неудивительно, что после неудачной попытки достичь соглашения с Яном Смитом Джошуа Нкомо покинул Зимбабве и 26 мая 1976 г. приехал в Советский Союз. С Нкомо, которого сопровождали

¹⁶² Rho. Document 1, Meeting in Pretoria, 4 November 1974, between Zambian, Rhodesian and South African representatives, Conference on Southern Africa in the Cold War, post-1974, 30–31 January 2009, MSA Campus, Ruimsig, Johannesburg.

Джейсон Мойо и два человека из внутреннего руководства – Амон Джирира, казначей, и Клемент Мучачи, секретарь по иностранным делам – сразу после встречи в аэропорту Шереметьево у меня каким-то образом установились хорошие отношения. Нкомо нуждался как в политической, так и в практической поддержке после провала попытки политического урегулирования, тем более что попытки Вашингтона и Лондона навязать его за счет освободительного движения Зимбабве не прекращались.

Мы разместили Нкомо и его делегацию в гостинице «Советская», а не в партийной «Октябрьской». Это было неслучайно, поскольку тогда ЦК КПСС приглашал представителей ЗАПУ только на юбилеи, съезды и на отдых, все принципиальные вопросы решались при участии, а нередко и по инициативе Международного отдела, но повседневные контакты поддерживались в основном по линии Комитета солидарности.

Первоначально Нкомо считался «умеренным» как на Востоке, так и на Западе. В записке Комитета солидарности в ЦК накануне его первого визита в Москву в 1962 г. о нем говорилось так: «Нкомо характеризуется некоторой усталостью, неверием в победу, неким чувством собственного достоинства, определенной неприязнью к европейцам. Он с подозрением и недоверием относится к странам социалистического лагеря и не намерен принимать участие в вооруженной борьбе»¹⁶³.

А годом ранее Нкомо, в отличие от предполагаемых «прокоммунистов», был отмечен «чистым свидетельством здоровья» в отчете ЦРУ о проходившей в Каире в марте 1961 г. Конференции народов Африки¹⁶⁴.

Однако жизнь заставила его изменить свои взгляды. Выступая на Международной конференции по Югу Африки в Лиссабоне в 1977 г., он горько пошутил: «Я начал разговаривать с империалистами, когда мои волосы были темными и красивыми. Теперь они седые и увядшие. Я вел переговоры в течение последних 30 лет и, в конце концов, попал в тюрьму из-за этих переговоров»¹⁶⁵.

Нкомо пришлось совмещать свою политическую и дипломатическую деятельность с ролью главнокомандующего Народно-революционной армии Зимбабве (ЗИПРА), и несколько раз мне доводилось сопровождать делегации ЗАПУ в Министерство обороны, в свое «родное» 10-е Главное управление Генштаба Вооруженных Сил СССР, где

¹⁶³ ГА РФ, ф. 9540гс, оп. 2с, д.36, л. 104.

¹⁶⁴ *Madsen W.* The Manufacturing of a President: The CIA's Insertion of Barak J. Obama, Jr into the White House, 2012, P. 7. <https://realagenda.wordpress.com/tag/obama-cia-connections/>

¹⁶⁵ Выступление Джошуа Нкомо, сопредседателя Патриотического фронта.

некоторыми участниками дискуссий были мои бывшие сослуживцы, но уже в других, более высоких званиях.

Мне очень нравился лидер ЗАПУ. Это был веселый человек, с хорошим чувством юмора и довольно скромный для деятеля такого политического статуса. К тому же у нас было одно общее: мы оба были немалой комплекции, некоторые друзья из Зимбабве даже называли меня «русский Джошуа». Однажды, когда он обсуждал военные поставки с генерал-полковником Г.П. Скориковым, сменившим Н.П. Дагаева на посту начальника «Десятки», он внезапно попросил, чтобы один экземпляр из обмундирования, которое должны были поставлять из Советского Союза, был особо крупных размеров. Естественно, эта просьба была удовлетворена, и вскоре фотографии Нкомо в военной форме появились в публикациях его партии, хотя это вызвало иронические улыбки у его оппонентов.

Накануне Женевской конференции по политическому урегулированию в Зимбабве, состоявшейся в октябре – декабре 1976 года, Нкомо и новый лидер ЗАНУ Роберт Мугабе¹⁶⁶ объявили о создании совместного Патриотического фронта ЗАПУ и ЗАНУ. Как и другие шаги к единству, его приветствовали в Москве. Я был рад прочитать в письме Силундики ко мне почти год спустя: «На фронте ЗАПУ-ЗАНУ был достигнут некоторый прогресс – по крайней мере на бумаге – в отношении более тесных связей на основе единства – как армейских, так и политических. На этой неделе прорабатываются программа и идеология». В то же время его беспокоило «влияние Дальнего Востока [то есть Пекина – *авт.*]» на ЗАНУ¹⁶⁷.

Международное положение ЗАПУ значительно улучшилось с укреплением его связей с Анголой, где к власти пришли их старые друзья из МПЛА, и она стала основным каналом снабжения ЗИПРА из Советского Союза. Кроме того, в начале 1977 г. Нкомо поднял вопрос о помощи в обучении своих бойцов не только в СССР (он запросил обучение 200 активистов, в том числе 20 пилотов, не считая 20 человек для «партийной безопасности»), но и в Африке путем направления группы советских военных специалистов в Анголу¹⁶⁸.

¹⁶⁶ Роберт Мугабе был избран лидером ЗАНУ вместо Ндабанинге Ситоле своими сокамерниками – членами руководства этой партии. После освобождения из заключения он перебрался в Мозамбик, где в 1977 г. был избран президентом ЗАНУ. В 1980–1987 гг. Мугабе был премьер-министром, а в 1987–2017 г. – президентом Республики Зимбабве.

¹⁶⁷ Т.Г. Силундика – В. Шубину, 19.9.1977.

¹⁶⁸ Российский государственный архив новейшей истории, ф. 89, оп. 27, д. 34, л. 7, 8.

К тому времени власти Анголы поспособствовали открытию учебного лагеря ЗИПРА в 18 км от г. Луэны (бывшая Ви́ла-Лузу) на востоке Анголы при содействии кубинских военных¹⁶⁹. Группа из 12 советских офицеров во главе с подполковником Владимиром Пениным присоединилась к ним в июле 1977 года¹⁷⁰. В июле 1978 г. первая группа была заменена другой во главе с подполковником Вячеславом Зверевым, который ранее был командиром учебного батальона в Туркестанском военном округе в Средней Азии¹⁷¹.

Один из ее членов, Владимир Феликсович Лебедев, тогда капитан, вспоминает, что перед вылетом в Анголу на беседе в «Десятке» им разъяснили, что их задача – «оказать содействие кубинским военным специалистам в обучении патриотов Зимбабве (ЗАПУ) в учебном центре»¹⁷². Вторая группа состояла из 14 человек, специалистов по стрелковому оружию, тактической подготовке, использованию безоткатных орудий, инженерному делу, топографии, огневому оборудованию и переводчиков¹⁷³. Помимо этого, небольшая группа советских военных вместе с кубинцами проводила подготовку в Луэне с июля по ноябрь 1979 г. десяти экипажей танков Т-34 и 25 человек – на бронетранспортеры советского производства (БРДМ и БТР-152)¹⁷⁴.

Программа обучения была разработана первой группой инструкторов совместно с кубинцами. Действия советских офицеров, организация и проведение учебы, а также все вопросы управления координировались с командиром лагеря ЗИПРА Беном Мативазой (ныне бригадный генерал Национальной армии Зимбабве в отставке). Джошуа Нкомо посетил лагерь и остался полностью доволен подготовкой. Каждые два месяца до двух тысяч членов ЗАПУ приезжали в этот лагерь из Замбии¹⁷⁵. Кубинцы обеспечивали и все потребности лагеря и проводили занятия по разным предметам, в то время как советские офицеры проводили инструктаж, осуществляли контроль за учениями, оказывали помощь в про-

¹⁶⁹ Gleijeses P. *Visions of Freedom*. Havana, Washington, Pretoria, and the Struggle for Southern Africa 1976–1991. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2013. P. 86-87.

¹⁷⁰ А. Буренко – В. Шубину, 13.12.2006. В состав этой группы входил капитан Анатолий Буренко, в будущем генерал-майор, доктор наук и профессор.

¹⁷¹ В. Лебедев – В. Шубину, 9.11.2015 и 14.11.2015. Ныне он подполковник в отставке.

¹⁷² В. Лебедев В. Шубину, 9.11.2015.

¹⁷³ Ibid.

¹⁷⁴ В. Лебедев – В. Шубину, 14.11.2015.

¹⁷⁵ А. Буренко – В. Шубину, 13.12.2006.

ведении учений и стрельб¹⁷⁶. Советские ветераны тепло отзываются о своих кубинских соратниках, которые с ними разделяли все невзгоды¹⁷⁷. Благоприятным к бойцам ЗИПРА и обучающим их специалистам было и отношение местных ангольских властей¹⁷⁸.

Однако этот лагерь понес тяжелые потери, когда 26 февраля 1979 г. в 8.10 утра четыре бомбардировщика «Канберра» ВВС Родезии и три ВВС Южной Африки, ранее поставленных Лондоном, провели бомбежку лагеря; 192 бойца ЗАПУ и шесть кубинских инструкторов погибли, несколько сот человек были ранены¹⁷⁹. «Я никогда не забуду, – вспоминает В.Ф. Лебедев, – когда [прапорщик Григорий Иванович] Скакун был серьезно ранен, единственный кубинский хирург в больнице сказал, что сделает ему операцию первым, хотя было много раненых кубинцев»¹⁸⁰. К сожалению, через несколько дней он скончался. ПВО лагеря, оснащенного 12,7-мм пулеметами ДшК и 14,5-мм ЗГУ-1, оказалась неадекватной, и только после этого авианалета там появились переносные ЗРК «Стрела»¹⁸¹.

Спустя несколько месяцев бойцы ЗИПРА были переправлены поездом в провинцию Маланже. Новый лагерь был основан в 25 км от ее центра г. Маланже. Советские офицеры и кубинцы прибыли туда в конце декабря 1979 г. Для всего личного состава были оборудованы землянки, инструкторы помогли выбрать место для стрельбища и приступили к его оборудованию. Обучение было продолжено¹⁸², но ситуация в Зимбабве стала быстро меняться, и весной (то есть осенью в южном полушарии) 1980 г. бойцы ЗИПРА были переправлены в Лусаку, а некоторые советские офицеры переведены на работу в лагерь АНК, тоже в Маланже, но в другой, где Лебедев стал их старшим.

Не менее важной была миссия трех советских военных специалистов в Лусаке в качестве советников руководства ЗАПУ, которые прибыли туда 13 июля 1978 г. Хотя официально они были приписаны к Министерству обороны Замбии, как вспоминал В.Г. Солодовников, который

¹⁷⁶ В. Лебедев – В. Шубину, 9.11.2015.

¹⁷⁷ А. Буренко – В. Шубину, 13.12.2006.

¹⁷⁸ В. Лебедев – В. Шубину, 9.11.2015 г.

¹⁷⁹ Рукописная заметка В.Г. Солодовникова на справке «Атаки родезийских войск на объекты ЗИПРА в Замбии», составленной полковником Л.Д. Кононовым. По словам Пьеро Глейджесеса, общее число погибших составило 207.

¹⁸⁰ В. Лебедев – В. Шубину, 7.01.2016.

¹⁸¹ В. Лебедев – В. Шубину, 9.01.2016. В. Лебедев – В. Шубину, 9.01.2016.

¹⁸² В. Лебедев – В. Шубину, 14.01.2016.

тогда был послом в Замбии, «они ни разу не появились там»¹⁸³. Об этой группе и ее влиянии на планы наступления ЗИПРА через реку Замбези существуют противоречивые истории. Я хорошо знал руководителя группы, полковника Льва Дорофеевича Кононова, который позже служил в Эфиопии, и поддерживал с ним связи после его выхода на пенсию. Мы обещали друг другу встретиться и поговорить подробно об истории нашего сотрудничества с ЗАПУ, но однажды В.Г. Солодовников сообщил мне печальную новость: «Льва больше нет».

В письме в ЦК КПСС Джошуа Нкомо выразил признательность за работу этой группы, хотя позже его публичные заявления по непонятной причине были прямо противоположными. В своих мемуарах он писал: «... никогда не возникало и речи об отправке боевых частей или даже советников из Советского Союза или какой-либо другой страны, чтобы помочь нам в нашей войне»¹⁸⁴, и утверждал, что единственными иностранными военными были несколько ганских инструкторов в лагерях в Танзании и два кубинских офицера безопасности¹⁸⁵.

Джошуа Нкомо, как правило, пытался встретиться со своими кадрами в Советском Союзе, будь то гражданские или военные. В начале марта 1977 г. я сопровождал делегацию ЗАПУ во главе с Нкомо в Крым для встречи с кадрами ЗИПРА, проходившими обучение в Перевальном, и снова убедился, насколько популярен Нкомо был среди членов его партии и как он гордился своими бойцами и приобретенными ими навыками.

Мощь ЗИПРА росла, несмотря на участвовавшие бомбардировки и рейды против ее лагерей в Замбии и Ботсване. Благодаря качеству и количеству оружия, полученного из СССР, и высокому уровню подготовки, армия ЗАПУ могла противостоять вооруженным силам расистского режима, большинство личного состава в которых, кстати, были африканцами. Интенсивная подготовка кадров ЗИПРА как в Африке, так и в Советском Союзе (а также в ГДР, Кубе и некоторых других социалистических странах) сделала их умелыми и стойкими бойцами. Правда, вооружение нередко было не самым современным, но зачастую оно превосходило имевшееся в Родезии, и, хотя большая часть тяжелого вооружения советского производства, включая танки Т-34, поставленные ЗИПРА, не использовалась в военных действиях, я убеж-

¹⁸³ Беседа с В. Солодовниковым, 17.1.2003; В. Солодовников. Холодная война на юге Африки: 1976–1981, Информационный бюллетень Института Африки РАН, 4 (1998). С. 2.

¹⁸⁴ J. Nkomo. The Story of My Life. L.: Methuen, 1984. P. 175.

¹⁸⁵ Ibid.

ден, что само его присутствие и угроза наступления с территории Зимбабви через реку Замбези подталкивали правителей Солсбери к переговорам. Профессор Нгваби Бхебе, видный зимбабвийский историк, справедливо отмечал, что «огромная армия ЗАПУ с современным военным оборудованием в соседней Зимбабви превратилась в гигантскую «гильотину», готовую упасть на шею родезийскому режиму с разрушительными последствиями»¹⁸⁶.

При всей важности советской помощи в военной сфере было бы неправильно сводить отношения между Москвой и ЗАПУ только к ней. Я вспоминаю, что, когда наша делегация оставалась в Лусаке на несколько дней в 1978 году по пути в Ботсвану, более десятка зимбабвийцев приехали в отель, чтобы обсудить с нами различные аспекты двустороннего сотрудничества. По официальным данным, за четыре десятилетия 599 зимбабвийцев получили в СССР дипломы о высшем образовании и 17 – кандидатов наук. Они учились в Университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы и в других вузах в разных городах Советского Союза. Кадры ЗАПУ обладали качествами, необходимыми для обучения, в большей степени, чем некоторые из их коллег из других освободительных движений. Во-первых, они хорошо владели английским и не нуждались в двойном переводе. Во-вторых, зимбабвийцы, как правило, были дисциплинированными. В частности, их студенческий союз в СССР, был, пожалуй, лучше организован и более активен, чем другие, особенно когда его возглавлял Чинга Дубе, бывший ранее видным командиром ЗИПРА¹⁸⁷.

Я встретил группу советских выпускников в Хараре в декабре 1989 г. во время съезда, который завершил процесс объединения ПФ ЗАПУ и ЗАНУ-ПФ (на практике, поглощение первого вторым). Возле дома одного из них была вечеринка, и вдруг я услышал фразу на русском: «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция [метро] – улица 1905 г.». «Почему эти слова?» – спросил я Чингу. «Вы забыли, что мое общежитие было рядом с этой станцией? Студенты приходили туда».

Помимо политической поддержки, поставок товаров гражданского назначения, обеспечения авиабилетов на международные конференции

¹⁸⁶ *Bhebe N.*, Aspects of the Liberation Struggle in Zimbabwe, paper presented in Moscow at a conference to celebrate the 10th anniversary of Zimbabwe's independence, p. 44 (архив автора).

¹⁸⁷ Чинга Дубе недавно издал мемуары под названием «Quite Flows the Zambezi», аллюзия с английским переводом «Тихого Дона» – «Quite Flows the Don» очевидна.

и различных видов обучения, сотрудничество с ЗАПУ включало в себя помощь высококвалифицированных советских юристов и дипломатов его делегациям на переговорах в Женеве, упомянутых выше. и на печально известной конференции в Ланкастер-хаус с сентября по декабрь 1979 г.

Москва в принципе поддерживала политическое урегулирование, достигнутое в Ланкастер-хаусе, хотя считала, что делегация Патриотического фронта пошла на слишком большие уступки, в частности, когда она согласилась с формулой, согласно которой 20 из 100 мест в парламенте предоставлялись белым. Кроме того, в течение десяти лет право собственности на землю практически не могло быть изменено, а обещания Великобритании (и США) финансировать покупку земли для переселения африканцев не подтверждались никакими письменными документами.

Итоги всеобщих выборов в Зимбабве в феврале 1980 г. были для нас неоднозначными. С одной стороны, марионеточные партии были разгромлены, но ЗАПУ¹⁸⁸ получил намного меньше голосов, чем ожидалось, и всего лишь 20 мест в парламенте. Более того, Москве пришлось заплатить высокую цену за постоянную поддержку партии Нкомо и отсутствие официальных контактов с ЗАНУ. Хотя правительство Роберта Мугабе быстро установило дипломатические отношения с бывшими сторонниками режима Яна Смита, соглашение об установлении таких отношений с Советским Союзом было достигнуто только в феврале 1981 года, через десять месяцев после обретения Зимбабве независимости, и при довольно исключительных, даже унижительных для нас условиях: Москва должна была согласиться прекратить все контакты с ЗАПУ, хотя в то время представители этой партии входили в правительство!¹⁸⁹

Глава 20. Эфиопия: к социализму и обратно

Но вернемся к развитию событий в середине 1970-х г. В 1974 году апрельская «революция гвоздик» в Португалии, падение режима «черных полковников» в Греции в августе, признание независимости Гвинеи-Бисау в сентябре, в 1975 – позорное бегство сотрудников разных

¹⁸⁸ Официально к тому времени партии назывались ПФ ЗАПУ и ЗАНУ-ПФ.

¹⁸⁹ О всех перипетиях, предшествовавших соглашению, см.: *В.Г. Солодовников*. К истории установления дипломатических отношений между СССР и Зимбабве». Воспоминаний ветеранов дипломатической службы, М.: XXI век – Согласие, 2000. С. 134–74.

служб на вертолете из посольства США в Сайгоне 30 апреля, провозглашение независимости Мозамбика 25 июня, а Анголы – 11 ноября, подписание в Хельсинки 1 августа Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, который, хоть и носил противоречивый характер, предусматривал нерушимость границ европейских государств, в том числе и ГДР, все это рассматривалась тогда (и справедливо) как успех прогрессивных сил мира.

Радикальные перемены происходили в эти годы и в Эфиопии, при этом «руку Москвы» в них никак нельзя было обнаружить. Влияние наше на события в этой стране если и было, то сугубо косвенное. Никто из военных, пришедших к власти, не учился в СССР, напротив, будущий их лидер Менгисту Хайле Мариам прошел курсы в США. Правда, в советских вузах обучалось немало эфиопских студентов, в частности в Московской ветеринарной академии, но они нередко были настроены оппозиционно не только к старому монархическому режиму, но и новому, военному. В этом я убедился, когда вместе с Владимиром Ивановичем Шарасвым, одним их немногочисленных у нас специалистов по Эфиопии, уже после смены власти в Аддис-Абебе встретился с группой студентов, включая руководителей землячества.

А сложность ситуации в Эфиопии показывает хотя бы такой факт. Когда члены нового руководящего органа этой страны – Временного высшего административного совета – ВВАС¹⁹⁰ стали группами приезжать на краткосрочные курсы в Институт общественных наук, точнее, в его филиал, Шарасву предложили преподавать там, и через несколько месяцев руководство ВВАС пригласило его в Аддис-Абебу. Но по прибытии на аэродроме его первоначально не хотели пропустить через границу – будучи гостем ВВАС, он все еще числился «персоной нон грата», каким был объявлен при императоре когда работал сотрудником Советской постоянной выставки (так в Эфиопии назывался наш культурный центр).

К сожалению, новые эфиопские власти столкнулись не только с проблемами на севере страны, в Эритрее, но и на востоке, где действовал сепаратистский Фронт освобождения Западного Сомали. Еще в 1960 г., после достижения независимости, правительство Сомалийской Республики заявило, что помимо вошедших в ее состав бывших итальянских территорий

¹⁹⁰ Первоначально в июне 1974 г. этот орган был создан как Координационный комитет вооруженных сил, полиции и территориальной армии, в сентябре преобразован во Временный высший административный совет («временным» он оставался до 1987 г., когда была принята новая конституция), но часто назывался своим первым именем – «Дерг» («Комитет»)

янского Сомали и Британского Сомалиленда, новое государства должно включать также Французское Сомали (ныне Джибути), восточную часть Эфиопии и северо-восток Кении, населенные этническими сомалийцами.

Это привело к напряженности между Сомали и ее соседями и к вооруженным стычкам на границе с Эфиопией в конце 1963–1964 гг., которые показали слабость сомалийских вооруженных сил и подтолкнули Могадिशо на широкое военное сотрудничество с Советским Союзом. Начались поставки советского вооружения и подготовка сомалийских военных как в этой стране, так и в СССР. (Как уже говорилось, это явилось и причиной полета автора в Сомали в 1966 г.)

Несомненно, подготовка значительного числа сомалийцев в Советском Союзе как в гражданских вузах, так и особенно военных в определенной степени способствовала радикализации их политических взглядов и тем самым, хотя, сугубо косвенно, перевороту 21 октября 1969 г. Новое руководство страны возглавил Сиад Барре, командующий сомалийской армией, получивший военное образование на Западе, в Италии. Впрочем, когда он учился в этой стране в 1950–1952 гг., там были сильны левые настроения. Так или иначе, это руководство Сомали провозгласило курс на социализм и активизировало связи с Москвой вплоть до подписания в июле 1974 г. Договора о дружбе и сотрудничестве.

Что касается Эфиопии, то у нашей страны с ней сохранялись традиционно хорошие отношения. Дипломатические отношения между двумя странами, установленные еще в 1898 г., были прерваны после революции в России, но в 1943 г. возобновлены. Император Хайле Селассие посетил несколько раз СССР, начиная с 1959 г. Но, с другой стороны, эфиопский батальон под американским командованием принимал участие в войне в Корее, а в 1953 г. было подписано соглашение с США по вопросам обороны. В стране было создано несколько американских военных объектов, в том числе коммуникационный центр Кагню недалеко от Асмэры, действовала группа американских военных советников.

О том, как медленно и трудно устанавливались контакты Москвы с новым руководством подробно говорится в книге тогдашнего советника нашего посольства С.Я. Сеницына¹⁹¹. Чего стоит только его рассказ о встрече с одним из членов «Дерга» «где-то в конце сентября» на принадлежавшей тому ферме в 150 км от столицы под предлогом охоты, когда они провели несколько часов в ночное время в палатке, обсуждая

¹⁹¹ *Сеницын С.Я.* Миссия в Эфиопию. М.: Институт Африки РАН и Совет ветеранов МИД, 2001.

ситуацию, «время от времени подбадривая себя виски, кофе и сигаретами»¹⁹².

Именно во время этой встречи было получено подтверждение, что основным лидером «Дерга» реально был Менгисту Хайле Мариам, а не его председатель генерал Аман Андом¹⁹³. Согласно Синицыну, «... где-то в конце 1974 – начале 1975 г. военные руководители Эфиопии стали выражать нескрываемый интерес к возможности получения всесторонней помощи и поддержки со стороны Советского Союза»¹⁹⁴. Однако на передававшуюся посольством в Москву информацию четкого положительного ответа не было, и посол А.П. Ратанов несколько раз возвращался из Москвы «с пустыми руками»¹⁹⁵.

У советского руководства, включая Ю.В. Андропова, тогда председателя КГБ, первоначально были серьезные сомнения в отношении развития ситуации в Эфиопии; учитывалось, что там, в том числе в вооруженных силах, на протяжении многих лет активно действовали американцы.

Не привела к реальным результатам и поездка в Аддис-Абебу в марте 1975 г. Г.П. Скорикова, тогда еще заместителя начальника 10-го Главного управления Генштаба. Только 14 декабря 1976 г., практически через два года после начала переговоров по этому вопросу, было подписано «базовое» соглашение о военном сотрудничестве¹⁹⁶ и потребовалось еще несколько месяцев, чтобы начать поставки.

Впервые с членами руководства ВВАС мне и моим товарищам по Комитету солидарности довелось встретиться, когда в Москву прибыла делегация ВВАС, а посольство Эфиопии, находившееся тогда совсем близко от СКССАА, на набережной Москва-реки, организовало прием в ее честь. Запомнился особенно внешний вид главы делегации, одетого в кожаную тужурку (правда, по покрою она отличалась от комиссарских кожанок времен русской революции).

Целью нового эфиопского руководства в контактах с Москвой было прежде всего стремление избавиться от зависимости от США в вопросе о военных поставках. Я почувствовал эту зависимость, когда (через десять лет после Могадишо) впервые посетил Аддис-Абебу, чтобы принять участие в Чрезвычайной конференции в поддержку на-

¹⁹² Ibid. С. 208.

¹⁹³ Ibid. С. 209.

¹⁹⁴ Ibid. С. 235.

¹⁹⁵ Ibid. С. 236.

¹⁹⁶ *Westad.O.A. The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times. Cambridge: Cambridge University Press. P. 263-270.*

рода Южной Африки, созданном по инициативе Организации солидарности народов Азии и Африки (ОСНАА) 30 октября – 1 ноября 1976 г.¹⁹⁷, после восстания в Соуэто. Многотысячные демонстрации и митинг в Аддис-Абебе отличались от других подобных событий в странах Азии и Африки, на которых я присутствовал ранее, тем, что эфиопские солдаты были вооружены не автоматами Калашникова, а американскими винтовками.

В условиях усиливавшейся напряженности в отношениях Эфиопии с соседним Сомали для нас было важно, конечно, мнение полковника, Героя Советского Союза Василия Марковича Покидько, советского военного атташе, с которым мы встретились в Аддис-Абебе. Он напомнил нам, что ни один эфиоп не был взят в плен во время Корейской войны, и что сомалийцы потерпели поражение в предыдущем ограниченном конфликте¹⁹⁸, хотя задним числом стало понятно, что он переоценил стойкость и боевой дух эфиопской армии.

Договоренность о расширении двустороннего сотрудничества, особенно военного, была достигнута в ходе официального визита в Москву Менгисту 4–8 мая 1977 г. Он планировался еще ранее, в феврале, но был отложен после новой смены руководства «Дерга»: 3 февраля 1977 г. Тефери Банти был обвинен в тайном «контрреволюционном заговоре» и расстрелян, а Менгисту официально стал председателем этого высшего органа страны¹⁹⁹.

Вскоре после этих событий отношения Аддис-Абебы с Вашингтоном окончательно испортилась. Правительство Эфиопии объявило 23 апреля о закрытии консульства США в Асмэре, офисов Информационной службы США (ЮСИС) и всех американских военных объектов. Но еще немного ранее президент Джимми Картер приказал осуществить упреждающий вывод всех американских военнослужащих из Эфиопии.

Причины задержки советских военных поставок в Эфиопию были, без сомнения, связаны и с отношениями Москвы с Могадишо. Москва сделала все возможное для сохранения дружеских отношений с Сомали, тем более потому, что к этому времени, помимо идеологической близости (по крайней мере, на бумаге), был создан Пункт материально-техни-

¹⁹⁷ Там я впервые встретился с Нкосазаной Дламини, студенткой-медиком, только что приехавшей из ЮАР, будущей, а теперь уже бывшей женой Джекоба Зумы. А вновь в Аддис-Абебе я встретился с ней 37 лет спустя, когда был приглашен ею, тогда председателем Комиссии Африканского Союза на празднование 50-летия АС.

¹⁹⁸ Беседа с В.М. Покидько, 2.11.1976.

¹⁹⁹ *Синицын*. *Op. cit.* С. 247.

ческого обеспечения ВМФ в порту Бербера, а наши самолеты могли использовать сомалийские аэродромы.

Немалые усилия были приложены Москвой для снижения напряженности между Эфиопией и Сомали. В тот период поступили тревожные сообщения о действиях на эфиопской территории так называемого Фронта освобождения Западного Сомали (ФОЗС), пользовавшегося поддержкой Могадишо вплоть до участия в них офицеров регулярной сомалийской армии. В январе 1977 г. Л.И. Брежнев направил личное послание Сиаду Барре с призывом пересмотреть отношение к Эфиопии и воздержаться от обострения конфликта²⁰⁰.

В тот же период усилия по преодолению конфликта на Африканском Роге прилагало руководство Кубы. В марте 1977 г. Фидель Кастро посетил Могадишо и Аддис-Абебу и убедил Менгисту и Сиада Баре приехать в Аден, где он надеялся добиться примирения между ними, но потерпел неудачу²⁰¹. Руководство Сомали старалось успокоить Москву. В начале июня СССР посетил вице-президент этой страны, выпускник Академии им. М.В. Фрунзе Мохаммед Али Самантар, и обещал не совершать агрессию против Эфиопии²⁰². Всего лишь за несколько недель до вторжения сомалийских войск на эфиопскую территорию он заверял, что «ни один сомалийский солдат не пересечет границу его страны»²⁰³.

Однако не будет преувеличением сказать, что в то же время Вашингтон поощрял вмешательство Могадишо в Эфиопии. Президент Джимми Картер лично принял посла Сомали и вручил ему подготовленный разведкой том со снимками, сделанными спутниками на Африканском Роге. Встреча эта означала готовность поддержать Сомали, хотя тайно и через посредников²⁰⁴.

23 июля, через несколько дней после массивного вторжения сомалийских войск Госсекретарь США Сайрус Вэнс сказал своему китайскому коллеге Хуан Хуа: «Французы, британцы и немцы... договорились, что мы поставляем различные виды оборудования сомалийцам» и выра-

²⁰⁰ Ibid. С. 271.

²⁰¹ Ibid. С. 255. Неоднократно сообщалось, что Кастро безуспешно предлагал создать федерацию Эфиопии, Сомали и Южного Йемена, но в опубликованной записи его беседы с лидером ГДР Эриком Хоннекером о поездке по странам Африки об этом ничего не сказано. <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/111844>

²⁰² Westad A. The Global Cold War: third world interventions and the making of our times, Cambridge ; New York :Cambridge University Press. 2007. P. 275.

²⁰³ Сипицын. Оp. cit. С. 263.

²⁰⁴ Westad. Оp. cit. P. 261.

зил убеждение США, что сомалийцы достигнут своих военных целей²⁰⁵. Это необязательно означало, что Вашингтон действительно хотел распада Эфиопии; скорее, он надеялся, что военные успехи сомалийцев приведут к смене режима в Аддис-Абебе.

Позиция Москвы была все еще довольно осторожной. Даже когда сомалийское вторжение стало очевидным, никакой официальной открытой реакции не последовало. Первое заявление было сделано общественной организацией, Советским комитетом солидарности стран Азии и Африки. Мне совместно Евгением Константиновичем Денисовым, тогда ответственным за связи с Сомали и Эфиопией в Международном отделе ЦК КПСС было нелегко подготовить его, и, как мы слышали позднее, ни одна из враждующих сторон не была удовлетворена содержанием этого заявления.

Москва первоначально еще надеялась добиться урегулирования конфликта. На заседании Политбюро 4 августа 1977 г. А.П. Кириленко, председательствовавший на нем в отсутствие Брежнева, заявил, что у Советского Союза нет причины ссориться с одной или другой стороной конфликта, но его способность оказывать влияние ограничена²⁰⁶.

Руководство Кубы также проявляло определенную осторожность. Хотя военные специалисты из этой страны появились в Эфиопии еще в апреле 1977 г., о направлении боевых частей речь тогда не шла. 16 августа Кастро писал в телеграмме руководителю кубинской военной миссии: «Мы абсолютного не можем согласиться направить кубинские военные силы сражаться в Эфиопии. Вы должны убедить Менгисту в этой реальности...»²⁰⁷.

Автор не имеет намерения подробно анализировать весь ход военных действий, а ограничиться лишь описанием главных событий, связанных с ролью нашей страны. Пытаясь остановить советскую поддержку Эфиопии, Сиад Барре посетил Москву в начале сентября и встретился с несколькими советскими руководителями, но не с Брежневым. В то время он рассчитывал на успех его войск (Джиджига, стратегический город в Огадене, пал 1 сентября) и «не выразил конструктивного подхода к прекращению военных действий и проведения мирных переговоров с эфиопами»²⁰⁸.

Советская военная помощь Эфиопии расширялась, но изначально оставались негласной. Только 9 октября 1977 г. посол А.П. Ратанов пуб-

²⁰⁵ Ibid. P. 445.

²⁰⁶ Ibid. P. 275.

²⁰⁷ Цит. по: *Gleijeses*. Op. cit. P. 45.

²⁰⁸ *Синицын*. Op. cit. С. 269.

лично объявил, что Советский Союз прекратил военные поставки в Сомали и теперь предоставляет Эфиопии «оборонительное оружие для защиты ее революции»²⁰⁹. Его выступление неоднократно транслировалось по эфиопскому радио, и я имел возможность услышать это, когда прилетел в Аддис-Абебу несколько дней спустя вместе с А.С. Дзасоховым.

При встрече с послом у меня создалось впечатление, что свое заявление он сделал, не согласовывая с Москвой. Он говорил нам, что иногда приходится принимать трудные решения, вспоминая, как в начале 1973 г. после убийства Амилькара Кабрала, он, будучи послом в Гвинее, приказал советскому военному кораблю перехватить в море судно заговорщиков.

Мы прибыли в Аддис-Абебу, чтобы передать эфиопам гуманитарную помощь, направленную специальным рейсом Ан-12. Прежде всего наш приезд был политическим жестом, демонстрацией поддержки Эфиопии, но одновременно он дал возможность на месте ознакомиться с ситуацией.

Много было сказано о «красном терроре» в Эфиопии, публично запущенным Менгисту, когда он, стоя на трибуне, разбил бутылку с красными чернилами. Однако не следует забывать и о «белом терроре» (если использовать терминологию дней русской революции), да и об «ультра красном» терроре со стороны левацкой Эфиопской народно-революционной партии. Несколько человек, с которыми мы встретились в Эфиопии, были убиты буквально за одну–две недели после нашего возвращения в Москву. Среди них был Маконнен Джоте, выпускник советского вуза, который во время учебы возглавлял союз эфиопских студентов и тогда уже критически относился к порядкам при императоре. Во время поездки по столичной провинции Шоа, он, тогда ее главный администратор, рассказывал нам, как учился в Краснодаре на подготовительном факультете, а затем пять лет в Москве. Вместе с ним мы присутствовали на церемонии по случаю окончания курса подготовки народной милиции.

Из высших руководителей «Дерга» мы имели беседу с Легессе Асфая²¹⁰. Говорил он об открытой внешней агрессии со стороны не только

²⁰⁹ Westad. Op. cit. P. 276.

²¹⁰ Как и другие руководители тогдашней Эфиопии после падения режима он был приговорен к смертной казни на процессе, длившемся 12 лет, но после двух десятилетий тюремного заключения был освобожден, Умер в Аддис-Абебе в 2019 г. не успев закончить книгу о событиях того времени (Fortune, Addis Ababa, 2 February 2019).

Сомали, но и некоторых арабских стран, прежде всего Саудовской Аравии, о поддержке революции 90% населения, о том, что «новая демократическая Эфиопия должна стать примером для других стран Черной Африки». Подчеркивал он (и совершенно правильно), что эфиопская революция не была «привнесена извне, но совершилась по желанию народа на основе противоречий, существовавших в эфиопском обществе». Но не преминул он и выразить надежду, что «Советский Союз будет выполнять свой интернациональный долг».

По его рекомендации, мы встретились с руководителями «Союза (пяти) марксистско-ленинских организаций Эфиопии», выступавшими в поддержку ВВАС, который Легессе Асфату рассматривал как шаг к созданию единой партии. Но просуществовало это объединение недолго, военное руководство все более сосредотачивало власть как административную, так и политическую в своих руках.

Боевые действия в то время шли сравнительно далеко от столицы, в Огадене, но в Аддис-Абебе было тоже совсем неспокойно. С балкона в квартире корреспондента «Правды» Валентина Ивановича Коровикова было хорошо и видно, и слышно, как в разных районах столицы шла перестрелка. Запомнилось и то, каким в те дни был «джентльменский набор» иностранного дипломата в Эфиопии. Когда к нам в гостиницу вместе с известным польским журналистом Рышардом Капуцинским заехал посол этой страны Квирин Грела, хорошо знакомый нам ранее как руководитель Польского комитета солидарности со странами Азии и Африки, в его атташе-кейсе оказались бутылка «Выборовой», банка оливок и пистолет.

Широкомасштабные боевые действия показали, что Эфиопия не может дать отпор вторжению без массового содействия извне. Поддержка со стороны Москвы началась еще ранее, распоряжение правительства (как обычно, последовавшее сразу после постановления Политбюро ЦК) отправить советских военных советников и специалистов было принято 13 августа 1977 г. Их возглавил генерал-лейтенант Петр Васильевич Чаплыгин, заместитель командующего Воздушно-десантными войсками²¹¹.

Однако в условиях успешного наступления сомалийцев советское участие пришлось расширить. Планы этого обсуждены и одобрены во время секретного визита в Москву Менгисту 30–31 октября²¹². Последствиями его были и отправка в Эфиопию оперативной группы Министер-

²¹¹ Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века. М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000. С. 110.

²¹² Синицын. *Op. cit.* С. 270-271.

ства обороны СССР во главе с генералом армии (и будущим маршалом) Василием Ивановичем Петровым, тогда первым заместителем Главнокомандующего Сухопутными войсками, и содействии в переброске в Эфиопию кубинских боевых частей и специалистов.

В этой ситуации Сиад Баре демонстративно предпринял враждебные действия, заявив 13 ноября 1977 г. о расторжении Договора о дружбе с СССР и потребовав, чтобы все советские специалисты, как военные, так и гражданские срочно покинули Сомали. Для обеспечения безопасной эвакуации людей и (правда, далеко не полного) вывоза имущества Москве даже пришлось направить в Могадишо морской десант.

Уже после такого шага Барре, 27 ноября Фидель Кастро принял решение о направлении боевых частей в Эфиопию, причем на этот раз, в отличие от событий двумя годами ранее в Анголе, как выразился Кастро, «в Эфиопии наши действия координировались с самого начала с советскими»²¹³. В последующие три месяца 12 тыс. кубинских военнослужащих прибыло в Эфиопию²¹⁴, многие из них из Анголы – на советских самолетах.

Подробная история деятельности Петрова и его подчиненных в Эфиопии еще не написана. До настоящего времени, пожалуй, лучшим источником о них являются воспоминания генерал-майора Павла Агафоновича Голицына, в то время начальника одного из отделов Главного разведывательного управления Генштаба. Он пишет: «Особо хотелось сказать о воле, настойчивости и титаническом труде, проделанном руководителем нашей советской военной делегации. Он постоянно находился в самых горячих точках боя или операции, часто непосредственно в боевых порядках. Например, под Хараром кубинская бригада остановилась, ссылаясь на минные поля, руководитель сел в бронетранспортер и в обход предполагаемого минного поля повел за собой бригаду. Другой пример: при проведении операции по окружению сомалийцев под Дире-Дауа, руководитель лично повел ударную танковую и мотопехотную группировку эфиопских и кубинских войск в обход сомалийских войск»²¹⁵.

²¹³ Цит. по: *Glejjeses*. Op. cit. P. 45.

²¹⁴ *Ibid*. По данным Вестада, Куба направила в Эфиопию о 11 600 военных и свыше 6 000 советников и технических экспертов (*Westad*. Op. cit. P. 276).

²¹⁵ *Голицын П.* Записки начальника разведки. Главы 22 и 23. http://community.livejournal.com/mil_history/404034.html. Однако Голицын не упомянул имя руководителя группы, возможно, поскольку его воспоминания первоначально вышли как внутриведомственное издание, с грифом «для служебного пользования».

Приводит он и такой эпизод, произошедший 22 января 1978 г. при попытке сомалийских войск сорвать наступление их противников: «Подъезжая к фронту с капитаном Имамом, мы видим, как батальон эфиопцев бросает позицию в окопах и в панике отступает, вместе с батальоном отходит два танка. Капитан Имам, держа над головой автомат кричит: «С нами советский генерал, сюда идет подкрепление, вперед на сомалийцев!» Батальон начал останавливаться, танки пошли вперед, и батальон восстановил положение, которое он занимал до отхода»²¹⁶.

Только 10 февраля 1978 г., во время контрнаступления эфиопских и кубинских войск, Сиад Барре признал участие сомалийских регулярных войск в боевых действиях (хотя скрыть это было совершенно невозможно, например, еще во время пребывания в Аддис-Абебе в октябре мы видел на фотовыставке снимок сбитого сомалийского МиГа), а месяц спустя, они были официально выведены с эфиопской территории в Сомали.

Почему же Советский Союз предоставил решающую помощь Эфиопии, пойдя на практически неизбежный разрыв с Сомали? Оле Арне Вестад называет три причины: влияние со стороны находившихся там советских представителей, воздействие побед в Анголе (в 1975–1976) и тот факт, что язык и символы, использовавшиеся режимом в Эфиопии, соответствовали советской идеологии²¹⁷. По большому счету, с этими аргументами можно согласиться, но нужно добавить и другое: сочувствие жертвам агрессии и отвращение ко лжи и двуличию Сиада Барре.

Советское участие в войне остается спорным вопросом в России и спустя несколько десятилетий. Например, авторы книги о локальных конфликтах полагают, что СССР «потерял более стабильного союзника – Сомали» и стал «заложником Эфиопии, нищей и слабо развитой страны» и даже «сыграл в пользу Америки»²¹⁸.

С этими взглядами никак нельзя согласиться, так же как нельзя оценивать действия Москвы прежде всего в рамках «холодной войны». Такой подход умаляет важнейшую роль внутренних факторов и сил. Автор разделяет мнение, выраженное С.Я. Синицыным на последней странице его воспоминаний о работе в Эфиопии: «... старая африканская поговорка “Когда слоны дерутся, трава страдает”»²¹⁹ правильна лишь от-

²¹⁶ Ibid.

²¹⁷ Westad. Op. cit. P. 253.

²¹⁸ Россия (СССР) в локальных войнах. P. 116-117. Слова о «стабильной» Сомали особенно трагикомично звучат сейчас.

²¹⁹ Кстати, во времена Горбачева стали добавлять слова «И когда они занимаются любовью – тоже».

части. На самом деле «эта трава не просто жертва и арена противостояния между другими силами, она была активным участником событий, способным не только играть на противоречиях между ними, но и независимо выбирать своих друзей и врагов»²²⁰.

Весьма странным представляется и утверждение американского военного историка Тома Купера о том, что победа Эфиопии была достигнута благодаря превосходству «американской технологии и подготовки»²²¹. Важнейшие сражения проходили на суше, и сомалийские войска в первый период войны показали превосходство и в технике, и в подготовке, которые были отнюдь не американскими. Потребовались не только усилия самих эфиопов, но и тысяч кубинских офицеров и солдат и сотен советских специалистов, чтобы повернуть ход войны вспять²²².

Следующая моя поездка в Эфиопию состоялась годом позже, в сентябре 1978 г. для участия в состоявшейся там по инициативе Гаваны Международной конференции солидарности с африканскими и арабскими народами, которая была приурочена к четвертой годовщине свержения Хайле Селассие. Запомнилась она прежде всего тем, я впервые видел вблизи и «в деле» Фиделя Кастро, который, несомненно, был там «главным гостем».

В 1986 г. состоялась у меня еще одна поездка в Эфиопию, причем причина была практически та же, что и во время первой поездки – участие в международной конференции, проведенной ОСНАА в связи с новым обострением ситуации в Южной Африке, где власти ввели чрезвычайное положение. Многое было схожим, но бросалось в глаза отсутствие былого энтузиазма у самих жителей Аддис-Абебы. К тому времени страна устала от длившейся уже больше десятилетия и после крушения монархии войны в Эритрее, к которой «добавились» тягости, вызванные жесточайшей засухой.

А осенью 1989 г., когда снова довелось побывать в Эфиопии, на этот раз в составе советской партийной делегации, ситуация была еще более сложной, оппозиционные силы активизировались не только в Эритрее и Тиграе, но и в некоторых других районах. Один из советников нашего посольства спросил меня, как относиться теперь к словам

²²⁰ Синуцын. *Op. cit.* P. 304.

²²¹ Cooper T., *Wings Over Ogaden: The Ethiopia-Somali War 1978-79*, Solihull: Helion, 2015.

К 1977 г. в Советском Союзе прошли обучение 3066 военных из Сомали и 3911 человек был командированы туда по линии министерства обороны СССР. Розин А. Советское присутствие в Сомали, сотрудничество и разрыв. <http://alerozin.narod.ru/Somalia.htm>.

Горбачева, сказанным еще в 1985 г. о том, что Менгисту – наш главный союзник в Африке. Пришлось отшутиться, сказать, что я давно не видел Горбачева...

Падение режима Менгисту Хайле Мариама, как причины его, так и ход событий, не предмет для данной книги. Напомню лишь, что он бежал из страны 22 мая 1991 г. в Зимбабве, при этом не без «содействия» Вашингтона. Много позднее, когда руководство этой страны стали упрекать в предоставлении Менгисту убежища, оно открыто заявило, что сделало это по просьбе США, и американцы подтвердили это. Более того, один из наших дипломатов, работавший в те дни в посольстве в Аддис-Абебе, рассказывал, как там появился американец, кажется, первый секретарь и довольно нагло посоветовал заблаговременно эвакуировать хотя бы семью: «Мы полностью контролируем ситуацию», – хвастался он.

Конечно, события мая 1991 г. в Эфиопии требуют более тщательного изучения, глубокого анализа политики и практики сил, пришедших на смену режиму Менгисту. Напомним только, что, как теперь выражаются, «драйвер» этих сил – Фронт освобождения Тиграя занимал долгое время столь радикальные позиции, что его называли даже не «прокитайским», а «проалбанским»²²³, а идеологию его ядра – «Марксистско-ленинской лиги» даже называли «ходжаизмом» по имени лидера Албании. Но когда двадцать с лишним лет спустя я беседовал в Аддис-Абебе с одним из его «исторических лидеров», который тогда возглавлял Институт мира и развития, он говорил, что перед Эфиопией теперь стоит задача «строительства капитализма»...

Но как бы ни развивались события в Эфиопии в последующем, в первые годы после революции (а это была именно революция, а не просто военный переворот) для трудящихся, и в городе, и особенно в сельской местности было сделано немало, и первоначально они имели возможность влиять на ситуацию на местах через «кебеле» – квартальные низовые организации – и крестьянские ассоциации в деревнях, где земельная реформа проходила под лозунгом «Земля – тем, кто ее обрабатывает».

О диктаторском характере режима Менгисту Хайле Мариама написано немало. Сам он был заочно приговорен к пожизненному заключению, которое вскоре было заменено на смертную казнь, хотя обычно бывает наоборот. Но вот если оценивать не только репрессии, но и другие действия властей Эфиопии в тот период и сравнить их с действиями тех, кто пришел «Дергу» на смену, то вырисовывается довольно неожидан-

²²³ Кстати, такую же репутацию одно время имела и УНИТА.

ная картина. Начнем с того, в принятой в 1995 г. конституции Федеративной Демократической Республики Эфиопии в первой же статье используются понятия «национальности, народности, народы», то есть те самые, которые использовались в Советском Союзе, а затем в Эфиопии при Менгисту. При этом все эти категории имеют право на самоопределение вплоть до отделения. Конституция предусматривает разделение страны на девять штатов по этническому принципу и две особых территории – столица и другой крупный город Дыре-Дауа. При этом, как рассказывали мне позднее в Аддис-Абебе, в основу этого «передела» были положены результаты многолетнего изучения этнической карты Эфиопии при «Дерге».

Предыдущие власти подвергались, особенно на Западе, резкой критике за «насильственное» массовое переселение жителей из районов, подвергшихся в середине 1980-х г. жестокой засухи. Но когда через два десятилетия в страну снова пришла такая беда, новые власти запланировали еще более массовое переселение таких жителей.

Упомянутая выше конституция, казалось бы, содержит все демократические нормы. Но после выборов 2005 г., когда оппозиция неожиданно для многих одержала на парламентских выборах победу в столице и успешно выступила в других крупных городах, она подверглась жестким репрессиям, включая арест ряда избранных депутатов²²⁴.

Зато на следующих выборах в 2010 г. правивший тогда Революционно-демократический фронт народов Эфиопии (РДФНЭ) и союзные с ними организации получили все депутатские места за исключением двух²²⁵. Но этот «недостаток» был исправлен через пять лет, когда при формально «многопартийной системе» правящая партия и ее союзники полностью монополизировали парламент.

Вооруженную борьбу против режима Менгисту в союзе с эритрейцами вел в основном Народный фронт освобождения Тиграя (НФОТ), и его руководство затем практически контролировало власть в Эфиопии четверть века. Но в 2018 г. ставший премьер-министром Абий Ахмед, (отец его по происхождению из оромо, крупнейшего народа в Эфиопии, а мать – из амхара, народа второго по численности, но традиционно доминировавшего в этой стране) лишил многих из них ведущих постов в армии и силах безопасности. А когда 1 декабря 2019 г. РДФНЭ был распущен новым лидером страны и заменен единой Партией процветания,

²²⁴ https://www.cartercenter.org/resources/pdfs/news/peace_publications/election_reports/Ethiopia-2005-Finalrpt.pdf

²²⁵ Одно из них досталось независимому кандидату, выпускнику советского вуза.

НФОТ отказался в нее войти. Затем этим в сентябре 2020 г. в Тиграе были проведены сепаратные выборы вопреки запрету (выборы в Эфиопии были отложены из-за пандемии), а 3 ноября кризис вылился в военные столкновения. То есть через несколько десятилетий правительство в Аддис-Абебе столкнулось с тем же самым вооруженным сепаратизмом того же самого НФОТ.

Более того, хотя приход к власти нового премьера сопровождался шагами по реальной демократизации, включая освобождение из тюрем сотен оппозиционеров и возвращение политических эмигрантов, после возобновления вооруженного конфликта в Тиграе, противники Абиа стали обвинять его в использовании Партии процветания для централизации политической власти и даже характеризовать его правительство как «современную версию авторитаризма и колониальных моделей предыдущих эфиопских лидеров, Менелика II и Хайле Селассие»²²⁶.

Режим Менгисту резко критиковали за войну в Эритрее. Но через пять лет после официального признания независимости Эритреи, в 1998 г. началась новая кровопролитная война между недавними союзниками в борьбе против «Дерга». Через два года боевые действия удалось остановить, но враждебные отношения между двумя странами сохранялись еще почти два десятилетия. Только в июле 2018 г. была подписана Декларация о мире и дружбе, но реальное восстановление отношений в разных сферах идет довольно медленно. Более того, сам факт разделения нескольких народов, особенно тиграйцев, границей между двумя странами не мог не создать проблемы, и не только потенциальные. Незадолго до нового вооруженного конфликта в Тиграе руководство Эритреи уже стало обвинять власти штата в поощрении сепаратизма (или, точнее, ирредентизма) тиграйцев, живущих в их стране.

Но вернемся к концу 1970-х г. Кубинцы, оказавшие неоценимую помощь эфиопским властям в отражении сомалийской агрессии, отказались от участия в войне на севере страны. Москва заняла другую позицию, когда эритрейцы воспользовались ослаблением Аддис-Абебы во время войны в Огадене и развернули наступление против эфиопских войск. Дошло даже до того, что подразделение советской морской пехо-

²²⁶ *Asafa Jalata*. What lies behind the war in Tigray? https://theconversation.com/what-lies-behind-the-war-in-tigray-150147?utm_medium=email&utm_campaign=Latest%20from%20The%20Conversation%20for%20November%2019%2020%20-%201789717369&utm_content=Latest%20from%20The%20Conversation%20for%20November%2019%2020%20-%201789717369+CID_2467722005adb2552c2ad8b33fd58c93&utm_source=campaign_monitor_africa&utm_term=What%20lies%20behind%20the%20war%20in%20Tigray

ты участвовало в обороне порта Массауа (к счастью, ни одной потери морпехи там не понесли), а с кораблей якобы ввелся обстрел позиций эритрейцев. Слово «якобы» употреблено не случайно, даже рассказы очевидцев событий довольно противоречивы, одни утверждают, что наш эсминец в течение нескольких месяцев (!) обстреливал позиции эритрейцев в районе Массауа²²⁷, а другие – «с полной уверенностью» называют рассказы о таких обстрелах «мифом»²²⁸.

Можно только сожалеть, что совместный проект Института Африки РАН и Института военной истории Министерства обороны РФ, предусматривавший подготовку, во многом на основе архивных документов, трехтомного труда о военно-политическом сотрудничестве СССР/России со странами Африки, так и не был реализован, хотя наша инициатива получила поддержку тогдашнего начальника Генштаба. Не знаю, почему военные историки «замотали» это дело, им бы это было особенно полезно, поскольку мне пришлось передать новому руководству этого института 29 страниц критических замечаний на их предыдущий труд об участии наших вооруженных сил в локальных конфликтах²²⁹.

Что, однако, не вызывает сомнения, это факт захвата в плен эритрейцами трех советских офицеров в марте 1988 г. в одном из боев под Афабетом. В отличие от кубинцев наши советники и специалисты находились в эфиопских войсках и в Эритрее, и при разгроме командного пункта дивизии два специалиста Ю. Калистратов и Е. Чураев и переводчик А. Кувалдин попали в плен²³⁰.

В Москве, конечно, стремились получить данные о их судьбе, и при этом достоверная информация была получена из неожиданного источника – от Гленис Киннок, супруги тогдашнего лидера английских лейбористов Нейла Киннока, которая встретила с пленными при посещении контролировавшийся НФОЭ районов²³¹. Подтвердилось, что наши офицеры вели себя достойно, они отвергли предложение руководства

²²⁷ <http://bbratstvo41.ru/photo/116-bez-imeni.html>

²²⁸ <http://alerozin.narod.ru/RedSea/RedFirst.3.htm>

²²⁹ Россия (СССР) в локальных войнах.

²³⁰ Десять лет спустя мы в Аддис-Абебе на обеде у российского посла разговорились с его эритрейским коллегой, который сообщил, что он был первым, кто допрашивал наших офицеров.

²³¹ Гленис Киннок активно участвовала в благотворительной деятельности, в 1988 г. она опубликовала книгу «Eritrea – images of war and peace», а затем книги о Намибии и Зимбабве. Позднее она заняла в лейбористском правительстве пост министра по делам Африки (то есть одного из заместителей руководителя британского МИДа).

фронта заняться обучением его бойцов, но не стали возражать, чтобы переводчик обучал эритрейцев английскому языку.

Нередко советское руководство обвиняют в том, что оно не заботилось о людях, попавших в беду. Из одного издания (сайта) в другой переходит фраза: «Лишь в 1991 г. благодаря усилиям МИД СССР, вмешательству администрации США и руководства Судана они вернулись на родину»²³². Я совершенно не уверен, что «администрация США» предпринимала усилия по освобождению из плена советских офицеров²³³, а вот кто действительно сыграл реальную и важную роль, так это Московское радио, точнее его бывшие сотрудники, Международный отдел ЦК, и одна из структур Генерального штаба.

В то время советником посольства СССР в Алжире был Вячеслав Федорович Ширяев²³⁴, тот самый «товарищ Иван», который десятью годами ранее прибыл в Анголу в качестве первого руководителя группы советских военных специалистов при структурах АНК. В Алжире он поддерживал контакты с различными организациями, которых «привечало» руководство этой страны, прежде всего с выступавшим за независимость Западной Сахары Фронтом ПОЛИСАРИО, но также и с представительством НФОЭ.

Возглавлял его не кто иной, как выпускник Института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. Выходец из Эритреи, хорошо владеющий амхарским языком, государственным в Эфиопии, он подрабатывал диктором на Московском радио. А основным диктором там был Владимир Иванович Шараев, выпускник ИСАА, которого после революции в Эфиопии, как тогда выражались, «взяли на работу» в сектор Африки Международного отдела.

И контакты В.Я. Ширяева с эритрейцем стали одним из каналов, по которым Москва стремилась добиться освобождения наших офицеров²³⁵. Тот любил вспоминать не только учебу в Москве, но и своего коллегу по Московскому радио. Руководство Ширяева в Генштабе под-

²³² <http://8eskadra.ru/index.php/krasnoe-more/boevye-dejstviya-na-krasnom-more-1988-89-gg>

²³³ Безуспешно участвовал в попытках политического урегулирования в Эритрее и Фонд Картера, бывшего президента США.

²³⁴ В его документах имя и фамилия тогда были несколько «подредактированы», но он сам прислал о работе в Алжире в своих воспоминаниях (*Ширяев В.Ф.* Меня звали товарищ Иван. ВВКТИУ ВМФ. Воспоминания выпускников 1961 г. М., 2005). Вспоминается и то, как Альфред Нзо был приятно удивлен, встретив «товарища Ивана» в его новом качестве.

²³⁵ Каналы были задействованы разные, у меня, например, состоялась беседа с членами комитета Верховного Совета СССР – ветеранами, которые занимались вопросами освобождения наших граждан, прежде всего «афганцев».

держало его инициативу рассмотреть возможность поездки Шараева (почти его однофамильца) в Алжир, а руководство Международного отдела согласилось с этой идеей.

Вскоре дома у Вячеслава Федоровича между старыми друзьями состоялась теплая беседа, пожалуй, даже слишком теплая, Шараев потом рассказывал, как эритреец плакал у него на плече, друг его выпить любил, но не очень умел...

Но «лед тронулся», следующая встреча для обсуждения вопроса об освобождении наших офицеров состоялась в Афинах, с участием уже и представителя МИДа, а затем Международный отдел отошел в сторону, и когда результат был достигнут, все лавры достались «Смоленской площади». Впрочем, как бывало не раз, к «паблисити» сотрудники отдела не стремились, а руководство ее отнюдь не поощряло.

После освобождения из плена наши офицеры были переправлены в Судан, а затем вылетели на Родину. Сопровождавший их из Хартума сотрудник МИДа рассказывал, как они спрашивали, дадут ли им хотя бы встретиться с семьями... Но встреча в Москве была совсем не такой какой они опасались. Министр обороны маршал Дмитрий Язов не только принял их, но сообщил им о присвоении более высоких званий, и даже вручил соответствующие им погоны.

Еще летом 1989 г. советские военные советники были выведены из состава эфиопских частей. Москва официально заявила, что с этого момента участие во внутренних конфликтах не входит в сферу деятельности советских советников и специалистов. Но и в более ранний период Москва прилагала усилия к разрешению проблем стран Африканского Рога мирным путем.

В годы правления Хайле Селассие у советских организаций были некоторые контакты с эритрейскими, в основном через их представительства в арабских странах. Десятки эритрейцев обучались в советских вузов или как граждане Эфиопии, или как имеющие паспорта арабских государств.

Мы имели долгий разговор с представителями Фронта освобождения Эритре в доме корреспондента ТАСС в Адене в 1976 г, когда там проходило одно из заседаний ОСНАА. После ухода гостей хозяин дома показал нам письмо от эритрейца, нашего выпускника: «Завтра я улечу на родину через Красное море. Нас могут потопить американские или эфиопские эсминцы, и я хочу сказать спасибо Советскому Союзу...»

Предпринимала Москва и попытки политического урегулирования эритрейской проблемы. Дважды в Москву приглашались представители Фронта освобождения Эритреи²³⁶. В первых переговорах, в июне

²³⁶ Об этих переговорах подробно рассказано в книге С.Я. Сеницына.

1978 г., когда его делегацию возглавлял лидер ФОЭ А. Насер, мне довелось участвовать, поскольку официально эритрейцы были гостями Советского комитета солидарности. Запомнилось, что они сетовали не только (а, может быть, и не столько) на действия властей Аддис-Абебы, сколько на стремление их соперников от отколовшегося от ФОЭ Народного фронта освобождения Эритреи силой установить свою гегемонию.

И еще поездка с гостями на Красную площадь. Поскольку их визит в Москву был «закрытым», появиться они там не могли, но очень хотели. И тогда мы остановили машины почти на углу нынешней Ильинки (а тогда улицы Куйбышева), чтобы эритрейцы смогли хотя бы взглянуть на площадь и мавзолей Ленина. «Надеемся, что в следующий раз мы сможем посетить Мавзолей», – говорили нам они, но судьба их организации была незавидной, НФОЭ военным путем разгромил ее, и после достижения независимости Эритреи бывших ее членов мне доводилось встречать уже как эмигрантов в странах Запада.

И еще об одной встрече с эритрейцем в те годы. После установления связей с Москвой, руководство ВВАС направило немало своих членов на политическую учебу в филиал Института общественных наук, находившийся в Нагорном, недалеко от г. Пушкино. Среди них были и эритрейцы, один из которых на обратном пути при пересадке в Хартуме остался там и примкнул к противникам Аддис-Абебы. Виделся я с ним вместе с Е.К. Денисовым сугубо неофициально, за кофе возле тогдашней гостиницы «Россия», и беседа эта помогла мне понять, насколько «политически грамотными» были военные, взявшие в свои руки власть после начала эфиопской революции.

По его словам, вскоре после создания «Дерга» во время его заседания в одной из казарм на доске было написано три слова: «Капитализм. Социализм. Коммунизм», и было проведено голосование по выбору дальнейшего пути для страны. Первое место занял социализм, второе – коммунизм и третье – капитализм. Вскоре после этого страна была названа Социалистическая Эфиопия, и лишь несколько лет спустя название было изменено на более «умеренное» – Народная Демократическая Республика Эфиопия.

Глава 21. Солидарность на Западе

Но вернемся вновь к Югу Африки. Середина 1970-х г. для нас в Комитете солидарности была временем активного установления и развития связей с организациями на Западе, выступавшими в поддержку борцов за освобождение Юга Африки. И если ранее внимание таких организаций было сосредоточено, прежде всего, на португальских колониях,

то теперь проявился (или скорее возродился) большой интерес и другим странам Юга Африки.

В этих условиях возрасла роль британского Движения против апартеида (ААМ), особенно после того, как в 1975 г. его исполнительным секретарем был избран Майк Терри, а председателем в следующем году стал депутат парламента Роберт (или тогда просто Боб) Хьюз, позднее лорд Хьюз. Оба они с молодости были активистами, и для обоих Юг Африки не был чужим.

Хьюз, родившийся в Шотландии, еще подростком переехал в Южную Африку, семь лет прожил там, работая по завершению учебы чертежником. А по возвращению в Великобританию, стал активистом и одним из руководителей молодежной организации Лейбористской партии. С 1970 г. он в течении 27 лет был депутатом парламента, а затем – членом палаты лордов. Несомненно, его «продвижению» в верхнюю палату парламента способствовала его деятельность на посту председателя ААМ. А руководство ЮАР наградило его Орденом сподвижников О.Р. Тамбо.

Хьюз показал себя принципиальным политиком, он пожертвовал своим местом в правительстве, когда премьер-министр Джеймс Каллаган занял неприемлемые позиции по социальным вопросам. При этом он стал одним из немногих, кто выполнил угрозу уйти в отставку.

Наши беседы в основном ограничивались африканской тематикой, но однажды он сказал мне: «Есть различие между социал-демократами и социалистами. Я – социалист». Действительно, «Молодые социалисты» – такое название носила организация лейбористской молодежи, которой он руководил в начале своей политической деятельности.

А Майк Терри после окончания в 1966 г. средней школы до поступления в университет работал школьным учителем в Родезии. Уже на родине он стал президентом студенческой организации в Бирмингемском университете, а затем секретарем Национального союза студентов, известным его левыми взглядами. В 2001 г. Терри был произведен в ОВЕ, то есть в «офицеры Британской Империи» именно за вклад в Движение против апартеида. С долей юмора он рассказывал потом мне, что всю жизнь боролся против империализма, а потом получил орден Империи, да еще из рук королевы в Букингемском дворце.

Этот тандем почти за два десятилетия совместной работы добился того, что Движение против апартеида стало «гораздо большим, чем организация протеста, потому что она играла ключевую роль в развитии международной политики по Югу Африки». Успех ААМ был обеспечен не только высоким качеством его руководства, но и не в меньшей степени его принципиальной позицией по проблемам Юга Африки. Во-пер-

вых, оно рассматривало себя как движение солидарности, поддерживающее освободительные организации, которые руководят борьбой. Вторых, стремилось создать в Великобритании массовую базу поддержки этих организаций, исходя из того, что при всей важности лоббирования и представлений перед правительством, они не могут заменить массовые кампании. И в-третьих, движение твердо стояло на своих политических позициях, выступая за всесторонние санкции против режима апартеида и его полную изоляцию, поддерживало право освободительных движений использовать все формы борьбы, включая вооруженную, хотя отнюдь не всегда такая политика была популярной в Англии, многие выступали за «более мягкий» подход, который «был бы более приемлем в принимавших решения кругах на Западе»²³⁷.

В заключительный период борьбы против режима число индивидуальных членов движения выросло в восемь раз за пять лет и достигло 20 тыс. Полторы тысячи различных организаций были с ним аффилированы²³⁸, а в проводимых им демонстрациях принимало участие до 250 тысяч человек.

Первым реальным шагом по установлению постоянных дружественных отношений между Комитетом солидарности и этим движением была поездка в Лондон в ноябре 1975 г. В.Г. Солодовникова и автора для участия в ежегодном общем собрании ААМ, за которым последовал визит в Р. Хьюза и М. Терри в СССР. А в 1978 г. на таком же собрании вместе со мной побывал Мирза Аждарович Ибрагимов, который стал председателем СКССАА после кончины Мирзо Турсун-заде. Вспоминается, как сопровождавшая его супруга удивлялась свободной атмосфере на конференции: «А у нас в Баку двери запирают, чтобы участники собраний не разбежались».

А когда я бродил по улицам Лондона, в глаза часто бросалась надпись на стенах на персидском: «Мерг бер шах» – «Смерть шаху», которая как бы предвещала его бегство из Ирана в январе следующего года, и смерть в июле 1980 г. в эмиграции.

Весной 1979 года я собирался вновь поехать в Лондон, на встречу представителей ряда движений против апартеида, комитетов солидарности и НОД, на которой планировалось обсудить предложение о создании комитета по продолжению действий, намеченных на состоявшейся в 1977 году в Лиссабоне Всемирной конференции против расизма, коло-

²³⁷ Reddy E. Op. cit.

²³⁸ <https://www.independent.co.uk/news/obituaries/mike-terry-campaigner-who-led-the-anti-apartheid-movement-for-two-decades-1059367.html>

ниализма и апартеида на Юге Африки. Мне пришлось принять участие в работе по её подготовке вместе с Джо (Джосаей) Джеле, будущим первым представителем демократической Южной Африки в ООН и другим Джо (Джозефом) – Нхланхлой, будущим министром разведывательных служб. Мы оказывали помощь португальским организаторам конференции, но запомнилась мне не только, а, может быть, и не столько наша интенсивная работа, сколько «походы» с Джеле на обед и ужин по рабочим столовым с клеенками на столах, стаканами, домашним вином и простой, но вкуснейшей пищей.

Однако совершенно неожиданно для меня выдача британской визы затянулась, а звонки от лондонских организаторов становились все более тревожными. Начались они с фразы «Они приняли решение принять решение сегодня», но затем последовала более странная: «Один из вас (мы должны были ехать вдвоем) неприемлем, они не готовы раскрыть, кто неприемлем, но хотели бы знать, если один приемлем, то поедет он, или нет?». Я ответил, что, если визу мне дадут одному, то я не поеду. На следующий день новый звонок: «Дело передано лично министру внутренних дел» и, наконец, «Министр внутренних дел лично отказал Вам в визе. Никакой причины не указано».

Что было причиной отказа в визе, я не знаю, скорее всего британские власти просто не хотели иметь никакой международной антиапартеидной структуры в своей стране. Но если это так, то их усилия были напрасны: Международный комитет по Югу Африки (ИКСА) все же был там создан с участием НОД и неплохо поработал в годы, предшествовавшие устранению расистских режимов в Намибии и Южной Африке.

А что касается меня, то я считал (и писал об этом), что единственное «преступление», которое я совершил во время предыдущего визита в Англию, было то, что я бродил по Лондону с Азизом Пахадом, будущим (в течение 14 лет!) заместителем министра иностранных дел ЮАР. Но как сам Азиз объяснил мне много лет спустя, я был неправ, было еще одно «преступление»: когда мы зашли в паб, я по русскому обычаю к пиву достал вяленую воблу, не зная, что это – табу для подобных заведений.

Добавлю лишь, что, когда власть в Лондоне вновь обрели консерваторы, ни у меня, ни у других сотрудников СКССАА проблем с визами не стало.

Глава 22. Вновь в Кабуле

В 1978 г. в системе подготовки, как тогда выражались, руководящих кадров в СССР произошли серьезные перемены. Высшая партийная

школа была объединена с Академией общественных наук (обе они были «при ЦК КПСС»), а набор слушателей в АОН стал проходить двумя потоками – на двухлетний курс и аспирантуру – на три года. При этом был повышен до 40 лет предельный возраст поступающих и одновременно возросли требования к ним в том, что касалось их должностного уровня.

Новые правила давали мне возможность продолжить образование. Хотя я не раз к тому времени брался за диссертацию по различным темам (например, еще во время воинской службы я начал работать над темой «Печать Афганистана»), сочетать научные исследования с практической работой, причем довольно напряженной, было крайне сложно. Но Александр Сергеевич Дзасохов, не возражая в принципе против моего поступления в аспирантуру, пообещал «отпустить» меня только через год. И когда я принес ему заявление год спустя, он дал свое согласие.

Учебный год начинался, как обычно, 1 сентября, и я спокойно ожидал его, уже «очистив» от многолетних завалов бумаг свой стол и сейф в СКССАА. Но спокойствие мое было неожиданно нарушено, когда мне предложили выехать 14 августа 1979 г. на две недели в Кабул, где должна была состояться Международная конференция солидарности с народом Афганистана, причем не только для участия в ней, а по просьбе афганцев заблаговременно, для оказания содействия ее подготовке. Основным организатором конференции был Всемирный совет мира, а с нашей стороны соответственно Советский комитет мира, но выбор пал на меня, поскольку, как я узнал, до меня пятеро или шестеро кандидатов на поездку уклонились от нее.

Запомнилась мне и фраза, сказанная мне перед отъездом в Кабул сотрудником Международного отдела, занимавшийся Афганистаном, когда он узнал, что я учил пушту: «Пуштунь» – на вес золота», имея в виду, конечно, не афганцев, а советских людей, знавших этот язык. И действительно, нехватка таких людей сильно мешала и правильно оценить ситуацию в Афганистане, и успешно проводить там свою политику.²³⁹

Ситуация в Афганистане к тому времени была уже далеко не мирной. Страна перестала быть монархией, когда в июле 1973 г. молодые офицеры совершили переворот, передав власть Мухаммеду Дауду, двоюродному брату короля, который стал президентом. Многие из этих офицеров были членами Народно-демократической партии Афганистана. Созданная в 1965 г., она вскоре раскололась на две фракции – «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя»), по названиям издававшихся ими газет. Лидер НДПА Нур Мухаммед Тараки возглавил «Хальк», а во

²³⁹ Впрочем, подобная ситуация еще раньше сложилась в Сомали со знанием основного языка этой страны.

главе «Парчама» встал Бабрак Кармаль. Позднее им удалось объединиться, но как показали дальнейшие события, во многом формально.

А 27 апреля 1978 г. в Афганистане произошел переворот, в определенной степени спровоцированный самим Даудом, по указанию которого были арестованы основные руководители НДПА, в том числе Тараки и Кармаль, и в отличие от событий 1973 г. этот переворот бескровным уже никак нельзя было назвать. Через несколько дней было открыто заявлено, что «революцию» возглавила эта партия и ее генеральный секретарь Тараки 30 апреля стал председателем Революционного совета (то есть главой государства) и премьер-министром Афганистана, а Кармаль – его заместителем.

Однако буквально через три месяца после прихода к власти НДПА Бабрак Кармаль, считавшийся после «саурской революции»²⁴⁰ вторым лицом в Афганистане после Тараки, был отправлен послом в Чехословакию, а затем его и его сторонников обвинили в заговоре. Вторым лицом стал Хафизулла Амин, занимавший пост министра иностранных дел, а затем премьер-министра.

В данной книге нет места анализу всех перипетий внутренней политики провозглашенной тогда Демократической Республики Афганистан и противоречий в руководстве правившей там НДПА. Скажем только, что они нанесли, пожалуй, не меньший вред, чем ее открытые противники.

В Кабуле в глаза бросалось то, что в советском политическом лексиконе называлось «забеганием вперед». Флагом страны стал красный со словом «Хальк» в его углу, и то же слово в обрамлении из колосьев и звезда были на гербе. А прибывавших на кабульский аэродром встречали (опять же на красных полотнищах) надписи на пушту и русском (!) – «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». Сказалось очевидно то, что «Хальк» по этническому составу был преимущественно пуштунским, а его лидер Тараки – видным пуштунским писателем, автором книги «Нывай жванд» – «Новая жизнь», содержавшей упрощенное и «афганизированное» изложение основ марксизма.

Послом СССР в Афганистане тогда был Александр Михайлович Пузанов, в прошлом крупный государственный деятель, занимавший несколько лет пост руководителя правительства РСФСР, а советником-посланником – Василий Степанович Сафрончук, которого я помнил еще как преподавателя и заместителя декана в МГИМО. Прибыл он в Кабул еще в 1973 г., но после прихода в власти НДПА его роль изменилась,

²⁴⁰ Саурская революция получила такое название по названию месяца в мусульманском календаре, когда она произошла.

фактически он стал советником министра иностранных дел, а этот пост до июля 1979 г. занимал Амин.

Именно с Сафрончуком я контактировался по вопросам подготовки конференции, к тому же с афганской стороны ее подготовкой руководил первый заместитель главы МИД Асадулла Амин²⁴¹, племянник Хафи-зуллы. Встретил я в Кабуле и более близкого знакомого, упомянутого выше Бахадыра Абдуразакова, который в ранге советника посольства ведал межпартийными связями.

Содействие афганскому подготовительному комитету, у членов которого опыта было маловато, мы оказывали вместе с секретарем ВСМ от Индии Читой Бисвасом. Жили мы в расположенной на холме гостинице «Кабул». Место это было тихим, но и там особая ситуация в стране была заметна – лишь 10% ее номеров было занято. Занятный случай произошел, еще до приезда нашей делегации и основной части зарубежных участников конференции. Утром в моем номере раздался звонок: сотрудник советского посольства поинтересовался, где я был в предыдущий день. Ответил, что в МИДе и еще нескольких местах. Судя по тону, собеседник забеспокоился: «А вчера нельзя было никуда выезжать. Ожидалась попытка переворота». К сожалению, такие опасения были небезосновательны, за пару недель до моего прибытия был подавлен мятеж, казалось бы, надежной воинской части – парашютно-го батальона.

В то же время обстановка в Кабуле явно отличалась от того, что я видел в конце 1960-х г. Чувствовался подъем, особенно среди молодежи. 600 новых школ, миллион человек на курсах ликвидации неграмотности... Запомнился концерт в одном из парков, перед началом которого ведущий говорил на пушту (хотя в Кабуле более распространен язык дари) о политике, и я еще мог это понять: «Пы Афганистан ки ды муслимано ав гайр муслимано тыр мындз джарга ништа» – «В Афганистане между мусульманами и не мусульманами войны нет».

Советскую делегацию на конференции возглавлял академик Евгений Константинович Фёдоров, председатель Советского комитета защиты мира, который для моего поколения был прежде всего «папанинцем», одним из четверых участников первой советской арктической экспедиции. Среди членов делегации был Роман Тимофеевич Ахрамович, преподававший нам историю Афганистана в МГИМО, а теперь директор Института стран Азии и Африки при МГУ, сотрудник Советского коми-

²⁴¹ После прихода его дяди к высшей власти в стране он стал руководителем службы безопасности, но после очередной смены власти арестован и приговорен к смертной казни.

тета защиты мира и будущий многолетний помощник Е.М. Примакова Роберт Ваганович Маркарян²⁴² и двое мусульманских священнослужителей, Усманджан Рахиджанов, имам мечети из Бухары, и заместитель главы шиитов Закавказья Алашукюр Пашазаде, талыш из Азербайджана. Он запомнился мне особенно тем, что даже с некоторым удивлением, но искренне был благодарен главе делегации за отношение к нему, тогда еще молодому человеку (ему 26 августа как раз исполнилось 30 лет) как к равноправному ее члену²⁴³.

Афганские лидеры встретились с зарубежными участниками конференции, и мне запомнилось мягкое «восточное» рукопожатие Тараки и крепкое Амина. И еще ответ Амина на вопрос то ли итальянца, то ли француза, как можно устанавливать в Афганистане диктатуру пролетариата, если его там почти нет: «Его роль играют наша армия и органы безопасности».

На встрече с делегацией Пузанов рассказал о сложном положении в стране, об участии в военных действиях на стороне «душманов» (то есть «врагов») пакистанских военных, в то время как, по его словам, присутствие советских военных ограничивалось советниками в афганской армии и экипажами транспортных самолетов²⁴⁴.

Встретил я вновь, но на этот раз случайно, во дворе посольства и генерала армии Павловского, который теперь помогал афганцам противодействовать не только местным «контрреволюционерам», но и террористам, засылаемым из Пакистана.

Какая-то информация о противоречиях, на этот раз в руководстве «Хальк», «просачивалась»; в посольстве сомневались, что Тараки стоит уезжать из Кабула на конференцию Движения неприсоединения в Гавану, но он все же участвовал в ней, а на обратном пути в Москве встретился с Брежневым. Но у меня в мыслях не было, что вскоре произойдут столь трагические события – перестрелка 14 сентября 1979 г. в резиденции Тараки, его снятие со всех постов, арест, а затем убийство в тюрьме.

²⁴² А затем посол в Сирии, где я был рад встретиться с ним в 2002 г.

²⁴³ Уже на следующий год он был избран шейх-уль-исламом, председателем Духовного управления мусульман Закавказья, а в 1992 г. стал главой мусульман-шиитов всего Кавказа.

²⁴⁴ Много позднее я узнал, что это было не совсем так. На аэродром Баграм недалеко от Кабула под видом авиатехнических специалистов был незадолго до этого переброшен батальон наших десантников, но задача его была ограниченная: при необходимости обеспечить эвакуацию советских граждан.

Дальнейшая история Афганистана, конечно, не тема этой книги. Вы скажу лишь свое мнение о целесообразности ввода советских войск; главная ошибка была не в самом вводе, тем более после неоднократных просьб афганского руководства, а в осуществлении своими же руками смены власти в Кабуле 27 декабря, при этом даже без ведома посла, которым тогда уже был Фикрят Ахметжанович Табеев, член ЦК. И другая ошибка – это совершенно безнадежная попытка в течение нескольких лет скрыть факт массового участия наших войск в вооруженных действиях. Подобная «закрытость» бывала и ранее, но при действиях совсем в других масштабах.

Фото 1. Прием по окончании работы группы советских военных специалистов. Второй слева в 1-м ряду – полковник В.А. Тимохин, третий – бригадир Мухаммед Негм эд-Дин, четвертый – автор. Египет, г. Александрия, 1961 г. *Архив автора.*

Фото 2. Ан-12 – рабочая лошадка войны. *Фото из интернета.*

Фото 3. Иемен, г. Сана, 1963 г. Архив автора.

Фото 4. После второй командировки в Африку. 1965 г. Архив автора.

*Фото 5. Министр обороны Индии Сваран Сингх в Таманской дивизии. 1968 г.
Архив автора.*

*Фото 6. Встреча генерала А.Г. Яхья-хана (второй слева) в Шереметьево. 1968 г.
Архив автора.*

Фото 7. На Римской конференции. 1970 г. Архив автора.

Фото 8. С Джо Нхланхлой, будущим министром разведывательных служб ЮАР, на конференции в Багдаде. 1974 г. Архив автора.

Фото 9. Делегация ЗАПУ в СКССАА. В центре – А.С. Дзасохов, Дж. Нкомо и В.Л. Кудрявцев. 1976 г. Архив автора.

Фото 10. С Рут Момпати, будущим членом парламента ЮАР, послом и мэром. Москва, 1978 г. Архив автора.

Фото 11. Слева – М. Пилисо и капитан первого ранга В.Ф. Ширяев, старший группы советских военных специалистов при АНК в Анголе. Начало 1980-х годов. *Архив В.Ф. Ширяева.*

Фото 12. Слева – П. Наньемба и полковник (позднее – генерал-майор) Н.В. Курушкин, старший группы советских военных специалистов при СВАПО в Анголе. Начало 1980-х годов. *Архив Н.В. Курушкина.*

Фото 13. Церемония после похорон Ю.В. Андропова. Автор, С. Нуйома, А. Нзо, К.У. Черненко. Москва, 1984 г. Архив автора.

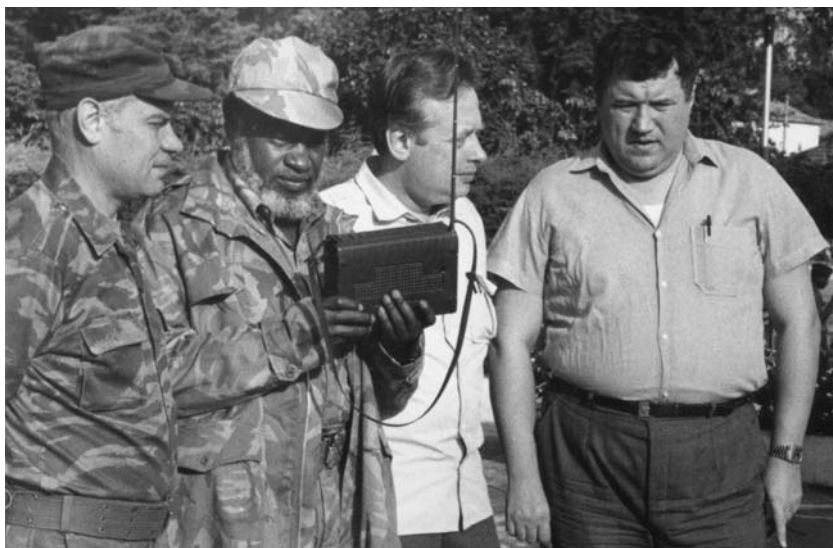

Фото 14. Полковник Б. Перебилло, С. Нуйома, А.Ю. Урнов и автор. Лубанго, 1984 г. Архив автора.

Фото 15. С Джо Слово (справа). Замбия, г. Лусака, 1986 г. Архив автора.

Фото 16. Делегация Института демократической альтернативы для Южной Африки (ИДАСА) в СКССАА. В центре – С. Макана, представитель АНК в СССР, будущий посол ЮАР в РФ, Ф. Ван Зейл Слабберт и В.Г. Солодовников. 1989 г. Архив автора.

Фото 17. После выступления на конференции АНК. Автора обнимает Уолтер Сисулу, слева – Нельсон Мандела. 1991 г. Архив О. Бадши.

Фото 18. Снова с Дж. Нкомо. Москва, 1991 г. Архив автора.

Фото 19. С президентом – основателем Республики Намибия С. Нуйомой. Виндхук, 2010 г. Архив автора.

Фото 20. К.Б. Карпович и автор на конференции Союза ветеранов Анголы. Москва, 2006 г. Архив автора.

Часть 3

СТАРАЯ ПЛОЩАДЬ

Глава 23. Но сначала – Миусская

Три года учебы в Академии общественных наук на Миусской площади позволили мне восполнить пробелы в моем базовом образовании в том, что касается Африки. Хотя предыдущие десять лет я в основном занимался связями с этим континентом, особенно с южноафриканским регионом, только уже будучи аспирантом, когда у меня появилось больше времени для чтения, я понял, как многого я не знал.

Обстановка на нашей кафедре – истории международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения – была неплохой, преподаватели доброжелательные и умные, чего, к сожалению, нельзя было сказать о самом высшем руководстве АОН. Трудно было представить, что ее ректор В.А. Медведев, человек бесцветный и скучный, станет членом Политбюро и секретарем ЦК, хотя при Горбачеве и не такое бывало.

Темой моей диссертации стала «Политика международной социал-демократии по отношению к национально-освободительному движению на Юге Африки». Выбор этой темы был мой личный, и отнюдь не случайный. Еще ранее я начал собирать материалы о содействии международных и национальных неправительственных организаций борьбе против колониализма и апартеида, во многих из которых активны были именно социал-демократы. Но после того, как в визе в Великобританию мне было отказано лично лейбористским министром внутренних дел, появилось твердое желание дать реальную картину противоречивого отношения социал-демократов и особенно руководителей партий-членов Социалистического интернационала к этой борьбе.

За эти три года на Юге Африки проходили события, которые можно назвать разнонаправленными. С одной стороны, добилась независимости Зимбабве, но с другой – усилилась вновь интервенция ЮАР в Анголе и поддержка Преторией антиправительственных вооруженных организаций – УНИТА в этой стране и РЕНАМО в Мозамбике. По мере возможности следя за развитием событий там, я практически не имел никаких «рычагов», чтобы в какой-либо мере влиять на них. Можно, пожалуй, отметить лишь несколько моментов с моим личным участием.

Первое – это сопровождение делегации Замбии во время состоявшегося 23 февраля – 3 марта 1981 г. XXVI съезда КПСС. Поскольку время ее прибытия и отъезда зависело от рейсов Аэрофлота, то вместо одной обычно «поездки по стране», организуемой для делегатов, у нее были две – в Литву и Армению. В Литве делегация была принята на уровне одного из секретарей ЦК республиканской компартии, которым оказал-

ся не кто иной, как Альгирдас Бразаускас. Конечно, судя по его «правильным» словам в беседе с замбийцами, никак нельзя было предположить, что именно этот человек отречется не только от своих тогдашних политических взглядов, но и от Советского Союза, став на пять лет (1993–1998) президентом независимой Литвы, а потом еще на пять лет (2001–2006) – премьер-министром.

В том же году состоялась две моих поездки за рубеж. Одна – в ГДР, где в Берлине проходил Международный семинар со слишком длинным названием – «о деятельности и роли масс-медиа, а также правительств, движений против апартеида и солидарности и других организаций в распространении информации о преступлениях режима апартеида и законной борьбы национально-освободительного движения Южной Африки», а другая, месяцем ранее – в Париж, где также состоялось мероприятие ООН, с коротким названием – «Международная конференция по санкциям против Южной Африки», но намного более важное.

Буквально накануне лидер социалистов Франсуа Миттеран победил на президентских выборах, а вскоре, хотя уже после конференции, социалисты сформировали правительство с участием коммунистов как младших партнеров. Избрание Миттерана было встречено с энтузиазмом многими в Африке. Так получилось, что я летел в Париж из Москвы вместе с руководителем малийского комитета защиты мира. «Paris socialiste!» радостно воскликнул он, когда мы приземлились. Но через несколько минут уже в здании аэропорта мы увидели немолодую африканку, которая, наклонившись почти до «земли», драила пол. «Paris socialiste!» повторил я слова собеседника, указывая ему на женщину.

Но все же новые черты в политике Франции проявились в том, что делегация этой страны, в отличие от других «ведущих» стран Запада приняла участие в парижской конференции. Состоявшаяся в штаб-квартире ЮНЕСКО, она была довольно представительной, а принятые на ней решения достаточно четкими. Участники конференции ясно высказались за всеобъемлющие санкции против режима ЮАР, поддержали позицию, высказанную Оливером Тамбо: партнеры Претории должны выбирать между связями с ней и связями с Африкой¹.

В Париже я, пожалуй, впервые столкнулся со стремлением обвинить Москву в связях с Преторией со стороны тех, кто сам поддерживал с ней разносторонние отношения. Беспокойство в связи с этим мне высказали ставшие уже добрыми знакомыми Боб Хьюз и Майк Терри, а на конференции распространялась брошюра о том, как золото из ЮАР бы-

¹ Записи автора на конференции, Париж, 20-27 мая 1981 г.

ло «прослежено до Кремля». Была она неубедительной, за исключением одного факта – видный менеджер знаменитой корпорации «Англо-Американ» и даже бывший зять Гарри Оппенгеймера Гордон Уодделл был замечен журналистом Би-Би-Си в ноябре 1980 г. не где-нибудь, а на оперном спектакле в Большом театре. Он объяснил журналисту, что в Москве находится «просто проездом», но тот, конечно, не поверил².

Позднее в Москве мне рассказали, что те, кто организовали этот визит, получили «по заслугам» от Р.А. Ульяновского, к которому были вызваны. Он особо подчеркнул, что такие действия были предприняты без разрешения ЦК³.

Интересной была и поездка на следующий год в составе делегации СКССАА в Алжир. Впечатления были противоречивыми: с одной стороны – успешная работа национализированных предприятий по добыче нефти и газа, на которых, по уверению наших алжирских партнеров, не осталось ни одного иностранного специалиста, а с другой – огромные кучи мусора в оврагах на территории столицы (13 годами ранее, когда мы дважды останавливались на ночь в Алжире на пути в Конакри и обратно, их не было).

В конце мая 1982 г. я защитил кандидатскую диссертацию, которая через три года превратилась в мою первую книгу – «Международная социал-демократия и борьба против колониализма и апартеида». Написанию их, конечно, способствовала моя практическая работа и активные контакты с участниками антиколониальных и антирасистских движений на Западе. Предполагалось, что после отпуска я вернусь на работу в Комитет солидарности, но неожиданно ситуация изменилась, и следующим местом моей работы стал Международный отдел ЦК.

Как это случилось? Объективные обстоятельства могли способствовать этому – мое хорошее базовое образование в МГИМО, уже накопленный жизненный опыт и знания, особенно в течение десятилетия работы со странами Юга Африки, наконец, только что защищенная диссертация, тем более на тему социал-демократии, «модную» в то время. Но в реальности важнее оказались обстоятельства сугубо субъективные: уход на пенсию П.И. Манччи, назначение на пост руководителя Сектора Африки А.Ю. Урнова и, соответственно, появление вакансии референта этого сектора.

² *Murphy, C. S. Africa and Soviet Union: Odd Pair on Mineral Markets. Washington Post, August 4, 1981*

³ Стоит добавить, что 15 с лишним лет спустя я встретился, и не отнюдь не случайно, с человеком, который сопровождал Уорелла, он объяснил посещение южноафриканцем Большого театра тем, что тот очень просил об этом.

Глава 24. Старое и новое

К этим обязанностям я приступил после отпуска 1 августа 1982 г., причем поначалу они временно расширились: к англоговорящим странам Юга Африки добавились португалоговорящие, поскольку у Эдуарда Владимировича Капского случился инфаркт во время командировки в Мозамбик.

Работа моя, естественно, имела и сходство, и различие с работой в Комитете солидарности. Конечно, во многом был уже другой уровень, и другая «политическая география» – добавились и связи с ЮАКП, и политическая учеба активистов, и некоторые особо «чувствительные» области сотрудничества, такие как содействие в организации подпольной работы и помощь в вооруженной борьбе. Да и время уже было другое, если внутри ЮАР постепенно усиливалась борьба против режима апартеида, то вне, в других странах Юга Африки этот режим резко активизировал свои действия, «приютив» РЕНАМО после поражения расистов в Родезии, вооружая, снабжая и обучая его членов. А в Анголе он не только усилил поддержку УНИТА, но и совершал акты вооруженной интервенции на территории этой страны, вплоть до оккупации части ее территории на несколько десятков километров от границы с Намибией.

Начало моей работы на Старой площади почти совпало с началом перемен в высшем руководстве нашей страны, которые продолжались еще два с половиной года. Похороны Л.И. Брежнева, скончавшегося 10 ноября 1982 г., привлекли в Москву много политических и государственных деятелей. Был среди них и Оливер Тамбо; вспоминается, как тепло приветствовал он Урнова, поздравляя его с новым назначением. А я позволил себе пошутить: «Южноафриканское лобби набирает силу в Москве».

В отличие от последующих траурных церемоний – похорон Ю.В. Андропова и К.У. Черненко - четкой организации на похоронах Л.И.Брежнева не было, и на трибунах возле Мавзолея Оливер Тамбо в моем сопровождении оказался рядом, судя по акценту, с членами делегации США (хотя и не с возглавлявшим ее тогдашним вице-президентом Джорджем Бушем). Запомнились их комментарии к выступлению нового генсека КПСС: «Коллективное руководство было упомянуто лишь однажды».

Моя первая командировка после начала работы в Международном отделе состоялась осенью 1982 г. в Танзанию, где в г. Дар эс-Саламе проходил съезд правящей в стране партии ЧММ – Революционной партии, чье полное название звучит по-русски не слишком благозвучно –

Чама ча Мапиндузи. Лидером ее и президентом страны был Джулиус Ньерере, который на съезде, несмотря на сложное экономическое положение страны, подтвердил ее курс – «уджамаа», своего рода «африканский социализм», который, пожалуй, можно было назвать и «крестьянским». Критика курса ЧЧМ он отвечал: «В деревне не слишком много, а слишком мало социализма. Посмотрите, сколько земли не используется от Морогоро до Дар-эс-Салама!⁴».

В эту поездку состоялась моя первая, но далеко не последняя, встреча с Ньерере, который сразу привлекал к себе и скромностью, и большим умом. Даже неприятно вспоминать, что в Москве тогда критиковали провозглашенный им принцип «self-reliance» – «опоры на собственные силы», видя в нем стремление оторвать страны Африки от СССР и его союзников, хотя на деле он был важен как хотя бы попытка избавиться не только от внешней зависимости, но и от иждивенчества. Впрочем, этот принцип не мешал Ньерере и ЧЧМ поддерживать активные связи с социал-демократическими партиями и правительствами стран Западной Европы и получать от них помощь.

Следующая моя поездка в Танзанию состоялась в сентябре 1984 г., когда в г. Аруше была созвана конференция, официальное название которой было «Конференция по Югу Африки Социалистического Интернационала, социалистической группы в Европейском парламенте и прифронтовых государств». Присутствовал я на ней в качестве корреспондента «Правды», и потом честно «отработал» эту роль, опубликовав в газете информацию о конференции, подготовленную совместно с корреспондентом ТАСС. Однако от танзанийцев мое основное место работы скрыто отнюдь не было.

Проведение этой конференции отражало позитивные перемены в позиции Социалистического Интернационала, которые во многом были связаны с именем лидера шведских социал-демократов Улафа Пальме. В своей речи на его 13-м конгрессе в Женеве в ноябре 1976 г. он заявил, что именно расистские режимы были виновны в эскалации насилия на Юге Африки, и отверг претензию властей ЮАР на то, что они защищают интересы «свободного мира»⁵. В сентябре 1977 г. на Юг Африки была направлена специальная миссия Социнтерна, и подготовленные предложения стали программой действий этой организации по Югу Африки⁶.

⁴ Расстояние между этими городами почти 200 км.

⁵ *Palme O.* Social Democracy and the Liberation Struggle in South Africa. SI Congress. Geneva, November 26–28, 1976, p. 3.

⁶ *Bushin V.* Social Democracy and Southern Africa (1960s–1980s). Progress Publishers. M., 1989. P. 97–98.

Однако на практике позиции партий – членов Социнтерна – были весьма различными. Пожалуй, Оливер Тамбо действительно имел все основания сказать, что, в то время как одни социал-демократы оказывали АНК существенную помощь, другие были «невыносимыми»⁷.

Был я в Аруше одет в костюм сафари, купленный несколькими месяцами ранее в Лесото, и это привело к курьезному случаю. Перед открытием конференции меня в гостинице посетил корреспондент из ГДР, который не знал, что я из Москвы, а в конце беседы рассмеялся, когда я спросил его, не приехали ли в Арушу корреспонденты из ЮАР: «Нет, хотя подозревали Вас, и меня как раз послали проверить». Скорее всего, подозрение это было вызвано моим сафари, тогда широко распространенном в ЮАР и соседних странах»⁸.

Я воспользовался этой поездкой в Танзанию, чтобы посетить созданный АНК в 1979 г. в Мазимбу близ г. Морогоро СОМАФКО – Колледж свободы им. Соломона Махлангу – школу-интернат, названную так в честь казненного бойца «Умконто». При этом сопровождавший меня сотрудник посольства перед отъездом заметил с некоторой тревогой, что там много белых. И действительно это было так, но это были старые белые члены ЮАКП, которые приехали в танзанийскую глубинку, чтобы помогать обучать и воспитывать молодежь.

У нас тогда Танзания рассматривалась как одна из стран «социалистической ориентации». Эта концепция ныне подвергается резкой критике, но чтобы оценить ее, стоит обратиться к не просто и ее «адепту», а «пророку» Р.А. Ульяновскому. Уже после распада Союза и начала реставрации капитализма в нашей стране он считал, что критика концепции носит «неосновательный характер» и напоминал, что в последней программе (формально – ее новой редакции) КПСС, принятой на XXVII её съезде уже после начала «перестройки», она была «определена как исторически важный, исторически существенный путь развития бывших колониальных стран после их освобождения»⁹.

Добавим от себя, что название этой концепции было «заимствовано» у югославских ученых, ранее у нас употреблялось менее удачное выражение – «некапиталистический путь». Важнее, однако то, что она отнюдь не выражала стремление подталкивать кого-либо к социализму, а,

⁷ Беседа с О. Тамбо. М., 5 октября 1978 г.

⁸ Это был не единственный раз, когда меня принимали за белого из ЮАР, наверное, не только из-за моей одежды, но и из-за моей комплекции. Например, одна африканка, приехавшая в СССР «на отдых и лечение», упорно спрашивала у прибывшей вместе с ней Рут Момпати: «Правда, что он не бур?».

⁹ *Ульяновский Р.А. Op. cit. С. 148.*

скорее, напротив, стремление удержать от «забеганий вперед», от «строительства социализма», а то и его провозглашения в тех странах, где для этого не было реальных условий.

Правда, само наличие этой концепции дало возможность следящим за конъюнктурой исследователям (впоследствии ставших называть себя «политологами») написать немало опусов с рассуждениями о категориях национально-демократических, национально-революционных и прочих партий в этих странах. Но те, кто реально занимался в Секторе Африки связями с политическими структурами, обычно относились к этим «изысканиям» со здоровым чувством юмора, тем более что сотрудники его сами, как правило, имели научные степени.

Нам гораздо ближе была позиция, высказанная Ю.В. Андроповым в 1983 году: «Ведь одно дело – провозгласить социализм как цель, а другое – строить его. Для этого нужен определенный уровень производительных сил, культуры и общественного сознания. Социалистические страны солидарны с этими прогрессивными государствами, оказывают им помощь в сфере политики, культуры, содействуют укреплению их обороны. Помогаем мы в меру возможности в их экономическом развитии. Но в основном оно, как и весь общественный прогресс этих стран, может, конечно, быть лишь результатом труда их народов, правильной политики их руководства»¹⁰.

Но среди политических сил в Африке, выступавших за социализм, были и партии, которые относили себя (с разной степени открытости) к «марксистско-ленинским». Некоторые из них были «старыми» (так, ЮАКП образовалась еще в 1921 г.), другие – «новыми» и, более того, пришедшими к власти в своих странах: МПЛА–Партия труда в Анголе, Партия ФРЕЛИМО – в Мозамбике, Рабочая партия (а до этого – Комиссия по организации партии трудящихся) Эфиопии, Партия труда в Конго (Браззавиль), Партия народной революции Бенина, входила в правительство и партия Партия конгресса независимости Мадагаскара (АКФМ).

Степень «марксистскости» в этих партях была весьма различная. Так, после заседания Президиума ОСНАА в Бенине, когда президент Метье Кереку, несмотря на обещания, так и не встретился с его участниками, Нури Абдель Раззак с присущим ему чувством юмора сказал: «Маркс и Ленин не виноваты, они не знали, что Кереку назовет себя марксистом-ленинцем».

Однако сначала, причем в Москве, состоялось совещание «старых» партий, а в начале 1980-х г. началась подготовка более широкого сове-

¹⁰ Правда. 1983. 16 июня.

щения. Пожалуй, наибольшую активность при этом из «старых» партий проявляла ЮАКП и особенно Джо Слово, тогда член ее Политбюро, а из «новых» – Партия ФРЕЛИМО, а в ней – Сержио Виейра. Именно в Мапуту состоялось подготовительное совещание, но все эти планы рухнули¹¹ после того, как Мозамбик заключил с ЮАР «Соглашение о мире и добрососедстве», более известное как «Договор Нкомати» по названию местечка на границе между этими странами, где оно было подписано 16 марта 1984 г. Так его здесь и будем называть.

Заключению «Договора Нкомати» предшествовало резкое ухудшение ситуации в Мозамбике как по внутренним, так и по внешним причинам. В первые годы правительство ФРЕЛИМО добилось немалых успехов. Так, намного возросло число учащихся в школах, улучшилась доступность здравоохранения с развитием системы первоначальной медицинской помощи¹². Да и «коммунальные деревни», созданные путем сселения в них разрозненных крестьянских домохозяйств, хотя оно нередко и критиковалось противниками ФРЕЛИМО, «принесли реальные социальные достижения и предоставление услуг тысячам крестьян, которые также были радикально освобождены от принудительного труда и принудительного набора культур для выращивания»¹³.

Но к тому времени эйфория первых лет независимости прошла. Евсюков вспоминает, как во время визита в Мозамбик Н.В. Подгорного, председателя Президиума Верховного Совета, то есть «квази-президента» СССР, в марте 1977 г. народ на площади в Мапуту коллективно пел «Интернационал»¹⁴, но надежды руководства ФРЕЛИМО на вступление в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), первоначально хотя бы в качестве наблюдателя, не оправдались. При этом возражения высказывали прежде всего такие члены этой организации, как Венгрия, Польша и Чехословакия¹⁵, а наиболее благоприятно к Мозамбику относилось руководство ГДР, особенно после визита Эрика Хонекера в эту страну.

¹¹ Совещание все же состоялось, но значительно позднее, в 1988 г. и не в Африке, а в Берлине. Официально оно называлось «Африканский семинар». (*Maloka E. The South African Communist Party. Exile and After Apartheid. Sunnyside: Jacana Media, 2013. P. 91-93*)

¹² *Davies, R. Towards a New Deal. A political economy of the times of my life. Johannesburg, Cape Town, London: Jonathan Ball Publishers, 2021. P. 37.*

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *Евсюков П.Н.* Из воспоминаний о работе в Мозамбике. В книге: Африка в воспоминаниях ветеранов дипломатической службы. М.: XXI Век-Согласие, 2000. С. 237.

¹⁵ Письмо С. Виейры автору, 19.7.2007.

Потенциал преобразований социалистического типа в Мозамбике во многом не смог раскрыться из-за дестабилизации, осуществлявшейся извне. Устранение расистского режима в Родезии, спецслужбы которого играли ведущую роль в создании РЕНАМО, казалось бы, должно было радикально изменить ситуацию, но их тут же заменили их «коллеги» из ЮАР. При этом несколько сот боевиков РЕНАМО было переправлено в Южную Африку из Зимбабве самолетами Королевских ВВС Великобритании.

Именно коммунальные деревни, школы и больницы становились целями для нападений со стороны РЕНАМО, направляемого Преторией. Кроме ЮАР, противникам правительства Мозамбика оказывалась разносторонняя, хотя и не афишируемая помощь со стороны ряда стран Запада. Например, Пол Муркрафт, видный британский¹⁶ журналист, сочетавший эти занятия со службой в структурах министерства обороны, пишет и о своей встрече с лидером РЕНАМО Афонсо Длакамой на территории, контролируемой этим движением, и о том, как он проводил «трудные времена с повстанцами в Анголе и Мозамбике»¹⁷.

На Западе нередко утверждают, что, не добившись вступления в СЭВ, Машел решил покинуть «советский лагерь». Действительно, поездка Машела в США в сентябре 1983 г. была использована им для демонстрации «независимости» от Москвы, причем в довольно необычной форме. Джордж Шульц, занимавший пост государственного секретаря при президенте Рейгане, рассказывал позднее: «Там был парень, который был президентом Мозамбика, чье имя было Самора Машел... Мы считали, что можем притянуть его...

Во всяком случае, день настает и приходит этот парень, абсолютно черный как уголь. И они [Рейган и Машел] начали [беседовать], и оказалось, что у него потрясающее чувство юмора. Он начинает говорить Рейгану антисоветские шутки, о том, что он заметил, когда он был в Москве. И они смеются, и Рейган рассказывает анекдоты, и оба понравились друг другу. Конечно, это было именно то, на что мы надеялись»¹⁸.

В Москве понимали, что Машел не «сменил лагерь», хотя бы потому, что он никогда не входил в него. Он сам называл СССР «естественным союзником», но преимущественная ориентация на Москву сочета-

¹⁶ Назвать его английским журналистом было бы неточно, родом он из Уэльса.

¹⁷ *Paul Moorcraft. Total Onslaught. War and Revolution in Southern Africa since 1945. Yorkshire – Philadelphia: Pen and Sword Military, 2018. P. XIX.*

¹⁸ <http://millercenter.org/president/reagan/oralhistory/george-shultz>.

лась с балансированием на международной арене, и его стремление по-правиться западным лидерам не могло не вызвать настороженности. А.С. Черняев, тогда заместитель Б.Н. Пономарева, а позднее многолетний помощник Горбачева записал в своем дневнике, что «президент Самора Мошер [!] поехал “по Европам” в поисках оружия»¹⁹. Конечно, не зная фамилию президента дружественной стране просто стыдно, да и целью Машела были прежде всего инвестиции, о желательности получения американских инвестиций он говорил президенту Картеру в Нью-Йорке еще в 1977 г.²⁰

«Договор Нкомати» до сих пор вызывает споры. И в Мозамбике, и за его пределами многие считали тогда и считают сейчас, что руководство страны допустило стратегическую ошибку, подписав его. Мозамбикцы рассказывали мне, что и те, кто участвовал в его подготовке, тоже осознают ее, но не хотят признаться в этом.

Сержио Виейра, который в тот период был заместителем министра обороны, а затем министром безопасности Мозамбика и сопредседателем созданной после подписания этого соглашения совместной с ЮАР комиссии по безопасности, в беседах со мной отмечал позитивное воздействие договора, утверждая, что вскоре после Нкомати как на Западе, так и в Южной Африке появились первые признаки готовности к политическому урегулированию, и что после Нкомати «АНК сосредоточил усилия на подъеме масс и поиске союзников в бизнес-сообществе»²¹.

Власти Мапуту приняли радикальные меры по выполнению соглашения, вплоть до обысков в домах руководителей АНК и ЮАКП, проживавших в столице Мозамбика, причем в их отсутствие. При этом в квартире, кажется, Мозеса Мабида в вскрытом сейфе было обнаружено более 700 ручных часов советского производства, и проводившие обыск предположили, что их намереваются использовать как взрыватели для мин. Но они ошибались, столько часов появилось в Мапуту случайно, в результате плохо исправленной опечатки.

На деле же предыдущая заявка на поставку имущества из СССР для АНК в Мозамбик предусматривала направление ста часов, в основном для бойцов АНК, находившихся в небольшом лагере в провинции Нампула. Но машинистка в штаб-квартире АНК в Лусаке при составлении

¹⁹ Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М.: РОСПЭН, 2008. С. 542. Черняев, в то время зам. заведующего Международным отделом, писал об «Анголе, дышащей на ладан».

²⁰ Klinghoffer A., Radu M. The Dynamics of Soviet Policy in Sub-Saharan Africa. N.Y.: Holmes & Meier, 1991. P. 141.

²¹ Беседа с С. Виейрой, остров Робен. 14.02.1999.

заявки напечатала лишний ноль, потом замазала его, но плохо. «Ну что ж, если товарищи просят тысячу, дадим тысячу», – так примерно рассуждали сотрудники, рассматривавшие заявку.

Когда же мы в Международном отделе попытались разобраться, как такое случилось, работники Министерства внешней торговли, занимавшиеся направлением гражданских грузов, справедливо отметили, что им неизвестна численность членов АНК в Мозамбике, а военные – что данную часть заявки они не рассматривали, поскольку часы – товар гражданский. Невольно вспомнилась известная цитата: «Формально правильно, а по существу издевательство».

К сожалению, подобные истории случались и с поставками более серьезного имущества. Стоит отметить, что наш отдел занимался не только политическими или идеологическими вопросами, не менее важной была его функция фактического координатора действий различных советских государственных структур и общественных организаций, однако подобное случалось, когда документы шли мимо его сотрудников.

Но вернемся к «Договору Нкомати». В то время как Претория, продолжала военную и иную поддержку РЕНАМО, временами действия мозамбикских властей по выполнению соглашения выходили за пределы разумного, например, они отправили назад одного гражданина Лесото, завершившего учебу в Москве, приняв его за южноафриканца.

Москва открыто не критиковала соглашение, но отнеслась к нему критически, тем более, что никаких двусторонних консультаций проведено не было, несмотря на то, что подписанный во время визита Подгорного Договор о дружбе и сотрудничестве предусматривал консультации и обмен мнениями «в духе взаимопонимания» как по важным международным вопросам, так и вопросам, касающихся двусторонних отношений²².

«Договор Нкомати» не поддержала ни одна страна в Африке, за исключением Свазиленда, который, как тогда выяснилось, тайно заключил подобный договор с ЮАР двумя годами ранее. Разочарование действиями руководства Мозамбика испытывали многие; дело дошло до того, что один их африканских слушателей ИОН решил сменить имя «Самора», которое он выбрал по прибытию в Москву.

Такая реакция на подписание «Договора Нкомати» повлияла и на освещение этого события в самом Мозамбике. Когда я снова посетил Мапуту несколько месяцев спустя, на этот раз по пути в Лесото в составе делегации СКССАА, уже чувствовалась определенная сдержанность,

²² www.docs.ceit.ru

например, не был организован широкий показ документального фильма о нем, хотя это предполагалось.

Поездка в Лесото была связана с именем тогдашнего генсека правящей партии и министра информации Винсента Макхеле²³, с которым меня познакомил Альфред Нзо в Дар-эс-Саламе во время съезда партии ЧЧМ в 1982 г. Мы имели в Лесото встречи не только с ним и с его коллегами, но и с премьер-министром и лидером правящей Национальной партии Басутоленда Лебуа Джонатаном. В то время Лесото подвергалось сильному давлению Претории, требовавшей заключить с ней договор по типу «Нкомати», и мы старались поддержать их стремление не поддаваться ему.

Лесото – четвертая страна, куда я прибыл раньше советских послов; в Бангладеш и Мозамбике нашего дипломатического присутствия еще вообще не было, в Ботсване ранее посол был по совместительству из Замбии, а в Лесото приезд посла только ожидался. Но посольство уже работало под руководством временного поверенного в делах, и видеть красный флаг, развивавшийся в нескольких сотнях метров границы с ЮАР, было приятно, так же, как и лететь в Масеру над южноафриканской территорией ЮАР. Приятной была и неожиданная встреча в гостинице с Лумкой Хани, женой комиссара «Умконто» и члена руководства ЮАКП Криса Хани (и будущим депутатом Национальной ассамблеи в демократической Южной Африке), которая незадолго до этого была с ним и двумя дочками в Союзе на отдыхе.

В Москве тогда было лето, но в африканском Лесото зима с ледком на лужах и настоящим льдом на водопаде Малетсуньяне в горах, куда нас доставили на вертолете. Управлял им, конечно, лесотец, и невольно вспомнилось, что в соседней ЮАР африканцы не могли быть даже машинистами локомотивов.

Активистам АНК, находившимся в Лесото на полуподпольном положении (спецслужбы ЮАР активно действовали там), было трудно связываться с Мапуту, где оставалось представительство АНК, хотя состав его неоднократно менялся по требованию Претории. Поэтому я не удивился, когда уже на аэродроме при отъезде сотрудник посольства передал мне только что полученный от них конверт для передачи в Мапуту Джекобу Зуме, тогда руководителю представительства АНК и будущему президенту ЮАР²⁴, более того, его имя было на конверте написано.

²³ Винсент Макхеле и другой тогдашний министр Десмонд Сиксисхе были убиты вместе с женами после военного переворота в 1986 г.

²⁴ Я писал эти строки в Тсване (Претории) накануне 4 июля 2021 г., когда Зума, теперь уже бывший президент, приговоренный Конституционным судом

Риск был немалый, поскольку наш самолет совершал промежуточную посадку в Свазиленде, фактически контролировавшимся ЮАР, но пришлось на это пойти.

Я вновь побывал в Мозамбике в следующем году в составе делегации Советского комитета мира. Летели мы в Мапуту через Хараре, и там, я стал невольным свидетелем разговора нескольких членов правительства, включая вице-президента ЗАНУ-ПФ Саймона Музенды о планах направления зимбабвийских войск в Мозамбик²⁵.

Участие этих войск, а затем и танзанийских в операциях против РЕНАМО помогло улучшить ситуацию, хотя и не кардинально. Претория продолжала нарушать положения соглашения, и реальные изменения в позиции руководства Мозамбика стали заметны лишь год спустя.

Правда, еще несколькими месяцами ранее руководство ФРЕЛИМО не только дало согласие на пребывание в Мапуту вернувшегося после длительного лечения на Кубе и в СССР генсека ЮАКП и члена высшего руководства АНК Мозеса Мабида, который после подписания «Нкома-ти» был вынужден в мае 1984 г. выехать в Лусаку, но и создало для него хорошие условия. Но особенно ясно позитивные для АНК (и ЮАКП) перемены проявились во время похорон Мабида, скончавшегося в мозамбикской столице 8 марта 1986 г.

В то время в Мозамбике работало не мало «кооперантуш» – иностранных специалистов, как правило, прогрессивно настроенных. Один из них, Роб Дэвис, научный сотрудник Центра африканских исследований Университета им. Эдуарду Мондлане, а в последствии многолетний министр торговли и промышленности ЮАР, писал в своих мемуарах о том, что в Мапуту тогда говорили: «В один день состоялось состоялось двое похорон, одни – Мозеса Мабида и другие – Соглашения Нкома-ти»²⁶.

Церемонии, организованные руководством Мозамбика, соответствовали процедуре похорон высших государственных деятелей – тело покойного было выставлено для многочасового прощания, в похоронах участвовали Самора Машел, Оливер Тамбо, Джо Слово и другие руководители АНК и ЮАКП, а также прибывшие из ЮАР члены ру-

ЮАР к 15-месячному тюремному заключению за неуважение к суду, должен был сдать ся полиции. Сделал он это тремя днями позже, и за этим последовали массовые погромы, грабежи магазинов и поджоги в провинциях Квазулу-Наталь и Хаутенг, хотя арест Зумы был скорее поводом для них, чем причиной.

²⁵ Беседа с С. Музендой и другими членами Политбюро ЗАНУ-ПФ. Хараре, 12.06.1985.

²⁶ *Davies R. Towards a New Deal. P. 40.*

ководства созданного годом ранее Объединенного демократического фронта. Нашей делегации, второму секретарю ЦК Компартии Азербайджана В.Н. Коновалову и мне особенно интересно было встретиться с Арчибальдом Гумеде, сопредседателем Объединенного демократического фронта, отец которого Джосайя Гумеде в качестве президента АНК посетил СССР еще в 1927 г., и с Керником Ндлову, национальным председателем ОДФ, незадолго до этого выпущенным из тюрьмы после 20-летнего заключения за участие в операциях «Умконто ве сизве».

Глава 25. Ангола и Намибия

В отличие от Мозамбика в Анголе в годы войны, если не считать краткого транзитного пребывания, я был лишь один раз, в начале 1984 г. вместе с А.Ю. Урновым, тогда заведующим сектором Африки в Международном отделе. К тому времени ситуация в Анголе оставалась крайне напряженной, хотя и не столь критической, как в середине предыдущего года, когда УНИТА, по существу, создала угрозу столице страны. Позитивно сказались результаты контрнаступления ФАПЛА, в котором приняли также участие бригада Народно-освободительной армии Намибии (ПЛАН) и несколько подразделений «Умконто ве сизве».

В июле 1983 г. должна была начаться крупная операция правительственных войск против УНИТА, в разработке плана которой, одобренного президентом душ Сантушем как главнокомандующим, совместно участвовали советские и кубинские военные советники²⁷. Однако подготовка ее задержалась, и операция началась почти на месяц позднее, причем только в одном из намеченных направлений²⁸. При этом глава кубинской военной миссии генерал Леопольдо Синта Фриас «Поло» намеревался своему советскому коллеге генерал-полковнику Константину Яковлевичу Курочкину, что причина такой задержки была политической. К тому времени кубинцы уже имели информацию о том, что между Анголой, США, а также ЮАР велись переговоры не только по намибийской проблеме, но и по выводу кубинских войск из Анголы при активном участии министра внутренних дел Мануэля Родригеша «Киту»²⁹.

²⁷ Курочкин К.Я. Тетрадь № 2. С. 29. Покойный генерал разрешил мне ознакомиться с тремя тетрадями записей его бесед в период его службы в Анголе.

²⁸ Ibid. С. 47.

²⁹ Ibid. С. 43.

Но если в действиях ангольского руководства проявлялось стремление не осложнять перспективу переговоров, то этого никак нельзя сказать о ЮАР. Напротив, при поддержке Претории УНИТА развернуло свое наступление в провинции Мошико, опередив ФАПЛА.

Особо отмечу, что в те трудные для правительства МПЛА дни Ю.В. Андропов направил душ Сантушу специальное послание. В ответ президент НРА выразил благодарность за «проявленное чувство солидарности» и одновременно сообщил о своем намерении направить в Москву делегацию на высоком уровне, чтобы изложить новые запросы о помощи.

К тому времени между Москвой и Луандой накопилось немало вопросов в связи с задержкой оплаты поставленного имущества. По некоторым позициям она составляла два с половиной года, в течение двух лет не оплачивалась даже работа советских гражданских летчиков на Ан-26, хотя они рисковали жизнью³⁰. А когда представители советского торгпредства в Анголе подняли этот вопрос в беседе с министром обороны Педру Мариа Тонья «Педале», он перешел на политику, говоря об «идеях и указаниях великого Ленина» и «победе Октябрьской революции», которые «осветили путь всем народам, борющимся за свою независимость и свободу, и в частности народам Африки», об «искренней и бескорыстной помощи Советского Союза»...³¹ Но даже после того, как ангольское руководство выделило финансовые ресурсы специально для оплаты поставок из СССР вертолетов и транспортных самолетов, центральный банк страны вновь задержал выплаты по контрактам³².

В целом же приходится признать, что в Москве недостаточно четко представляли реальные финансовые возможности Луанды, и как-то при обсуждении этой темы мне вспомнился разговор двух мужиков из «Мертвых душ»: «Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?». «Доедет», – отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» – «В Казань не доедет».

В беседе, состоявшейся 20 июля 1983 г., президент Анголы признал, что его страна имеет немалую задолженность перед СССР, которая «будет возрастать», но главное – «защитить завоевания ангольской революции... Остальные вопросы, в том числе и вопросы о выплате задолжен-

³⁰ После вынужденной посадки один из летчиков Ан-26 погиб, двое были захвачены УНИТА, другой самолет потерпел катастрофу недалеко от Лубанго.

³¹ Ibid. С. 87.

³² Курочкин К.Я. Тетрадь № 2. С. 11–12.

ностей, будут решены. У Анголы имеется достаточно ресурсов и... огромный потенциал»³³.

Душ Сантуш информировал советских представителей, что Ангола отвергла американское предложение обсудить конкретный график вывода кубинских войск: «...мы убедились, что у них нет желания решать проблему Намибии, как и другие проблемы Юга Африки. И пока мы не убедимся в наличии у них доброй воли в этих вопросах, мы будем воздерживаться от дальнейших переговоров»³⁴. Однако вскоре переговоры Луанды и Претории вновь возобновились.

Ситуация в Анголе настолько осложнилась, что руководство страны решило задействовать и бригаду СВАПО. Первоначально «генерал Константин» выступал против такого шага: «...это будущее армии Намибии, у нас нет морального права использовать СВАПО в борьбе против КРГ [контрреволюционной группировки]», тем более что в то время СВАПО было трудно получать пополнение из Намибии поскольку войска ЮАР перекрывали границу Намибии с этой страной³⁵. Однако позднее он вынужден был изменить свою позицию и согласиться на участие в планируемом контрнаступлении двух усиленных батальонов из бригады Народно-освободительной армии Намибии (ПЛАН)³⁶, а третий батальон был дислоцирован возле лагеря намибийских беженцев для его защиты³⁷.

В беседе с Курочкиным, состоявшейся 24 августа 1983 г., Нуйома, рассказав генералу о просьбе душ Сантуша о выделении войск, подчеркнул, что «СВАПО является интернационалистской и желает помочь в защите революционных завоеваний НРА. Мы хотим участвовать в разгроме противника, не быть сдерживающей силой, а громить его. Для этого СВАПО должна быть посвящена в план операции»³⁸. То есть вежливо, но настойчиво руководитель СВАПО, соглашаясь с предложением ангольского президента, отказывался играть при этом пассивную роль³⁹. Стоит отметить, что среди частей, участвовавших в операции, бригада ПЛАН была наиболее боеспособной. Генерал-майор Валентин Валенти-

³³ Ibid. С. 62–63. Можно добавить, что долг Анголы был так «странно» урегулирован 20 годами спустя, что швейцарская прокуратура даже расследовала это дело.

³⁴ Ibid. С. 63.

³⁵ Ibid. С. 50.

³⁶ Ibid. С. 64.

³⁷ Ibid. С. 94.

³⁸ Ibid. С. 66.

³⁹ Ibid. С. 94.

нович Громов, советник начальника ангольского Генштаба, который посетил район операции, докладывал 19 сентября, что эта бригада, насчитывавшая 1126 человек, отличалась высоким моральным духом и была «готова выполнить любую поставленную задачу»⁴⁰.

В конце 1983 г. планировалось провести новую операцию против УНИТА, но незадолго до ее начала, 6 декабря, началась «Операция Сафари» южноафриканской армии – вторжение на Юг Анголы с территории Намибии. Возможно, что предпринята она была с целью не только поддержать терпевшую неудачи УНИТА, но и добиться больших уступок на двусторонних переговорах с Анголой, которые были возобновлены при «посредничестве» США. Интервентам удалось продвинуться в глубь ангольской территории, но, сопротивление, оказанное им, было, по признанию генерала Констанда Фильюна, командующего Южноафриканскими силами обороны «неожиданно мощным»⁴¹.

Во время переговоров Претория требовала от Луанды ограничить деятельность ПЛАН на ангольской территории, что, конечно, не могло не вызвать напряженности в отношениях между СВАПО и властями Анголы. Информация об этом поступала в Москву, и Б.Н. Пономарев дал указание А.Ю. Урнову в конце января 1984 г. вылететь в Анголу для изучения этой проблемы на месте, а тот договорился, чтобы в поездке принял участие и я.

В Луанде у нас состоялась беседа с секретарем ЦК МПЛА по международным делам, моим давним знакомым Афонсо ван Дунемом, заверившим нас, что Ангола отвергает саму идею договора о ненападении с Преторией⁴². (К тому времени уже были сообщения о подготовке такого договора между ЮАР и Мозамбиком).

Кроме посольства СССР, обсуждение ситуации, как военной, так и политической у нас состоялось не только с К.Я. Курочкиным, но и с находившимся тогда в инспекционной поездке в Анголе генералом армии Валентином Ивановичем Варенниковым, занимавшим пост первого заместителя начальника советского Генштаба.

В Луанде выяснилось, что Сэм Нуйома находится в Лубанго, столице провинции Кунене, где располагался и Штаб оперативного командования ПЛАН, и основной учебный центр им. Тобиаса Ханьеко (так звали погибшего в бою первого командующего вооруженными отрядами

⁴⁰ Ibid. С. 73.

⁴¹ *Minter W. Apartheid's Contras. An Inquiry into the Roots of War in Angola and Mozambique.* Johannesburg: Witwatersrand University Press. Johannesburg; London, New Jersey: Zed Books, 1994. P. 44.

⁴² Беседа с А. ван Дунемом. Луанда, 24.01.1984.

СВАПО), и мы вылетели туда на Ан-12 из состава эскадрильи нашей ВТА, обеспечивавшей жизненно важные перевозки в Анголе.

Мне было приятно через полтора десятка лет вновь оказаться на борту этого исключительного по выносливости и безопасности самолета. Это было как прежде, только в небольшую пассажирскую кабину теперь из кабины пилотов было вынесено устройство, позволявшее бортпереводчику выходить в эфир, а мы это делали по очереди с бортрадиом.

Президента СВАПО отличала особая черта – способность сохранять спокойствие, хотя бы внешнее, даже при явно неблагоприятной ситуации. И в этот раз в беседах с нами в присутствии других намибийцев или ангольцев он не показывал никакой тревоги, и только спустившись с А.Ю. Урновым в блиндаж, недоступный для чужих ушей, он рассказал ему о сложностях в отношениях СВАПО с Анголой.

Кроме бесед с Нуйомой и другими руководителями СВАПО, мы встретились с советскими офицерами – советниками и специалистами, работавшими при ПЛАН, старшим из которых был «полковник Борис». Выглядел он вполне солидно, хотя, кажется, так и не смог завоевать у «подсоветных» такое уважение и признательность, которым пользовался его предшественник, «полковник Николай» – Николай Васильевич Курушкин. Немного позднее Ричард Капелва, исполнявший обязанности секретаря СВАПО по обороне после погибшего в автомобильной катастрофе Питера Наньембы, даже говорил мне, находясь в Москве (правда, после пары рюмок): «Шубин, отправь домой этого... полковника, пришли снова Николая».

Очень благоприятное впечатление оставил у нас госпиталь СВАПО, созданный при участии советских врачей, где они продолжали работать. Он пользовался столь большой популярностью, что на лечение в нем приезжали и намибийцы, проживавшие в Замбии. Не менее интересным для нас было, конечно, присутствие вместе с Сэмом Нуйомой на торжественной церемонии выпуска бойцов, завершивших обучение в упомянутом выше учебной центре. При этом в выступлении президента СВАПО перед бойцами особое внимание привлекла фраза «Среди вас есть шпионы...». Действительно, в то время служба безопасности СВАПО арестовала ряд членов организации по подозрению в том, что они являются агентами Претории. Однако масштаб арестов и тогда, и позднее был столь широкий, что вызывал подозрительность и даже шпиономанию. Хотя, конечно, всю правду можно было бы узнать, только если бы были обнаружены документы спецслужб ЮАР, но считается, что большинство их было уничтожено до смены там власти в 1994 г.

О том, как эти события сказались на результатах, полученных СВАПО на всеобщих выборах в ноябре 1989 г. будет рассказано далее, а здесь же хочется подчеркнуть, что мы старались предупредить ее руководство о вреде шпионмании. Так, сотруднику советского посольства в Луанде Александру Максютю, находившемуся «на связи» со СВАПО, было поручено выразить нашу обеспокоенность лично Сэму Нуйоме. Разговор его с президентом был долгим, касался он и трагических событий в истории нашей страны⁴³, но трудно судить, насколько результативным он был.

Можно вспомнить и мой разговор с Хоматени Калуэньей, входившим в состав Политбюро СВАПО о том, что из-за необоснованных обвинений Красная армия потеряла трех из пяти маршалов Советского Союза еще до начала Великой отечественной войны⁴⁴.

Беспокойство Сэма Нуйомы в связи с контактами между Луандой, Преторией и Вашингтоном было оправданным. Министр обороны Анголы вскоре информировал Курочкина и «Поло» о переговорах со США и (хотя пока и не напрямую) с ЮАР, особо отметив, что США предложили провести переговоры, когда после очередных советско-кубино-ангольских консултации в Москве почувствовали «вес и влияние НРА и ее союзников»⁴⁵. Но при этом стало ясно, что предложенное Преторией прекращение огня с выводом южноафриканских войска с юга Анголы обуславливается ограничениями на деятельность СВАПО: «Они [ЮАР] думают освободиться от Намибии... ЮАР предлагает СВАПО провести переговоры с [марионеточным] правительством внутри Намибии. Если сейчас СВАПО потеряет эту возможность, то ей придется очень трудно в дальнейшем», – сказал Педале⁴⁶.

Вскоре, 21 февраля 1984 г., ангольцы информировали советских и кубинских представителей, что на переговорах с ЮАР в Лусаке было достигнуто соглашение, по которому южноафриканские войска должны были быть выведены с юга Анголы, но одновременно вводился запрет

⁴³ Беседа с А. Максютюй. М., 30.10.2005.

⁴⁴ Беседа с Х. Калуэньей. М., 15.02.1984. Этот видный руководитель СВАПО, которого считали «левым», страдал диабетом, но когда он безвременно скончался в Луанде, появились слухи о том, что его смерть не была естественной.

⁴⁵ *Курочкин К.Я.* Тетрадь № 3. С. 44. Такие встречи проходили, как правило, ежегодно в Москве, Гаване и Луанде. На одной из них в Кремле мне пришлось присутствовать, подменяя Э.Капского, и мне запомнилась дружественная атмосфера и взаимопонимание при обсуждении вопросов, нередко критически важных.

⁴⁶ Ibid. С. 44-45.

на присутствие там ПЛАН и кубинцев, и создавалась Совместная ангольско-южноафриканская комиссия для мониторинга⁴⁷.

На деле же руководство СВАПО, не вступая в полемику с ангольцами, продолжило засылку групп через эти районы на территорию Намибии, не информируя их или информируя заведомо неверно о своих действиях⁴⁸. Дело дошло даже до стычки бойцов ПЛАН со смешанным юаровско-ангольским патрулем⁴⁹. Но все же уступки, сделанные Луандой Претории, нанесли значительно меньше ущерба СВАПО, чем «Договор Нкомати» АНК.

Три месяца спустя в столице Замбии по инициативе Кеннета Каунды состоялась конференция по Намибии с участием как СВАПО, так и «внутренних» партий. Сэм Нуйома согласился на участие в ней под сильным давлением президента Замбии. Руководство СВАПО было особенно недовольно тем, что наряду с Каундой сопредседателем конференции был Вилли ван Никерк, «генеральный администратор Юго-Западной Африки». Тем самым СВАПО как бы ставилось на один уровень с «внутренними», по существу марионеточными партиями, но Нуйоме трудно было возражать Каунде, когда тот, как мне рассказывали сами сваповцы, взял его за руку и повел в зал заседаний.

Однако усилия Каунды (да и ангольского руководства) по скорейшему началу осуществления «Плана ООН» по достижению независимости были тщетными. Не говоря уже о требовании вывода кубинских войск из Анголы, Претории нужно было время, чтобы создать, а затем укрепить марионеточные структуры в Намибии, вроде «правительства национального единства». Хотя ван Никерк был сопредседателем конференции, он сказал Нуйоме, что прибыл в Луанду «просто, чтобы сопроводить этих людей»⁵⁰ (участников так называемой «многопартийной конференции» в Виндхуке).

Но сами «эти люди», как рассказывали нам сваповцы, после провала конференции извинились перед Каундой, сказав, что ван Никерк приказал им не идти ни на какие договоренности⁵¹. У Тео-Бен Гурираба, секретаря СВАПО по международным вопросам, а затем министра иностранных дел и премьер-министра независимой Намибии были все основания отметить позднее «неисчерпаемое терпение» Каунды: «Смит, Форстер, Бота – все обманывали его»⁵².

⁴⁷ Ibid. С. 45-46.

⁴⁸ Ibid. С. 46.

⁴⁹ Ibid. С. 50.

⁵⁰ Nujoma S. Where Others Wavered. P. 342.

⁵¹ Беседа с членами делегации СВАПО. М., 25.05.1984.

⁵² Беседа с Т.-В. Гурирабом. М., 16.4.1988.

Пожалуй, единственной пользой, которую руководство СВАПО извлекло из конференции, была возможность встретиться с рядом видных членов этой организации, находившихся в Намибии, чье присутствие на конференции было одним из условий, выдвинутых ею для своего участия. Конечно, встречи соратниками по борьбе, которые не видели друг друга много лет, имели и чисто человеческое, и практическое значение. Не обошлось и без добрых шуток: сваповцы, учившиеся в Советском Союзе, ГДР или на Кубе вдруг к удивлению «внутренних» членов начинали говорить между собой на русском, немецком или испанском. «Да, СВАПО действительно далеко ушла за эти годы», – комментировали те.

В том же 1984 году Претория, в ее стремлении расколоть СВАПО, спровоцировать борьбу за власть в ней, допустила серьезную ошибку: из тюрьмы на острове Роббен был освобожден Андимба Тойво-йа-Тойво, приговоренный в 1968 г. к 20 годам заключения. Вскоре Тойво, избранный генеральным секретарем СВАПО, посетил Москву. Кроме политических бесед, у него была возможность посетить один из объектов «Северного учебного центра». Его офицеры были рады показать ему все классные комнаты с разнообразным оборудованием, и он не раз повторил: «Джез..., Джез...[Господи Иисусе...]». И был удивлен, что весь этот объект был зарезервирован для бойцов ПЛАН. А позднее и сам Тойво провел на учебе в этом центре несколько месяцев.

Кроме бойцов ПЛАН, сотни намибийцев учились в советских вузах и десятки – в Институте общественных наук, в его кампусе в Нагорном, включая будущего президента Намибии Хификепунье Похамбу.

В контрнаступлении против УНИТА в центральной Анголе (как тогда говорили, на «Восточном фронте») были задействованы и бойцы «Умконто ве сизве» силами до батальона. К сожалению, последствия их участия были во многом негативные.

Когда, находясь в Луанде, мы с А.Ю. Урновым встретились с нашими военными специалистами в АНК, их старший «товарищ Джордж» (полковник Герман Степанович Пименов) с тревогой сообщил нам о «случаях неповиновения приказам командования». Наша позиция была четкой: это – внутренне дело АНК, и вмешиваться в него советские специалисты не должны. К сожалению, однако, эти случаи переросли в мятеж с человеческими жертвами.

Причины его рассматривались несколькими комиссиями АНК и сразу после трагических событий, и почти десять лет спустя, доклады которых были опубликованы. В них, в частности, указывается, что на мораль бойцов сказались во многом потери подразделений «Умконто» в боях с УНИТА, которые пропаганда Претории представляла как «чужая

война», хотя защита власти МПЛА в Анголе, несомненно, соответствовала жизненно важным интересам АНК.

Приходится отметить, что в ЮАР противники АНК не оставляют попыток представить участников мятежа в Анголе в качестве чуть ли не героев, «борцов за демократию». Последний пример такого рода – реакция на недавнюю публикацию автобиографии⁵³ одного из них – Лутандо Дьясопа, человека, который во время вооруженного столкновения в лагере в Виане, на окраине Луанде подбил из гранатомета ангольский БТР, убив его водителя⁵⁴.

Нередко пишут и о том, что в АНК за рубежом в условиях зачастую военной дисциплины, появились авторитарные, командные черты. В какой-то степени это было неизбежно, но в целом, пожалуй, ситуация была противоположной. Использовалось выражение: «АНК – парламент народа Южной Африки». Звучит это внушительно, но может ли парламент успешно вести вооруженную борьбу? Кажется, в истории действительно был такой пример, но чуть ли не единственный – английский парламент воевал против Карла I... Но что касается АНК, то некоторые «парламентские» черты, пожалуй, на деле мешали разворачиванию борьбы. Так, для него в те годы были характерны длительные обсуждения всех вопросов. «А время для выполнения принятых решений у вас остается?», – как-то пошутил я, и мои южноафриканские собеседники этим вопросом были явно озадачены и смущены.

Пожалуй, больше влияния на АНК в будущем оказало существование многих его членов в эмиграции в условиях, похожих на «военный коммунизм» в нашей стране. Они были почти на полном обеспечении, хотя нередко весьма скудном, но в любом случае это поражало иждивенчество, особенно у тех, кто не вел (не имел возможности или способности) в это время активную работу. Правда, как мне рассказывали, некоторые члены АНК возражали против материальных и финансовых стимулов, но история, и не только этой организации, показывает, что длительно рассчитывать лишь на «сознательность» непродуктивно. Более того, такое положение порождало стремление некоторых к достижению личного благополучия позднее, после прихода АНК к власти вне зависимости от условий жизни большинства. В ЮАР стала хорошо известной фраза одного из них, ставшего послом: «Я не вступил в борьбу для того, чтобы быть бедным».

⁵³ *Dyasop L.* Out of Quatro: From Exile to Exoneration. Cape Town: Kwela, 2021.

⁵⁴ <https://www.justice.gov.za/trc/hrvtrans/soweto/dyason.htm>

Можно добавить, что росту таких настроений способствовало и поражение социализма в ряде стран, поддерживавших АНК, особенно в Советском Союзе и ГДР, где при всех проблемах и недостатках существовали эгалитарные тенденции.

Глава 26. Четыре съезда

1984 год был богат и другими событиями на Юге Африки – от подписания «Договора Нкомати» до массовых выступлений в африканских тауншипах в ЮАР. Многие лидеры из этого региона побывали и в Москве из-за очередного печального события – похорон в феврале Ю.В. Андропова, занимавшего высший пост в СССР чуть более года.

Избрание генсеком КПСС, а затем и Председателем Президиума Верховного Совета К.У. Черненко, тяжело больного человека, было, конечно, совершенно неоправданным, это можно объяснить только неспособностью или нежеланием остальных членов высшего руководства выбрать действительно сильную фигуру. За несколько месяцев до смерти Андропова, уже зимой, я с товарищем поздно вечером вышел из «нашего» третьего подъезда ЦК и по пути к станции метро увидел Черненко, который в сопровождении двух, как тогда выражались, «прикрепленных» шел, еле передвигая ноги, к автомобилю, припаркованному напротив второго (самого важного) подъезда комплекса зданий ЦК. «Ну, он то уж никак не может сменить Андропова», – подумал я, но ошибся.

По уже установившейся с похорон Брежнева традиции прибывшие из-за рубежа партийные и государственные деятели⁵⁵ представлялись по очереди один за другим новому советскому лидеру. После похорон Андропова их принимал Черненко, и нам было поручено подготовить краткие записочки со словами, что можно было бы сказать каждому из них. Но записки эти не потребовались, слава богу, он смог хотя бы позвать гостям руки.

Важное событие состоялось в Москве, на даче «Волыньское-2»⁵⁶ в ноябре 1984 г. – съезд ЮАКП, первый после 1960 г. Правда, планировался он первоначально не как съезд, а как расширенный пленум ЦК, которые созывались регулярно раз в несколько лет⁵⁷. Делегаты прибывали в ос-

⁵⁵ Пишу именно в таком порядке, помня, как Индира Ганди, стоявшая на лестнице, говорила кому-то: «Мы должны ждать, пока пройдут коммунисты».

⁵⁶ Название «Волыньское-1» носила бывшая дача Сталина.

⁵⁷ Об обстоятельствах изменения формата этой встречи и роли в этом советских представителей Р. Касрилс пишет в своих мемуарах («Вооружен и опасен. От подпольной борьбы к свободе», М., ИТРК, 2005.)

новном рейсами из Африки, большая группа – самолетом Ил-62, который летел из Лусаки с посадкой в Луанде.

Для гостей был выделен автобус и две или три автомашины, и когда Табо Мбеки, тогда член Политбюро, сел в автобус, некоторые его товарищи стали это шутливо комментировать: «With the people!» – «С народом!». (Эти слова мне вспомнились 20 лет спустя, когда его, президента АНК и ЮАР, стали упрекать в том, что он «отстраняется» от своих товарищей).

На съезде генсеком ЮАКП был переизбран Мозес Мабида, а ее председателем вместо скончавшегося в сентябре 1983 г. Юсуфа Даду стал Джо Слово. В состав ЦК партии, избранном на съезде, впервые вошел представитель «поколения Соуэто»⁵⁸, комиссар «Умконто» в Анголе Че О'Гара, настоящее имя которого было Джануари Масилела⁵⁹.

В том же году состоялся и съезд ЗАНУ-ПФ, который был примечателен, по меньшей мере, двумя новыми фактами: присутствием делегации КПСС (А.Ю. Урнов входил в ее состав) и снятие в основном документах ссылки на «учение Мао Цзэдуна».

Трагические события первого периода существования независимого Зимбабве заслуживают особого рассмотрения, что было мною сделано, хотя бы частично, в книге по истории этой страны⁶⁰. Но хотя бы кратко о них скажу и здесь, поскольку они повлияли на наши двусторонние отношения. В феврале 1982 г. на объектах, принадлежавших ЗАПУ, были найдены тайники с оружием, а при обыске у руководителя службы безопасности ЗАПУ Думисо Дабенгвы – письмо на имя Ю.В. Андропова, в то время председателя КГБ. В нем содержались не только резкая критика Мугабе как «реакционного и прозападного», но и просьба оказывать «дальнейшую помощь [ЗАПУ] на нашем следующем этапе борьбы против империалистических интриг и подрывной деятельности их секретных служб против Зимбабве»⁶¹.

Последовал судебный процесс против Дабенгвы и бывшего командующего ЗИПРА, а затем заместителя командующего Национальной армией Зимбабве Лукаута Масуку, и хотя он закончился оправданием обвиняемых, их оставили в тюрьме по закону о чрезвычайном положении, принятому еще при расистском правительстве Родезии.

⁵⁸ Строго говоря, он выехал из ЮАР немного раньше, в 1975 г.

⁵⁹ Он погиб в автомобильной катастрофе в 2008 г., тогда он занимал пост гражданского секретаря по обороне ЮАР.

⁶⁰ Шубин В.Г. Судьбы Зимбабве. М.: Институт Африки РАН, 2015.

⁶¹ <http://kora.matrix.msu.edu/files/50/304/32-130-A70-84-al.sff.document.nusa198304.pdf>

А два года спустя я впервые побывал в Зимбабве. К тому времени налаживание наших отношений с правящей партией Зимбабве уже шло успешно, хотя и небыстро. Вслед за беседой госминистра обороны и члена руководства ЗАНУ-ПФ Сиднея Секерамайи с Р.А. Ульяновским в Международном отделе в ноябре 1982 г. последовал визит в декабре в связи с празднованием 60-летия образования СССР другого, пожалуй, еще более видного руководителя Зимбабве – Нагана Шамуяриры, министра информации, почт и коммуникаций, а затем многолетнего министра иностранных дел.

Еще через год в СССР официально «на отдых и лечение» прибыло сразу трое членов руководства ЗАНУ-ПФ – министр горнорудной промышленности Морис Ньягумбо⁶², министр государственного снабжения Энос Нкала и спикер Палаты собрания парламента Зимбабве Дидимус Мутаса. Кроме бесед в Верховном совете и Международном отделе ЦК по пути в Сочи они посетили Донецкую область, в страшном сне нельзя было тогда представить, что ее через три десятилетия разделит линия фронта.

Стоит сказать о судьбе этой «троицы». Ньягумбо, уважаемый ветеран освободительной борьбы, который в 1986 г. в качестве представителя ЗАНУ-ПФ был гостем XXVII съезда КПСС, а затем вновь приезжал в Москву на переговоры по поставкам вооружения, покончил с собой пять лет спустя из-за скандала, связанного с перепродажей полученных высшими должностными лицами по льготной цене автомобилей, собранных на заводе «Уиллоувейл». При этом, как утверждал Ньягумбо, он не получил никакой прибыли, а лишь помогал родственникам.

Другая судьбы сложилась у Нкалы, также замешанного в этом скандале. Хотя он был ндебеле, именно в его доме было заявлено в 1963 г. о разрыве с Джошуа Нкомо и создании ЗАНУ, а в середине 1980-х гг. в качестве министра обороны он руководил жестким, если не сказать жестоким, подавлением сторонников ЗАПУ в Матабелеленде. Из-за скандала он был вынужден покинуть посты в правительстве и ЗАПУ-ПФ, но бежал более серьезного наказания, хотя и пытался ввести в заблуждение комиссию по расследованию скандала. На долгое время он ушел из политики, а позднее его попытка основать собственную партию была неудачной.

Судьба третьего нашего гостя, Мутасы, казалось бы, была куда более счастливой. В этом скандале он замешан не был и еще много лет зани-

⁶² М. Ньягумбо пробыл в заключении больше лет, чем другие лидеры антиколониального движения в Зимбабве. Известен он был и тем, что в молодости, работая в Южной Африке, являлся членом компартии.

мал высокие посты, в том числе ответственного за государственную безопасность, но потерял их в 2014 г., а затем был исключен из ЗАНУ-ПФ, когда он оказался во фракции, обвиненной в стремлении свергнуть Мугабе.

Огромную роль в развитии отношений с Зимбабве сыграл первый советский посол в этой стране, Георгий Арташесович Тер-Газарянц, умница и обаятельный человек, работавший там в течение шести лет. И конечно неслучайно нашу делегацию в 1986 г. возглавил другой замечательный армянин – Карен Серобович Демирчян, первый секретарь ЦК компартии этой республики⁶³.

Поездка была, несомненно, полезной, программа нашего пребывания включала и встречу с Робертом Мугабе, для меня первую. Внешне ситуация в Зимбабве выглядела спокойной, но всю драматичность событий в Матабелеленде мы почувствовали, когда сопровождавший нас охранник (бывший житель ГДР, перебравшийся на Запад, а потом в Родезию) вышел из гостиницы в г. Булавайо с автоматом Калашникова в руках.

Из Хараре туда мы летели самолетом, и на аэродроме нам встретился Эдвард Ндлову, который не преминул упрекнуть нас за то, что Москва не поддерживает более связи с ЗАПУ. Ответить мне ему было нечего, я сам считал условия установления наших дипломатических отношений с Зимбабве для нас унижительными. Тем более позднее мы радовались объединению ЗАНУ-ПФ и ПФ-ЗАПУ. Соглашение об этом было подписано Робертом Мугабе и Джошуа Нкомо в декабре 1987 г. Хотя, по существу, соглашение означало «поглощение» ПФ-ЗАПУ, оно способствовало прекращению актов насилия правительственных сил в отношении сторонников ЗАПУ в Матабелеленде.

Отношения Москвы с Зимбабве приобрели особую важность в связи с проведением в Хараре в 1986 г. саммита Движения неприсоединения, после которого эта страна стала его председателем. В тот период советское руководство обращало немалое внимание на деятельность этого движения, в МИД СССР был создан специальный отдел во главе с видным африканистом С. Я. Сеницыным.

В 1988 г. я вновь был в Зимбабве в составе делегации, которую возглавлял заведующий Аграрным отделом ЦК Иван Иванович Скиба и ко-

⁶³ До 1973 г. Тер-Газарянц был вторым секретарем ЦК компартии Армении, а Демирчян – одним из секретарей. Судьба его была трагической. После независимости Армении он в 1999 г. стал спикером парламента и, заключив союз с премьер-министром Вазганом Серкисяном, реально мог претендовать на пост президента, но оба они были убиты в октябре того же года прямо в здании парламента. Заказчики этого преступления так и не названы.

торую снова принял Мугабе. Запомнились его слова о том, что компании из СССР «слишком застенчивые». Эта поездка позволила мне также впервые увидеть руины Великого Зимбабве – древнего города на юго-востоке этой страны.

Довольно интересной и продуктивной была рабочая поездка в Зимбабве в августе 1989 г., когда уже шла подготовка к проведению объединительного съезда. К тому времени наши отношения с ЗАНУ-ПФ были уже достаточно развитыми для того, что в посольстве в Хараре создать должность советника по межпартийным связям, а меня во время пребывания в столице Зимбабве «не по чину» принял вице-президент Саймон Музенда. Во время бесед с зимбабвийцами, особенно с Натаном Шамуярирой, кроме внутренних вопросов, обсуждались и международные: ход подготовки к всеобщим выборам в Намибии; перспективы «замирения» в Анголе после фактического срыва договоренностей между МПЛА и УНИТА, достигнутых двумя месяцами ранее на встрече, сованной Мобуту в Гбадолите; ситуация в ЮАР после прихода Фредерика Де Клерка на пост лидера Национальной партии; подход к переговорам с РЕНАМО в Мозамбике.

Окончательно объединение было осуществлено на съезде, состоявшемся в декабре 1989 г. Оно означало возвращение к активной политической деятельности наших старых друзей, и, будучи гостями съезда, мы, конечно, были рады избранию Нкомо (хотя бы) на пост одного из двух вице-президентов объединенной партии, и нескольких его соратников, включая Думисо Дабенгву, в состав ЦК ЗАНУ-ПФ⁶⁴.

Глава 27. «Перестройка». Начало

Развитию отношений между СССР и Зимбабве в большой степени способствовал официальный визит в СССР в декабре 1985 г. Роберта Мугабе и его встреча с М.С. Горбачевым, избранным генеральным секретарем ЦК КПСС в марте того года. Она была не первой и далеко не последней среди встреч нового советского лидера с руководителями африканских стран. Создается впечатление, что первоначально он искренне интересовался как проблемами, так и потенциалом стран, как теперь выражаются, «глобального Юга» и пользовался там уважением. Еще до избрания Горбачева генсеком мне довелось ознакомиться с касавшимся Анголы сообщением из Гаваны, в котором Фидель Кастро просил, что-

⁶⁴ Вскоре Дабенгва стал заместителем министра, а затем и министром внутренних дел. Однако в 2008 г. он вышел из ЗАНУ-ПФ и стал президентом «восстановленного» ЗАПУ.

бы одним важным вопросом в отсутствие Андропова и Громыко занялся именно Горбачев.

Когда на заключительном заседании XXVII съезда КПСС, состоявшегося с 25 февраля по 6 марта, члены вновь избранного руководства ЦК появились в президиуме, бросилось в глаза, что Борис Николаевич Ельцин, первый секретарь Московского горкома партии шел в группе кандидатов в члены Политбюро, а Лев Николаевич Зайков, ленинградский первый секретарь – впереди, среди членов Политбюро. Этим нельзя было не обеспокоиться, но вряд ли кто-либо предполагал, к чему в конце концов приведут Ельцина начавшиеся тогда накапливающиеся у него обиды.

В докладе Горбачева на этом съезде была отмечена необходимость политического урегулирования конфликтов, и это положение стало трактоваться нередко как что-то новое в советской внешней политике, хотя Советский Союз не раз, будь то прямо или косвенно, участвовал в их урегулировании. Стоит вспомнить и переговоры (еще «при Сталине») о перемирии в Корее, и блестящий успех А.Н. Косыгина, выступившего посредником при достижении мирных договоренностей между Индией и Пакистаном в Ташкенте в январе 1966 г.

Позволю себе и процитировать выдержку из моего доклада на семинаре в Институте всеобщей истории в июле 1985 г., когда слово «перестройка» даже еще не было в употреблении: «Борцы за свободу Южной Африки не отвергают саму возможность переговоров, но они не собираются вести “переговоры ради переговоров”. Они считают, что переговоры будут оправданы, когда появится реальная возможность для сил освобождения заставить своего противника пойти на решающие уступки, а это, в свою очередь, зависит от соотношения сил в данный момент как в Южной Африке, так и на Юге Африки в целом... История национально-освободительного движения в Африке и на других континентах уже выявила четкую тенденцию: еще до достижения военной победы над колонизаторами освободительные силы вынуждают их начать переговоры и борьба, победоносная в своей сущности, часто оканчивается мирным соглашением того или иного рода, содержащим значительную долю компромисса»⁶⁵.

Среди направлявшихся в президиум на заключительном заседании съезда не было Пономарева, и на это сразу обратил внимание находившийся в зале рядом со мной командующий «Умконто ве сизве» Джо

⁶⁵ Шубин В. Из истории освободительного движения в Южной Африке. Доклад, представленный на семинаре в Институте всеобщей истории АН СССР, июль 1985 г. С. 1-2.

Модисе (он представлял на съезде АНК вместе с Альфредом Нзо), но сразу успокоился, когда я сказал, что тому уже за 80. Зато появился среди руководителей партии Анатолий Федорович Добрынин, до этого более 20 лет представлявший нашу страну в Вашингтоне.

Избрание Добрынина секретарем ЦК явно изменило ситуацию в Международном отделе (одновременно он, как и предшественник стал его заведующим), не только кабинет руководителя после ремонта стал «веселее», но «веселее» стал и стиль работы – более динамичный.

Работы у нас становилось все больше по мере активизации связей с Африкой и особенно с АНК и СВАПО. Вслед за Пономаревым на пенсию ушел и Ульяновский, который был даже на год его старше, но замена ему была вполне адекватной, новым заместителем заведующего отделом стал Урнов.

Перемены в СССР, совпавшие с активизацией освободительной борьбы в Южной Африке и Намибии, повысили интерес в США к нашей политике и готовность финансировать научные обмены. Занимался этим созданный при участии Государственного департамента Совет международных научных исследований (IREX), который, в частности, брал на себя расходы по пребыванию в США наших научных делегаций, а расходы по проезду несла направляющая их организация.

В мае 1986 г. в состав такой делегации, которую возглавил заместитель директора Института Африки РАН Глеб Борисович Старушенко, было предложено войти и мне. Нужно отметить, что в то время Егор Кузьмич Лигачев, тогда реально второй человек в КПСС, не возражая в принципе против включения сотрудников аппарата ЦК в состав делегаций, выезжающих по линии других организаций, ввел правило, по которому в этих случаях расходы на поездку должны были производиться за счет партийного бюджета. Тем самым резко ограничивалась возможность командировок, которые, впрочем, устраивали прежде всего эти организации – они рассчитывали на то, что включение человека со Старой площади увеличит «вес» делегации и обеспечит хороший прием. Но у Лигачева логика была «железная» – если поездка действительно важна, то у партии найдутся и средства для нее. Нашлись они и в моем случае – командировка должна была дать возможность лучше понять позицию США по проблемам Африки, особенно юга континента.

Эта цель была достигнута, тем более что на двусторонней конференции в Калифорнийском университете в Беркли присутствовал представитель Отдела разведки и исследований Государственного департамента, а по ее завершению состоялась и беседа непосредственно в этом департаменте в Вашингтоне.

Приятно вспомнить, что наш прогноз развития событий в Южной Африке был правильным, а у большинства собеседников мы почувствовали озабоченность и даже растерянность. Помнится, что у американских участников конференции, хотя и не у всех, на лицах появились недоверие, а то и усмешка, когда я сказал, что в ЮАР должна идти речь об «организованной передаче власти». А в Вашингтоне Джеффри Давыдоу, директору офиса по делам Юга Африки, который пытался доказать, что все члены южноафриканской компартии могут поместиться в одном лифте, было нечего возразить, когда я напомнил, что полтора месяца назад десятки тысяч африканцев собрались на митинг памяти Мозеса Мабиды.

Летом того же года по нашей инициативе в Москве должно было состояться совещание с участием представителей не только СССР, Кубы и Анголы (в таком составе совещания проходили неоднократно), но также АНК и СВАПО, что отражало факт развертывания освободительной борьбы в ЮАР и Намибии. Мы рассчитывали, что, кроме обсуждения ситуации на Юге Африки и вопросов сотрудничества, присутствие на совещании высоких советских государственных деятелей даст возможность им встретиться с лидерами АНК и СВАПО и лучше понять действия и потребности этих организаций (советскую делегацию должен был возглавить министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе, в состав ее войти А.Ф.Добрынин и один из заместителей министра обороны.)

Мы уже получили из штаб-квартиры АНК в Лусаке сообщение о составе делегации во главе с Тамбо и о времени ее вылета в Москву, но неожиданно из Парижа поступила информация совсем другого рода: в беседе с недавно назначенным заместителем министра иностранных дел Анатолием Леонидовичем Адамишиным, который, как и Тамбо, участвовал там в июне 1986 г. во Всемирной конференции по санкциям против расистской Южной Африки, президент АНК предложил отложить проведение совещания.

Для выяснения причин такого его решения мне было поручено в августе того же года вылететь в Берлин, где на лечении в госпитале в Бухе находился Оливер Тамбо. Президент АНК откровенно объяснил мне, что он опасался утечки информации об намечавшейся встрече со столь многими участниками⁶⁶. При этом чувствовалось, что в связи с париж-

⁶⁶ Совещание все же состоялось двумя годами позднее, но в более узком составе: СССР, Куба и АНК. На нем была подтверждена общность позиций и по дальнейшему развертыванию борьбы против режима апартеида, и по перспективам политического урегулирования.

ской конференцией у Тамбо были надежды, что хотя бы некоторые страны Запада пойдут на введение санкций против ЮАР.

Но наша беседа с ним не ограничилась этой темой. Очень интересными были его суждения о перспективах борьбы против режима апартеида, о возможности прекращения использования ее вооруженной формы, когда изменение ситуации будет благоприятствовать этому. Но пока более насущным был вопрос о расширении подготовки бойцов «Умконт», в частности в «Северном» центре⁶⁷. Вскоре с учетом этой беседы и поступившей ранее просьбы от руководства СВАПО было принято решение о ежегодном приеме туда на учебу до 50 курсантов от каждой организации, которое действовало вплоть до окончания вооруженной борьбы в этих странах.

Пребывание мое в Берлине неожиданно позволило провести еще две полезные встречи: с Джо Слово и Крисом Хани, которые находились в ГДР на отдыхе. К счастью, вскоре после неудачи с проведением в Москве пятисторонней встречи возникла другая, не менее важная инициатива – об организации встречи Тамбо с Горбачевым, и выступил с ней как раз Джо Слово.

Беседа, на которой Тамбо сопровождал Табо Мбеки, состоялась в Кремле 4 ноября 1986 г. Перед ее проведением А.Л.Адамишин, который также должен был встретиться с делегацией, ознакомился в кабинете А.Ю. Урнова в Международном отделе с материалами о нашей поддержке АНК, удивившись, что размер ее скромный, меньше, чем он полагал. А Урнов, напротив, обратил внимание на значительный рост помощи в последние годы.

Эти два мнения не противоречили друг другу, а отражали реальное состояние дел. С одной стороны, численность бойцов «Умконт», да и общая численность южноафриканцев, находившихся за пределами своей страны «на попечении» АНК и соответственно требующиеся средства были сравнительно невелики, меньше, чем для СВАПО, не говоря уже о независимых странах, которыми занимался МИД. Но с другой стороны, активизация борьбы АНК в 1980-х годах в различных формах вызывала необходимость существенного увеличения помощи со стороны СССР.

Обстановка на встрече Горбачева с Тамбо⁶⁸ была дружеской, и у меня создалось впечатление, что Горбачева заинтересовало предложение о его поездке на Юг Африки, предположительно в Лусаку, где он мог бы

⁶⁷ Беседа с О. Тамбо. Берлин, 12.08.1986.

⁶⁸ Переводить их беседу довелось мне, в Международном отделе этим, как правило, занимались сами ответственные за связи с той или иной партией.

встретиться с лидерами ряда независимых государств и освободительных движений. По словам Тамбо, такой визит мог бы «изменить ситуацию в регионе». Но Горбачев все же призвал проявлять «революционное терпение», упомянув при этом, что в планах у него тогда была прежде всего поездка в Индию.

В официальном сообщении для печати, подготовленном нами, но, конечно, согласованном с руководством АНК, говорилось, что политическое урегулирование на Юге Африки может быть достигнуто при выполнении трех основных условий: прекращение актов агрессии Претории против независимых африканских государств, предоставление независимости Намибии в соответствии с решениями ООН и устранение режима апартеида в ЮАР как первопричины конфликтной ситуации в регионе⁶⁹. Все эти условия, в конечном счете, были выполнены, но на это ушло еще немало лет.

Беседа продолжалась на час больше, чем планировалось, Горбачев явно хорошо ознакомился с подготовленными нами материалами и при этом говорил, не заглядывая в них. Пожалуй, кроме подтверждения нашей поддержки борьбы против режима апартеида важнейшим местом в беседе было его обещание консультироваться в первую очередь с руководством АНК, если встанет вопрос о контактах с Преторией. Он доверительно сказал Тамбо, что Бота пытается установить контакты с Москвой «через третью, даже через четвертую сторону», но «мы не спешим, любой шаг в этом направлении может быть предпринят только после консультаций с вами»⁷⁰. Своего слова Горбачев не сдержал, как и в ряде других случаев, но об этом будет сказано позже.

После беседы с Горбачевым еще когда мы ехали в «Чайке» по территории Кремля, Тамбо, явно довольный встречей, говорил: «Такой замечательный человек!», но мне даже казалось, что таких слов недостаточно.

Обратил я, однако, внимание на еще одно обстоятельство. Говоря о положении в ЮАР, Горбачев сослался на то, что недавно «кандидат в канцлеры» ФРГ спросил его: «Что будем делать с Южной Африкой?». Скорее всего, он имел в виду министра иностранных дел этой страны Ганса-Дитриха Геншера, хотя у него, лидера Свободной демократической партии, младшего партнера по правительственной коалиции реального шансов занять пост канцлера не было. Но примечательнее было другое: чувствовалось, что значение Южной Африки Горбачев (накопец-то?) оценил, когда о нем заговорили западные собеседники.

⁶⁹ Правда. 5.11.1986.

⁷⁰ Записи автора на беседе М.С. Горбачева с О. Тамбо. 4.11.1986.

Эту встречу можно назвать «пиком» в политических отношениях между лидерами Советского Союза и АНК, хотя в ряде областей, во многом именно благодаря этой встрече, наши связи расширились: в 1987 г. в Москве открылось представительство АНК фактически с дипломатическим статусом, в том же году началось обучение бойцов «Умконто», не только офицеров регулярных сухопутных войск, но и летчиков и моряков, да и возобновилась подготовка кадров для спецслужб АНК.

Для отбора курсантов в военно-морское училище в г. Баку и учебный центр ВВС в г. Фрунзе (ныне – Бишкек) в Анголу были специально направлены наши врачи. Полковник Михаил Иванович Коноваленко, являвшийся тогда старшим в группе СВС при АНК в Анголе, вспоминал, что на вылет в Москву на учебу из 20 человек явилось 19, а когда отсутствовавший был все же найден, выяснилось, что он не решился лететь, боясь подвести АНК из-за слабого знания математики. Но все же старшему советских специалистов удалось уговорить его, заручившись обещанием других членов оказать их товарищу по АНК необходимую помощь. Остается добавить, что среди бойцов, входивших в эту группу, были и нынешние командующие ВВС и ВМФ ЮАР.

Наряду с обсуждением вопросов, касающихся сотрудничества в Министерстве обороны (где советскую сторону представлял генерал армии Варенников) Тамбо во время своего пребывания в Москве в ноябре 1986 г. попросил организовать встречу с представителями наших органов безопасности. Первоначально предполагалось, что в ней будут участвовать Джо Модисе и Крис Хани, но затем и сам Тамбо тоже решил присоединиться к ним.

Вызвано это было тем, что остро встал вопрос о реорганизации соответствующего департамента АНК, некоторые сотрудники которого прибегали к недопустимым методам, в частности, при проведении допросов. Примечательно, что из архивных документов ЮАКП видно, что ее руководство еще ранее было озабочено таким состоянием дел, и было признано, что «необходимо разобраться в вопросе о допросах в МК». Вовсе не случайно, что такое обсуждение состоялось после возвращения Мозеса Мабиды из Москвы⁷¹.

О реорганизации Департамента разведки и безопасности АНК было объявлено в феврале 1987 г.⁷², вскоре после визита Тамбо в Москву, при

⁷¹ Mayibuye Centre Historical Papers, Yusuf Dadoo Collection, Secretariat activities since its formation. P. 2-3.

⁷² Ibid. ANC Lusaka Collection. Final Version. Decision and Recommendations of the N.E.C. Meeting, 11th to 15th February 1987.

этом почти все его руководители получили другие назначения. Именно поэтому основным вопросом, который Тамбо поставил перед советскими представителями, была организация подготовки кадров для этого департамента, или, лучше сказать, возобновление ее, поскольку почти десятью годами ранее она велась.

Тамбо на встречу с Горбачевым прилетел из Мапуту, где он присутствовал на похоронах Саморы Машела, погибшего 9 октября 1986 г. при катастрофе Ту-134, пилотируемого советским экипажем, возле местечка Мбизини на территории ЮАР, но совсем рядом с мозамбикской границей. Причины катастрофы до сих пор вызывают споры. По мнению специалистов СССР и Мозамбика, самолет был уведен с его курса ложным приводом, установленным на южноафриканской территории⁷³. Об этом автору говорил четверть века спустя и Ж. Чиссано⁷⁴. Но полной картины трагедии нет до сих пор. Многие считают, включая вдову Машела, Грасу⁷⁵, что должно быть проведено дополнительное расследование, и придя на пост президента ЮАР, Джекоб Зума пообещал это сделать совместно с мозамбикскими властями, но этого не произошло.

У меня первоначально создалось впечатление, что оно началось, когда 25 октября 2012 г. по просьбе сотрудницы Генеральной прокуратуры Мозамбика, я имел в Претории с ней беседу на эту тему в присутствии представителей службы авиационного контроля и полиции ЮАР. Но никакой новой информации о трагедии ни ЮАР, ни Мозамбиком обнародовано не было. А тем временем появляются разного рода вымыслы, причем иногда из, казалось бы, солидных источников. Трудно представить например, что генерал Жасинту Соареш Велозу, бывший член Политбюро ФРЕЛИМО и министр, занимавший долгое время руководящие посты в службе безопасности Мозамбика, пишет искренне, когда пытается в своих мемуарах возложить ответственность даже не на советский экипаж, как это сделал режим Претории, а на руководство нашей страны. Велозу пишет, что поскольку Машел «предал советский лагерь», сделав выбор в пользу «либерализации экономики и общества», он был «обречен»⁷⁶. Велозу предположил, что «ультрарадикалы» от режима апартеида и с «Востока» имели общие интересы и участвовали в «операции по ликвидации Саморы Маше-

⁷³ Подробнее см.: *Шубин В.Г.* Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. С. 328–329.

⁷⁴ Беседа с Ж. Чиссано. Луанда, 7.12.2011.

⁷⁵ Теперь она и вдова Нельсона Манделы.

⁷⁶ *Veloso J.* Memórias em Voo Rasante. Lisboa, Papa-Letras, 2007. P. 205.

ла»⁷⁷. По его словам, «неопознанное лицо» с «Востока» что-то сделало с этим самолетом на аэродроме в Мбале в Замбии⁷⁸, откуда самолет Машела отправился в Мапуту.

На деле же в Советском Союзе отнюдь не считали президента Мозамбика «предателем», и советское руководство если и относилось критически к нему, то за излишний радикализм. После визита в СССР сменившего Машела на посту президента Жоакина Чиссано М.С. Горбачев сказал на заседании Политбюро 6 августа 1987 г.: «Будем его поддерживать... Он эрудированный человек, в отличие от Машела реалистичен. Чиссано просил отнестись с пониманием, если они там будут идти на компромисс с империалистами в экономических делах. Это, мол, не меняет их принципиальной линии»⁷⁹.

Глава 28. «Перестройка», второй период

Последний визит делегации СВАПО во главе с Нуймой в СССР состоялся с 16 по 20 апреля 1988 г. По решению Политбюро принять Нуймому должен был Горбачев, но он, явно терявший интерес к «третьему миру», не выполнил поручение коллективного органа, «переведя стрелку» на А. А. Громыко и А. Ф. Добрынина. При этом, хотя мы вовремя информировали наше посольство в Луанде об уровне встречи, оно, судя по всему, не решилось сказать об этом президенту СВАПО, и нам самим пришлось «выкручиваться». Правда, эта не самая приятная миссия облегчалась тем, но на этот раз официально он был приглашен «советским руководством»⁸⁰, то есть двусторонние отношения тем самым выводились за пределы чисто межпартийных связей, и даже появлялся намек на их межгосударственный характер. Значение визита было подчеркнуто и заголовком подготовленного нами сообщения ТАСС: «Руководство СВАПО в Кремле»⁸¹.

Обсуждены были как перспективы политического урегулирования в Намибии, которые явно улучшились после окончательного провала в марте 1988 г. попытки САДФ и УНИТА захватить Куито-Куинавале, так и дальнейшее усиление нашей поддержки СВАПО, в том числе и

⁷⁷ Ibid. P. 206.

⁷⁸ Ibid. P. 207.

⁷⁹ Политбюро ЦК КПСС...: По записям Анатолия Черныяева, Вадима Медведова, Георгия Шахназарова (1985–1991). М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 217.

⁸⁰ Известия. 17.4.1988.

⁸¹ Правда. 21.4.1988.

ПЛАН. «Теперь мы по-настоящему ударим по врагу», – сказал Нуйома, прощаясь с нами в аэропорту⁸².

Руководители СВАПО в те дни чувствовали, что наступает время переговоров о смене власти не только в Намибии, но и в ЮАР. Так, Тео-Бен Гуираб, сопровождавший Нуйому, говорил об опыте СВАПО, который стоит учесть АНК на предстоящих переговорах: «У нас было уже 13 раундов их»⁸³.

Нуйома и его товарищи приняли участие в официальном открытии представительства СВАПО в Москве⁸⁴. Его возглавил Филемон Малима, бывший политический комиссар ПЛАН и будущий министр обороны, а затем руководитель службы безопасности Намибии. Хотя представительство СВАПО, как и представительство АНК (решение об их открытии было принято в 1987 г. одновременно) было аккредитовано при Советском комитете солидарности стран Азии и Африки, оно имело все атрибуты дипломатической миссии, от неприкосновенности до права поднятия флага⁸⁵.

Можно сказать, что к тому времени дело не ограничивалось дипломатическими привилегиями. Руководство СВАПО, по существу, уже играло роль «правительства в изгнании», оно несло ответственность за благополучие десятков тысяч намибийцев, находившихся за пределами своей страны, имело армию, лучше вооруженную и более боеспособную, чем многие армии независимых африканских государств. И если годами пятнадцать ранее Нуйома не раз прилетал в Москву один, теперь в депутатском (по-нынешнему, в ВИП) зале Шереметьева нам уже приходилось организовывать временную сдачу пограничникам оружия двумя его охранниками: в Москве они могли отдохнуть от своих прямых обязанностей.

1988 год был годом интенсивных переговоров, как тогда выражались, об «анголо-намибийском урегулировании». С нашей стороны в них принимали участие, хотя и не являясь, в отличие от американцев, официальными посредниками, сначала Владилен Михайлович Васев, тогда заведующий 3-м Африканским отделом МИДа, а затем Анатолий

⁸² Беседа с С. Нуйомой. М., 20 апреля 1989 г. Стоит заметить, что на этот раз Нуйома вылетел из Москвы в США, где ему присвоили звание почетного гражданина г. Атланты, что еще раз показало рост престижа СВАПО и ее президента.

⁸³ Беседа с Т.-Б. Гуирабом. М., 19.04.1988.

⁸⁴ Правда. 20.04.1988.

⁸⁵ Mayibuye Centre Historical Papers, ANC Lusaka Collection, Rules, governing the privileges and immunities granted to the Mission of the African National Congress (ANC) of South Africa.

Леонидович Адамишин, заместитель министра, который подробно написал о них в своей книге⁸⁶.

Не входя здесь в ход переговоров и детали достигнутого урегулирования, все же подчеркну, что реальный прорыв на переговорах был достигнут именно после «битвы под Куито-Куанавале», да и в обстановке подъема массового движения против режима апартеида.

Завершились они подписанием соглашений в декабре 1988 г. в здании ООН в Нью-Йорке, делавших возможным начало осуществления «Плана ООН» по достижению независимости Намибии. Они должны были способствовать уменьшению накала ситуации на Юго-Западе Африки, но только частично, поскольку в них не затрагивался вопрос о прекращении помощи УНИТА.

В то же время представляется ошибочным утверждение Карена Нересовича Брутенца, высказанное им много позднее, о том, что эти соглашения, по существу, означали уход Советского Союза из Южной и Центральной Африки⁸⁷. На деле наше сотрудничество с дружественными правительствами и национально-освободительными движениями там продолжалось, например, содействие Луанде в военной области осуществлялось еще почти два с половиной года. И «уход» наших военных, и то временный, начался только после заключения в португальском г. Биссесе 31 мая 1991 г. соглашения о прекращении военных действий между правительством и УНИТА и проведении выборов.

При всей важности нью-йоркских договоренностей, слабым местом их было то, что переговоры о их достижении велись без участия СВАПО, и это вскоре сказалось на выполнении достигнутых соглашений. Еще перед началом осуществления «Плана ООН», разработанного и принятого еще в 1978 г., проявились разногласия между СССР и другими постоянными членами Совета Безопасности, с одной стороны, и СВАПО, поддержанным африканскими странами и Движением неприсоединения – с другой. Вызван он был американским предложением сократить численность войск ООН, размещаемых в Намибии в переходный период, до всеобщих выборов. Причина поддержки советскими дипломатами этого сокращения была финансовая: значительный взнос СССР (плюс Украины и Белоруссии, которые тоже являлись членами ООН) в бюджет Группы Организации Объединенных Наций по оказанию помощи в переходный период (ЮНТАГ) таким образом был бы сокращен. Но важен был не столько сам факт принятия такого предложе-

⁸⁶ Адамишин А. Белое солнце Анголы, М.: Вагриус, 2001.

⁸⁷ Брутенц К. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М.: Международные отношения, 2006. С. 453.

ния, сколько то, как это было сделано. Так, кубинские представители узнали об этом шаге от американцев, а Сэм Нуйома чуть ли не случайно, находясь в Хараре.

Приходится отметить, что решение о поддержке сокращения, которое негативно повлияло на отношение к СССР, было принято Шеварднадзе практически единолично; такая практика подмены коллективного руководства и «межведомственного согласования» решением одного или двух-трех человек все чаще стала применяться в последние годы «перестройки». Но недовольство этим шагом было столь велико, что «седой лис», как тогда стали называть Шеварднадзе за его хитрость, внес предложения в ЦК, предполагавшие уступки с нашей стороны, переноса тем самым ответственность на коллективный орган. Но такого решения не потребовалось, так как в рамках ООН был найден компромисс, допускавший сокращение войск при увеличении полицейского контингента ООН в Намибии⁸⁸.

Последующие события показали, что такое решение было адекватным для выполнения ЮНТАГ ее задач, но задержки, вызванные длительными дискуссиями, не позволили сформировать эту структуру вовремя в должном виде.

В марте 1989 г. в Лиссабоне состоялась Международная чрезвычайная встреча за подлинную независимость Намибии, в которой я принял участие, при этом главной целью моей поездки была беседа с прибывшим туда президентом СВАПО. Мы детально обсудили как внутренние, так и внешние аспекты ситуации в Намибии накануне начала осуществления «Плана ООН», и при этом Нуйома подчеркивал, что бойцы СВАПО присутствуют не только в Анголе, но и в Намибии⁸⁹. Правда, сообщалось, что в ходе переговоров, которые, напомним, велись без участия СВАПО, якобы предусматривалось их сосредоточение на ангольской территории, причем не южнее 16 параллели, но это не соответствовало «Плану ООН». К тому же отряды и группы бойцов СВАПО, хотя и разные по численности, действовали на севере Намибии с середины 1970-х гг.

⁸⁸ Подробнее см.: *Cleophas Tsokodayi. Namibia's Independence Struggle. The Role of the United Nations.* Bloomington: Xlibris Corporation, 2011. Книга зимбабвийского дипломата Клеофаса Цокодая написана на основе диссертации, защищенной им в Институте Африки РАН. В период максимального развертывания общий численный состав ЮНТАГ составлял приблизительно 8 000 человек, включая порядка 4 500 военнослужащих, 1 500 полицейских и 2 000 гражданских сотрудников. <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/past/namibia.htm>

⁸⁹ Беседа с С. Нуйомой. Лиссабон, 19.03.1989.

Поездка в Лиссабон была первой в моем новом качестве заместителя руководителя Группы Африки Международного отдела (неясно зачем, но сектора только что были переименованы в группы, а их заведующие – в руководителей, хотя при этом уровень и обязанности, и зарплата сохранялся). В один из январских дней 1989 г. А.Ю. Урнов довольно неожиданно сказал, что мне нужно прийти к Брутенцу, тогда одному из двух первых замов заведующего отделом, причем речь пойдет о назначении меня заместителем или даже руководителем Группы Африки. Должность заместителя была вакантной более года после отъезда Евгения Николаевича Корендясова послом в Буркина-Фасо, но освобождалась и должность руководителя, поскольку Евгений Константинович Денисов, сменивший на этом посту Урнова, был перемещен в группу, занимавшуюся в отделе организационными делами.

Разговор с Брутенцом касался в основном двух вопросов. Я почувствовал, что он был доволен высказанным мной мнением о возможно слишком широких наших связях с различными правящими партиями в Африке, но мы разошлись в оценке перспектив развития ситуации в ЮАР. Понимая важное значение АНК, Брутенц все же никак не мог согласиться с тем, что он будет играть ведущую роль в будущем правительстве Южной Африки, а я настаивал на этом. Так что предложение с его стороны ограничилось должностью заместителя руководителя группы, и я еще два года, до января 1991 года был, если можно так сказать, «заместителем у самого себя», поскольку новый заведующий так и не был назначен. При этом, хотя, говоря военным языком, в мою «зону ответственности» входили все страны Африки южнее Сахары, основное внимание приходилось уделять югу континента и особенно Намибии и ЮАР, где происходили драматические события.

Слова Нуйомы о бойцах СВАПО на территории Намибии вспомнились мне, когда 1 апреля 1989 г., вместо полного прекращения огня там начались активные боевые действия. Власти ЮАР заявили, что из Анголы в Намибию через границу проникло несколько сот бойцов ПЛАН, в то время как руководство СВАПО утверждало, что бойцы и ранее были в Намибии, они лишь сменили место дислокации⁹⁰. Не вызывает сомнения, что они действительно продвигались, чтобы достичь сборных пунктов, которые должны были быть организованы ЮНТАГ. Это стоит подчеркнуть, потому что пропаганда Претории представляла их передвижения, как наступление в сторону Виндхука, и, к моему

⁹⁰ Подобное происходило с бойцами ЗАНУ и ЗАПУ в Зимбабве в переходный период после установления перемирия, хотя сборные пункты там были организованы не ООН, а Содружеством.

удивлению, один отставной полковник САДФ настаивал на этом на семинаре по военной истории, состоявшемся не так давно в Стелленбошском университете.

Значительные силы ПЛАН действительно пересекли ангольскую границу в этот день, но структуры ООН, которыми руководил в Намибии Специальный представитель Генерального секретаря финский дипломат Марти Ахтисаари, были не готовы к этому. Как сообщал корреспондент «Правды», хотя в распоряжении Ахтисаари было уже около тысячи человек, наблюдатели не были посланы на север страны⁹¹. Подтверждала такую информацию и южноафриканская газета «Уикли Мейл»: «На трехсоткилометровом фронте был лишь один ооновский офицер»⁹². А «Намибиен», ведущая газета, выходившая в Виндхукке, прямо писала: «Вина лежит на ООН. Кровавое пролитие можно было избежать, если бы Ахтисаари действовал»⁹³.

Но дело было не только в задержке с развертыванием сил ООН на севере Намибии, на чем сказались затянувшиеся ранее дебаты о их численности. Ахтисаари дал разрешение подчиненным южноафриканскому командованию силам покинуть пределы базы, где они должны были находиться в соответствии с «Планом ООН», и атаковать бойцов ПЛАН. Он явно превысил свои полномочия, не согласовав свои действия со штаб-квартирой ООН, а конкретно – с заместителем генерального секретаря, советским дипломатом Василием Степановичем Сафрончуком⁹⁴. При этом Сэм Нуйома возлагал ответственность за гибель в боях сотен намибийцев на Маргарет Тэтчер, которая находилась в Виндхукке 31 марта, обвиняя ее в сговоре с властями ЮАР⁹⁵.

Участие Ахтисаари в политическом урегулировании в Намибии в качестве руководителя миссии ООН содействовало тому, что в 1994 г. он был избран президентом Финляндии. Но когда после отставки он принял участие в урегулировании другого конфликта – в Косово, он вновь позволил себе исказить роль ООН, составив план достижения независимости этой территории в нарушение резолюций Совета Безопасности ООН. Так что присуждение ему в 2008 г. Нобелевской премии мира было воспринято негативно не только в Намибии.

⁹¹ Правда. 7.04.1989.

⁹² Weekly Mail, Johannesburg. 1989. April 7–13.

⁹³ The Namibian, Windhoek. 1989. 5 April.

⁹⁴ Сафрончук подтвердил это в статье, опубликованной в «Советской России» 14 октября 2008 г.

⁹⁵ The Namibian, Windhoek. 2005. 26 October.

Процесс достижения независимости Намибии все же удалось возобновить⁹⁶, когда руководство СВАПО согласилось вывести своих бойцов в Анголу. А в конце октября 1989 г. я уже смог поехать непосредственно в Намибию в составе делегации наших общественных организаций для наблюдения за выборами. Летели мы в Виндхук через Лусаку, где 30 октября встретились с Рубеном Камангой, одним из руководителей правящей партии ЮНИП. Из беседы с ним, пожалуй, наибольший интерес для нас представляла его оценка ситуации в ЮАР после освобождения незадолго до этого из тюрьмы Уолтера Сисулу и других высших руководителей АНК (кроме Манделы). Митинги с их участием показали поддержку АНК со стороны народа и то, что запрет на него уже не действует. Не только его флаги и лозунги были на этих митингах, но и их безопасность обеспечивали люди в форме АНК.

В Виндхук из Лусаки мы прибыли рейсом замбийских авиалиний, хотя самолет был ливанский, очевидно, эта компания искала работу в других краях, так как в Ливане тогда шла гражданская война. Приезд нашей группы был заблаговременно согласован и с южноафриканскими представителями в Намибии через уже действовавшую там советскую миссию связи, и в штаб-квартире ООН, однако иммиграционные власти в аэропорту Виндхука отказали мне и нескольким моим товарищам, хотя и не всем, во въезде. Даже багаж наш был загружен обратно на борт самолета, а местный цветной полицейский и африканец – представитель авиакомпании – долго пытались убедить нас улететь обратно в Лусаку, но мы категорически отказывались. В конце концов, мы получили разрешение на въезд в страну благодаря демаршу главы советской миссии в Виндхуке Павла Денисовича Павлова, моего сокурсника по МГИМО, перед представителем МИД ЮАР. И только тогда перед нами появился старший южноафриканский офицер полиции высокого ранга. Хотя ни мстительным, ни тщеславным человеком я себя не считаю, почему-то тогда вспомнилась фраза Кутузова из «Войны и мира»: «Будут же они лошадиное мясо жрать, как турки».

Наше пребывание в Намибии включало и присутствие в г. Гобабисе на востоке страны на последнем митинге СВАПО перед выборами, на котором выступал Сэм Нуйома, и встречи с представителями различных политических партий, и присутствие на избирательных участках, к которым в африканском тауншипе Кататуре вели километровые очереди.

При этом само знакомство с советскими людьми для жителей Намибии было тогда особым случаем. Например, я с удивлением узнал после

⁹⁶ Подробнее см.: *Адамшин А.Л.* Белое солнце Анголы.

ухода африканеров – наших собеседников в баре в гостинице, что они уже заплатили за все напитки, а двое черных южноафриканцев, признавших, что они сотрудники спецслужб, чувствуя, что мир вокруг их меняется, даже спросили совета: «Что нам теперь делать?» «Помириться со своим народом», – ответил я им.

Накануне дня выборов, 6 ноября у нас состоялась беседа с Тойво йа-Тойво, тогда генеральным секретарем СВАПО. Его уверенность в победе была обоснована, но ожидания завышены: «Мы уверены, что если выборы будут свободными и справедливыми, то СВАПО победит с 85% голосов, не говоря уже о двух третях»⁹⁷. Однако реальность оказалась другой, СВАПО получила лишь 57,3%. Конечно, сказалась массивная поддержка ее противников, особенно Демократического альянса Турнхалле (ДТА) со стороны властей ЮАР, но не только это. Негативное воздействие на отношение к СВАПО, главным образом в центре и на юге страны оказал тот факт, что некоторые намибийцы, покинувшую родину для участия в борьбе, просто «исчезли», а немало других вернулись, проведя месяцы, а то и годы в заключении, зачастую в ямах, устроенных службой безопасности этой организации. А поскольку народности, живущие в этих районах, сравнительно немногочисленные, трагедия даже нескольких человек не могла не повлиять на отношение их к СВАПО.

Вопрос о репрессиях в рядах СВАПО, нередко необоснованных, которые коснулись даже членов ее ЦК, до сих пор довольно остро стоит в Намибии, вплоть до предложений выдвинуть обвинения против руководителей СВАПО в Международном уголовном суде⁹⁸. В отличие от ЮАР здесь не было создано что-то подобное Комиссии истины и примирения, и отказ сделать это мотивируется тем, что такое примирение уже достигнуто в Намибии⁹⁹.

Состоялась у нас и интересная беседа в неправительственной организации – Намибийском плане мира, которую возглавлял Наум Горелик из влиятельной в этой стране семьи выходцев из России¹⁰⁰. Руководство этой организации, представлявшее в основном «большой (по масштабам Намибии) бизнес» рассчитывало, что при любых итогах выборов в кон-

⁹⁷ Беседа с А.Тойво-йя-Тойво. Виндхук, 6.11.1989.

⁹⁸ Namibian group seeks ICC investigation of ex-leader. Reuters. <https://reuters.com/article/idUSL31916029>

⁹⁹ Nujoma rejects calls for truth commission. The Namibian, Windhoek, 28.11.2005. <https://www.namibian.com.na/index.php?id=17007&page=archive-read>

¹⁰⁰ В независимой Намибии он возглавлял Намибийскую вещательную корпорацию в течение нескольких лет, с момента ее создания.

ституции страны будут включены ранее согласованные (а точнее, навязанные СВАПО) конституционные принципы, которые предусматривали и сохранение частной собственности.

Собеседники отмечали, что в ЮАР урегулирование в Намибии расматривается как эксперимент, важный и для этой страны. Интересной была и высказанная ими мысль об экономических трудностях, вызванных выводом из Намибии южноафриканских войск. Присутствие этих войск привело к «искажению» экономики страны, а их уход привел к исчезновению доходов, которые приносили их обслуживание, ремонт техники и т.д. Присутствие сил ЮНТАГ лишь частично компенсировало это.

А уже в день выборов 7 ноября состоялась наша беседа с Сэмом Нуйомой. Проходила она в Кататуре, африканском районе Виндхука, где тот жил, пока не занял президентскую резиденцию. Примечательно, что, выразив нашей стране благодарность «от имени всех намибийских патриотов», он признал, что еще пятью годами ранее не знал, что «придет к историческому дню». Говорил он и о роли Октябрьской революции (беседа происходила в ее годовщину), и об огромной помощи нашей страны Анголе. Упомянул Нуйома и о том, что ЮАР пыталась захватить советских специалистов, которые работали при СВАПО в Анголе, но намибийцы надежно охраняли их, и этого не смогли сделать.

Стремился он в своем выступлении и оправдать действия СВАПО 1 апреля 1989 г., справедливо отмечая, что «План ООН» предусматривал нахождение ее бойцов «на базах» на территории своей страны.

Когда Нуйома выразил сожаление, что наша делегация уезжает из страны в первый же день выборов, я отшутился, сказав, что делаем это, поскольку уверены в победе СВАПО. Уверенность такая была, но уезжали мы столь рано просто из-за ограниченности общего срока командировки, и так, чтобы уложиться в него, из Виндхука нам пришлось полететь в Мапуту через Йоханнесбург на самолете Южноафриканских авиалиний.

Этот перелет дал мне возможность впервые вступить на южноафриканскую землю и даже провести ночь в этой стране, правда, в довольно специфических условиях – в «безвизовой» гостинице на йоханнесбургском аэродроме¹⁰¹. Конечно, такой визит в ЮАР был чисто символическим, но и он был подтверждением происходивших перемен.

¹⁰¹ Власти ЮАР явно старались привлекать пассажиров к полетам на рейсах своей компании, стоимость проживания в этой гостинице составляла лишь 10 долларов в день, очень небольшую сумму даже в те времена.

Трудно даже представить и оценить, с какими проблемами АНК сталкивался за рубежом, особенно в первые годы и десятилетия существования там его штаб-квартиры. Сейчас, когда многие в Африке «соревнуются» между собой, доказывая, как активно они поддерживали борьбу против режима апартеида, нелегко поверить, что деятельность АНК, например, осложнялась отсутствием паспортов или других проездных документов, иногда даже у членов его руководства. Казалось бы, предоставление им этой минимальной и не слишком обременительной для африканских стран помощи не должно было создавать проблемы, но оказывалась она далеко не всегда.

Джон Маркс, видный деятель АНК, который в то время был и председателем ЮАКП¹⁰², писал в 1964 г. Юсуфу Даду в Лондон из танзанийского г. Морогоро, где тогда находилась штаб-квартира конгресса: «Я не смог присутствовать на конференции солидарности в Москве из-за того, что сейчас нет документа, с которым можно было бы совершать поездки». Но он не терял оптимизма: «В любом случае мы все преодолеем»¹⁰³.

Правда, позднее Танзания стала выдавать эмигрантам из Южной Африки документы, но они настолько были непохожи на обычные паспорта, что иммиграционные чиновники с трудом признавали их. Да и потерять эти листочки бумаги без корочек было нетрудно. И так именно произошло в 1969 г. в Москве с документом на имя Кима Дико, которым пользовался выпускник ленинградского института Мандла Тшабалала (кстати первый муж будущего министра здравоохранения ЮАР Манты Тшабалала - Мсиманг), исполнявший тогда обязанности представителя АНК в Дар-эс-Саламе¹⁰⁴.

Но и наличие паспортов иногда создавало проблемы, особенно если их было несколько. Однажды при отъезде Сэма Нуйомы из Москвы (в тот раз не я его провожал) в Шереметьево он предъявил не тот паспорт (и даже не той страны), по которому он въехал в СССР, а «нужный» забыл в гостинице. Пришлось задержаться и вылететь на следующий день, к счастью, паспорт остался на месте в столе в его номере.

Выдача паспортов членам АНК, естественно, отражала отношение той или иной страны к этой организации, иногда именно она делала воз-

¹⁰² Его именем теперь назван муниципалитет в Северо-Западной провинции ЮАР.

¹⁰³ John Marks to Yusuf Dadoo, 9 April 1964. Mayibuye Centre Historical Documents. ANC London Collection.

¹⁰⁴ К сожалению, вскоре он выехал «для продолжения учебы» в США и отошел от сколь-либо активной деятельности в АНК.

можным работу их представительств. Например, алжирский паспорт, выданный Антони Монгало¹⁰⁵, позволил ему руководить представительством АНК в Италии, хотя пребывать на территории этой страны он мог лишь шесть месяцев, а затем ему приходилось выезжать и снова возвращаться. Остается добавить, что совсем другое положение было у него, когда два десятилетия спустя он работал в Италии уже в качестве посла демократической Южной Африки.

Вопрос о выдаче или продлении паспорта отражал и изменения в отношении к АНК той или иной страны. Например, Джо Слово имел мозамбикский паспорт (на другое имя), срок действия которого истек уже после подписания «Договора Номаде». Слово был вынужден уехать из Мапуту, но мозамбикские власти все же выдали ему новый паспорт. Скорее всего, в этом шаге нашло отражение их недовольство невыполнением Преторией условий двустороннего соглашения, и вместе с тем они проявили осторожность: в паспорте была поставлена дата выдачи до дня его подписания¹⁰⁶.

Документы в архивах и в России, и в ЮАР свидетельствуют о том, что Москва оказывала содействие АНК (и ЮАКП) в изготовлении документов (не хочется употреблять слово «фальшивых») ЮАР, бангустанов и соседних стран, например Свазиленда, с которыми, кстати, у СССР не было дипломатических отношений. И, насколько я могу судить, не было ни одного случая, чтобы «подделка» была обнаружена при проверке в ЮАР.

Но сложности все же иногда возникали. Эндрю Масондо¹⁰⁷ (тогда он был известен как Эдвард Дилинга) после 13 лет тюремного заключения прибыл в СССР на отдых и лечение, за которым последовала военная подготовка. По окончании ее он вылетел в Лондон, но был задержан в аэропорту Хитроу. Об этом стало известно руководству Движения против апартеида, но когда Боб Хьюз потребовал разъяснений у иммигра-

¹⁰⁵ Он выпускник Азербайджанского института нефти и химии, где учился одновременно с Жозе Эдуарду душ Сантушем, занимавшим в 1979–2018 гг. пост президента Анголы.

¹⁰⁶ Внучка Слово, которой по наследству его портфель, обнаружила там скрытый карман, в котором находился еще один паспорт с фотографией Слово, но на другое имя.

¹⁰⁷ Вскоре он вошел в состав Революционного совета и стал комиссаром АНК, в затем и членом его Национального исполкома, но на конференции в Кабве в 1985 г. подвергся критике за излишне жесткое отношение к кадрам и не был избран в новый состав руководства. После 1994 г. он служил в Южноафриканских национальных силах обороны, уйдя в отставку в звании генерал-лейтенанта.

ционных властей, ему сообщили, что Масондо прибыл с фальшивым паспортом, в котором, хуже того, была поставлена «липовая» печать именно аэропорта Хитроу.

Я, конечно, не знал об этих «деталях», но все же перед отъездом Масондо выразил ему сомнения в необходимости поездки в Лондон. И вскоре получил от него письмо, в котором он писал: «Как Вы ожидали, моя поездка была чрезвычайно насыщена событиями. Когда я добрался до Лондона, мне не позволили въехать. Я был задержан, и при этом потерял свой багаж. Я его на нашел до сих пор»¹⁰⁸.

Конечно, такому «оформлению» документов в Москве южноафриканцев не учили, хотя время от времени курсы по «парттехнике» для них у нас организовывались. Например, Азиз Пахад, пишет в своих мемуарах, что после восьмимесячного курса в Москве он «провел шесть месяцев в Луанде в 1977 г., делясь опытом с товарищами, которые также изготавливали фальшивые документы и занимались контрабандой пропагандистских и других материалов в Южную Африку»¹⁰⁹.

Вспоминаются и «забавные» случаи, связанные с этой темой. Один южноафриканец проходил такой курс зимой в квартире, где жил. Морозы стояли сильные, и он пару месяцев практически не выходил на улицу. И когда учеба закончилась, выяснилось, что он настолько прибавил в весе, что пришлось приобрести ему новый костюм.

Был и совсем уже анекдотичный случай. Я встречал в депутатском зале в Шереметьево кого-то из руководителей АНК, а тем же рейсом Лусака–Луанда–Москва прилетела группа южноафриканцев на отдых и лечение. Ко мне подошел хорошо знакомый подполковник – пограничник и сообщил, что у одного из АНКовцев документ явно «липовый». Это было, кажется, английское удостоверение для иностранцев, подлинное, но с явно переклеенной фотографией. Хуже того, этот южноафриканец, который был в легком «подпитии», даже не мог вспомнить имя, под которым он летел в Москву.

Контактам, связанными с «документированием», в южноафриканском освободительном движении занималось очень небольшое число лиц, долгое время это был Мозес Мабида. Однажды, когда группа руководителей ЮАКП возвращалась с беседы с первым заместителем Пономарева Вадимом Валентиновичем Загладиным¹¹⁰, возле лифта они

¹⁰⁸ Э. Дилинга (Э. Масондо) В. Шубину, 30.10.1977.

¹⁰⁹ *Pahad, A. A Resurgent Diplomat. Civil Talks or Civil War. Johannesburg: Penquin Books, 2014. P.58.*

¹¹⁰ По решению ЦК южноафриканцев должен был принять Пономарев, но он от этого уклонился.

столкнулись с «товарищем Иваном», который возглавлял в Международном отделе группу, занимавшуюся «паргтехникой». Они обнялись, а потом они из товарищей Мабида спросил: «Кто это?». – «Товарищ Иван». – «Тот, который был старшим в Анголе?» – «Нет, этот человек не существует».

После кончины Мабида тем же вопросом занимался новый генсек – Слово. Он немало удивил меня, когда приехал на встречу со мной в посольство в Лусаке, и не потому, что с ним были весьма «чувствительные» документы, которые должен был взять с собой в Москву (летел я на самолете «Аэрофлота» с одной посадкой в дружественной Луанде), а тем, что он сам был за рулем и без охранника. А когда я выразил свое удивление, Слово ответил, что не уверен, будет ли такой человек его охранять, или напротив.

Обстоятельный разговор о переменах на Юге Африки состоялся у нас в конце октября 1989 г. в Лусаке по пути в Виндхук с группой руководителей АНК, включая генерального казначея Томаса Нкоби, Джо Слово и генсека САКТУ Джона Нкадименга. Слово, анализируя развитие ситуации в ЮАР, освобождение группы политзаключенных во главе с Уолтером Сисулу, фактическое разрешение массовых демонстраций в поддержку АНК, высказал мнение, что, даже идя на уступки, режим стремится изменить характер конфликта, превратить его из борьбы за смену власти в «чистый протест». «Народ сам снял запрет на АНК и даже в какой-то мере на ЮАКП». Он подчеркнул, что АНК, будучи серьезным революционным движением, не отвергает переговоры в принципе, рассматривая их, как часть борьбы, и зная, что каждая освободительная борьба в Африке заканчивалась за столом переговоров. «Вопрос не в том, вести ли переговоры, а в том, о чем их вести».

Слово особо отметил, что у Советского Союза очень мощный имидж в Южной Африке, он является важнейшим союзником АНК. Режим отчаянно пытается создать впечатление, что СССР «бросает» АНК. «Знаем, что это ложь, но он все более активно делает это»¹¹¹.

Действительно, было бы неправильно сказать, что Москва в то время уже «бросала» АНК, но сначала в словах некоторых журналистов и ученых, а потом и отдельных руководителей стали звучать странные ноты. Так, месяцем ранее, выступая на сессии Генеральной ассамблеи ООН Э.А. Шеварднадзе призвал решительно действовать против любого насилия, чем бы оно ни мотивировалось и не оправдывалось¹¹². Тем самым он отрицал право противников режима апартеида применять ради-

¹¹¹ Беседа с членами руководства АНК. Лусака, 30.10.1989.

¹¹² Известия. 27.09.1989.

кальные методы борьбы. Впрочем, это не помешало Шеварднадзе полгода спустя на встрече с руководителями АНК в Лусаке по пути в Виндхук на церемонию провозглашения независимости Намибии говорить о готовности работать с ними в их «революционных делах».

Слова Шеварднадзе, сказанные в ООН, прозвучали в унисон с выступлением Александра Николаевича Яковлева, другого близкого к Горбачеву члена руководства КПСС на праздновании 200-летия Великой французской революции, в котором он абсолютизировал ненасилие¹¹³. Остается добавить, что впоследствии оба они отнюдь не отказались пользоваться плодами не просто насильственных, а явно преступных действий: Шеварднадзе в марте 1992 г. принял кресло правителя Грузии, предложенного ему людьми, захватившими власть в Тбилиси силой, нередко с криминальным прошлым, такими как Джаба Иоселиани, который ранее был приговорен к 25 годам лишения свободы за грабеж и убийство, а Яковлев в 1993 г. поддержал государственный переворот и расстрел из танков здания парламента, а затем был назначен Ельциным руководителем телевидения и радиовещания.

Политика Москвы на Юге Африки и перемены в ней неоднократно становились темой для исследователей разного уровня. При этом всегда в них было немало искажений, но по мере роста числа публикаций, в том числе и автобиографических, явилось и «default by omission», замалчивание, (не хотелось бы думать, что всегда намеренное) роли или даже факта участия нашей страны в событиях и судьбах людей.

В автобиографии Нельсона Манделы о роли нашей страны сказано совсем немного, да еще с ошибками, например, Брежнев назван в ней «русским премьер-министром». В книге Хильды Бернштейн «Разрыв»¹¹⁴ о судьбах участников освободительного движения и их семей в эмиграции не рассказано даже о людях, находившихся в СССР немало времени. Когда я сказал об этом автору, она ответила, что в Москве южноафриканцев было мало. Но это, конечно, неверно. За пределами Африки, пожалуй, нигде не было столько южноафриканцев, связанных с АНК, как у нас, разве что в Лондоне.

В книге ее не было упомянуто, например, о том, что Эндрю Масондо прошел в течение нескольких месяцев военную подготовку в Москве, что Рут Момпати несколько лет обучалась в Институте общественных наук, ничего не сказано о многолетнем пребывании в Москве и других городах СССР около двухсот южноафриканских студентов. Упомянут

¹¹³ Советская культура. 15.07.1989.

¹¹⁴ *Bernstein H. The Rift. Exile Experience of South Africans.* Cape Town: Jonathan Cape, 1994.

лишь один из них – Пренавер Наикер, но только в связи с тем, что он был женат на советской гражданке.

Профессор Колин Банди, который был вице-канцлером Витватерс-данского университета в Йоханнесбурге, а затем директором Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета, писал в своей книге о Нельсоне Манделе: «Исторически советский блок щедро поддерживал МК, предоставляя обучение, вооружение и деньги, но к 1986 г. Москва задумалась о политических решениях африканских конфликтов и подала сигнал о том, что она уменьшает военную помощь»¹¹⁵.

Но, как уже было сказано, «политические решения» конфликтов» не были чужды Москве и ранее, а что касается «уменьшения военной помощи» с 1986 г., то, скорее, дело обстоит наоборот. Поставки оружия осуществлялись, число принимаемых бойцов на учебу возросло и стало включать курсантов в военно-морском училище и учебном центре ВВС, финансовая помощь АНК продолжалась, а ЮАКП даже увеличилась.

Более того, Москва оказала разного рода содействие в усилиях руководства АНК по созданию структуры вооруженного подполья на территории Южной Африки, которые позднее стали известными как «Операция Вула». Все ее главные руководители – Сатиандрат (Мак) Махарадж, Сипиве Ньянда и Ронни Касрилс перед вылетом в Южную Африку прошли краткосрочную подготовку в СССР, и отправились они туда с измененной внешностью и с надежными документами¹¹⁶. (Кстати, все они после смены власти в ЮАР стали министрами).

То, что достижению политического урегулирования в ЮАР содействовало общее ослабление международной напряженности во второй половине 1980-х г. не вызывает сомнения. Более спорным является вопрос о том, какого рода влияние на это урегулирование оказали радикальные политические перемены в странах Восточной Европы, а затем и в нашей стране. За рубежом, а позднее и в России появились утверждения что оно явилось их следствием и особенно горбачевской «перестройки». Например, издание находящегося в г. Дурбане Африканского центра за конструктивное разрешение споров» (АККОРД) – опубликовало в 1993 г. календарь переговоров в Южной Африке, который начинался с фразы «Ноябрь 1989 г. Берлинская стена рушится, сигнализируя о конце марксистско-ленинской идеологии»¹¹⁷.

¹¹⁵ *Bundy C. Nelson Mandela: Pocket Giants. Cheltenham: The History Press, 2015. P. 85.*

¹¹⁶ Об этих действиях, ставших известными как «Операция Вула», подробнее рассказано в книге автора об АНК.

¹¹⁷ *Towards Democracy, Durban, First Quarter 1993. P. 8.*

На самом же деле «переговоры о переговорах» начались в форме сугубо неофициальных встреч еще в августе и декабре 1984 года в г. Лусаке с членами Национального исполкома АНК профессора Кейптаунского университета Хендрика Ван дер Мерве, который поддерживал контакты с видными деятелями правящей в ЮАР Национальной партии. То есть начались они еще до прихода Горбачева на пост генсека, к тому же его первоначальным лозунгом была не «перестройка», а «ускорение». Но уже тогда Мзвандиле Пилисо, член Национального исполкома и руководитель Департамента безопасности и разведки АНК, заявил, что хотя встречи с Ван дер Мерве не означали начала переговоров, «...АНК не говорит, что никогда не будет никаких переговоров»¹¹⁸.

О начавшихся годом позже встречах Нельсона Манделы в тюрьме с видными эмиссарами правительства Претории, а затем и встречах другого будущего президента Табо Мбеки с представителями большого бизнеса и властей Претории в Англии написано немало. Еще раз только отмечу, что первые из них начались еще по того, как в нашей стране появился термин «перестройка».

Глава 29. «Soviets selling out?»

«Советские продаются?», – так называлась статья, опубликованная в июле 1989 г. в издававшемся тогда в ЮАР журнале «Нью Эра»¹¹⁹. В ней автор, Гай Берджес, критически анализируя высказывания некоторых советских ученых и дипломатов, делал вывод, что официальная советская позиция не противоречит позиции АНК, и это было в принципе верно в то время. Но, глядя на годы издавека, можно сказать: «Да, продавались, только не советские, а антисоветские или те, кто торопился стать таковыми».

Трагедия нашей страны в тот период, конечно, еще требует глубоко-го изучения и это – не тема данной книги. В целом в первый период перестройки, закончившийся где-то в конце 1988 г., в нашей стране чувствовался подъем, который касался как внутренней жизни, так и внешних связей. Этому есть простое доказательство – в те годы в СССР значительно выросла рождаемость.

Напомним лишь, что перемена курса, хотя и радикальная, проходила постепенно и поэтому ей сложно было противостоять. Так, возрождение капиталистической эксплуатации в экономике началось с создания производственных кооперативов, а они существовали в нашей стране еще

¹¹⁸ ANC Weekly News Briefing, 1985, № 2. С. 3.

¹¹⁹ Burgess G. Soviets selling out? // New Era, June 1989. P. 16-18.

«при Сталине», но на других началах. Возможно, рубежом между двумя периодами перестройки можно считать пленум ЦК, состоявшийся 30 сентября 1988 г., хотя этот рубеж не сразу был заметен. На этом пленуме несколько «старых» членов руководства, начиная с Громыко были выведены («по собственной просьбе», конечно) из состава Политбюро, а Добрынин «освобожден» от поста секретаря ЦК и заведующего Международным отделом. Запомнилось мне, что в тот вечер, когда я шел по второму этажу в комнату, где мы знакомились с депешами из посольств, мне встретились Добрынин и председатель Комитета партийного контроля Михаил Сергеевич Соломенцев, которые с довольно грустными лицами что-то обсуждали между собой. И на том же месте я увидел их снова, когда минут через двадцать шел обратно.

Но, что, возможно, еще сильнее отразилось на судьбах КПСС, да и всей страны, это «вытеснение» Лигачева из положения второго человека в руководстве партии на пост председателя Комиссии ЦК КПСС по вопросам аграрной политики. Под лозунгом «Больше социализма! Больше демократии!» на самом деле начался постепенный отход от социализма и сосредоточение власти у узкой группы людей возле Горбачева типа Шеварднадзе и Яковлева, хотя оно сочеталось созданием комиссий по различным направлениям и даже введением в состав Секретариата ЦК рабочего. Но этот рабочий, сварщик из Мариуполя Валентин Алексеевич Гайворонский, ни разу не получил слова на пленумах ЦК. К тому же, по его словам, за год с лишним работы последнего Секретариата ЦК Горбачев лишь дважды был на его заседаниях.

Действия Шеварднадзе на рубеже 1990-х г. нанесли немалый ущерб интересам нашей страны, в том числе и на Юге Африки. Так, он дал согласие на приезд в СССР в августе 1990 г. министра торговли, промышленности и коммерции ЮАР Кенна Дюрра, что было серьезным нарушением политики бойкота Претории и наших международных обязательств. Предлогом визита было обещание оказать содействие в устранении последствий чернобыльской катастрофы, но именно только предлогом.

Затем в декабре того же года, незадолго от своей неожиданной, но от этого не менее позорной отставки с поста министра, Шеварднадзе встретился в Вашингтоне с лидером УНИТА Жонасом Савимби. В интервью «Литературной газете» он говорил о ней: «Вспоминаю о встрече с Савимби, лидером ангольской оппозиции. Пропаганда, мягко говоря, не льстила ему, и я не без опаски согласился на разговор с ним. Оказалось, образованнейший человек, врач¹²⁰, умница. Мы

¹²⁰ Савимби не был врачом, не имел он и степени доктора, хотя его нередко так называли.

очень хорошо тогда поговорили и о многом договорились»¹²¹. Знать бы, о чем!

Владимир Николаевич Казимиров, занимавший пост посла СССР в Анголе, писал: «В Москве после... встречи Шеварднадзе с Савимби чуть было не появились колебания – на кого ориентироваться в Анголе? Наше посольство отстаивало ориентацию на душ Сантуша наперекор тогдашней моде и в пику разношертым “демократам”. Помощники Шеварднадзе и даже наша пресса¹²² стали расписывать Савимби, отмечать его ум, чувство юмора и т. п. Это напомнило, как нахваливали мне его американцы, подчеркивая в беседах, что тот цитирует Руссо по-французски, Мао Цзэдуна по-китайски и т. д. Но ведь поборники демократии не могли не ведать того, что в УНИТА процветает не только культ Савимби, но и колдовство, и телесные наказания, и прочие “демократические” перлы средневековья»¹²³.

Еще раньше руководимое Шеварднадзе ведомство совершило ошибку, проявив легковерие по отношению к режиму апартеида. В сентябре 1987 г. Совет управляющих Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) по инициативе африканских стран принял решение о приостановке членства ЮАР (исключение устав этой организации не предусматривает) и ожидалось, что на очередной конференции это предложение получит необходимые две трети голосов от «коммунистических стран и стран третьего мира». Но неожиданно СССР, а вместе с ним и некоторые другие страны выступили против этого шага, когда президент Питер Бота заявил, что ЮАР скоро сможет подписать Договор о нераспространении ядерного оружия и решила начать обсуждение этого вопроса с другими странами. Это позволило бы МАГАТЭ проводить инспекции южноафриканских ядерных объектов, и ее руководство изменило свою позицию. Но присоединилась ЮАР к договору только семь лет спустя (!), в 1994 г., уже после ликвидации изготовленных атомных бомб и смены политического режима в ЮАР.

Правда, в то время предложение МИД об отказе поддержать позицию африканских стран должно было быть «завизировано» в Международном отделе, но документ попал не к А.Ю. Урнову, а к другому заму Добрынина – Виталию Сергеевичу Шапошникову, который занимался далекими от ЮАР вопросами и не смог правильно оценить обстановку.

¹²¹ Цит. по: Советская Россия, 3.07.1991.

¹²² См., напр.: Известия. 13.12.1990. Журналист этой газеты даже благожелательно сравнивал «программу» Савимби с горбачевской перестройкой!

¹²³ Казимиров В. Мой МГИМО. www.vn.kazimirov.ru

Однако проявлявшееся иногда различие в оценках ситуации отнюдь не мешало нам иметь конструктивные дружеские отношения с коллегами из МИД. В 1980-х г. там существовало три Африканских отдела, Югом Африки занимался третий, который возглавлял чудесный человек Владимир Михайлович Васев. Кстати, именно он, замещая посла Добрынина, информировал американские власти о подготовке ЮАР к атомным испытаниям в Калахари. Затем, в конце 1988 года эти структуры были объединены в Управление стран Африки, руководителем которого стал Юрий Алексеевич Юкалов, многие годы занимавшийся странами Африки, в том числе в качестве посла в Танзании. Наконец, после отъезда его послом в Зимбабве с начала 1991 г. начальником управления стал Владимир Николаевич Казимиров.

Добрые отношения у меня с ним сложились, еще когда он с 1987 г. до конца 1990 г. был послом в Анголе. Вспоминается, как однажды, когда наш Ил-62, летевший из Лусаки в Москву, приземлился в Луанде, меня попросили от его имени подъехать в посольство. Стоянка была два часа, и времени, хоть и в обрез, на это хватало. Выяснилось, что посол, узнав, что пролетом я буду в аэропорту, решил воспользоваться этим, чтобы показать мне проект важной депеши, которую он собирался отправить в Москву. А когда он занял пост начальника управления, я позвонил ему (конечно, по «вертушке») и попросился с «официальным визитом». «Что, я забыл дорогу в родной ЦК?», – ответил он с присущим ему чувством юмора.

Правильно понимая и защищая интересы своей страны, он трезво оценивал участников событий на Юге Африки, как правящие партии, так оппозиционные режиму Претории силы и их руководителей. После моего возвращения с конференции АНК в Дурбане (о ней будет сказано ниже) мне было, мягко говоря, странно читать очередную депешу посла в Ботсване Бориса Рубеновича Асояна из Габороне по итогам этой конференции. Явно она была составлена под влиянием отнюдь не друзей АНК. Не помню точно, но в ней даже говорилось то ли о радикальной, то ли об экстремистской позиции Джо Слово. Нелепость таких утверждений хорошо прочувствовал и Владимир Николаевич, он позвонил мне и зачитал проект своего послания в Габороне, в которой он вежливо, но твердо предостерегал Асояна о «заданности» в его оценках и предложил ему более активно сотрудничать с созданной несколькими месяцами ранее советской миссии связи при посольстве Австрии в Претории, которую возглавил Алексей Андреевич Макаров.

Утрата Горбачевым интереса к нашим старым друзьям сказалось и на том, что в то время как и недругам АНК становилось ясно, что без его участия у Южной Африки не будет будущего, в ходе последнего

официального визита Оливера Тамбо в СССР в марте 1989 г. хотя встреча снова состоялась в Кремле, его принял не Горбачев, а его первый заместитель по Президиуму Верховного Совета СССР Анатолий Иванович Лукьянов.

Кроме оценки ситуации в ЮАР и на Юге Африки в целом, Тамбо в своем выступлении уделил особое внимание роли Советского Союза в этом регионе. «Запад был вынужден признать, что проблемы без АНК решить нельзя, и поэтому хочет завоевать нас на сторону своих идей», поэтому Москва «должна участвовать в решении проблемы, ситуация в Южной Африке не должна быть делом только США, Англии и других западных государств»¹²⁴.

В свою очередь, в отличие от деятелей типа Шеварднадзе и Яковлева, Лукьянов изложил наш неизменный подход к урегулированию конфликтов (хотя и употребил модный тогда термин «разблокирование»), подчеркнув, что оно отнюдь «не означает принесения в жертву борьбы за национальное и социальное освобождение». Он заявил, что в контактах с легальной оппозицией в Южной Африке СССР действует в соответствии с рекомендациями АНК и что Москва будет просить совета прежде всего у его руководства, «если будут какие-то шаги» по двусторонним отношениям с ЮАР¹²⁵. Уверен, что Лукьянов говорил это тогда искренне, да и что позднее Горбачев вряд ли держал его в курсе дела, когда установил «доверительные контакты» с Преторией за спиной АНК.

И все же, скорее всего, у руководителей АНК осталось недоумение в связи со снижением уровня приема делегации во главе с Тамбо по сравнению с 1986 г. Проявилось оно в том, что входивший в ее состав Табо Мбеки позвонил мне из гостиницы, чтобы посоветоваться, как объяснить это на предстоящей пресс-конференции. «Если не Горбачев, то почему, Тамбо не мог бы принять, скажем, премьер-министр?» Я постарался объяснить, что Лукьянов является первым заместителем Горбачева по линии Верховного совета, но в моих аргументах было одно слабое место: по партийной линии он был лишь кандидатом в члены Политбюро.

Но, так или иначе, руководство АНК (и ЮАКП, Слово входил в состав делегации) были рады твердо заявленной поддержке позиций и действий освободительного движения, тем более что, выражая ее, Лукьянов подчеркнул, что он обращается к представителям всех его отрядов, упомянув и вооруженную организацию, и профсоюзы (в со-

¹²⁴ Записи автора на беседе А. И. Лукьянова с делегацией АНК, 11.03.1989.

¹²⁵ Ibid.

ставе делегации были Джо Модисе и генсек САКТУ Джон Нкади-менг).

В целом же характер встречи Лукьянова с делегацией АНК в марте 1989 г., так же как более ранние и более поздние встречи опровергают оценки отношений между Москвой и борцами против колониализма и апартеида, исходившие от многих западных исследователей. Особенно в этом отношении отличился профессор Герман Коэн, который был помощником государственного секретаря США по делам Африки в этот период (1989–1993 гг.), а затем преподавал в Университете им. Джона Хопкинса.

Он писал: «Когда руководство АНК приезжало в Москву за указаниями, они не могли поверить своим ушам. Горбачев и его коллеги прямо сказали южноафриканцам, что они не должны совершать те же ошибки, что они сами... Нельсон Мандела и его команда решили следовать совету Горбачева и пойти по капиталистическому пути»¹²⁶.

Как можно оценить такое заявление, причем человека, который долгие годы был специалистом по Африке в Отделе разведки и исследований госдепа, а затем руководил этим направлением в Национальном совете безопасности США? Во-первых, говорить о том, что лидеры АНК приезжали в Москву за указаниями – значит, не понимать сущности этих поездок, а во-вторых, ни на единственной встрече Тамбо с Горбачевым, ни на других их встречах в Москве ничего о «капиталистическом пути» не говорилось (а я присутствовал на всех, начиная с 1982 г.).

Оливер Тамбо назвал поездку возглавляемой им делегации в Москву в марте 1989 г. «самой успешной», но ее результаты, к сожалению, в плане международной информации были во многом «смазаны» сообщением Би-Би-Си о проходившей почти в те же дни в небольшом английском городке «тайной» встрече между учеными СССР, ЮАР и Англии. При этом особо отмечалось, что советскую делегацию возглавляет директор Института Африки Анатолий Андреевич Громыко – фамилия которого в мире была хорошо известна. При этом представители АНК на встрече не присутствовали.

Шум был большой. Представитель АНК в Москве (и будущий первый посол демократической Южной Африки в России) Сипо Макана рассказывал мне после возвращения с состоявшегося тогда, кажется, в Норвегии, совещания зарубежных представителей АНК, что все они были обеспокоены этой встречей ученых, которую пропаганда Запада и ЮАР подавала как доказательство отказа Москвы от поддержки АНК.

¹²⁶ *Cohen H.* The United States and Africa. Non-vital Interests Also Require Attention. www.americandiplomacy.org.

Анатолий Андреевич пытался поправить ситуацию, Агентство печати «Новости» (АПН) широко распространило его слова, что сущность состоявшегося семинара была искажена в СМИ и что английские организаторы не выполнили его просьбу о приглашении представителей АНК. Аргумент этот был не слишком убедительным: можно было заранее связаться со штаб-квартирой АНК в Лусаке и тем более с его представительством в Москве. Но кажется, и сам он понимал, что допускает ошибку. Во всяком случае один из ее участников много позже сказал мне, что он просил «не говорить о предстоящей встрече Урнову и Шубину, чтобы она не сорвалась».

Об этом злополучном семинаре я прочитал позднее в его интересной книге «Андрей Громыко в лабиринтах Кремля»¹²⁷, но, как это нередко бывает в мемуарных трудах, автор допустил там серьезную ошибку по времени, утверждая, что рассказывал о нем Джо Слово в 1986 г.

В конце июня 1989 г. мы с А.Ю. Урновым имели возможность ознакомиться с подготовленным руководством АНК документом, содержащим основные положения возможного политического урегулирования, то есть, по существу, той самой «организованной передачи власти». Идея подготовки документа заблаговременно была в том, что он составит основу для совместной позиции африканских стран и позволит избежать повторения ситуации 1979 г., когда, по словам Тамбо, переговоры по Зимбабве велись на основе документа, подготовленного Тэтчер.

Проект этого документа привез в Москву Альфред Нзо. Приехав буквально на пару дней, он попросил нас срочно дать комментарии к нему. Такая я же просьба была обращена к Кубе, лидерам ряда «прифронтовых» государств и массового демократического движения в ЮАР. Предполагалось также переправить документ Нельсону Манделе.

Времени на доклад руководству и официальное оформление ответа не было, и мы подготовили его под заголовком «Неофициальные комментарии друга», в котором были поддержаны основные положения документа, хотя некоторые из них были названы «запросными». Например, нам казалось нереальным требование формирования Временного правительства еще до проведения всеобщих выборов, но мы оказались правы лишь частично: «старое» правительство продолжало существовать и в тот период, но по некоторым важнейшим направлениям (вооруженные силы, полиция, контроль над СМИ) над ним была создана особая структура – Переходный исполнительный совет.

¹²⁷ *Громыко Ан.А.* Андрей Громыко в лабиринтах Кремля». *Метаморфозы нашего времени.* М.: Автор, 1998. С. 129-130.

Вслед за этим в Москву в начале июля 1989 г. для встречи с прибывшим тайно из ЮАР руководителем «Операции Вула» Маком Махараджем приехал Оливер Тамбо, и это был его последний визит в нашу страну. На этих встречах в особняке в Серебряном бору, где президент АНК был размещен на этот раз в связи с «закрытым» характером его пребывания в Москве, участвовали также Джо Слово и непосредственно руководившей обеспечением операции Айвон Пиллаи. Уже сам факт, что наша столица была самым надежным местом для такой встречи показывает, что взаимное доверие сохранялось. Более того, Тамбо ознакомил нас с тайно переправленным ему из тюрьмы меморандумом, который Нельсон Мандела направил Питеру Боте.

Оливер Тамбо из Москвы улетел в Лондон, а оттуда – почти сразу в Париж, где был приглашен принять участие 14 июля в праздновании 200-летия Великой французской революции. А по возвращению в Лусаку он планировал совершить поездку по ряду африканских стран, чтобы заручиться их поддержкой проекта документа о переговорах. Именно он и стал основой Декларации Хараре, принятой на заседании Специального комитета ОАЕ по Югу Африки 21 августа 1989 г.¹²⁸ Но самого Тамбо на этой встрече не было, несколькими днями ранее он пережил инсульт.

Состояние здоровья президента АНК беспокоило его друзей. Наши врачи планировали его очередную госпитализацию в Центральной клинической больнице, и он собирался приехать на лечение, но только после участия в работе конференции Движения неприсоединения в столице Малайзии Куала-Лумпуре в сентябре. «Будет еще много Куала-Лумпуров», – пытался я отговорить Тамбо по дороге в Шереметьево, но тщетно.

Два упомянутых выше визита лидеров АНК в Москву как бы показывали сочетание усиления борьбы против режима апартеида в различных формах – от вооруженного сопротивления до поисков политического урегулирования, и в обоих случаях наша страна играла достойную роль, идя навстречу просьбам, поступавшим от руководства движения.

Одним из последствий приезда Тамбо в июле 1989 г. было принятие еще одного решения по оказанию содействия АНК в усилении подпольных структур¹²⁹. В этих рамках в конце января – начале февраля 1990 г.

¹²⁸ https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/ZA_HarareDeclaration-21Aug_1989.pdf

¹²⁹ Примечательно, что проект этого решения, как и первого решения, принятого в 1988 г., с МИД не согласовывался. В этой связи нелишне отметить, что за все годы существования Международного отдела предателей там не было.

в Москве находились Мак Махарадж, перед его тайным вылетом вновь на родину, и Джо Слово. Когда сменивший Питера Боту на посту президента ЮАР Фредерик де Клерк объявил на открытии сессии парламента 2 февраля о снятии запрета с АНК, «Умконто ве сизве», ЮАКП и ряда других организаций, а также о предстоящем освобождении Нельсона Манделы, я шутя спросил Махараджа, нужно ли отказаться от авиабилета, но он, конечно, вновь вылетел в ЮАР, чтобы возглавить подпольные структуры. А несколькими неделями спустя на родину тоже с надежными документами на чужое имя и измененной внешностью вылетел другой будущий министр – Ронни Касрилс.

Здесь можно сделать «лирическое отступление». Далеко не все наши контакты с АНК ограничивались политическими и военными вопросами. С Ронни Касрилсом, в течение 14 лет занимавшим в правительстве Нельсона Манделы, а затем Табо Мбеки стратегические важные посты – заместителя министра обороны, министра водного и лесного хозяйства (нехватка воды – обостряющаяся проблема в ЮАР), а затем и министра разведывательных служб – я познакомился в 1977 году, когда он приехал в СССР по приглашению Союза советских писателей на семинар по поэзии. Правда, за несколько дней до этого я (с оказией) получил письмо от другого будущего министра Эссопа Пахада из Праги, где он представлял ЮАКП в редакции журнала «Проблемы мира и социализма»: «В конце месяца Ронни Касрилс едет в Баку через Москву на писательскую конференцию... Обязательно постарайся встретиться с ним. Он чудесный товарищ и очень хорошо информирован о последних событиях дома [в Южной Африке]»¹³⁰.

Радикальное изменение ситуации в ЮАР сделало возможным открытие в Претории советской миссии связи в виде секции при посольстве Австрии, на двусторонней основе и с согласия руководства АНК и ЮАКП. Это было особенно важно и потому, что штаб-квартира АНК из Лусаки уже переместилась в Йоханнесбург. При этом в советском заявлении для печати от 28 февраля 1991 г. о достигнутых с ЮАР договоренностях четко говорилось, что секции создаются «в отсутствие дипломатических и консульских отношений», обе миссии не имели права на поднятие флага, использование герба и других государственных символов¹³¹, то есть статус миссии властей Претории в Москве был ниже, чем представительства АНК.

Удачным кадровым решением было направление в ЮАР в качестве главы миссии А.А. Макарова, который был знаком с некоторыми ли-

¹³⁰ Письмо Э. Пахада автору. 23.3.1977.

¹³¹ Правда, 28.2.1991.

дерами и активистами АНК еще со времен его военной службы переводчиком при первой группе «Умконто» в Одессе, в затем долгое время, начиная с 1970 г., работавший в СКССАА и Международном отделе ЦК.

Скорее всего, о степени изменения политики Горбачева в отношении Претории в ЮАР знали немногие, но какое-то сомнение в его позиции возникло. После открытия в Претории советской миссии связи там появилось граффити со словами не только «Welcome to South Africa, Mr. Makarov» – («Добро пожаловать в Южную Африку, мистер Макаров»), но и «Gorbachev seems to be a good man» – «Горбачев, *кажется* (курсив мой – *авт.*), хороший человек»)).

Но были, и не только в ЮАР и более четкие и суровые оценки действий Горбачева. Пожалуй, наиболее жесткую оценку им дал Натан Шамуярира, тогда министр иностранных дел Зимбабве, сопровождавший Роберта Мугабе в его поездке в Намибию. Очевидно, учитывая наши долгие добрые отношения, он позволил себе высказаться довольно бесцеремонно, встретив меня 21 марта 1991 г. на приеме в Виндхук по случаю первой годовщины независимости Намибии: «Ну что, Шубин, продал Горбачев Советский Союз США?»

В ответ я попытался доказать, что это не так, но у Шамуяриры был свой аргумент: он рассказал мне, что несколькими неделями ранее первый секретарь посольства США сообщил зимбабвийцам: «Не ждите МиГов. Мы всегда были против этой сделки, и мы сказали русским, что ее нужно отменить»¹³². И лишь позднее посол Ю.А. Юкалов информировал зимбабвийцев, что Москва изменила условия продажи самолетов МиГ-29 Зимбабве, согласованные еще в 1987 г., предложив приобрести их не в кредит, а с оплатой сразу в валюте.

Руководство Зимбабве уделяло особое внимание этому проекту, на переговоры по заключению соглашения в Москву была направлена делегация, в состав которой входил командующий ВВС страны Джосайя Тунгамирайи, а главой был упомянутый выше Морис Нягумбо. член Политбюро ЗАНУ-ПФ и кабинета. Это было использовано с нашей стороны: когда на переговорах возникли трудности, мне поручили встретиться с ним в особняке на Ленинских горах (размещение там делегации было, конечно, знаком внимания). Удалось выяснить, что переговорам мешает какое-то недоразумение, а то и просто неадекватный перевод. На следующий день в Международном отделе состоялась беседа делегации с первым заместителем Добрынина Георгием

¹³² Беседа с Н. Шамуярирой. Виндхук, 21.3.1991.

Марковичем Корниенко¹³³. «Что нам теперь делать?», – спросил в заключение Ньягумбо. «Продолжайте переговоры», – ответил Корниенко. И они не только были продолжены, но и успешно завершились. Было заключено взаимовыгодное соглашение, по которому МиГ-29 поставлялись в кредит, но с оплатой в твердой валюте. Конечно, учитываяась и стратегическое значение планируемых поставок, такое усиление авиации Зимбабве радикально бы изменило соотношение сил – эти наши истребители на порядок были лучше тех, что находились на вооружение ВВС ЮАР.

Проект этот был столь важен для Зимбабве, что на состоявшейся вскоре новой встрече Горбачева с Мугабе, который сопровождал свою жену, участвовавшую во Всемирном конгрессе женщин в Москве в 1988 г., тот особо подтвердил намерение приобрести самолеты. Так что можно понять чувства зимбабвийцев, когда об отказе нашей стороны от договоренностей, согласованных на высшем уровне, они узнали от средней руки «дипломата» США.

«Эрозия» позиции Москвы не могла не беспокоить наших друзей: «Жаль, что некоторые силы в Советском Союзе торопятся установить всякого рода контакты с Южной Африкой... учитывая поддержку, которую мы получили от Советского Союза, было бы трагедией, если бы она была испорчена поспешными шагами»¹³⁴, – писал мне в начале 1991 года доктор Эссоп Пахад, будущий министр по делам президента.

Изменение позиции Горбачева проявилось, первоначально скрытно, и в связи с приглашением в нашу страну освобожденного из тюрьмы после 27 с половиной лет заключения Нельсона Манделы. Ему было направлено приглашение «от имени руководства СССР» за подписью Горбачева, но, по сравнению с проектом, подготовленным нами, в тексте отсутствовала одна строка: «Надеюсь на скорую встречу в Москве». Это, конечно, не было случайным, потому что затем намеченные сроки визита неоднократно переносились. Внешне причины с нашей стороны были «технические», в одном случае ошибку допустила и штаб-квартира АНК, назвав дату без согласования с Москвой, но истинная причина была раскрыта в мемуарах помощника Горбачева Черняева, опубликованных три года спустя: «У Горбачева был какой-то нюх на перспективных и «не нужных нам» деятелей... Он «замотал» свою встречу с Манделой, хотя и ученые, и мидовцы (правда, при некотором сопротивлении с моей стороны) не раз ему пространно доказывали, что это нужно сделать:

¹³³ Он пришел на эту должность с поста первого заместителя министра иностранных дел, очевидно, не поладив с Шеварднадзе.

¹³⁴ Письмо Э. Пахада автору. 2.1.1991.

весь мир тот объехал, везде – на высшем уровне, а в Москву так и не может попасть! Горбачев не верил, что, подпитывая АНК и снабжая его оружием, мы содействуем правильному процессу в ЮАР. Он не пресекал это дело «по инерции», руки не доходили. И понимал, что одно дело, когда Мандела принимает даже в Вашингтоне, а другое дело – в «красной» Москве, подозреваемой в экспансии коммунизма»¹³⁵.

Как и приведенная выше цитата Черняева о Саморе Машеле, эти слова показывают незнание фактов или намеренное искажение их: когда Москва еще считалась «красной», в 1986 г. Горбачев принимал в Кремле Оливера Тамбо, не только лидера АНК, но и ближайшего друга Манделы, как секретарь ЦК с 1978 г., а потом генсек он поддерживал все проекты решений о содействии АНК, в том числе и по военным вопросам. Но, пожалуй, важнее фраза Черняева о том, что Горбачев не считал «подпитывание» АНК содействием «правильному процессу в ЮАР», то есть процесс, который мог привести и привел АНК к власти, для него не был «правильным».

Нельсон Мандела затронул вопрос о своей поездке в Москву, когда он принял меня, Алексея Макарова и представителей Советского комитета солидарности – Владимира Григорьевича Толстикова, сменившего Дзасохова еще в 1986 г., и Дмитрия Леонидовича Завгороднего, в то время секретаря СКССАА по Африке – 3 июля 1991 г. во время первой после снятия запрета конференции АНК, проходившей в г. Дурбане.

Состоялся хороший разговор, из которого мне особенно запомнились слова Манделы: «Без вашей поддержки мы не были бы там, где находимся сейчас»¹³⁶. Но видно было и другое – Манделе было трудно понять, почему он второй год не может приехать в Советский Союз. Упомянув, что в последний раз он узнал, что не сможет посетить Москву уже на полпути, в Нигерии, он добавил. «У Горбачева, должно быть, имелась причина это сделать».

Как только Уолтер Сисулу, председательствовавший на заседании конференции, предоставил слово «естественному союзнику» АНК, в зале началась овация, две с половиной тысяч делегатов сразу поняли, что речь идет о Советском Союзе, еще до того, как увидели, как я выхожу из угла сцены к микрофону. Подготовленный мною проект послания от имени «Секретариата ЦК» (лично Горбачев такие документы уже не подписывал), Валентин Михайлович Фалин¹³⁷, ставший годом ранее

¹³⁵ Черняев А. Шесть лет с Горбачевым. М.: Прогресс-Культура, 1993. С. 195.

¹³⁶ Беседа с Н. Манделой. Дурбан, 3.07.1991.

¹³⁷ В.М. Фалин в конце 1988 г. стал заведующим Международным отделом а 3 июля 1990 г. – и секретарем ЦК.

секретарем ЦК, сделал более «гладким», но, зачитав его, я позволил себе добавить несколько слов о павших в борьбе против расистского режима и о будущих отношениях между «обновленным Советским Союзом и демократической Южной Африкой».

Несколько раз делегаты, во многом молодежь, вставали и аплодировали, прежде всего, конечно, не выступавшему, а нашей стране. После окончания речи мы обнялись с Сисулу, Манделой, Тамбо, а когда я шел на свое место в углу сцены, Крис Хани, другие старые друзья стремились тоже обнять своего гостя, иногда даже прыгая со своего второго ряда вниз.

Есть такое выражение: «На всю оставшуюся жизнь»...

А другие люди, съехавшиеся в Дурбан в связи с проведением конференции, особенно журналисты, были явно удивлены появлением человека, совершенно не известного им, но хорошо знакомого многим руководителям АНК. В газетах, используя стереотипы о России, писали и о «медведе, которого можно обнять», и «об уме, остром, как казачья сабля», удивляясь, что часть выступления прозвучала без бумаги.

Для меня, конечно, во время пребывания в Дурбане было важно, что я смог встретить многих старых друзей – от будущего лорда Хьюза до бывших руководителей «Вулы», Махараджа и Ньянды, освобожденных из заключения, и Касрилса, вышедшего из подполья. А из новых знакомых, пожалуй, наиболее интересным был разговор с генералом Банту-бонке Холomisой, главой правительства «независимого» Транскея, который хотел бы послать на подготовку в Советский Союз своих военных. Просьба эта была неслучайной, потому что незадолго до этого, бойцы «Умконто», которым в Транскее предоставили иммунитет от преследований, помогли сорвать организованную с территории «белой» ЮАР попытку свержения правительства Холomisы.

Мы с Алексеем Макаровым возвращались из Дурбана в Преторию на автомашине через красивые горный район Дракенсберг, и мне забавно было видеть, как на перевале машины останавливались и южноафриканцы, не только дети, играли в снегу. Многие из них, наверное, видели его впервые, а мне вспомнилась присказка, которая ходила среди наших тридцатью годами ранее зимой в Александрии: «Нас с детства обманывали, говорили, что в Африке жарко».

В Йоханнесбурге, в «Шелл-хаузе», где размещалась штаб-квартира АНК, встретились мы и с Оливером Тамбо, и с Джо Слово, который был очень доволен результатами выборов в Дурбане: и избранием Нельсона Манделы на пост президента АНК, а Сирила Рамапосы – на пост генсека, и новым составом Национального исполкома АНК. Был у нас и раз-

говор с Джо Модисе, причем на тему о продолжении подготовки военных кадров в Советском Союзе.

В тот период между АНК и ПАК была договоренность о создании «Патриотического фронта»¹³⁸. Хотя он оказался совсем недолговечным, тогда у нас состоялся интересный разговор с Дикгангом Мосенеке, вице-президентом ПАК. Показался он мне человеком разумным, и я не удивился, когда вскоре он вышел из этой партии¹³⁹. А другой разговор – с чиновниками МИД в Претории был малосодержательным, чувствовалась их растерянность перед быстро меняющейся политической ситуацией, что напомнило мне атмосферу в госдепе пятью годами ранее. Примечательным был, пожалуй, лишь один эпизод: Алексей спросил провожавшего нас чиновника о ком-то из его коллег. «Его послали в Австралию», – ответил тот. «Далеко!». «Мы далеко отовсюду» – завершил диалог южноафриканец, и мне показалось, что он имеет в виду не только географические расстояния.

В нашей миссии связи тогда было три сотрудника: Макаров и два на уровне советников – Кирилл Борисович Карпович и Владимир Владимирович Лебедев, которого я знал и раньше. Улетал я из ЮАР 9 июля, провожали меня Кирилл и Владимир (Алексей был на конференции, кажется, Консервативной партии), весь день у нас были встречи с южноафриканцами в Йоханнесбурге, а когда, наконец-то выехали в аэропорт, то в темноте проскочили поворот и оказались намного дальше от города. К счастью, другой водитель не только помог нам определить, где находимся, но и вывел на правильную дорогу. За рулем был Володя, но, нам повезло, что автомашина была Кирилла, более устойчивая, но и она начала «прыгать», когда он развил бешеную скорость, стремясь обогнать какую-то фуру.

У меня в те минуты была четкая мысль, что мы можем разбиться, но не насмерть, потому что это был день моего рождения. Но только когда машина все же «успокоилась», мы добрались до аэропорта, а я, хоть и последним, зарегистрировался на рейс в Лондон, я сказал своим товарищам об этом.

¹³⁸ Вопрос об объединении АНК и ПАК, причем «на равных» неоднократно ставился африканскими лидерами, однако когда к концу 1980-х годов огромное различие в силе и авторитете двух организаций стало явным, я позволил себе однажды сугубо неофициально спросить А.Нзо, не будет ли смысла включить руководителей ПАК в АНК и «растворить» эту организацию, но он ответил: «А сколько агентов ЦРУ тогда появится у нас в руководстве?».

¹³⁹ Мосенеке стал видным юристом, до ухода в отставку занимал пост заместителя председателя Конституционного суда ЮАР.

Я даже успел до начала посадки на рейс в Лондон принять «дабл джин энд тоник» за свой день рождения, вспомнив к тому же, что уже встречал его по пути из Африки домой ровно тридцати годами ранее, когда 9 июля 1961 г провел весь день в поезде «Одесса-Москва». Но никак я не мог представить себе, что еще ровно через тридцать лет, 9 июля 2021 года вновь буду «отмечать» свой день рождения, вылетев на родину из ЮАР, только не из Йоханнесбурга, а из Кейптауна.

Летел я домой из Лондона утром 10 июля, не зная, что перелет до Москвы представителя возглавлявшейся Горбачевым (хотя все больше на бумаге) партии, только что передавшего послание ее руководства конференции АНК, совпал по времени с приемом тем же Горбачевым в Кремле в те же часы руководителя спецслужбы противника АНК – расистского режима ЮАР. Но об этом – чуть позже.

По итогам поездки и особенно беседы с Нельсоном Манделой мной была подготовлена и направлена высшему руководству докладная, а через пару недель я выступил в популярной тогда утренней программе телевидения. В ней постарался провести простую мысль: «Строить отношения с нынешним правительством Южной Африки нужно так, чтобы не испортить отношения с будущим правительством». На следующий день мне позвонил Виталий Семенович Гусенков, ранее сотрудник нашего отдела, а тогда – референт генсека, в обязанности которого, в частности, входили отношения с Африкой. Упомянув, что видел мое интервью по телевидению, он сказал, что моя докладная была доложена Горбачеву, который нашел время ее прочитать во время полета куда-то на Запад и распорядился, чтобы разрядить обстановку, специально направить в ЮАР человека с устным посланием Манделе. Гусенков назвал мою фамилию, но дело кончилось тем, что в Йоханнесбург вылетел В.Д. Николаенко, тогдашний заместитель министра иностранных дел. Однако если ему и удалось успокоить наших старых друзей, то ненадолго.

Причины, по которым на рубеже 1990-х г. были сделаны столь ошибочные шаги во внешней политике нашей страны в целом и в отношении Южной Африки в частности требуют глубокого анализа, и ограничимся пока лишь некоторыми соображениями, касающимися этого региона.

Прежде всего это преувеличение значения внешних факторов. Ослабление международной напряженности во второй половине 1980-х гг. действительно создало более благоприятную обстановку для политического урегулирования, но, как писал еще в начале 1990 г., накануне снятия запрета с АНК и ЮАКП Палло Джордан, видный член руководства АНК, а впоследствии министр в демократическом правительстве ЮАР: «Если сегодня кажется, что урегулирование путем переговоров стано-

вится вероятным, то это происходит больше благодаря борьбе, которую ведет южноафриканский народ, чем стратегиям, разработанным в Москве или Вашингтоне»¹⁴⁰.

Во-вторых, это стремление Горбачева, подогреваемое его непомерным тщеславием, да и выдвинутого им на пост министра иностранных дел Шеварднадзе представить себя как пионеров «нового политического мышления». Модным стал термин «разблокирование региональных конфликтов» (хотя, как уже отмечалось, строго говоря, их, наоборот нужно было блокировать, не дать разгореться), которое подавалось как что-то новое, забывая, что к урегулированию таких конфликтов Москва стремилась и ранее.

В-третьих, это забота о «личных интересах». Один лишь пример. Тогдашняя жена сотрудника Управления Африки МИД, а затем посла в Ботсване, Б.Р. Асояна, который во время ситуационного анализа в Международном отделе ЦК говорил о нецелесообразности ликвидации апартеида, поскольку «власть белого меньшинства гарантирует сохранность высокоразвитой экономики ЮАР от разрушения, а нацию африканеров от уничтожения», а в практических делах довольно неразборчиво устанавливал контакты с различными южноафриканскими структурами и личностями, «благодаря его связям» стала «медийным консультантом» знаменитой компании «Де Бирс»¹⁴¹.

И, наконец, чисто политический и даже идеологический подход: по мере роста влияния антисоциалистических сил, особенно в СМИ, на рубеже 1990-х годов и особенно после «развала СССР» участились действия «от противного»: если Советский Союз, а тем более КПСС с АНК имели хорошие отношения, значит, это «нехорошая организация».

Доктор Роб Дэвис, который во второй половине 1980-х г., будучи сотрудником Центра африканских исследований Университета им. Эдуарду Мондлане в Мапуту, не раз бывал в Институте Африки, пишет в своей недавней книге: «В этом климате некоторые исследователи в Институте Африки в Москве пошли даже дальше, ставя под сомнение роль и значение АНК и ЮАКП в достижении «перемен» в Южной Африке... Некоторые из молодых исследователей института действительно заигрывали с идеями, которые были удивительно похожи на “ассоциативную демократию” (представительство расовых блоков), тогда модную в консервативных кругах Южной Африки. Интересно, что почти никто из

¹⁴⁰ Цит. по: Азия и Африка сегодня. 1991, № 1. С. 33.

¹⁴¹ <https://mislpronzaya.livejournal.com/1015403.html>. В ряде СМИ утверждалось, что в 1992 г. Асояна покончил с собой, причем из-за жены, хотя называли и кризис амбиций, другие, более серьезные причины.

тех, кто продвигал эти идеи, не остался в России после распада Советского Союза»¹⁴².

К сожалению, подобные настроения, хотя и не в столь резкой форме, проявлялись и среди тех, кто, казалось бы, должны были иметь богатую, надежную и объективную информацию о положении в Южной Африке. На упомянутом заседании, если у присутствовавших других сотрудников МИДа слова Асояна в защиту режима Национальной партии вызвали недоумение, то представитель, как тогда говорили, «ближних соседей»¹⁴³ с ним солидаризировался. А вслед за этим, на другом ситуационном анализе, проходившем в Институте Африки, еще один представитель этой государственной организации утверждал, что никто их руководителей АНК, находившихся в Лусаке, и не думает, что в будущем войдет в правительство Южной Африки.

Что объясняло такие взгляды представителей именно этой государственной структуры? Неадекватное знание ситуации? Возможно. Мне уже приходилось писать, как Альфред Низа, представлявший АНК на встрече «прифронтовых государств» в 1984 г. после того, как ему перевели полученное в Москве сообщение об этой встрече, сказал четко: «Это не та встреча, на которой я присутствовал». Вспоминается и другой, более поздний случай: нами была получена информация о состоявшемся заседании Национального исполкома АНК, в которой противопоставлялись позиции двух его членов со сходными фамилиями – одного – «националиста» и другого – «коммуниста». На самом же деле членов Исполкома ни с одной, ни с другой такими фамилиями вообще не существовало. Был один человек с фамилией, похожей на обе, но он, член ЦК ЮАКП, в это время был в Москве уже несколько месяцев на учебе в Институте общественных наук.

Сказывались, очевидно, и недостаточно активные контакты с членами руководства АНК, а именно беседы с ними позволяли нам лучше оценивать ситуацию, чем сообщения, получаемые из различных государственных структур. И одновременно влияние бесед с представителями спецслужб Претории. Но парадокс был в том, что такие собеседники из Москвы, которые тогда еще назывались советскими, со временем ста-

¹⁴² *Davies R. Towards a New Deal: the political economy of the times of my life. Jeppestown: Jonathan Ball Publishers, 2021. P. 46, 48. Правда, кое-кто из них все же позднее вернулся в Россию.*

¹⁴³ Ближними соседями дипломаты именовали чекистов, потому что здание Наркомата иностранных дел на Кузнецком Мосту находилось рядом с ведомством госбезопасности на Лубянке. А дальние соседи – военные разведчики. <https://argumenti.ru/history/2018/11/5924813>

ли более негативно относиться национально-освободительному движению, чем их южноафриканские партнеры.

Интересное суждение в этой связи высказывают И.И.Филатова и А.Б. Давидсон в их книге по истории отношений России и Южной Африки. Они пишут, что между двумя спецслужбами разногласия и непонимание были прежде всего в отношении АНК. «Здесь все складывалось противоположно тому, как это, казалось бы, должно было быть... в начале 90-х годов некоторые представители российских спецслужб относились к АНК без особого энтузиазма. [Но] Руководство НСР [Национальной службы разведки ЮАР] к предупреждениям российских коллег не прислушалось...»¹⁴⁴. То есть представители Претории, относились уже более позитивно к нашим старым друзьям, чем их партнеры из Москвы. Как говорится, дожили!

Много лет спустя я спросил к одного их ветеранов, ныне покойного, почему же организация, в которой он работал, а точнее служил, и которая много сделала в защиту государственных интересов нашей страны в Африке, заняла такую странную позицию на заключительном этапе борьбы против колониально-расистских режимов.

«Понимаете, – ответил он, – на нас такой накат тогда был, и мы хотели показать, что приносим пользу...». Сказано это было искренне, но неубедительно.

В середине марта 1991 г. мне позвонил руководитель одного из отделов КГБ, занимавшихся Африкой. В конце разговора, когда мы уже обсудили поднятый им вопрос, я сказал ему, что на днях лечу вместе с В.А. Гайворонским через Хараре в Виндхук на празднование первой годовщины независимости Намибии. «До Хараре мы летим тем же рейсом», – в ответ сказал он, но не уточнил куда далее. Конечно, скрывать генералу от меня дальнейший маршрут было, по меньшей мере, наивно¹⁴⁵. Я просто позвонил сотруднице в партийной гостинице, которая занималась авиабилетами, и попросил посмотреть в списках пассажиров, кто еще летит до Хараре в первом классе (бизнес-класса тогда не было, и официальные делегации летали первым классом) и куда последует из Хараре¹⁴⁶.

¹⁴⁴ Филатова И. и Давидсон А. Россия и Южная Африка. Наведение мостов. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 442.

¹⁴⁵ Наивно было бы и думать, что транзит пассажиров первого класса из Москвы в Йоханнесбург прошел без внимания со стороны зимбабвийских властей.

¹⁴⁶ В книге И. Филатовой и А. Давидсона со ссылкой на разговор с бывшими южноафриканским разведчиком говорится о поездке двух генералов КГБ в ЮАР тремя годами ранее, но это ошибка.

Подробно этот визит в ЮАР двух генералов КГБ описан в книге тогдашнего директора Национальной разведывательной службы (НИС)

Рассказывая о том, что предшествовало этой поездке, Барнард пишет о контактах его службы с представителями КГБ «в течение ряда лет во многих европейских городах, особенно с прицелом на приостановление русской финансовой и военной помощи АНК, или хотя бы уменьшения ее. Прогресс шел мучительно медленно. Но наконец-то мы увидели отличные результаты»¹⁴⁸.

Правильнее было бы сказать, что долгие годы для Претории не было никакого прогресса, еще после закрытой встречи в Вене в 1984 г.¹⁴⁹ представители ведомства Барнарда жаловались на это, да и целом все эти годы продолжалась наша, хотя и скромная, финансовая помощь АНК, а военная даже усиливалась. Лишь в последний период «правления Горбачева» действительно ситуация изменилась вместе с другими негативными сдвигами в его политике.

Если поверить Барнард, его служба провела операцию, чтобы «беспрепятственно доставить этих двоих [генералов] в страну под носом у полиции безопасности» ЮАР. Что же касается содержания бесед с ними, то оно было довольно своеобразным, особенно по тематике Советского Союза. Например, генералы якобы заявили, что «90% из 2500 членов советского парламента [съезда народных депутатов] были не сведущи в политических вопросах и имели очень мало опыта государственно-го управления или вообще не имели его»¹⁵⁰.

Но еще больше южноафриканцы были удивлены, когда на встрече с Де Клерком, состоявшейся в резиденции президента в Кейптауне 25 марта 1991 г., «довольно неожиданно Артемов [так назвался один из генералов] обратился за помощью к Южной Африке в предоставлении фуража для скота в Советском Союзе. Официально [очевидно, устное] послание Горбачева гласило: «Мы сталкиваемся с серьезными трудно-

¹⁴⁷ *Barnard N. with Wiese T. The Negotiated Revolution. Inside the War Room at the Negotiations. Cape Town: Tafelberg, 2017. P. 65-67.*

¹⁴⁸ *Ibid. P. 65.*

¹⁴⁹ Старший из советских участников этой встречи С.Я. Синицын подробно рассказал о ней в своей статье «Венский вальс с бурями», отметив, что она была организована «после всестороннего межведомственного обсуждения и согласования со Старой площадью». Африка в воспоминаниях ветеранов дипломатической службы, М., 2000. С. 184. Упомянуто о ней и в статье С.А. Колмина «Ангольский ад», «Солдат удачи», № 2, 2007, но там ошибочно утверждается, что «С советской стороны переговоры формально возглавлял МИД, но реально курировал КГБ».

¹⁵⁰ *Barnard N. with Wiese T. P. 65-66.*

стями в нашей национальной экономике в обеспечении страны кормами и продовольствием»¹⁵¹.

Однако в ответ де Клерк сказал, что Южная Африка в то время тоже испытывала нехватку некоторых сельскохозяйственных продуктов, но выразил готовность направить в СССР «команду экспертов» для обсуждения практической помощи. И, как пишет, Барнард, позднее этот план был реализован, причем «междепартаментскую команду» возглавил не кто иной, как один из руководителей НИС Майк Кюн¹⁵², то есть вместо фуража Горбачев (или уже Ельцин?) получил южноафриканского разведчика, которого, кстати, обвиняли в участии в убийстве противника режима апартеида.

Де Клерк также просил передать Горбачеву просьбу «оказать давление на ЮАКП и «Умконто ве сизве», чтобы они отказались от использования насилия с целью достижения политических целей»¹⁵³. Поскольку по так называемому «Преторийскому протоколу», подписанному еще 6 августа 1990 г., АНК обязался «приостановить» вооруженные действия, просьба эта была явно лишней, если только президент ЮАР не считал, что компартия и «Умконто» могут вести такие действия в отрыве от АНК.

Рассказ о пребывании двух генералов в ЮАР Барнард заключает словами: «Мы должны признать, что действительно прощались с ними с тяжелым сердцем»¹⁵⁴. Но расставание было недолгим: в июле он сам оказался в Москве, на «объекте» в районе Теплового стана, который «вошел в историю» полтора месяца спустя как место, где совещались организаторы так называемого ГКЧП.

При этом он вместе с Майком Кюном были не просто «гостями КГБ». Если верить шефу разведки ЮАР (и тем, кто ему это сказал), ради встречи с ним в Кремле 10 июля Горбачев даже прервал заседание Политбюро, поскольку днем ранее у Барнарда умер отец, а встреча первоначально предполагалась на следующий день.

Барнард пишет, что до 40-минутной встречи с Горбачевым они провели в нашей стране три дня, но его описание этих дней вызывает сомнения. Например, он утверждает, что в Московском университете учился «ряд южноафриканских коммунистов», причем, по словам встретившегося с ними ректора, некоторые из южноафриканцев были «бездельниками высшего порядка». Трудно представить, что тогдашний ректор академик А.А. Логунов мог сказать такое, да и, насколько я пом-

¹⁵¹ Ibid. P. 66.

¹⁵² Ibid. P. 67.

¹⁵³ Ibid.

¹⁵⁴ Ibid.

ню, долгое время в университете был лишь один южноафриканский студент, который не только защитил кандидатскую диссертацию, но много позднее был послом ЮАР в России.

И уж совсем нелепым выглядит рассказ о посещении «дачи Иосифа Сталина в окрестностях Курска, где произошло величайшее танковое сражение в истории». Там Барнард не преминул поерничать: сфотографироваться не только в ванной, примыкающей к спальне, но и в туалете. «...в конце концов, очень немногим людям выпала честь делить туалет со Сталиным», – хвастается он. Но, на его беду, о «даче Сталина» в окрестностях Курска никто никогда не слышал, кроме Барнарда и его коллеги, и выглядит все это так, что их новые партнеры решили подшутить над ними, удовлетворяя их непомерное тщеславие.

Может быть, ради удовлетворения этого порока Барнарда тогдашнее руководство КГБ пошло и на шаг, который трудно назвать иначе, чем нелепым – лично В.А. Крючков приколол на грудь человека, который более десяти лет возглавлял спецслужбу режима апартеида, «награду КГБ в знак признания той выдающейся заслуги, которую я оказал в построении отношений между двумя спецслужбами»¹⁵⁵. И когда несколькими годами позже Барнард, сидя за виски со Джо Слово, тогда уже министром в правительстве Манделы, показал ему фотографию этого вручения, тот пошутил: «Вы продвинулись в КГБ дальше, чем я. Вы думали, что я майор КГБ¹⁵⁶, но мне кажется, что Вы были фельдмаршалом!»¹⁵⁷. Как писал Лермонтов: «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно».

Последнее, что мы смогли сделать в поддержку наших друзей, идущих по пути к власти – это послать в начале августа в Форос, где на даче находился Горбачев, записку с предложением сохранить для АНК возможность бесплатного обучения его военных кадров, Вызвана ее необходимость была тем, что довольно неожиданно правительством было принято решение о переводе их подготовки на платную основу без учета и политической стороны вопроса, и реальных возможностей этой организации.

Забегая вперед, приходится, к сожалению, сказать, что, к нашему стыду, осенью 1991 года, еще «при Горбачеве» всем южноафриканцам, обучавшимся в советских военных заведениях, в том числе и нынешним командующим ВВС и ВМС Южной Африки, было предписано покинуть нашу страну.

¹⁵⁵ Ibid. P. 72.

¹⁵⁶ Власти Претории называли Слово то майором КГБ, то полковником.

¹⁵⁷ Barnard N. with Wiese T. P. 72.

Глава 31. Августовская трагедия

Тема «ропуска» Советского Союза, конечно, лежит за пределами тематики этой книги, даже если этот факт повлиял на жизнь ее автора, как и сотен миллионов жителей СССР. Ограничимся одним рассказом. В июне 1999 г. я вместе с покойным профессором Харубом Османом, первым танзанийским выпускником МГУ, посетил Джулиуса Ньерере в его родной деревне Бутиама. После доброй беседы и рабочего обеда Ньерере попрощался с нами на крыльце дома, а руководитель его хозяйства стал провожать нас далее. Я знал, что ранее тот был председателем кооператива в Бутиаме и спросил его: «Почему именно этот кооператив развалился?». Тот ответил: «Он не развалился, его развалили» («It didn't collapse, it was collapsed»). Вот также я и отвечаю, когда меня спрашивают, что случилось с Советским Союзом.

В августе 1991 г. я был неделю в командировке в Казахстане – в городах Алма-Ате и Балхаше. Связано это было с подготовкой съезда КПСС, начавшейся всего лишь через год после предыдущего съезда, что уже само по себе означало, что партия находится в кризисе. Пребывание в Казахстане, многочисленные встречи с, как тогда выражались, партийным активом полностью подтвердили это, и прежде всего всеобщее недоверие к Горбачеву: из сотен людей, присутствовавших на встречах, лишь один человек высказался о нем положительно. Но такое же отношение было и к Ельцину: лишь одна женщина выступила в его защиту, да и то подойдя ко мне уже после окончания встречи.

В Москву я прилетел вечером в воскресенье 18 августа, и утром в понедельник собрался на работу, не посмотрев и не послушав последние известия. Уже спустившись вниз, почти на выходе из дома услышал, как дежурная говорила кому-то: «Горбачева прогнали, вместо него стал какой-то комитет». Уже во дворе встретил знакомого из орготдела, с которым познакомился годом ранее перед своей поездкой в Магаданскую область, на Колыму годом ранее. «Что за комитет?» – «Янаев, Павлов, Язов, Крючков...». На душе стало спокойнее – все эти люди были из высшего эшелона государственной власти.

В отделе царил полная неясность, если не сказать растерянность. Через несколько часов после начала рабочего дня на совещание руководителей групп собрал один из «замзавов». В своей информации он подчеркивал, что события – дело государственных органов, и что партия в них роли не играла. А на мой вопрос о Ельцине с усмешкой ответил, что тот «выступает с призывами и строит баррикады» возле Белого Дома.

Мне было ясно, что при любом развитии событий партия проигрывает. Хорошо помнил я и то, что случилось в Берлине, когда документы раз-

ведки ГДР оказались отнюдь не у «народа», ворвавшегося в здание «Штази», а у ее противников, причем даже не в Западной Германии, а в США.

Я собрал нашу Группу Африки и посоветовал своим товарищам уничтожать те документы, которые при попадании их в руки противников наших друзей могут представить опасность. Прежде всего это касалось, конечно, АНК и ЮАКП. При этом нужно четко сказать, что все официально зарегистрированные секретные документы были сохранены, но в сейфах и железных шкафах было немало других документов, тоже носивших конфиденциальный характер, попадание которых в «чужие» руки могло бы создать проблемы нашим друзьям. В частности, в материалах, подготовленных для бесед нашего руководства с делегациями АНК указывались и связи ее членов с компартией, например, что Табо Мбеки был тогда членом Политбюро ЮАКП.

Вынужден я был «пустить в расход» и некоторые документы, касавшиеся «Умконто ве сизве». Как историку мне особенно жаль уничтоженную папку материалов по «Операции Джей», попытке организации высадки с моря отряда бойцов «Умконто»¹⁵⁸, переданную нам на хранение Джо Слово, но как «political animal», я понимаю, что был прав. Тем более, что после этих событий помещения Международного отдела были первоначально заняты российским МИД, возглавлявшийся Козыревым, предательская роль которого уже совершенно ясна теперь, когда он из Майами призывает усилить санкции против Москвы.

Все дни существования так называемого ГКЧП от руководства партии нам, сотрудникам «аппарата» ЦК не поступало ни указаний, ни хотя бы какой-либо информации. Лишь в четверг 22 августа, после позорного провала того, что противники стали называть путчем, Фалин встретился с сотрудниками отдела. Из его рассказа стало ясно, что руководство партии действительно не принимало участия в подготовке и осуществлении действий ГКЧП: сам Фалин узнал о нем «пост-фактум» от соседа по даче, а заместитель генерального секретаря ЦК Владимир Иванович Ивашко находился после операции в санатории.

23 августа с «подачи» ближайшего тогда сторонника Ельцина Бурбулиса Горбачев дал согласие на закрытие зданий ЦК, за которым последовало «приостановление» указом Ельцина деятельности КПСС, затем и ее запрет¹⁵⁹. На следующий день после ельцинского указа, 24 августа Горбачев не только сложил с себя полномочия генсека, но и призвал ЦК КПСС принять «трудное, но честное» решение самораспуститься. Одна-

¹⁵⁸ Об этой неудачной операции подробнее рассказано в моей книге по АНК.

¹⁵⁹ При этом датой указа «по-иезуитски» было выбрано 6 ноября, канун празднования Октябрьской революции.

ко сам же он не позволил созвать пленум ЦК, на котором такое решение могло бы быть принято, опасаясь, очевидно, что этого не случится.

23 августа всем сотрудникам аппарата было предложено покинуть здания ЦК, но при этом запрещено было брать с собой какие-либо материалы, связанные с их работой. Через несколько дней, правда, было разрешено посетить свои рабочие места и забрать личные вещи, но опять же только их. Я этого делать не стал, все мои «личные вещи», оставшиеся в кабинете, были связаны с работой: два шкафа, полные книг и документов, один мой, а второй – «унаследованный» от А.Ю. Урнова, уехавшего в конце 1990 г. в Намибию в качестве первого посла Советского Союза в этой стране. Был в кабинете и большой железный шкаф уже не с личными, а со служебными документами. Но все эти документы ждала одинаковая судьба: директор одного из госархивов лет шесть-семь спустя говорил мне, что документы и книги, изъятые из кабинетов Международного отдела, были свалены в подвале его заведения, хотя и добавлял слово «кажется».

Глава 31. 365 дней

Я еще раньше был настроен заняться научной работой. Вспоминается, как однажды я говорил южноафриканским друзьям, включая Табо Мбеки, что после их победы пойдут другие дела, по линии ГКЭС и т.д., а я уйду в Институт Африки. Но не думал я, конечно, что на «трудоустройство» на научную работу у меня уйдет 365 дней. (Не пишу «целый год», поскольку 1992 год был високосным). Заместители директоров двух академических институтов по рекомендации Аполлона Борисовича Давидсона были готовы принять меня на работу, тем более что к тому времени у меня вышли уже две монографии и немало статей, но не смогли получить согласие своих директоров, которые явно опасались взять работника Международного отдела, хотя оба они ранее входили в состав ЦК, а, может быть, как раз поэтому. Да и в Институте Африки мои документы пролежали в отделе кадров полгода.

В эти трудные месяцы помощь мне пришла от тех, с кем я был связан по работе на «южноафриканском направлении». Где-то в конце сентября 1991 г. у меня дома неожиданно раздался звонок из ЮАР. Я услышал голос Эссопа Пахада, будущего министра: «Шубин, приезжай сюда работать в университете...». Правда, прошло еще больше года, пока я не получил официальное приглашение от профессора Джекса Гервела¹⁶⁰,

¹⁶⁰ Я был рад увидеть его имя на табличке на шоссе, ведущем из города в кейптаунский аэропорт.

ректора Университета Западного Кейпа, который он называл «интеллектуальным домом левых», будущего руководителя аппарата президента Нельсона Манделы, занять должность старшего научного сотрудника Центра исследований Юга Африки в этом университете.

Возможно, это было вызвано тем, что не всем в университете нравилось появление человека из Москвы. Позднее мне рассказывали, что, когда этот вопрос обсуждался на одной из кафедр, «чаша весов» склонилась в мою пользу, когда один из сотрудников показал собравшимся изданную на английском мою книгу «Социал-демократия и Юг Африки» в подтверждение того, что речь идет о серьезном исследователе.

Но материально все это время я не бедствовал, Николай Васильевич Курушкин, тогда уже генерал-майор в отставке, который в последние годы службы руководил «Северным учебным центром», предложил мне консультировать коммерческую структуру, где он работал. Это дало мне неожиданную возможность ознакомиться с нравами «лихих 90-х», например, президент данного «Торгового дома» был порублен топором, хотя и не до смерти, среди бела дня прямо в офисе, располагавшимся в центре Москвы на углу Цветного и Петровского бульваров.

Кроме звонка Эсопа Пахада, в этот трудный период были и другие приятные моменты. Так, посол Намибии Никки Нашанди, пригласил меня на свой первый дипломатический прием. И уж совсем неожиданным был звонок из МИДа с информацией о том, что прибывший в Москву с рабочим визитом министр иностранных дел Зимбабве Натан Шамуярира, кроме официальной программы, хотел бы увидеться с Шеварднадзе и Шубиным...

Но вернемся к роли нашей страны в событиях на Юге Африки. Совершенно не оправданным является утверждение о том, что если бы «советская система» сохранилась, то борьба против режима апартеида могла бы продолжаться еще десятилетия¹⁶¹. Как упоминалось выше, о возможности прекращения вооруженной борьбы в будущем Оливер Тамбо говорил мне еще в 1986 г., когда никакой реальной угрозы этой «системе» не существовало.

Пишут и еще категоричнее: «Самым большим вкладом Советского Союза в падение апартеида была не его военная помощь АНК, а изменение его отношения к этой организации, а затем и его собственный крах»¹⁶². С этим тоже никак нельзя согласиться. Напротив, случись эта

¹⁶¹ *Filatova I. and Davidson A. The Hidden Thread. Russia and South Africa in the Soviet Era. Johannesburg: Jonathan Ball, 2013. С.492*

¹⁶² <https://standpointmag.co.uk/issues/november-2013/features-november-13-comrade-mandelas-legacy-to-the-anc-irina-filatova-south-africa-communism/>

величайшая геополитическая катастрофа XX века, скажем, на десятилетие ранее, это сильно ослабило бы позиции АНК и намного отсрочило бы устранение расистского режима. Однако, когда после трагических августовских событий 1991 г. какое-либо содействие АНК со стороны СССР, в потом его «наследницы» – России прекратилось, эта организация и ее союзники уже имели сильные позиции в самой ЮАР, в Африке, да и в мире в целом. Прошли те времена, когда одна африканская страна закрывала военный лагерь «Умконто ве сизве», а другие отказывались его бойцов принять. Теперь в друзья АНК стали напрашиваться и те, кто еще недавно называл ее членом террористам, а в ряде стран, и не только в Африке, началось обучение активистов АНК как офицеров регулярной армии.

Что же касается «краха» Советского Союза, то деградация позиции по отношению к режиму Претории, в частности, установление консульских отношений между СССР и ЮАР в ноябре 1991 г., а затем дипломатических, уже России в феврале следующего года только укрепило его нежелание идти на уступки в начавшихся переговорах о политическом урегулировании, то есть об устранении апартеида мирными средствами на заключительном этапе борьбы против него¹⁶³.

Иначе, как прямой отказ от сотрудничества с АНК нельзя, например, расценить слова Ельцина на встрече 1 июня 1992 года с де Клерком, над резиденцией которого в Кремле по распоряжению президента РФ¹⁶⁴ тогда развевался флаг «старой» ЮАР, о том, что Мандела будет «принят в Москве не как президент АНК, а посетит российскую столицу как международный деятель, борец за права человека»¹⁶⁵. Можно только добавить, что, правда, много позднее, Ельцину пришлось принимать Манделу в Москве уже как президента Южно-Африканкой Республики.

Когда в феврале 1993 г. я наконец-то прилетел в Йоханнесбург, в аэропорту¹⁶⁶ меня встретил Ронни Касрилс. Как раз в тот день проходил пленум ЦК ЮАКП, и он сразу повез меня туда – его товарищи хотели знать, что происходит в нашей стране.

¹⁶³ О ходе и результатах переговоров, которые в различном формате продолжались почти четыре года, подробно рассказано в книге Шубина Г.В. «ЮАР: создание нерасового государства», М., Институт Африки РАН, 1998.

¹⁶⁴ Распоряжение Президента Российской Федерации от 26.05.1992 г. № 257-рп • Президент России (kremlin.ru)

¹⁶⁵ Российская газета. 2 июня 1992 г.

¹⁶⁶ Тогда он еще носил имя Яна Смэтса, но с 2006 г. стал аэропортом имени О.Р. Тамбо.

А через несколько дней, когда я прибыл в Кейптаун, там меня в аэропорту встречал Роб Дэвис, который вместе с профессором Питером Вейлом был содиректором Центра исследований Юга Африки Университета Западного Кейпа. Правда, он для начала удостоверился, я ли это, чему я не слишком удивился, потому что к тому времени сильно изменился, потеряв килограммов тридцать веса, да и постарев за несколько непростых лет.

В годы борьбы против апартеида я не раз шутил с южноафриканскими друзьями, что если они введут «сухой закон» («поколение Соуэто» активно боролось с пьянством родителей, даже громя пивные в африканских тауншипах, где, как они считали, их отцы проводили время вместо того, чтобы бороться), то пусть хоть одну бутылку оставят, чтобы мне согреться, поскольку я обязательно искупаюсь в Кейптауне, даже если доберусь туда зимой.

«Верим, исполнится твоя мечта и доведется тебе искупаться в Кейптауне в ознаменовании крушения апартеида», – писали мои товарищи по отделу в приветственном адресе по случаю моего 50-летия. Для меня это была не мечта, в скорее уверенность, но никакая бутылка мне не потребовалась, прилетел я в Кейптаун в феврале, тамошним летом, и когда через несколько дней добрался на электричке до Мюзенберга, пригорода Кейптауна на берегу залива Фолс-бей, температура воздуха была около 30 градусов. Так что купаться было комфортно и в постоянно, мягко говоря, прохладной там воде. Да и произошло это еще до смены власти, хотя старый режим уже трещал.

Затем последовали важнейшие события в жизни Южной Африки – переговоры о политическом урегулировании, а лучше сказать, о той самой «организованной передаче власти», убийство Криса Хани польским эмигрантом, первые в стране всеобщие выборы, на которых я был одним из международных наблюдателей, присутствие на первом заседании парламента 9 мая 1994 г. в Кейптауне, когда президентом был единогласно избран Нельсон Мандела, и на следующий день – на инаугурации Манделы в Претории, затем – моя жизнь в демократической Южной Африке.

Но все это – уже начало другой истории, дай бог, я смогу и о ней написать. А пока есть только название будущей книги – «Африканский национальный конгресс у власти».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Лозунг «From Cape to Cairo», появившийся на рубеже XX века, ассоциировавшийся чаще всего с Сесилем Родсом, выражал стремление к расширению и укреплению колониального господства Британии в Африке. Так, под этим лозунгом разрабатывались планы по созданию и телеграфной линии, и железной дороги, и шоссе через весь континент. Более того, на несколько десятилетий после Первой мировой войны Лондон получил контроль над всеми территориями по этому маршруту. Но планы эти столкнулись с волной независимости, которая шла напротив, с севера континента на его Юг.

Шли с севера на юг и мы, от Каира до Кейптауна, но не как колонизаторы, а как сторонники, а то и непосредственные участники борьбы за национальное освобождение. Были на этом пути и успехи, и неудачи, но глубоко символично, что последний ее акт, единогласное избрание парламентом Нельсона Манделы президентом демократической Южной Африки произошел в наш День победы – 9 мая 1994 года.

К великому сожалению, полное устранение колониально-расистских режимов в Африке, освобождение самого Юга континента совпало с трагическими событиями в нашей стране. Слишком многое было потеряно, продано, а то и предано в период, когда договорились до отсутствия у России национальных интересов. Исправление содеянного хотя со временем началось, но шло оно, да и продолжает идти слишком медленно.

Широко распространился лозунг о возвращении России в Африку, лозунг оптимистический, но ошибочный, потому что наша страна из Африки не уходила, хотя присутствие ее там действительно ослабло, особенно в экономике, да и в гуманитарных областях. Так что речь должна идти о расширении нашего присутствия, об активизации наших действий.

Для этого есть хорошая основа: как историческая память о совместной борьбе, так и общая заинтересованность в развитии взаимовыгодного сотрудничества, что было убедительно показано присутствием африканских лидеров на первом Саммите «Россия-Африка» в Сочи.

Просто надо работать.

Каир–Кейптаун–Москва

SUMMARY

This book is written by a person whom it took 33 years to get from Cairo to Cape Town. However, it is not a memoir; rather, it is an attempt to tell how Africa has changed over several decades, what role the USSR/Russia played in this process, particularly in the struggle for national liberation.

However, since the book inevitably acquires a somewhat personal character, it should reflect other episodes from the author's life in those years, so it might even be justified to add the words “with a detour to Kabul (and more)” to the title.

Trying to avoid repetitions of his previous books and given that many documents related to this topic are still unavailable in archives or even lost forever during the tragic events in the USSR/Russia in the early 1990s, the author relied on his personal observations and on conversations with other witnesses and especially participants of the events described.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббуд И. 15, 69
Абдель Раззак Н. 115, 195
Абдуразаков Б.А. 102, 109, 184
Адамишин А.Л. 144, 218,
Азиз Т. (Юханна М.) 116
Айиб А. 172, 173
Айюб-хан М. 53, 120
Али С.Р. 117
Аль-Амри Х. 73
аль-Бадр М. 24
Амер А. 63
Амин Х. 183, 184,
Амин А. 184
Ангула Х. 136
Андом А. 163
Андропов Ю.В. 162, 193, 195, 202,
211, 212, 215
Арафат Я. 118, 119
Арьяни А.Р. 73
Асмал К. 87
Асмал Л. 87
Асоян Б.Р. 241, 242, 252, 253
ас-Салаяль А. 24, 25
ас-Сибай Ю. 114, 115
Афанасьев М.И. 30, 70
Ахмед, имам 24
Ахрамович Е.Т. 184
Ахтисаари М. 227, 228
Ачампонг И. 134
- Бабаджаниян А.Х.** 50
Базанов Н.И. 89, 122
Банди К. 136
Барановский А. 48, 61
Барнард Н. 255–257
Барре С. 58, 162, 165, 166, 169
Баумов В.Н. 25
Безукладников В.Н. 140
Беляев И.П. 115, 116
Бен Белла А. 37, 56
Берджес Г. 238
Бернштейн Х. 236
Бисвас Ч. 184
- Блищенко И.П. 109, 139
Бобров Ф.Ф. 11, 12
Борисов А. 63
Бота П. 208, 244
Бота Р. («Пик») 142
Брандт В. 127
Бирман Х. 137
Брежнев Л.И. 45–47, 51, 78, 118, 119,
134, 165, 166, 184, 185, 192, 211,
238
Брутенц К.Н. 118, 120, 225–227,
Булганин Н.А. 50
Бумедьен Х. 56
Бурбулис Г.Э. 260
Буренко А.Н. 156
Бутовалкин А.Г.
Бхебе Н. 159
Бхутто З. 120
- Ван дер Мерве Х.** 137
Ван Дунем А. 98, 205
Ван Дунем П. 138, 141
Ван Никерк В. 208
Васев В.М. 144, 224, 240
Вейл П. 263
Велозу Ж.С. 222
Вестад О.А. 169, 170
Виейра О. 124
Виейра С. 105, 196, 198
Воронин А.Л. 46, 47
Вошинин Н.М. 109
Вэнс С. 165
- Гаевая Э.Т. 148
Гайворонский В.А. 239, 255
Гай-Ганович 77
Галушко 35
Ганди И. 121, 211
Гебуза А. 149, 150
Геншер Г.-Д. 220
Гервел Дж. 261
Гиффорд А. 135
Глухов А.П. 151, 152

- Говон Я. 135
 Голицын П.А. 169
 Гололобов А.М. 57
 Гонсалвиш В. 145
 Горбачев М.С. 170, 171, 198, 215, 216,
 219–223, 225, 235, 237, 239, 241–
 243, 246–249, 251, 252–256, 258–
 260.
 Горский 27
 Горшков С.Г. 51, 68
 Горячев Ю.А. 109
 Грела К. 168
 Гречко А.А. 50, 51, 55
 Громов В.В. 204
 Громыко А.А. 131, 215, 223, 238
 Громыко Ан.А. 238
 Гудлак В. 133
 Гумеде А. 202
 Гумеде Дж. 202
 Гурираб Т.-Б. 208, 233
- Дабенгва Д. 212, 215
 Давидоу Дж. 217
 Давидсон А.Б. 125, 254, 261
 Дагаев Н.П. 21, 64, 69, 80, 155
 Даду Ю. 91, 92, 211, 212
 Дауд М. 182
 Де Клерк Ф. 215, 245, 256, 263
 Демирчян К.С. 214
 Денисов Е.К. 166, 178, 226
 Джебраилов Э. 133, 134
 Джеле Дж. 110, 130, 181
 Джирира А. 153
 Джордан П. 252
 Дзасохов А.С. 80, 85, 119, 132, 144,
 167, 182, 269
 Ди Мелито П. 140
 Длакама А. 197
 Добрынин А.Ф. 143, 144, 216, 218,
 233, 238, 240, 247
 Дос Сантос М. 101, 198
 Дубе Ч. 159
 Дубенко А.И. 33
 Душ Сантуш Ж.Э. 202–204, 232, 239
 Дьясоп Л. 209
 Давидсон А.Б. 125, 254, 255, 261
 Дэвидсон Б. 135
- Дэвис Р. 201, 253, 263
 Дюрр К. 239
- Евсюков П.Н. 103, 108, 109, 123, 135,
 138, 141, 148, 150, 152, 196
 Евтушенко Е.А. 72
 Ельцин Б.Н. 215, 216, 256, 259, 260,
 263
 Ефанов В.В. 28
- Жаринов А.Г. 77
 Жихарев В.А. 85
 Жуков Г.К. 12
- Завгородний Д.Л. 239
 Загладин В.В. 267
 Зайка М.П. 43
 Зайков Л.Н. 215
 Захаров А.М. 120
 Захаров М.В. 51, 55, 66, 83
 Зверев В. 156
 Зейналов М.М. 119, 120
 Зума Дж. 162, 200, 222
- Ибрагимов М.А. 180
 Иванов А.Н. 25, 28, 30
 Ивашко В.И. 260
 Игнатъев О.К. 99, 110, 128, 139
 Имашев С.Н. 117
 Индонго Ф. 136
 Исмаил А.Ф. 117
 Итана Дж. 83
- Кабрал А. 59, 107, 108, 113, 122–125,
 127
 Кабрал В. 124
 Кабрал Л. 125
 Каддафи М. 115
 Казимиров В.Н. 239, 240
 Каландаров С.И. 109
 Калистратов Ю. 175
 Каллаган Дж.
 Калтыгин Н.Г. 28, 77
 Калуэнья Х. 207
 Калябин А. 42, 43
 Каманга Р. 338
 Кани И. 124

- Канкаса Т. 93
 Капелва Р. 206
 Капский Э.В. 142, 192, 207
 Капуцинский Р. 168
 Карл I 210
 Кармаль Б. 183
 Карпович К.Б. 5, 18, 251
 Каррейра Э. («Ико») 141
 Картер Дж. 164, 165, 175, 198
 Касрилс Р. 211, 237, 245, 246, 250, 263
 Кастро Ф. 140, 164–166, 169, 171, 215
 Катжавиви П. 88, 138
 Каунда К. 95, 98, 152
 Кахангуа Дж. 136
 Кереку М. 195
 Киннок Г. 175
 Киннок Н. 175
 Кириленко А.П. 166
 Клиф Л. 129
 Козаков Г. 42, 42
 Кокин С.К. 146
 Коноваленко М.И. 220
 Коновалов В.Н. 201
 Кононов Л.Д. 157
 Корендясов Е.К. 226
 Корниенко Г.М. 247
 Коровиков В.А. 168
 Косыгин А.Н. 46, 47, 51, 53, 92, 216
 Кочинян А.Е. 86
 Коэн Г. 242
 Крючков В.А. 257, 259
 Кувалдин А. 175
 Кудрявцев В.Л. 92, 115
 Кузоваткин С.А. 34
 Куликов В.Г. 45, 47, 50
 Куньял А. 106
 Купер Т. 171
 Курочкин К.Я. 202–205, 207
 Курушкин Н.В. 206, 261
 Кутзее Дж. 130
 Кюн М. 265, 267
- Лебалло П. 100
 Лебедев В.В. 251
 Лебедев В.Ф. 156, 157
 Легессе А. 167, 168
 Ленин В.И. 195
- Лигачев Е.К. 217, 238
 Линь Бяо 140
 Ллорт Ф.Г. 6
 Лукьянов А.Н. 241, 242
 Лумумба П. 17–19, 84, 104, 114, 140, 159
 Луцатто Л. 106, 108
- Мабида М. 198, 201, 211, 218, 221, 234
 Маботе С. 146
 Магомбе Дж. 100, 148
 Мазов С.В. 16, 18, 20, 56
 Макана С. 243
 Макаров А.А. 114, 241, 246, 249–251
 МакГивен А. 130
 Макиване Т. 110
 Маконнен Дж. 167
 Максудов Л.М. 102
 Максюта А. 206, 207
 Макхеле В. 200
 Малима Ф. 224
 Малиновский Р.Я. 50
 Манчха (Петров) 126, 191, 151
 Маньика Р. 112
 Маркарян Р.В. 185
 Маркс Дж. 92
 Маркс К. 195
 Масилела Дж. (О'Гара Ч.) 212
 Масондо Э. (Дилинга Э.) 233, 236
 Масуку Л. 212
 Масуку М.Т. (Макбери Х.) 104
 Матабане Д. (Мартц Д.) 104, 105
 Мативаза Б. 156
 Матсинья М. 88
 Махарадж С. («Мак») 237, 244, 245, 250
 Машел Г. 222
 Машел С. 87, 100, 101, 145, 147, 197, 198, 291, 221, 222, 248
 Мбеки Г. 103
 Мбеки З. 129
 Мбеки Т. (Джабулани Дж.) 90, 103, 129, 211, 219, 237, 242, 245, 259, 261
 Мбита Х. 148
 Менгисту Х.М. 161, 163–165, 167, 168, 172, 173

- Менелик II 174
 Микоян А.И. 17
 Мифима С. 99
 Мия М. 95
 Мобуту С.С. 19, 138, 142, 215
 Модисе Дж. 216, 221, 242, 250
 Мойо Дж. 88, 111, 112, 124, 153
 Момпати Р. 194, 236
 Монгало А. 232
 Мондлане К. 101
 Мондлане Э. 94, 100, 101, 124, 201, 253
 Мунтейру Р.Л.Р. («Нгонго») 142
 Мохи эд-Дин. З. 64,66
 Муджуру С. (Нгонго Р.) 112
 Мугабе Р. 155, 160, 212, 214, 215, 247, 238
 Музенда С. 215
 Музорева А. 153
 Муйонго М. 99
 Муркрафт П. 197
 Мусатов Л.Н. 125
 Мутаса Д. 213
 Мухаммад Х. 50
 Мухаммед А. 116
 Мухаммед А.Н. 117
 Мухаммед М. 142
 Мучачи К. 153
 Мфеньяна С. 121
 Мюлдер Х. 137
- Нагиб М. 9**
 Наикер М.П. 105
 Наикер П. 105, 236
 Накумбула Г. 95
 Нанголо Ф. («Кастро») 136
 Наньемба П. 88, 89
 Насер А. 178
 Насер Г.А. 9–11, 14, 15, 17, 23, 24, 26, 32, 33, 61–66, 68, 73, 114–116
 Наср С. 26
 Нашанди Н. 262
 Ндлову К. 202
 Ндлову Э. 111, 113, 214
 Негм эд-Дин М. 15
 Неленгани Л. 136
- Нето А. 98, 197, 198, 138, 141, 142, 144
 Нзо А. 91, 200, 216, 244, 250, 254
 Никаноров А.В. 99
 Николаенко В.Д. 252
 Нимейри Дж. 269
 Нкавандаме Л. 101
 Нкадименг Дж. 102
 Нкала Э. 213
 Нкоби Т. 95, 235
 Нкомо Дж. 87, 112, 153–156, 158, 160, 213–215
 Нуйкин В.А. 12
 Нуйома С. 88, 89, 194, 136, 152, 204–208, 223–232
 Нхланхла Дж. 85, 181
 Ньерере Дж. 96, 192, 193, 358
 Ньягумбо М. 213, 247
 Ньянда С. 237, 250
 Ньяндоро Дж. 111–113
- Оджукву Ч.О. 60**
 Опдаль О. 127
 Оппенгеймер Г. 96, 191
 Отегбей Т. 133
- Павел VI 109**
 Павлов В.С. 29
 Павлов П.Д. 229
 Павлов С.П. 59
 Павловский И.Г. 53, 54, 185
 Палладин В.А. 34
 Пальме У. 127, 140, 193
 Пангуене А. 99, 117, 149
 Пахад А. 181, 233
 Пахад Э. 246, 248, 261, 262
 Пашазаде А. 185
 Пегов Н.М. 52
 Пенин В. 156
 Пеньковский О.В. 35
 Перейра А. 124
 Пересыпкин О.Г. 25
 Петров В.И. 169
 Пилисо М. 88, 102, 103, 107, 237
 Пиллаи А. 244
 Пименов Г.С. 209
 Питсо Г.Л. (Маккей Б.) 104

- Плахин И.Ф. 84
 Подгорный Н.В. 196
 Пожарский А.С. 14, 40
 Покидько В.М. 164
 Пономарев Б.Н. 103, 118, 197, 205,
 216, 234
 Похамба Х. 209
 Примаков Е.М. 116, 185
 Пузанов А.М. 183, 185
- Рамапоса С.** 144, 250
 Расулбеков Г.Дж. 22
 Ратанов А.П. 163, 166
 Рахиджанов У. 185
 Рахман М. 120
 Рахматов М.Р. 78
 Ребелу Ж. 99
 Редди Э. 127, 129, 137
 Рейган Р. 197
 Рифаат В. 37
 Роберто Х. 137
 Родригеш М. («Киту»)
 Родс С. 265
 Романов А.И. 60
 Румянцев В.А. 118
 Руссо Ж.-Ж. 239
- Савимби Ж. 97, 98, 137, 239,
 Савицкий 13
 Садат А. 9, 11, 37, 66, 68, 70, 114, 134,
 137
 Саймонс (Александр) Р. 67
 Самантар М.А. 165
 Сами С. 100, 121
 Самойлов Э.А. 136
 Сахнун М. 108
 Секерамайи С. 212
 Септембер Р. 91
 Силин Е.К. 21, 80
 Силундика Т.Дж. 97, 194, 111, 112,
 152, 153, 155
 Симанго Д. 101
 Симанго У. 100–102, 147
 Сингх С. 51, 56
 Синицын С.Я. 162, 164–166, 168, 170,
 171, 177, 214, 255
- Синцов 66
 Сисулу У. 228, 235, 249
 Скакун Г.П. 157
 Скиба И.И. 214
 Скориков Г.П. 155, 163
 Скрипка И.И. 184
 Слово Дж. 91, 195, 201, 212, 219, 232–
 235, 241–245, 250, 258, 260
 Смирнов А.П. 148, 150
 Смит Я. 111, 147, 153, 160, 208
 Соареш М. 137, 145, 222
 Солод Д.С. 16, 17
 Солодовников В.Г. 109, 122, 126, 139,
 157, 158, 180
 Соломенцев М.С. 238
 Сорочан Н.Г. 18
 Сафрончук В.С. 183, 184, 228
 Спинола А. 135, 137, 147
 Старостин 62
 Старушенко Г.Б. 217
 Сулейман Р. 50
 Сундетбаев С.С. 76
- Табеев Ф.А. 186
 Тамбо О. (91, 92, 95–97, 179, 190, 192,
 201, 218–220, 221, 241–245, 248–
 250, 262, 263
 Тараки М. 182, 183, 185
 Тегмо П. 130
 Тер-Газарянц Г.А. 213, 214
 Терри М. 130, 179, 180, 190
 Тефери Б. 164
 Тимохин В.А. 15
 Тимченко 37
 Тойво-йа-Тойво А. 87, 209, 229
 Токарев А.А. 33
 Толстиков В.Г. 249
 Тонья П.М. («Педале») 203
 Туре С. 16, 17, 44, 47, 59, 124
 Турсун-заде М. 180
 Тшабалала М. (Дико К.) 232
 Тшабалала-Мсиманг М. 232
 Тэтчер М. 228, 244
- Уваров И.И. 139
 Уильямсон Г. 130–132, 140

Ульяновский Р.А. 86, 88, 102, 103,
106–108, 111, 123, 138, 151, 191,
194, 212, 217
Умберту Ф. 150
Урнов А.Ю. 111, 147, 191, 192, 202,
205, 209, 212, 217, 219, 226, 227,
240, 243, 244

Фазылов М.С. 147
Файек М. 11
Фалин В.М. 249, 260
Фарук I 9
Фатогун Д. 133
Федоренко Ф.И. 84, 146
Федоров Е.К. 184
Фейсал 73
Феррис Дж. 25–27
Ферст Р. 124, 131
Филатова И.И. 254, 255
Филиппенко Д.Н. 126
Фильюн К. 205
Форстер Б. 147, 152, 208
Форчун И. 136
Фриас Л.С. («Поло») 202

Хайле Селассие 162, 174, 177
Хани К. 200, 219, 221, 249, 264
Хани Л. 200
Ханько Т. 205
Харламов Ю.Ф. 106
Хармел М. 92
Хейкал М. 37
Холомиса Б. 250
Хонвана Л.Б. 149
Хоннекер Э. 196
Хрущев Н.С. 9, 17, 41, 50, 103
Хуан Хуа 165
Хусейн С. 115, 116
Хьюз Р. 176, 178–180, 190, 233, 250

Чаплыгин П.В. 169
Чернов 15
Черняев А.С. 197, 198, 223, 248

Чжоу Энълай 145
Чикерема Дж. 97, 98, 111–113
Чипенда Д. 98, 137, 138, 141,
Чирианге Э. 136
Чиссано Ж. 59, 101, 113, 114, 137, 144,
147, 149, 150, 222
Читепо Г. 113
Чомбе М. 56, 85
Чона Майнза 94
Чона Марк 152
Чураев Е. 175

Шамуярира Н. 112, 113, 212, 215, 247,
262
Шангасе В. 105
Шангасе Н. 105
Шанигматов Р.К. 93
Шапи А. 94, 95
Шапошников В.С. 270
Шараев В.И. 161, 176
Шатковский С.Б. 75
Шеварднадзе Э.А.
Шевченко 218, 225, 235, 239–241, 247,
252, 262
Шепилов Д.Т. 10, 11
Шипанга А. 89
Ширяев В.Ф. 176
Шоон Ж. 131
Шоон К. 131
Шоон М. 131
Шубин Г.Н. 83
Шульц Дж. 197

Эриксон Л.-Г. 127, 129, 130, 132, 139,
140

Юкалов Ю.А. 240, 247

Язов Д.Т. 177, 259
Яковлев А.Н. 235, 236, 239, 241
Яковлев В.А. 76
Янаев Г.И. 106, 142
Яхья-хан А.М. 53–55, 120, 121

В.Г. Шубин

**ОТ КАИРА ДО КЕЙПТАУНА.
АФРИКА ГЛАЗАМИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА**

*Утверждено к печати
Институтом Африки РАН*

Зав. РИО ИАфр РАН
Н.А. Ксенофонтова

Дизайн и компьютерная верстка
Г.М. Абишевой

Подписано к печати 11.02.2022. Объем 18 п.л.

Тираж 500 экз. Заказ № 203

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Cherry Pie»
www.cherryrie.ru

Тел./факс: +7 (495) 994-49-94
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., д. 12.